

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ**

[233]

СЕРИЯ II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(161)

Редакционный совет:

академик РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов (сопредседатель);
акад. РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятов;
д.и.н., проф. О.Е. Казьмина; д.и.н. А.Р. Канторович;
д.и.н., гл.н.с. Л.В. Кошман; Н.В. Литвина; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. С.В. Мироненко, к.э.н. С.В. Орлов;
академик РАН, д.и.н., проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; д.филол.н., проф. О.В. Раевская;
к.и.н., доц. Ю.Н. Роголев; д.и.н. С.Ю. Сапрыкин,
член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В.В. Седов;
д.э.н., проф. В.В. Симонов; к.и.н., доц. О.В. Солопова;
к.и.н., доц. А.А. Талызина

Москва

2023

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Кафедра истории южных и западных славян**

ИСТОРИКИ-СЛАВИСТЫ МГУ

Книга 15

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ЮЖНЫХ
И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

(к 100-летию профессора В.Г. Карасева)

Москва

2023

УДК 811.16+821.16.09+008(=16)+94(=16)(082)

ББК 81.41я43+83.3(0=41)я43+63.3(0=41)я43

И90

*Печатается по решению Ученого совета
Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 22.03.2023 г. (протокол №2)*

Ответственные редакторы:
д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев,
к.и.н., доц. О.А. Дубовик,
к.и.н., доц. Л.В. Кузьмичева

Рецензенты:
Я.В. Вишняков, доктор исторических наук,
профессор Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Н.С. Гусев, кандидат исторических наук, ученый секретарь
Института славяноведения РАН

И90 Историки-слависты МГУ: Кн. 15: Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В.Г. Карасева). Научный сборник / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, О.А. Дубовик, Л.В. Кузьмичева. — М.: Издатель Степаненко, 2023. — 412 с. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 233, серия II: Исторические исследования, 161). ISBN 978-5-901882-85-6

Книга подготовлена по итогам работы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Виктора Георгиевича Карасева (1922–1991), состоявшейся 25 февраля 2022 г. на базе исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и Института славяноведения РАН.

Авторы, представляющие различные научные и учебные центры России и Сербии, исследовали важнейшие аспекты истории и историографии южных и западных славян в новое и новейшее время, сложные и проблемные вопросы их взаимоотношений с соседними государствами. В книгу также включен раздел воспоминаний и аналитических статей о В.Г. Карасеве, его коллегам и их вкладе в дело становления отечественного славяноведения в 1950–1980-х гг. Для специалистов в области истории южных и западных славян в новое и новейшее время, истории международных отношений, истории славяноведения и всех интересующихся историей славян.

© Исторический факультет МГУ, 2023

© Кафедра истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ, 2023

© Авторы статей, 2023

© А.Ю. Степаненко, 2023

ISBN 978-5-901882-85-6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
-------------------	----

I. Славистика в жизни и творчестве профессора В.Г. Карасева и его отечественных и зарубежных коллег

МАТВЕЕВ Г.Ф., КУЗЬМИЧЕВА Л.В. Виктор Георгиевич Карасев (1922–1991)	13
ПЕРОВИЧ Латинка. Мои личные и профессиональные воспоминания о Викторе Георгиевиче Карасеве	24
КАРАСЕВА Е.А. Карасёвское «Подворье» в Москве	27
ГОРИНА Л.В. Слова благодарности	34
ВОЛОСТНОВА Н.В. Какой я помню родную кафедру славян	35
КОСИК В.И. Из глубин памяти. Карасев Виктор Георгиевич	36
АНШАКОВ Ю.П. Московские страницы моей «черногорской истории». Воспоминания о Викторе Георгиевиче Карасеве	38
КУЗЬМИЧЕВА Л.В. Исследователи русско-сербских связей Виктор Георгиевич Карасев и Витомир Вулетич: 30 лет сотрудничества и дружбы	42
ПУТЯТИН В.С. Иван Драгович Очак: судьба на фоне эпохи	49
НОСКОВА А.Ф. Выпускница кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.С. Парсаданова	62
НЕНАШЕВА З.С. Университетская славистика начала 60-х годов XX века (взлет или перепутье?)	74
ПОЛЫВЯННЫЙ Д.И. Учителя и ученики. Научные поколения кафедры истории южных и западных славян МГУ в 1970-е гг.	96
МАРНЕЙ Л.П. Неизвестные страницы истории славяноведения в России: планы реорганизации Института славяноведения АН СССР во второй половине 1960-х гг.	106

II. Славянское многоголосье нового времени

БЕЛОВА Н.Р. Образ ада в сочинениях чешских иезуитов побелогорской эпохи	115
МЕЛЬЧАКОВА К.В. «Народное образование – святое дело». Как герцеговинец Пичета оказался в России	123
РАИЧ Сузана. Сербо-русские отношения накануне майского переворота и после него (1902–1903 гг.)	139
ПАХОМОВА Л.Ю. Источники информации в корреспонденции Г.С. Веселитского- Божидаровича в газетах «Новое время» и «Московские ведомости»	163
ХЛЕБНИКОВА В.Б. Русские предприниматели и Черногорское княжество-королевство в начале XX в.: попытки наладить торговое и промышленное сотрудничество	185

КИРИЛИНА Л.А. Словенские либералы в первой половине 1880-х гг. Эластики и радикалы	199
СОРОЖКИНА Ю.О. Модернизационные процессы на Балканах на примере сербской столицы (1878–1914 гг.)	209
ИВАНОВА И.Е. Времена Омер-паши в историческом романе И. Андрича «Омер-паша Латас»	217
МИХАЙЛОВА А.А. Славянское наследие Всероссийской этнографической выставки 1867 г.: исторический контекст и современность (на примере памятников этнографии Черногории)	225
БЕЛОВ М.В. Черновая запись И.И. Срезневского о поездке в Черногорию (1841 г.) в фонде РГАЛИ	241
БОГОМОЛОВА Д.К. Сербско-черногорские отношения накануне Балканских войн 1912–1913 гг.	250
ТИМОФЕЕВ А.Ю. Военная пропаганда и эпидемии тифа в Сербии в 1915 г.	265
ВОЛОКИТИНА Т.В. Русский дипломат Л.В. Урусов об участии Болгарии в Первой мировой войне. Дневники 1914–1917 гг.	279

III. Славянские народы и их соседи на крутых поворотах новейшей истории

МОШЕЧКОВ П.В. Образование автономной Чешско-Словацкой армии во Франции (1916–1918 гг.)	297
ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н. Советско-польская война 1920 г.: неудавшаяся попытка разрушения Версальской системы	304
КОСТЯШОВ Ю.В. Реполонизация Вармии и Мазурии (Польша) после Второй мировой войны	317
ПУТЯТИНА И.С. Эволюция болгарского социал-демократического движения и Второй Интернационал в работе М. Тодоровой «Затерянный мир социалистов на окраинах Европы: воображая утопию 1870–1920-е гг.»	326
НОВОСЕЛЬЦЕВ Б.С. Югославия как лиминальное политическое пространство в международных отношениях в период холодной войны	339
АНИКЕЕВ А.С. Германская проблема и советская политика в «третьем мире». Белградская конференция неприсоединившихся стран 1961 г.	348
КОЛОСКОВ Е.А. «Рассадники ирредентизма»: албанские институты исторической политики в послевоенной Македонии и Косово (1944–1991 гг.)	362
ПИЛЬКО Н.С. Расстановка политических сил в Социалистической Республике Словения накануне провозглашения независимости	372
СМИРНОВА П. Е. Агентство ТИКА как проводник политики неоосманства в Западных Балканах	383

Приложение

Отчет о конференции «Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева»	395
Сведения об авторах	403

CONTENTS

Introduction	11
I. Slavistics in the Life and Work of Professor V.G. Karasev and His Domestic and Foreign Colleagues	
GENNADIY MATVEEV, LYUDMILA KUZMICHEVA. Viktor Georgievich Karasev (1922–1991) ...	13
LATINKA PEROVIĆ. My Personal and Professional Memories of Viktor Georgievich Karasev	24
ELENA KARASEVA. Karasev's «Compound» in Moscow	27
LYUDMILA GORINA. Words of Gratitude	34
NATALIA VOLOSTNOVA. How do I Remember My Native Department of the History of the Slavs	35
VIKTOR KOSIK. From the Depths of Memory. Karasev Viktor Georgievich	36
YURII ANSHAKOV. Moscow Pages of my «Montenegrin History». Memories of Viktor Georgievich Karasev	38
LYUDMILA KUZMICHEVA. Researchers of Russian-Serbian Relations Viktor Georgievich Karasev and Vitomir Vuletic: 30 Years of Cooperation and Friendship	42
VLADIMIR PUTYATIN. Ivan Dragovich Ochak: Fate Against the Backdrop of the Era	49
ALBINA NOSKOVA. V.S. Parsadanova – A Graduate of the Department of Southern and Western Slavic History (1928–2020)	62
ZOYA NENASHEVA. University Slavic Studies in the Early Sixties of the Twentieth Century (Rise or Crossroads?)	74
DMITRY POLYVYANYIY. Teachers and Disciples: Scholarly Generations at the Chair of the History of Southern and Western Slavs (Moscow State University) in the 1970-ies	96
LYUDMILA MARNEY. Unknown Pages of the History of Slavic Studies in Russia: Plans for Reorganization of the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR in the Second Half of the 1960-s	106
II. Slavic Polyphony of the New Age	
NATALIA BELOVA. The Image of Hell in the Writings of the Czech Jesuits of the Post-white Mountain Period	115
KSENIA MELCHAKOVA. «Popular Education Is a Sacred Thing». How the Hercegovinian Picheta Relocated to Russia	123
SUZANA RAJIĆ. Serbo-Russian Relations on the Eve of the May Coup and After It (1902–1903)	139

LIDIA PAKHOMOVA. The Sources of Information in Articles Written by Gavriil Wesselitsky-Bozhidarovich for the Newspapers «Novoye Vremya» and «Moskovskie Vedomosti»	163
VARVARA KHLBNIKOVA. Russian Entrepreneurs and the Montenegrin Principality-Kingdom at the Beginning of the 20th Century: Attempts to Establish Trade and Industrial Cooperation	185
LIUBOV KIRILINA. Slovenian Liberals in the First Half of the 1880s. Elastics and Radicals	199
YULIA SOROZHKINA. Modernization Processes in the Balkans on the Example of the Serbian Capital in 1878–1914.	209
IRINA IVANOVA. The Times of Omer Pasha in Historical Novel «Omer Pasha Latas» by I. Andric	217
ALENA MIKHAYLOVA. Slavic Heritage of the All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867: Historical Context and Modernity (On the Example of Montenegrin Ethnographic Artifacts)	225
MIKHAIL BELOV. Draft Entry of I.I. Sreznevsky About a Travel to Montenegro (1841) In the RSALA Fund	241
DARIA BOGOMOLOVA. Serbian-Montenegrin Relations on the Eve of the Balkan Wars 1912–1913	250
ALEKSEY TIMOFEEV. Military Propaganda and the Typhus Epidemic in Serbia in 1915.	265
TATIANA VOLOKITINA. Russian Diplomat L.V. Urusov on Bulgaria's Participation in World War I (Diaries 1914–1917)	279

III. Slavic Peoples and Their Neighbours at the Steep Turns of Recent History

PETR MOSHECHKOV. The Formation of the Autonomous Czecho-Slovak Army in France ...	297
ELENA EMELYANOVA. Soviet-Polish war of 1919–1920: Geopolitical Aspect	304
YURI KOSTYASHOV. Repolonization of Warmia and Masuria (Poland) after World War II	317
IRINA PUTYATINA. The Evolution of the Bulgarian Social Democratic Movement and the Second International in the Work of M. Todorova «The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870–1920»	326
BORIS NOVOSELTSEV. Yugoslavia as a Liminal Political Space in International Relations During the Cold War	339
ANATOLY ANIKEEV. The German Problem and Soviet Policy in the «Third World». Belgrade Conference of Non-Aligned Countries 1961.	348
EVGENII KOLOSKOV. «Hotbeds of Irredentism»: Albanian Institutions of Historical Policy in Post-WWII Kosovo (1944–1991)	362
NADEZHDA PILKO. The Alignment of Political Forces in the Socialist Republic of Slovenia on the Eve of the Declaration of Independence	372

POLINA SMIRNOVA. Turkish Cooperation and Coordination Agency as a Part of Turkey's Neo-Ottomanism Policy in the Western Balkans	383
--	-----

Annex

Report on the conference «Key Problems of the History of the South and West Slavs in Modern and Contemporary Times. To the 100th anniversary of the birth of Professor V.G. Karasev»	395
The authors	407

ПРЕДИСЛОВИЕ

В научный сборник вошли материалы состоявшейся 25 февраля 2022 г. Международной научной конференции «Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева», организованной историческим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Институтом славяноведения РАН. Это уже четвертая по счету конференция, посвященная памяти Виктора Георгиевича Карасева (1922–1991) — известного ученого-слависта, много лет возглавлявшего кафедру истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. Три предыдущие конференции состоялись в 1992, 1997, 2002 годах. По итогам конференции 2002 г. был опубликован сборник материалов¹, содержащий статьи о научном и педагогическом пути ученого и воспоминания его учеников и коллег.

В сборнике представлены статьи преподавателей и аспирантов исторического факультета МГУ, ученых Института славяноведения РАН, сотрудников университетов, научно-исследовательских институтов и музеев из Иваново, Калининграда, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Самары, а также Республики Сербия. Тематика публикуемых исследований весьма разнообразна и затрагивает различные аспекты истории практически всех южно- и западнославянских народов, а также их взаимоотношений с соседями.

Сборник состоит из трех разделов.

В раздел «Славистика в жизни и творчестве профессора В.Г. Карасева и его отечественных и зарубежных коллег» вошли воспоминания о жизни и научном творчестве ученого и его современников, материалы по истории отечественного славяноведения, в том числе посвященные формированию вузовских программ по истории южных и западных славян в нашей стране. Высокую оценку вкладу В.Г. Карасева в дело изучения и развития русско-сербских связей и отношений дала известная сербская исследовательница Латинка Перович (1933–2022).

Во втором разделе — «Славянское многоголосье нового времени» представлены материалы по истории южных и западных славян XVII — начала XX в. Преимущественно балканский ракурс этого раздела органично продолжает югославянское направление в творчестве профес-

¹ Югославянская история в новое и новейшее время: Материалы науч. чтений, посвященные 80-летию со дня рождения проф. В.Г. Карасева (1922–1991) / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев и Л.В. Кузьмичева. М. : Издательство Московского городского объединения архивов, 2002.

сора Карасева. Среди авторов этого раздела как его непосредственные ученики (Л.А. Кирилина, Л.В. Кузьмичева, В.Б. Хлебникова), так и ученики его учеников (Д.К. Богомолова, К.В. Мельчакова, Л.Ю. Пахомова, Ю.О. Сорожкина, А.Ю. Тимофеев).

Третий раздел «Славянские народы и их соседи на крутых поворотах новейшей истории» составили статьи специалистов, изучающих историю XX — начала XXI в. Работы этого раздела преимущественно посвящены славянским народам и странам в системе международных отношений, специфике формирования их внешнеполитических курсов, сложным и проблемным вопросам их взаимоотношений с соседними государствами.

Представленный в приложении к сборнику отчет о конференции позволяет ознакомиться с ее ходом и основными направлениями работы секций.

Вошедшие в сборник исследования ученых разных поколений свидетельствуют, что современная славистика активно развивается, сохраняя лучшие традиции, заложенные предшественниками, в том числе и профессором В.Г. Карасевым.

I. СЛАВИСТИКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА В.Г. КАРАСЕВА И ЕГО ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

*Матвеев Геннадий Филитович
Кузьмичева Людмила Васильевна*

ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ КАРАСЕВ (1922–1991)

Историк Виктор Георгиевич Карасев всю свою жизнь прожил в одной исторической формации — в социалистическом советском государстве — СССР. Он родился в год создания Союза Советских Социалистических Республик и умер в год его распада. Эти семьдесят лет истории нашего государства — целая эпоха в истории человечества, которая является и будет являться объектом пристального внимания ученых — историков, политологов, социологов, экономистов. Источниками для изучения этой эпохи являются и плоды науки этого времени. Ничто, может быть, так ярко не характеризует эпоху, как ее мыслящая, интеллектуальная элита, ее генезис, роль и значение в обществе. В.Г. Карасев принадлежал к поколению новой отечественной интеллигенции — советской. Его жизнь и деятельность являются во многом типичным примером условий реализации личности в эпоху социализма. Профессор В.Г. Карасев — был верным сыном своего Отечества и своего времени. Его научные интересы, педагогическая карьера, общественная работа во многом определялись диктатом времени.

В.Г. Карасев родился 3 февраля 1922 г. в крестьянской семье в селе Ильино Дубнинского района Калужской области. Там же он провел и первые двенадцать лет своей жизни. Виктор Георгиевич очень гордился своей семьей и своими крестьянскими корнями, причем всю свою жизнь, а не тогда лишь, когда «классовое происхождение» могло ему помочь. Так, и в последние годы своей жизни, когда рабоче-крестьянское происхождение вышло из моды, и у многих внезапно обнаружилось ранее неизвестные знатные предки-дворяне, В.Г. Карасев любовно восстанавливал свою родословную, искренне огорчался, что сумел выявить своих предков-пахарей лишь до прадеда. Отец его Георгий Петрович Карасев умер от тифа в 1927 г., оставив вдову с четырьмя детьми. Матушку свою Виктор Георгиевич бесконечно уважал и любил, называл

ее редкостной женщиной, восхищался ее трудолюбием, оптимизмом и энтузиазмом. Особое место в воспитании и нравственном становлении маленького Вити Карасева занимал дед по отцу Петр Иванович, талантливый русский крестьянин — пахарь и сеятель, никогда не ругавшийся «черным словом». Двое из троих его сыновей получили высшее образование — Василий стал врачом, а Владимир — учителем. Еще один дядя, брат матери — Степан Андреевич Горбунов, типограф из Калуги сыграл важную роль в жизни Виктора Георгиевича. Именно ему, помогавшему мальчику и юноше Карасеву морально и материально, посвятил в 1974 г. Виктор Георгиевич свою монографию «Сербский демократ Живоин Жувич».

Вся жизнь В.Г. Карасева была отдана умственному труду, профессии ученого, преподавателя, сложному интеллектуальному делу. Но при этом он привнес в свой городской, университетский мир — деревенскую, крестьянскую, христианскую систему мироздания, а значит навыков и оценок. Рачительность, практичность, желание не допустить, чтобы что-то пропало без толку, глубокая вера в созидательную силу труда, вера в справедливость земного устройства в целом — все это позволило ему сохранить свою индивидуальность в зыбком мире «идеологических наук», к каковым принадлежала и история. Оттуда, из села Ильино вынес он уважение к труду, внимательное и чуткое отношение к людям, целомудренность и скромность.

В 1934 г. плачущего навзрыд от горя расставания с матерью паренька отправили продолжать учебу в Москву, к старшему брату. В Москве, которую он сразу же нежно полюбил, прошла вся его последующая жизнь. Здесь, в 320-й школе, закончил он десять классов и решил поступать на недавно восстановленный Исторический факультет МГУ.

Виктор Георгиевич Карасев поступил на Исторический факультет МГУ в 1939 году, семнадцатилетним юношей, и свыше пятидесяти лет, до самой своей смерти в 1991 г. не расставался с университетом. Лишь начавшаяся Великая Отечественная война на полтора года прервала его обучение. В марте 1943 г. студент Карасев добровольцем ушел в Красную Армию. Он искренне стремился защищать Родину, но на фронт ему попасть не удалось. Служба его проходила в 357 полку 14 запасной стрелковой дивизии, в Чувашии. После демобилизации по инвалидности, в сентябре 1944 года В.Г. Карасев вновь стал студентом Исторического факультета МГУ, выбрав для специализации кафедру истории южных и западных славян. Он решил заниматься историей югославянских народов, мотивируя свой интерес той ролью, которую играла Югославия во Второй мировой войне. Война оставила в жизни целых поколений глубокий след, влияя, оказывается, и на выбор профессии. Во всяком случае, о своем выборе Виктор Георгиевич не жалел никогда.

Он полюбил страну и народ, историю которого изучал заочно, но не разочаровался и позже, когда ему неоднократно приходилось бывать в СФРЮ.

После окончания университета с 1946 по 1949 год В.Г. Карасев учился в аспирантуре, а затем все отпущенные ему судьбой годы работал штатным преподавателем кафедры истории южных и западных славян — старшим преподавателем, доцентом, а после защиты в 1971 г. докторской диссертации — профессором. С 1973 г. — на целых 18 лет он стал ее заведующим.

Университетский преподаватель — высокое звание. Работа эта не терпит суетности, амбициозности, поверхностности. Это непрерывный экзамен не только на эрудицию, мастерство, педагогическое призвание, но и на нравственный авторитет. Ежегодно, каждый семестр, каждый день, на каждой «паре» — экзамен. Студенты сдают их только в сессию, преподаватель каждый день. Его «экзаменаторы» строги и безжалостны. Узнать, как ты сдал свой преподавательский экзамен, доводится не каждому. Оценкой этой чаще всего становится творчество учеников.

Памяти профессора Московского университета Виктора Георгиевича Карасева посвящены пять монографий его учеников и коллег (это книги докторов исторических наук С.И. Данченко, А.Л. Шемякина, В.И. Косика, Латинки Перович и авторского коллектива под руководством Е.Ю. Гуськовой). Это и есть главное свидетельство того, что свой учительский экзамен Виктор Георгиевич выдержал. Дело, которым он занимался всю жизнь, продолжают его ученики. Они хранят о нем память, а значит, хранят и традиции своего учителя, своей школы — кафедры истории южных и западных славян Московского университета. Кафедра, на которой он проработал всю жизнь, также помнит и чтит своего коллегу. Свидетельство этому то, что уже в четвертый раз в стенах МГУ проводится научная конференция памяти В.Г. Карасева (1992, 1997, 2002, 2022 гг.).

Интерес к науке, которой он занимается, сочетался у Виктора Георгиевича с интересом и уважением к работе учеников. Это традиция Московского университета, традиция университетского славяноведения, традиция Кафедры.

Этические проблемы вообще всегда волновали Виктора Георгиевича. И не случайно, в конце жизни, 25 января 1990 г. в своем заключительном слове на конференции, посвященной 50-летию кафедры истории южных и западных славян, он процитировал А.П. Чехова: «Кто не умеет быть слугою, тому нельзя позволять быть господином; кто не умеет радоваться чужим успехам, тому чужды интересы общественной жизни и тому нельзя давать в руки общественное дело». Этот принцип — слу-

жения делу и людям — и был отличительной чертой профессора Карасева.

Совсем непросто было в атмосфере предвоенных и послевоенных лет сохранить в себе уважительное, почтительное отношение к коллегам. Ведь это было время, когда даже особой доблестью считалось публично унижить ученого, обвиняя его в различных «отступлениях, искажениях, извращениях» и т.п. Доносительство поощрялось, желторотые студенты второго курса поучали на публичных собраниях профессоров и академиков как им следует заниматься наукой и читать лекции. Шло тотальное наступление на «буржуазную добропорядочность».

Виктор Георгиевич придавал колоссальное значение нравственному облику преподавателя и так сформулировал свои представления об университетской этике: «Каждый сотрудник кафедры призван быть и педагогом, и ученым, личностью достойной подражания во всех отношениях, ибо воспитывает студентов, прежде всего личным примером».

Эти же мысли стали главными в его духовном завещании сыну и внуку: «Первый и самый важный вывод из моего жизненного опыта — всегда и везде при всех обстоятельствах, хороших и плохих, оставаться порядочным человеком. Что это означает на практике? Как все самое важное — гениально просто: поступать по отношению к другому человеку так, как ты бы хотел, чтобы поступали по отношению к тебе, поставив себя на его место. Не причинять зла никому, даже врагу. Надо стремиться к достатку, жизни достойной человека, но ни в коем случае не к богатству, накопительству, довольствоваться малым, во имя поставленных целей. Трудиться постоянно, ежедневно, ежечасно физически и духовно. Не останавливаться, ибо в движении жизнь. Не быть злопамятным никогда. Не стремиться оскорбить или уязвить человеческое достоинство. О недостатках надо говорить в подобающей форме и с величайшим тактом».

Ученый формируется под влиянием как минимум трех факторов: семья, учителя и научные авторитеты, научное окружение.

Виктору Георгиевичу необыкновенно повезло в его судьбе историка. Во-первых, потому что он связал свою жизнь со славяноведением. Кафедра истории славян Московского университета, основанная в 1835 г. и воспитавшая десятки блестящих ученых, безусловно, была одной из сильнейших в научном и методическом плане. Она, несмотря на временное закрытие в 20–30 годы XX в., сохранила традиции дореволюционной исторической школы. Во многом это состоялось благодаря академику Пичете. И здесь студенту истфака Карасеву повезло во второй раз. Его учителем был выдающийся ученый и одаренный педагог — Владимир Иванович Пичета. Для Виктора Георгиевича на всю жизнь Пичета стал идеалом наставника, друга и помощника студентов. «Пусть

Вас не смущает, что студентов-славистов можно пересчитать по пальцам, — сказал академик Пичета пришедшему к нему на специализацию юноше-Карасеву, — Я из вас сделаю человека». Карасев стал участником знаменитых семинаров — «пичетников». Владимир Иванович до самой своей смерти в 1947 г. следил за работой В.Г. Карасева, помогал ему во всем. В.Г. Карасев именно Пичету считал своим Учителем с большой буквы. Чрезвычайно важно, что преемственность в университетском преподавании благодаря В.И. Пичете сохранилась.

Научным руководителем В.Г. Карасева был другой выдающийся ученый — профессор С.А. Никитин. Непререкаемый авторитет в источниковедении, глубокий знаток архивов, исследователь периодической печати, Никитин вовлекал своих учеников в чрезвычайно важную работу по публикации источников. Виктор Георгиевич продолжил и эту традицию. Он на протяжении всей своей педагогической и научной деятельности стремился к публикации источников и изданию сборников документов для практической работы со студентами. Виктор Георгиевич принимал участие в подготовке и издании документов по истории русско-славянских связей, публикации трудов сербских демократов, и, наконец, при его живейшем участии была задуман и реализован большим творческим коллективом проект трехтомной хрестоматии по истории южных и западных славян.

Формально, преподавательская деятельность В.Г. Карасева началась в 1949 г., но еще во время обучения в аспирантуре он вел занятия в семинаре своего научного руководителя С.А. Никитина «История Сербии и Болгарии в XIX в.» В.Г. Карасев был одним из первых дипломников и аспирантов этого выдающегося ученого и всегда с большим уважением и благодарностью вспоминал своего строгого, сдержанного учителя. Но и профессор Никитин явно выделял своего талантливого ученика. Так, в 1949 г., когда на кафедре готовился сборник трудов памяти В.И. Пичеты, Никитин предложил включить в него наиболее интересные студенческие и аспирантские работы и среди них — дипломное сочинение Карасева.

Виктор Георгиевич многие годы вел просеминар третьего курса по новой истории. Основной темой его В.Г. Карасев избрал изучение национально-освободительных движений южных славян в XIX в. Живое общение со студентами в семинаре Виктор Георгиевич считал очень важным и полезным, как в методическом, так и в научном отношении. В семинарах и спецсеминарах В.Г. Карасев апробировал и свои научные идеи и концепции. О широте направлений его научной работы говорят не только его монографии и статьи, но и темы его спецсеминаров: «Основные этапы конституционной истории Сербии в первой половине XIX в.». «Русско-сербские общественные связи 60–70-х го-

дов XIX в», «Восточный кризис второй половины 70-х гг. XIX и югославянские народы», «Социалистическое движение в Сербии во второй половине XIX в.», «Образование Югославии (1914–1921 гг.)».

Профессор Карасев очень высоко оценивал роль лекции в учебном процессе. Он писал: «Глубоко заблуждаются те, которые полагают, что лекции в учебном плане надо сокращать. Опыт университетского образования свидетельствует, что одна талантливая лекция порой важнее нескольких монографий, она призвана помочь студенту уяснить любую сложную проблему, пробудить интерес к предмету преподавания и продемонстрировать подлинно исследовательские навыки при освещении того или иного исторического процесса, явления, события, факта»².

Виктор Георгиевич обладал даром лектора и большим педагогическим и научным опытом. Профессору Карасеву удавалось сохранять это равновесие. Он читал самые разные курсы: историю страны, источниковедение, историографию, специальные курсы, но важнейшим в своей лекторской практике считал общий курс «История южных и западных славян». Этот курс, в котором он читал славянскую историю с конца XVIII в. до начала первой мировой войны, назван им «зеркалом кафедр».

Особое место в педагогической деятельности В.Г. Карасева, как и большинства университетских преподавателей, занимала работа с дипломниками в спецсеминаре и подготовка аспирантов.

В общении с учениками профессора Карасева отличал демократизм, уважительное отношение к молодым коллегам, стремление поделиться с ними всем объемом собственных знаний и предложить оригинальную, интересную тему. Этому, как и многому другому он учился у С.А. Никитина. Виктор Георгиевич вспоминал, что профессор Никитин с пониманием относился к научным пристрастиям учеников. Дипломную работу В.Г. Карасев под его руководством написал на тему «Внешнеполитические взгляды Илии Гарашанина». В качестве диссертационного исследования С.А. Никитин предлагал ему тему «Свято-Андреевская скупщина», что было бы вполне логичным продолжением начатой исследовательской работы. Но молодого ученого больше привлекало изучение не либеральной, а революционно-демократической мысли в Сербии XIX в. Когда он сообщил своему научному руководителю о желании писать кандидатскую диссертацию о Светозаре Марковиче, Никитин согласился, объявив, что ему лично этот сюжет знаком мало, но он полагается на исследовательский энтузиазм ученика. Виктор Георгиевич блестяще оправдал доверие учителя. Он не только успешно защитил в 1951 г. кан-

² 50 лет исторической славистики в Московском государственном университете. М., 1989. С. 9.

дидатскую диссертацию и опубликовал на русском языке объемный том сочинений Марковича, но и открыл новое направление в изучении идейного наследия сербского социалиста — русские источники его идеологии.

К выбору тем для своих дипломников В.Г. Карасев подходил очень индивидуально. Он учитывал не только научные интересы студентов, но и их способности, усердие.

Правильный выбор темы дипломной работы порой может определить всю дальнейшую научную судьбу исследователя. Так произошло с учеником В.Г. Карасева Андреем Леонидовичем Шемякиным. Самого Виктора Георгиевича всегда интересовало соотношение личности и эпохи. Его дипломная работа, кандидатская и докторская диссертации посвящены выдающимся деятелям сербской истории XIX в. — Илию Гарашанину, Светозару Марковичу и Живоину Жуевичу. Но был еще один человек, который очень интересовал исследователя. Это Никола Пашич, с именем которого связано появление самой массовой политической партии Сербии XIX в. и создание в 1918 г. Югославского государства. В 1984 г. Виктор Георгиевич предложил тему дипломной работы, посвященную жизни и деятельности Пашича студенту А.Л. Шемякину, и не ошибся в своем выборе. Тему эту молодой исследователь продолжил и после защиты дипломной работы. Его кандидатская и докторская диссертации, опубликованные в виде монографий, получили высокую оценку в отечественных и сербских научных кругах. Углубленно занимаясь историей Сербии, профессор Карасев понимал необходимость подготовки специалистов по истории и других югославянских народов. Он ориентировал своих учеников на изучение истории Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Словении. Именно его ученики развивают теперь эти направления в отечественной югославистике. Виктор Георгиевич широко привлекал их к научной и педагогической работе на кафедре. Его бывшие дипломницы И.И. Лещиловская, И.В. Чуркина, Д.Ф. Поплыко, Н.И. Хитрова читали спецкурсы, участвовали в написании учебников и хрестоматий.

Виктор Георгиевич призывал своих учеников как можно шире публиковать источники по югославянской истории, вести их неустанный поиск в отечественных архивах. Во многом благодаря усилиям В.Г. Карасева и его учеников мы сейчас обладаем такими ценнейшими публикациями по истории русско-югославянских связей как «Первое Сербское восстание и Россия», «Зарубежные славяне и Россия», «Югославяне и Россия», «Освободительные движения народов Боснии и Герцеговины и Россия». «Черногоро-русские отношения с 1711 по 1918 гг.» и др.

Университетское славяноведение понятие сложное и многогранное. Прежде всего, это научная школа, которой уже больше 180 лет. Аргу-

ментировано доказано, что отечественное славяноведение занимает одно из первых мест в мире. Немалая заслуга в этом и кафедры истории славы Московского университета, признанного центра всей университетской славистики в стране. Именно на базе университетов прошли 12 всесоюзных конференций историков-славистов.

В 1960–1980-е годы в нашей стране сложился большой и профессиональный цех славистов. Кафедра истории славян МГУ и Институт славяноведения и балканистики старались организовать и координировать работы мастеров этого цеха. Для этого создавались советы и комиссии. Проводились совещания и конференции. Виктор Георгиевич был постоянным участником их всех.

Но, пожалуй, самым важным для В.Г. Карасева, особенно на посту заведующего кафедрой было развитие университетского славяноведения, сводящееся к трем ключевым задачам — организации учебного процесса, созданию учебников и учебных пособий и правильной кадровой политике.

В решение всех этих задач В.Г. Карасев внес немалый вклад, достойно продолжив дело своих предшественников. Непрерывность его жизни в университете — от студента до профессора — позволяла ему хорошо видеть основные проблемы высшей школы, соединять преемственность с разумным прогрессом, поддерживать лучшие кафедральные традиции. Он активно участвовал в никогда не затухавшем процессе совершенствования учебных программ, создания учебников и учебных пособий, изменения системы преподавания славянских языков. Становление системы преподавания на кафедре шло последовательно, каждый следующий заведующий считал своим долгом продолжить все то лучшее, что делал его предшественник, понимая, что последовательность и преемственность в работе — это важнейшие условия эффективной научной и педагогической деятельности. Особенно отчетливо это проявилось, когда заведовать кафедрой стали чисто университетские люди — профессора И.А. Воронков, В.Г. Карасев, Г.Ф. Матвеев. Сформировавшиеся как педагоги и ученые в университетской атмосфере, они не просто понимают, а чувствуют потребности учебного процесса, знают реальные возможности и кратчайшие пути выдвигаемых временем задач.

Магистральные направления развития кафедры сформулировал В.И. Пичета еще в 1939 г. в Докладной записке декану Исторического факультета МГУ И.Д. Удальцову. Масштаб их был столь велик, что для их реализации понадобилось более пятидесяти лет и совместные усилия всех членов кафедры. В 1970–1980-е гг., после чехословацкого кризиса 1968 г., основное внимание уделялось углублению специализации. Необходимо было скорректировать учебный план для более основатель-

ного чтения студентам кафедры курсов по истории, историографии и источниковедению изучаемых ими стран.

В.Г. Карасев придавал большое значение вспомогательным историческим дисциплинам и активно способствовал введению на кафедре курса исторической географии славянских стран, поручив разработать в 1970-е гг. этот курс пришедшим на кафедру молодым преподавателям — Б.Н. Билунову и Г.Ф. Матвееву.

С начала 1980-х гг. был существенно увеличен и объем курса историографии. Немало способствовал этому выход в свет в 1987 г. учебника по историографии, написанного коллективом кафедры в сотрудничестве с ведущими учеными-славистами страны. В. Г. Карасев был очень рад, что удалось завершить эту работу, задуманную еще профессорами Пичетой и Никитиным. Книга была удостоена Ломоносовской премии. Подобный же многолетний труд по созданию учебника по источниковедению был завершен кафедрой уже после смерти Виктора Георгиевича в 1999 г. При жизни В.Г. Карасева Кафедрой было выпущено три учебника по истории южных и западных славян (1957, 1969, 1979 гг.). В написании всех их он участвовал, а второй и третий еще и редактировал. Четвертый, вышедший в 1998 г., учебник задумывался и разрабатывался еще при жизни В.Г. Карасева. Виктор Георгиевич считал выход очередного учебника этапом в жизни кафедры и по этим вехам даже выстроил периодизацию жизни Кафедры.

Как руководитель и организатор Виктор Георгиевич думал о перспективных направлениях в развитии кафедры. Он изложил их в статье «Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ», представив в виде программы из пяти пунктов.

Очень важным считал В.Г. Карасев межкафедральное научное и учебное сотрудничество. Ближайшими партнерами он считал кафедру славянских языков, отделение славянской филологии и славистов географического факультета.

Виктор Георгиевич прожил жизнь достойно: занимался любимым делом, воспитал целую плеяду югославистов, оставил по себе добрую память у коллег и учеников, счастлив был в семейной жизни, вырастил сына, продолжившего дело отца. Он подготовил и выпустил 118 студентов-дипломников, 16 его аспирантов защитили кандидатские диссертации. Восемь его бывших учеников стали докторами наук — И.И. Лециловская, Н.И. Хитрова, И.В. Чуркина, М.М. Сумарокова, Е.Ю. Гуськова, С.И. Данченко, А.Л. Шемякин, К.Н. Никифоров. И этот список еще не закрыт.

Ученики и коллеги В.Г. Карасева работают в разных городах России и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Много сил отдал он развитию университетского славяноведения в нашей стране. С 1962 по

1990 г. состоялось 12 межвузовских конференций историков-славистов. Виктор Георгиевич неизменно принимал участие в их организации и проведении. Выступая на заседании кафедры в 1961 г. с докладом о подготовке первой из этих конференций, В.Г. Карасев определил следующие ее основные задачи: обмен опытом по чтению общего курса и его проблематике и решение вопроса о периодизации учебника по истории славян. С годами круг обсуждаемых проблем становился шире. Символично, что первая и последняя конференция (с распадом СССР они больше не собирались) прошли в стенах МГУ.

Университетские слависты Твери, Воронежа, Минска, Йошкар-Олы, Владивостока, Самарканда, Краснодара, Перми, Львова, Ужгорода, Киева, Казани помнят В.Г. Карасева и оказанное им содействие. Многие из них прошли и его школу на кафедре в МГУ в качестве аспирантов, стажеров, слушателей факультета повышения квалификации. Он старался помочь им в научных изысканиях, стремился к расширению географии центров славистических исследований, считал важной задачей подготовку кадров историков-славистов для вузов страны.

Сотрудничество с учеными изучаемых на кафедре стран жизненно важно для кафедры. С начала 1960-х годов на кафедре читали спецкурсы, консультировали студентов и аспирантов многие известные ученые из славянских стран. Виктор Георгиевич способствовал приглашению югославских специалистов. На этом пути ему приходилось преодолевать и бюрократические, и идеологические преграды. На кафедре читали лекции видные югославские историки — Милорад Экмечич, Михайло Войводич, Василие Крестич, Раде Петрович, Раде Михальчич, Растилав Петрович, Йован Бойович, Латинка Перович и многие другие. В Югославии у него было много друзей. С начала 1960-х гг. он почти ежегодно бывал в этой стране, многое сделал для укрепления советско-югославских культурных и научных связей. Его научный вклад в изучение югославянской и, прежде всего, сербской проблематики получил высокое признание в Югославии. На его исследовательском пути встречалось немало преград и трудностей. Политические отношения между нашими странами были непростыми, зачастую напряженными, и это отражалось на научной работе. Разрыв советско-югославских отношений в 1940–1950-е годы напугал многих исследователей, часть из них покинула югославиистику. Виктор Георгиевич остался в числе тех, кто был верен избранной специальности. Он защищал свою кандидатскую диссертацию и готовил к печати первую монографию в разгар конфликта «Сталин — Тито». Докторскую диссертацию он защищал в обстановке сложных советско-югославских отношений после совещания международных и коммунистических партий 1968 г., когда СКЮ резко выступила против линии КПСС в Восточной Европе. Югославией зани-

маться было небезопасно — ведь эта страна — оплот оппортунизма и ревизионизма — находилась под куда большим подозрением, чем капиталистические страны. Виктор Георгиевич умело справлялся с трудностями, дипломатично обходил наиболее острые дискуссионные вопросы и при этом был предельно честным исследователем. Он оставил по себе добрую память в стране, историю которой изучал.

Жизненный путь Виктора Георгиевича оборвался осенью 1991 года, когда рушился Советский Союз, и в тяжелых вооруженных конфликтах распадалась Югославия. Он очень тяжело переживал эти события, ибо был истинным патриотом своей Родины и очень любил страну, изучению истории которой посвятил жизнь.

Как и любой ученый, Виктор Георгиевич гордился признанием коллег, радовался наградам и премиям за научную работу: избранию в члены Матицы Сербской в Югославии, Ломоносовской премии — высшей награде Московского университета, приглашению в экспертный совет ВАКа, председательству в специализированном совете по защите кандидатских диссертаций. Он не узнал, что незадолго до смерти ему было присвоено столь дорогое для него звание «заслуженный деятель науки». В суете августовских событий 1991 г. министерские чиновники просто забыли ему об этом сообщить. Но у В.Г. Карасева было высочайшее звание, которое он с честью пронес через всю свою жизнь — выпускник Московского университета. Звание, обязывающее к высокой нравственной позиции, порядочности и чести.

Перович Латинка

**ПРОФЕССОР ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ КАРАСЕВ:
УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК**

Latinka Perović

**PROFESSOR VIKTOR GEORGIEVICH KARASEV:
SCIENTIST, TEACHER, PERSON**

Для меня большая честь отметить вместе с вами, российскими учеными, столетие со дня рождения профессора В.Г. Карасева. В моей памяти он остался ученым, педагогом, но прежде всего замечательным человеком.

С профессором В.Г. Карасевым нас связывали занятия общей историографической тематикой. Он собрал и подготовил к печати сочинения Живоина Жуевича, которые этот либеральный сербский интеллигент (считающийся и первым сербским социалистом) написал и опубликовал в России в период своего там обучения. Затем В.Г. Карасев написал монографию о Светозаре Марковиче, сербском государственном стипендиате, обучавшемся в России, родоначальнике идей социализма в Сербии. Сама я в рамках своей трехтомной монографии «Сербские социалисты XIX века. К истории социалистической мысли» (1985–1995 гг.) писала и о Живоине Жуевиче, и о Светозаре Марковиче.

Советская историография отдавала дань господствующей идеологии, но в эвристическом отношении она всегда была очень достоверной. Я следовала за ней в изучении русско-сербских революционных связей. Я следила за работами русских историков, особенно за работами профессора В.Г. Карасева. Так начались наши встречи и беседы, которые со временем переросли в личную дружбу.

После восстановления в 1955 г. советско-югославских отношений, прерванных после конфликта 1948 г., проф. В.Г. Карасев все чаще приезжал в Белград и другие университетские центры бывшей Югославии, участвовал в совместных проектах, состоял в комиссиях по защите нескольких докторских диссертаций. Тем временем на кафедре истории южных и западных славян МГУ формировались новые поколения историков-славистов. Они приезжали в Югославию, говорили на языках югославских народов (сербскохорватский, словенский, македонский) и стали специалистами по истории разных югославских народов. Это

направление было разработано, поощрялось и осуществлялось профессором В.Г. Карасевым. Он посвятил себя истории балканских народов, прежде всего истории сербского народа и Сербии. Сотрудничество советских и югославских историков было взаимным. Многие историки из всех бывших югославских центров побывали в Советском Союзе в шестидесятые–восьмидесятые годы XX века. Они работали в архивах, были приглашенными профессорами кафедры истории южных и западных славян, выступали с научными докладами.

Профессор В.Г. Карасев регулярно отправлял своих учеников в Белград. Помимо знания языка, они обязаны были знать историю, а также реалии людей, которых они изучали. Они путешествовали по Сербии, обретали друзей и часто становились «кумовьями» в семьях своих друзей. На профессиональном уровне труды некоторых из них (Л.В. Кузьмичевой, А.Л. Шемякина) стали незаменимыми единицами в библиографиях по истории сербского народа. В традициях кафедры истории южных и западных славян всегда было стремление преподавателей поддерживать своих учеников. Сам В.Г. Карасев всегда подчеркивал большую роль своих учителей в его становлении. Также как и они, служившие ему образцом для подражания, он поддерживал своих учеников. Исходя из их способностей он помогал им сориентироваться, в то же время позволял им свободно идти в избранном ими направлении. Это та уникальная взаимосвязь между учителем и учениками, результатом которой является постоянный обмен знаниями.

Как в научной, так и в педагогической деятельности мы все знали профессора В.Г. Карасева, как редкого человеком. По сути, он был человеком советского времени и сам он себя таким считал. Родившийся в 1922 году, он был ровесником государства под названием Союз Советских Социалистических Республик. Он приехал из советской провинции на учебу в Москву. На войну с фашизмом ушел добровольцем. Он продолжил и закончил учебу после Второй мировой войны. На кафедре истории южных и западных славян он, пройдя все ступени научной иерархии, стал в конце концов заведующим кафедрой и пробыл на этом посту восемнадцать лет.

Последний раз мы с профессором Карасевым разговаривали в 1991 году. Профессор В.Г. Карасев решил, что хорошо было бы, чтобы я познакомила российских студентов с результатами моей научной работы. В качестве приглашенного профессора кафедры истории южных и западных славян я прочитала³ курс лекций о развитии общественно-политических идей в Сербии во второй половине XIX века. Профессор В.Г. Карасев в это время был смертельно болен, и я навестила его дома.

³ В сентябре–октябре 1991 г. — (Прим. ред.)

Мы долго разговаривали. Он был в отчаянии. Шли глубокие исторические перемены. Советский Союз распался, в Югославии начиналась война, которая должна была привести к ее распаду. Как историк он был знаком с проблемами истории каждого народа, в том числе и русского. Однако это его не утешало. Он был очень расстроен, но все-таки надежда не оставляла его.

Как бы сегодня профессор В.Г. Карасев воспринимал мир, Россию, Югославию? Учитывая возможную эволюцию, которую может пройти каждый человек, я не решаюсь это предположить. Однако я уверена в одном, даже в сегодняшние трудные времена, В.Г. Карасев был бы на стороне справедливости и свободы, мира и взаимопонимания. Он бы верил в большие силы и возможности русской земли. Прежде всего, в неисчерпаемый талант и гений русского человека. В них заключены в равной степени рациональная и иррациональная стороны духа русского народа и его разнообразных элит. Много теряет не только Россия, но и весь мир, если она будет в изоляции и, если, защищая иррациональное, ее изолируют другие.

Вместе с моими русскими коллегами я ощутила ту пустоту, которую создала для нас всех смерть В.Г. Карасева. Я окончательно попрощалась с ним только после того, как посвятила ему свою книгу «Сербско-русские революционные связи. К истории народничества в Сербии» (1994 г.). Меня утешало ощущение того, что я своей книгой участвую в создании памятника профессору В.Г. Карасеву, ученому, педагогу, человеку. В участии вместе с профессором Сузаной Раич, нашим лучшим знатоком русских исторических источников о времени Обреновичей, в научной конференции, посвященной столетию со дня его рождения, я вижу доказательство стабильности нашего научного сотрудничества, которому профессор В.Г. Карасев посвятил свою жизнь. Поэтому вполне естественно, что журнал Института новейшей истории Сербии «*Tokovi istorije*» присоединился к празднованию этого важного, как для российской, так и для сербской исторической науки юбилея, опубликовав информацию о научной конференции в Москве в феврале 2022 года.

Перевод с сербского Л.В. Кузьмичевой

Карасева Елена Александровна

КАРАСЁВСКОЕ «ПОДВОРЬЕ» В МОСКВЕ

В словаре Владимира Даля «подворье» определяется как «Дом для заезда своих». Путь к созданию Карасёвского «Подворья» в Москве был долгим и многотрудным. Формирование его связано, прежде всего, с появлением молодой семьи Карасевых.

«На втором году обучения в аспирантуре в 1948 г., на Троицу я сочетался браком с Галиной Борисовной Щепетиловой», — указывал Виктор Георгиевич Карасев в своей автобиографии⁴.

Виктор Георгиевич, поступил на исторический факультет МГУ в 1939 г. В годы Великой Отечественной он был призван в армию. Вернулся к занятиям в университете после двухлетнего перерыва в 1943 г. и попал в группу, где училась Галина Борисовна. Специализировались они на одной кафедре — истории южных и западных славян и закончили университет одновременно в 1946 г.⁵

После окончания университета Галина Борисовна была принята на кафедру истории южных и западных славян на должность лаборанта, а Виктор Георгиевич поступил в аспирантуру, приступив к разработке кандидатской диссертации под руководством профессора Сергея Александровича Никитина.

На момент женитьбы Виктор Георгиевич проживал в общежитии на Стромынке, а Галина Борисовна жила с родителями в коммунальной квартире на Бакунинской улице. Чтобы создать условия для совместного проживания молодой семьи, мать Галины Борисовны, Ираида Фёдоровна Щепетилова, попросила свою родную тётю Добротину Александровну Афиногеновну взять новобрачных к себе с последующей временной пропиской. Это было весьма своеобразное пристанище. Впоследствии Виктор Георгиевич вспоминал: «Мы много лет прожили в бывшей прачечной Алексеевского монастыря (улица Красноармейская, дом 17) у Александры Афиногеновны Добротиной, единственной монахини монастыря, не сосланной в места не столь отдалённые»⁶.

По завершении аспирантуры в 1949 г. В.Г. Карасев был оставлен на кафедре южных и западных славян в качестве преподавателя. В 1951 г.

⁴ Автобиография В.Г. Карасева // «Югославянская история в новое и новейшее время» М., 2002. С. 283.

⁵ Историки-слависты МГУ. Книга 13. Славянских древностей обитель. М., 2020. С. 278.

⁶ Автобиография В.Г. Карасева. С. 283.

он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Светозар Маркович (социально-политические взгляды)» и был переведён на должность старшего преподавателя, а затем старшего научного сотрудника.

С появлением в семье в ноябре 1952 г. сына Александра, Виктор Георгиевич начинает хлопоты по изменению жилищных условий. Он обращается с этим вопросом в различные инстанции, но положительного результата не удалось получить.

Решительные изменения обозначились после проведённого «обследования места проживания кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника кафедры южных и западных славян тов. Карасева В.Г.» специальной комиссией в составе Поповой Л.М. и Годовиковой Л.Н., организованной по инициативе исторического факультета МГУ в феврале 1954 г.⁷ В «Акте обследования» указывалось, что «площадь, занимаемая семьей тов. Карасева В.Г., представляет собой отдельное деревянное строение размером 20 квадратных метров, высота потолка всего 2 метра. В текущем году имели место обвалы потолка, поэтому в комнате имеются деревянные подпорки. Отопление печное, стены комнаты серые, пахнет плесенью. Из-за ветхости всего помещения, давно уже предназначенного на слом, Райжилуправление отказывается производить ремонт»⁸. И далее комиссия особо подчеркнула, что семья Карасевых вообще не имеет собственной площади, так как вся данная площадь принадлежит проживающей с ними совместно тете А.Н. Добротиной. Благодаря ходатайству деканата исторического факультета МГУ В.Г. Карасев получил в 1955 г. разрешение от Мосжилуправления на переезд семьи в комнату площадью 16 квадратных метров в Доме преподавателей на Ломоносовском проспекте.

Дальнейшие изменения в жилищных условиях семьи Карасевых произошли после 1958 года, когда Виктору Георгиевичу на основе решения ВАК было присвоено ученое звание доцента. Весной 1959 года удалось получить разрешение на расширение жилплощади с правом занять две смежные комнаты в доме №4 по улице Строителей (старое название улицы — Боровское шоссе). Третья комната (изолированная) в новой квартире была освобождена соседкой Капустиной П.А. только в 1967 году⁹.

Таким образом, ушло почти двадцать лет, прежде чем Виктор Георгиевич приобрёл место для научной работы в домашних условиях, где

⁷ «Акт обследования места проживания кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника кафедры южных и западных славян тов. Карасева В.Г.» 1954 год, февраль // Личный архив В.Г. Карасева.

⁸ Личный архив В.Г. Карасева.

⁹ Личный архив В.Г. Карасева. Платёжные документы за 1967 год.

можно было разместить научную литературу, многочисленные рукописи и документы, принять коллег, соратников и аспирантов. Именно с этого времени дом Карасевых в Москве становится своеобразным «Подворьем».

Первая длительная командировка В.Г. Карасева в Югославию состоялась в 1961–1962 гг. Она дала возможность не только познакомиться со страной, побывать в архивах и учебных учреждениях, но и приобрести первые научные международные Контакты. В отчете об этой командировке он указал целый список учёных, с которыми ему удалось познакомиться. Среди них значатся: из Белграда — Бранко Павичевич, Иван Божич, Васа Чубрилович, Душан Перович; из Загреба — Ярослав Шидак, Федро Чулинович, Нада Клаич; из Любляны — Бобо Графенауэр; из Нови Сада — Славко Гаврилович, Джордже Сп. Райдочич; из Сараево — Милорад Экмечич¹⁰.

С Витомиром Вулетичем — молодым учёным-литературоведом Виктор Георгиевич был знаком заочно по переписке, которая возникла после просьбы В. Вулетича прислать из Москвы журнала «Москва», в котором печатался роман М. Шолохова «Поднятая целина». В.Г. Карасев с радостью откликнулся на эту просьбу и регулярно отсылал фотокопии частей романа, по мере их появления в журнале, тем самым способствовал выходу знаменитого романа в Югославии, переведённого на сербский язык В. Вулетичем¹¹.

Очная встреча В.Г. Карасева и В. Вулетича состоялась в ноябре 1961 г. в Югославии. А в 1965 году Витомир Вулетич приехал в Москву и впервые побывал в доме Карасевых. Встреча была радостной для друзей и волнующей для хозяйки дома Галины Борисовны. Летом 1968 года они встретились уже семьями. Побывали даже на даче Карасевых в посёлке Снегири Истринского района Московской области. Жена В. Вулетича, Вера Ивановна, и две его дочери, Ивана и Ивена, были под большим впечатлением. Гуляли, пили чай из самовара, разговаривали, посетили ближний лес в окрестностях дачи, фотографировались. «Мне не забыть этого дня, проведённого в Подмосковье», — вспоминал позднее В. Вулетич¹².

В июле 1991 года В. Вулетич посетил дом Карасевых, находясь уже в тревожном состоянии. Двое учёных, два больших друга понимали, что надвигается новое время, новые исторические реалии. Это была их последняя встреча.

¹⁰ Личный архив В.Г. Карасева. Отчёт о командировке в Югославию 1961–1962 гг. Копия.

¹¹ *Вулетич Витомир*. Мои встречи с Виктором Георгиевичем // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 252.

¹² Там же. С. 253.

Дом Карасевых в Москве, как своеобразное югославянское Подворье, был местом встречи не только близких друзей, но и центром притяжения многих учёных.

В разное время в доме Карасевых побывали такие известные учёные из Югославии, как Милорад Экмечич, Славко Гаврилович, Василие Крестич, Иван Боевич, Лазар Ракич, Вука Джеркович, Блаже Ристовский, Словенко Терзич, Павле Радусинович и многие другие. Последней из югославистов, кто при жизни В.Г. Карасева встречался с ним в доме Карасевых, была Латинка Перович.

Придавая большое значение международному научному сотрудничеству, Виктор Георгиевич особое внимание всегда уделял личным человеческим отношениям, умению корректно улаживать научные споры. Безусловно, беседы в домашней обстановке способствовали взаимопониманию, взаимному сотрудничеству и помогали решать вопросы, связанные с изданием сборников документов и новых архивных материалов. Неоднократно Виктор Георгиевич помогал своим югославским коллегам найти нужные связи с учреждениями науки, культуры, образования, приглашал их на кафедру истории южных и западных славян для чтения лекций и проведения спецсеминаров.

В рамках международного сотрудничества В.Г. Карасев активно занимался книгообменом, на основе которого была сформирована его личная научная библиотека.

Идея возможного книгообмена зародилась у В.Г. Карасева при подготовке его будущей докторской диссертации. «Мои планы на более длительный срок заключаются в подготовке монографии о русско-сербских отношениях и связях в 1960–1970-х годах. В их реализации Вы можете оказать мне большую помощь советами и литературой, тем более, что наши интересы совпадают», — писал В.Г. Карасев в одном из своих писем, направленных в адрес Ивана Божича, профессора Белградского университета¹³.

Во время своей стажировки в Югославию в 1961–1962 гг. Виктор Георгиевич приложил немало усилий для приобретения нужной ему научной литературы. Что-то он покупал в книжных магазинах, что-то ему дарили его новые знакомые, коллеги по научным интересам. Неоценимую помощь в этом деле ему оказал Бранко Павичевич, с которым они подружились и впоследствии много лет переписывались и встречались.

В длинных и содержательных письмах, адресованных из Югославии в 1961–1962 гг. на имя жены Галины Борисовны, постоянно встречаются сведения о посылке книг. «Посылаю пачку книг. Это для меня. Никому

¹³ Письмо И. Божичу от 9.02.1959 г. Копия / Личный архив В.Г. Карасева.

их не давай и ничего не говори о них. Подготовил было и вторую, да пожалел тебя», — сообщал в письме из Белграда от 27.04.1962 г. Виктор Георгиевич¹⁴. В мае того же года он писал: «Галя! С женой консула я посылаю пачку книг. Ты их держи у себя. Список прилагается». В июне 1962 г. Виктор Георгиевич сообщил: «Готовлюсь к отъезду. Дел очень много — нужно составить карточки на книги, которых накопилось более чем достаточно»¹⁵.

Так, шаг за шагом шло формирование в доме Карасевых уникальной домашней научной библиотеки, которая пользовалась большим спросом как среди коллег по кафедре, так и у сотрудников Института славяноведения и балканистики. Пользователями библиотеки были так же дипломники и аспиранты, обучавшихся под руководством профессора В.Г. Карасева.

Сегодня, благодаря огромной помощи кандидата исторических наук Ксении Валерьевны Мельчаковой, создавшей электронный каталог, личная библиотека В.Г. Карасева нашла своё достойное размещение на кафедре южных и западных славян исторического факультета МГУ имени Ломоносова.

В 1970–1980 годы научные Контакты В.Г. Карасева приобрели более масштабный характер в связи с его участием в редколлегиях по подготовке к печати многотомных публикаций документов, осуществляющихся в рамках сотрудничества тогдашней Академии наук СССР с Академиями наук и искусств Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Историческим институтом в Белграде. В ходе подготовки таких изданий встречи с известными учеными Югославии были весьма интенсивными. И каждый раз Виктор Георгиевич оказывал самое искреннее и тёплое гостеприимство в домашней обстановке. В этих встречах самое активное участие принимал Александр Викторович Карасев, сын профессора Карасева, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, ставший впоследствии достойным продолжателем традиций Карасёвского «Подворья» в Москве.

Не менее тёплый приём оказывался в доме Карасевых и приезжавшим в Москву учёным с периферии, специалистам из многих республиканских славистических центров. Всесоюзные славистические конференции, проводившиеся регулярно с 1962 года, были особой заботой В.Г. Карасева, который неизменно входил в состав оргкомитетов. Каждой конференции предшествовали совещания и встречи, на которых решались основные организационные вопросы.

¹⁴ Письмо Г.Б. Карасевой от 27.04.1962 г. / Личный архив В.Г. Карасева.

¹⁵ Письмо Г.Б. Карасевой от 19.05.1962 г. / Личный архив В.Г. Карасева.

Известно, что конференции организовывались в различных городах на основе очередности, и члены оргкомитетов спешили получить разрешение на их проведение в определённых инстанциях. Учитывая непререкаемый авторитет В.Г. Карасева, многие из них обращались к нему за советами и поддержкой. Решение вопросов планирования и организации конференций, выпуска материалов по их итогам неоднократно обсуждались в доме Карасевых. В таких орг. совещаниях принимали участие такие учёные, как Д.Г. Песчаный (Кубанский университет), Д.Б. Мельцер (Белорусский университет), И.И. Туривненко (Донецкий университет), Н.П. Матьовка (Ужгородский университет), Г.И. Чернявский (Харьковский университет) и другие.

Как правило, такие «малые совещания» в доме Карасевых проходили в непринужденной обстановке, но, когда возникали затруднения при решении тех или иных вопросов, на помощь приходил Б.Н. Билунов, который в 1980-х годах работал в аппарате ЦК КПСС. Помощь его всегда была деликатной и уместной. Среди участников Всероссийских конференций возникали свои взаимные научные связи, расширяя и раздвигая горизонты всей славистической науки. Одним из центров этого взаимодействия было Карасевское «Подворье» в Москве.

Карасёвский дом несколько раз становился местом встречи знаменитого «Мальцевского кружка». Такое название это научно-дружеское сообщество получило в честь Александра Николаевича Мальцева, ученика академика М.Н. Тихомирова, который работал преподавателем на историческом факультете МГУ. В 1963 году А.Н. Мальцев скоропостижно скончался. Это печальное событие потрясло его друзей. В память о своём друге они приняли решение собираться ежегодно в день его рождения. В «Мальцевском кружке» состояли весьма солидные учёные: А.А. Зимин, Ю.А. Поляков, В.А. Александров, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, В.Г. Карасев, А.В. Муравьев. Эти встречи всегда имели очень серьёзный и высокоинтеллектуальный характер.

Безусловно, в этой общей череде различного рода встреч, бесед, обсуждений, особое место в жизни Карасёвского «Подворья» занимали ежегодные сборы учеников профессора В.Г. Карасева, которые проходили как некие отчеты: кто что написал, где напечатался, что интересного нашёл в архивах, где побывал и каковы результаты поездок.

Шум, смех, шутки во время этих «ученических» встреч перемежались серьёзными разговорами о судьбе славяноведения как науки, о тенденциях ее развития. Каждому, кто присутствовал на этих встречах, Виктор Георгиевич в мягкой и деликатной форме давал понять, что наблюдает за их успехами, следит за научными достижениями, профессиональным и карьерным ростом, гордится каждым из них. Встречи учеников профессора В.Г. Карасева были поистине встречами соратни-

ков, нацеленных на объединение общих усилий по сохранению и развитию отечественного славяноведения.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что Карасёвское «Подворье», созданное профессором В.Г. Карасевым, было точкой опоры и притяжения как учёных-югославистов, так и широкого круга специалистов, внёсших свой неоценимый вклад в развитие славяноведения.

Горина Людмила Васильевна

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Профессор Виктор Георгиевич Карасев сыграл чрезвычайно большую роль в моей научно-педагогической судьбе. Вспоминаю середину 1950-х годов: я закончила нашу кафедру в 1956 г. Дипломную работу писала под руководством доцента Ивана Николаевича Частухина, посвящена она была проблемам образования болгарской социал-демократической партии. Мое дипломное сочинение получило «отличную» оценку, а я была рекомендована в аспирантуру нашей кафедры. В самый разгар моих усердных занятий по подготовке к вступительным экзаменам вышел правительственный указ, запрещающий поступление в аспирантуру лицам, не имеющим трудового стажа — минимум двухлетнего. Я отправилась «добывать» требуемый стаж. Пути-дороги привели меня сначала в библиотеку имени В.И. Ленина, а спустя год, во Всесоюзную Книжную Палату. И на новом рабочем месте я почувствовала себя вполне комфортно. Более того, библиография меня столь увлекла, что, я отважилась на публикацию своей первой научной работы: она была на библиографическую тему. Коллектив отдела, в котором я трудилась, был доброжелателен. И даже доверил мне чтение лекций провинциальным стажерам. Молодое самолюбие было вполне удовлетворено.

Наступил год 1961-й. И вот тогда-то раздался «судьбоносный» звонок: звонил Виктор Георгиевич, который строго вопрошал — «Долго ли я намерена работать в Книжной Палате?» И не хочу ли я, наконец, явиться на аспирантские экзамены? Более того, Виктор Георгиевич сообщил мне вопрос, который будет главным на экзаменах. «Первое сербское восстание» — так он звучал. Указал он и автора, который более других писал на эту тему. «Зеленин», — произнес Виктор Георгиевич. Искаженная телефонная связь донесла — «Ленин». Ленин, так Ленин подумала я и принялась за изучение многотомных трудов классика. Спустя примерно неделю я пожаловалась Виктору Георгиевичу: «Ничего о Первом сербском восстании я у В.И. Ленина не обнаружила». Давно я не слыхала такого громкого хохота, которым разразился мой научный опекун. «Во всеоружии», как казалось тогда, научных знаний я явилась на вступительный экзамен, на котором присутствовал улыбающийся Виктор Георгиевич и строгий заведующий кафедрой проф. Сергей Александрович Никитин, который стал затем моим научным руководителем.

Спасибо Вам, дорогой Виктор Георгиевич. Склоняю голову перед Вашей светлой памятью.

Волостнова Наталья Владимировна

КАКОЙ Я ПОМНЮ РОДНУЮ КАФЕДРУ СЛАВЯН

Виктор Георгиевич Карасев обладал талантом руководителя и сумел яркими, неординарными, с очень разными характерами и взглядами людей, объединить и создать талантливый коллектив историков. Объединяла их задача воспитать и подготовить хороших историков-славистов. Этому помогала благоприятная, дружеская атмосфера среди сотрудников, аспирантов, студентов. Главной опорой ему были «три мушкетера и д'Артаньян» — преподаватели кафедры Г.Ф. Матвеев, В.А. Тесемников, Б.Н. Билунов и Х.Х. Хайретдинов.

После занятий коллеги не спешили домой, а набивались в маленькую комнатку, примыкающую к помещению кафедры, и за чашкой чая, у самовара делились тем, как прошел день, какими он был полон событиями, обсуждали происходящее в стране. За окном болотисто булькала перестройка, а на кафедре мы чувствовали тепло дома. Часто мы вместе отмечали дни рождения, праздники, и задолго до официальной «медовухи Ректора» кафедра славян стала праздновать Татьянин день.

На наши посиделки с удовольствием приходили коллеги, гости. Они знали, что будет интересно и полезно. У Виктора Георгиевича был дар вбросить в балагурство серьезную тему, увлечь и вовлечь в обсуждение. Задачи и проблемы, стоящие перед кафедрой, и в целом перед славяноведением зачастую проговаривались в неформальной обстановке. В итоге появлялись новые спецкурсы, определялась тематика очередной конференции славистов.

Виктор Георгиевич поражал своей простотой, естественностью. Рядом с ним было комфортно. Всегда можно было рассчитывать на помощь и совет. Многие, и я в том числе, могут сказать, что в трудной ситуации их поддержал Карасев. Он по-отечески относился к своим ученикам, был в курсе их личных дел, поддерживал в науке и в карьере.

В.Г. Карасев заведовал кафедрой в непростой для страны период. Но самые трудные времена выпали на долю Г.Ф. Матвеева. Он стал заведующим кафедрой в годы, когда советское образование ломали через колено. Надо было исполнять, мягко говоря, несуразные приказы, инструкции Министерства. Выполняя их, Геннадий Филиппович с присущей ему мудростью вложил в соответствующую требованиям оболочку такое содержание, которое позволяет держать высокую планку подготовки славистов. Он сохранил традиции демократизма, взаимопомощи, уважения к коллегам, аспирантам, студентам, заложенные его предшественниками и в том числе Виктором Георгиевичем Карасевым.

Косик Виктор Иванович

ИЗ ГЛУБИН ПАМЯТИ. КАРАСЕВ ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ

Виктор Георгиевич был человеком, прочно связавшим меня с Балканами. Начало было положено моим приходом на кафедру. Желание специализироваться по Югославии вошло в противоречие с моими весьма посредственными оценками в зачетной книжке. В итоге Виктор Георгиевич, видимо, пожалевший меня, определил на Болгарию. Отсюда и пошла моя балканская дорога. Ко времени окончания МГУ перепробовал уже много мест работы, но связанной с историей не наблюдалось. Последним местом был Институт социологии, сектор деревни. Общество, чисто мужское, было приятное, можно, как говорится, и «поговорить», и «выпить».

И тут как в басне «зазвонил телефон». Виктор Георгиевич предложил мне службу в Иностранном отделе Ректората МГУ, курировать прием и отправку наших и иностранных ученых (Болгария и Югославия). В общем, типичная канцелярская работа, но с людьми. Мои «заслуги», рабоче-крестьянское происхождение, член партии, мужской пол плюс рекомендация Виктора Георгиевича, человека известного, сыграли свою роль. Я был принят. Было хорошо и мне и Виктору Георгиевичу, поставившему «своего человека» на место, весьма полезное для укрепления кафедральных связей. Старался оправдать доверие, в основном, в сфере размещения гостей в отдельных комнатах университетского общежития, что было очень непросто. Все хотели «свою» комнату с отдельным входом и «своими удобствами», но не у всех это получалось. И здесь моя энергия помогала добиться желаемого.

Тогда же познакомился и Сашей Карасевым, ставшим моим другом, с которым мы занимались тем, чтобы пребывание в Москве наших коллег, прежде всего, югославов, было приятным и нескучным. Нужно назвать и работавшую в Иностранном отделе жену Виктора Георгиевича Галину Борисовну. Постепенно я входил в семью Карасевых, становился «своим». Немалую роль сыграла наша дружба с Сашей, которого родители безмерно любили. Добавлю, что моя командировка в Югославию лектором в Дом советской культуры, только укрепила связи с семьей Карасевых, из полуофициальных в очень хорошие. Пояснию. К этому времени, в конце 1970-х гг. туда приехал и Саша на стажировку. Он стал часто стал бывать у нас, оставался ночевать, и шли бесконечные разговоры на исторические и другие темы.

Продолжая вспоминать Виктора Георгиевича, скажу, что во время его приездов в Белград он бывал у нас. И тут, за обильным застольем, шли опять разговоры о Югославии, истории. Он делился своими впечатлениями о встречах с югославскими ученым, для которых он всегда был желанным гостем, известным ученым, больше всех делавшим для укрепления связей между нашими странами. Прежде всего через историческую память, объединявшую Сербию и Россию, но не только. Благодаря энергии Виктора Георгиевича, молодые и не очень, исследователи получали возможность приезжать в Москву на стажировки, для работы в архивах. Именно благодаря Виктору Георгиевичу удалось завязать знакомства с югославскими учеными. Правда, дальше разговоров у меня, не то что у Виктора Георгиевича, упрочения связей не стало. Разный, говоря образно, «вес».

Конечно, имя Виктора Георгиевича, везде открывало многие двери. И у нас, и в славянских странах. У нас, это и двери Института славяноведения и балканистики (потом «балканистику» вычеркнули, типа не по чину). Именно туда был я принят в аспирантуру.

К этому времени я уже точно стал в семье Карасевых «своим», чему в немалой степени содействовали командировки в Сараево, куда Виктор Георгиевич приезжал в составе группы ученых по изданию публикации истории освободительной борьбы Боснии и Герцеговины. Совместная тема работы, личное общение вплоть до «походов» в магазины для выбора рубашки для Саши, только дарила радость и углубляла доверие.

Добавлю, что Виктор Георгиевич стал оппонентом у моей жены на кандидатской диссертации, опять-таки связанной с Балканами. Тогда он был у нас за праздничным столом. И даже выдвигал идею ввести новую ученую классификацию — журналистские науки.

Если говорить о дальнейшем, то здесь память не сохранила ничего особого. Была приязнь с его стороны и доверие. За что искренне благодарен Виктору Георгиевичу. Память о нем всегда останется со мною.

Аншаков Юрий Петрович

**МОСКОВСКИЕ СТРАНИЦЫ
МОЕЙ «ЧЕРНОГОРСКОЙ ИСТОРИИ».
ВОСПОМИНАНИЯ О ВИКТОРЕ ГЕОРГИЕВИЧЕ
КАРАСЕВЕ**

Аннотация. Автор делится воспоминаниями о научных контактах с В.Г. Карасевым в период своего обучения в аспирантуре Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета в конце 1970-х – начале 1980-х гг.

Yurii Anshakov

**MOSCOW PAGES OF MY «MONTENEGRIN HISTORY».
MEMORIES OF VICTOR GEORGIEVICH KARASEV**

Abstract. The author shares his memories of scientific contacts with V.G. Karasev during his postgraduate studies at Leningrad (St. Petersburg) University in the late 1970-s – early 1980-s.

Мое знакомство с Виктором Георгиевичем Карасевым произошло во время моего обучения в очной аспирантуре Ленинградского университета в конце 1970-х годов. К 1979 году я закончил в Ленинграде сбор материала для моей кандидатской диссертации по истории Черногории и русско-черногорских отношений в конце XVIII – начале XIX в. Мне предстояло поехать в Москву, главным образом для работы в Архиве внешней политики России. Профессора моей кафедры Новой и новейшей истории в университете Станислав Михайлович Стецкевич и Кирилл Борисович Виноградов настоятельно мне советовали выйти на кафедру истории южных и западных славян МГУ и познакомиться с ее заведующим Виктором Георгиевичем Карасевым, рекомендуя его как виднейшего специалиста по истории югославянских народов. В 1979 году я приехал в Москву и сразу прикрепился к сектору истории внешней политики России в Институте истории СССР АН СССР, где я познакомился с Ниной Ивановной Хитровой, Викторией Максимовной Хевролиной и Ариадной Павловной Бажовой, которые оказали мне всестороннюю поддержку. В то время они занимались подготовкой сборника документов по политическим и культурным отношениям России с юго-

славянскими землями в XVIII веке. Меня попросили отвезти некоторые документы для экспертизы и отзыва на кафедру южных и западных славян и передать их Виктору Георгиевичу, что я и сделал.

Так весной 1979 года состоялось мое знакомство с этим выдающимся историком-славистом, увлеченным исследователем истории Сербии и прекрасным, доброжелательным человеком. При встрече он сразу же поинтересовался, чем я занимаюсь, и предложил свою помощь. В то время в Архиве внешней политики России впрочем как и сейчас, были проблемы с количеством выдаваемых одновременно дел для исследователя, и Виктор Георгиевич, который в это время занимался подготовкой двухтомника — сборника документов по Первому сербскому восстанию 1804–1813 годов и России — пользовался громадным авторитетом в архиве, и после его рекомендаций поток дел по Черногории, выдаваемых мне, пошел беспрерывно. Уже тогда я приходил к нему домой, и Виктор Георгиевич щедро снабжал меня редкой литературой по истории Черногории, которую ему дарили югославские историки. Таким образом, из города на Неве я оказался в Москве на улице Строителей, в этом гостеприимном доме.

В 1981 году, летом, мне предстояла защита кандидатской диссертации в ЛГУ. Нужен был внешний отзыв, и я опять обратился к Виктору Георгиевичу, передав ему мою диссертацию. Он попросил меня позвонить дней через десять, чтобы встретиться с ним, что я и сделал. Придя на кафедру, Виктор Георгиевич предложил мне пойти домой к Юрию Алексеевичу Писареву, который, насколько я помню, жил неподалеку от университета. Виктор Георгиевич не только сам прочитал мою диссертацию, но и дал для ознакомления Юрию Алексеевичу, с которым я тогда не был знаком лично, хотя прекрасно знал его имя. Признаться, я несколько волновался из-за предстоящей встречи с Писаревым, но все прошло прекрасно. Юрий Алексеевич не только одобрил мою диссертацию, но также предложил стать автором одного раздела по Черногории, для готовившейся тогда монографии по формированию национальных государств на Балканах в конце XVIII — 70-х годах XIX в. Я, признаться, не сразу согласился на это и решил посоветоваться с Виктором Георгиевичем, но вот что значит настоящий ученый! Он открыл мою диссертацию, сказав при этом, что у меня почти все уже есть, и показал мне разделы диссертации, где были материалы по становлению черногорской государственности. Защита моя в ЛГУ прошла без сучка и задоринки, одним из оппонентов была Н.И. Хитрова, а внешний отзыв ведущей организации подготовил Ю.А. Писарев.

После двух–трех лет перерыва я решил продолжить свои занятия по истории Черногории уже XVIII — первой половины XIX века. И я вновь обратился за советом и помощью к Виктору Георгиевичу Карасеву.

Чтобы работать в московских библиотеках и архивах, нужно было подолгу бывать в Москве, не имея при этом проблем с жильем. И Виктор Георгиевич оказал мне в этом помощь. Я оформил почти подряд две стажировки при кафедре южных и западных славян, получив при этом проживание в «высотке» МГУ. Благодаря контактам Виктора Георгиевича с черногорскими историками я познакомился с академиком Бранко Павичевичем, а также с Йованом Боевичем — директором исторического института Черногории, с которым меня впоследствии связали не только научные, но и дружеские отношения.

В 1986 году Виктора Георгиевича и меня Йован Боевич пригласил в Черногорию, где благодаря Виктору Георгиевичу, к которому с громадным уважением относились черногорские историки, я познакомился со многими из них, в частности с Евто Миловичем и Радоманом Йовановичем. Виктор Георгиевич был организатором многих конференций славистов, в которых я благодаря Виктору Георгиевичу принимал участие. Так было в Харькове, в Москве. В 1990 г. Йован Боевич организовал в Черногории большую конференцию по славянскому населению Албании, и советскую делегацию на этой конференции, в которой принял участие и я, возглавил Виктор Георгиевич. До сих пор эту прекрасную конференцию вспоминают ее участники. Это и Константин Владимирович Никифоров, и Елена Петровна Кудрявцева, и другие участники. Это была моя последняя встреча с Виктором Георгиевичем, поскольку в 1991 году он скончался.

Но на этом не прервались мои связи как с кафедрой истории южных и западных славян, так и с семейством Виктора Георгиевича. Я был хорошо знаком с его сыном, Александром Викторовичем, которого я приглашал в 1990-е годы прочитать спецкурс по истории южных славян в Самарском педагогическом университете. Под его влиянием мой студент Александр Сквозников увлекся историей Македонии и впоследствии защитил кандидатскую диссертацию и написал книгу о Македонии. Бывая в Москве, я нередко посещал семейство Карасевых, иногда даже прямою с поезда, где меня всегда ждал радушный прием. В 1998 году в Институте славяноведения РАН я защищал докторскую диссертацию по истории Черногории и русско-черногорским связям в 1798–1856 годах, и ведущей организацией при этом была кафедра истории южных и западных славян, а ученый секретарь Института Александр Викторович Карасев оказал всеобъемлющую поддержку во всей той предзащитной и послезащитной суете. С тех уже давних времен я с благодарностью вспоминаю не только о Викторе Георгиевиче Карасеве, но и о Людмиле Васильевне Кузьмичевой, Зое Сергеевне Ненашевой и сегодняшнем заведующем кафедрой Геннадии Филипповиче Матвееве, с которыми я познакомился благодаря Виктору Георгиевичу.

На этом я заканчиваю свои воспоминания о блестящем ученом и прекрасном человеке докторе исторических наук, профессоре и многолетнем заведующем кафедрой истории южных и западных славян МГУ Викторе Георгиевиче Карасеве.

Кузьмичева Людмила Васильевна

**ИССЛЕДОВАТЕЛИ
РУССКО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ
ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ КАРАСЕВ
И ВИТОМИР ВУЛЕТИЧ:
30 ЛЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА И ДРУЖБЫ**

Аннотация. Сотрудничество и дружба двух ученых зародились в конце 1959 года и продолжались до ноября 1991 г., когда из жизни ушел В.Г. Карасев (1922–1991 гг.). Известный сербский историк литературы и русско-сербских культурных и общественных связей Витомир Вулетич (1926–2018 гг.) в сентябре 1959 г. обратился письмом к знакомому ему только по трудам советскому ученому Виктору Георгиевичу Карасеву с просьбой о консультации по ряду вопросов, связанных с российскими контактами Светозара Марковича. С этого времени началась переписка двух ученых, которая сохранилась в их архивах. Витомир Вулетич передал семье Карасевых в 2006 году письма Виктора Георгиевича, которые вместе с письмами Вулетича, хранящимися в архиве Карасева, составили интересный источник о научном поиске двух ученых. Темы их научных исследований были чрезвычайно близки, они делились своими находками в архивах, обменивались литературой, приглашали друг друга на научные конференции. С годами крепла их дружба, они искренне переживали неудачи друг друга и радовались победам. Их семьи также подружились и обменивались визитами. Они прошли серьезные жизненные испытания: Витомир Вулетич участвовал в партизанском движении в Югославии в годы Второй мировой войны, Виктор Георгиевич добровольцем отправился в армию в 1942 г., но был комиссован по болезни. За свою любовь к России и СССР молодой Вулетич как «инфорбюровец» два года провел в концентрационном лагере на Голом острове. Научный энтузиазм, поиски новых источников, критический анализ литературы по исследуемой ими общей теме нашел отражение в переписке двух ученых, которая велась на фоне совсем непростых отношений двух стран.

Ключевые слова. Югославия, революционные связи России и Сербии, Карасев В.Г., Вулетич Витомир, славяноведение.

Lyudmila Kuzmicheva

**RESEARCHERS OF RUSSIAN-SERBIAN RELATIONS
VIKTOR GEORGIEVICH KARASEV
AND VITOMIR VULETIC:
30 YEARS OF COOPERATION AND FRIENDSHIP**

Abstract. Cooperation and friendship between the two scientists began at the end of 1959 and continued until November 1991. The well-known Serbian historian of literature and Russian-Serbian cultural and public relations Vitomir Vuletić (1926–2018) in September 1959 sent a letter to the Soviet scientist Viktor Georgievich Karasev, whom he knew only through his work, with a request for advice on a number of issues related to Russian contacts of Svetozar Markovich. Since that time, the correspondence of the two scientists began, which is preserved in their archives. Vitomir Vuletich handed over to the Karasev family in 2006 the letters of Viktor Georgiyevich, which, together with the letters of Vuletich stored in the Karasev archive, constituted an interesting source about the scientific search of the two scientists. The topics of their scientific research were extremely close, they shared their findings in the archives, exchanged literature, invited each other to scientific conferences. Over the years, their friendship grew stronger, they sincerely experienced each other's failures and rejoiced at the victories. Their families also became friends and exchanged visits. They went through serious life tests: Vitomir Vuletić participated in the partisan movement in Yugoslavia during the Second World War, Viktor Georgievich volunteered for the army in 1942, but was discharged due to illness. For his love for Russia and the USSR, young Vuletich spent two years in a concentration camp on Goly Island as an «Information Bureau member». Scientific enthusiasm, the search for new sources, a critical analysis of the literature on the general topic they are studying was reflected in the correspondence between the two scientists, which was conducted against the backdrop of very difficult relations between the two countries.

Keywords. Yugoslavia, revolutionary ties between Russia and Serbia, Karasev V.G., Vuletich Vitomir, Slavic studies.

Вклад Виктора Георгиевича Карасева в развитие университетского славяноведения, его научная и педагогическая деятельность нашли широкое отражение в трудах членов кафедры и сотрудников Института славяноведения. В меньшей степени была изучена его роль в укреплении сотрудничества ученых СССР и Югославии, а она была весьма значительной.

В 2022 г. состоялась четвертая по счету конференция, посвященная памяти Виктора Георгиевича Карасева. Предыдущие были в 1992, 1997, 2002 годах. По материалам последней был опубликован сборник¹⁶, включающий статьи о научном и педагогическом пути ученого и воспоминания его учеников и коллег. Среди них и воспоминания его многолетнего друга и соратника югославского и сербского ученого Витомира Вулетича, литературоведа, переводчика и исследователя сербо-русских связей второй половины XIX века¹⁷.

Они были почти ровесниками, Вулетич всего на 4 года моложе Карасева и, когда познакомились, им было около 35 лет. Витомир Вулетич пережил Карасева на 27 лет, он скончался в 2018 г в возрасте 92 лет. А когда ему исполнилось 80 лет он передал все хранившиеся у него письма профессора В.Г. Карасева семье Виктора Георгиевича. Сын ученого — Александр Викторович Карасев, объединил их с хранящимися в семье письмами В. Вулетича и начал готовить эту переписку к публикации, но смерть оборвала эту его работу.

Письма Карасева, переданные Вулетичем, порой дублируются черновиками и исходящими копиями, то есть выражаясь археографическим языком «отпусками». Письма самого Вулетича, написанные бисерным каллиграфическим почерком, вместе с конвертами, с которых маленький Саша Карасев отклеивал марки для коллекции, Виктор Георгиевич сохранил все до единого.

Переписка двух ученых велась неровно, наиболее активной она была в 60-е годы, особенно в 1960 и 1961 году, когда они не могли еще встретиться лично. Поездки советских ученых в Югославию были делом нелегким, нужно было получить массу согласований и это были только деловые поездки, о личных и речи не шло. А Витомиру Вулетичу как политически неблагонадежному, бывшему каторжанину — «информбюровцу», отбывшему двухлетний срок заключения в тюрьме на Голом острове, выезд за границу был закрыт, ему не выдавали заграничный паспорт.

Но в конце 1961 г. Виктор Георгиевич Карасев прибыл на многомесячную стажировку в СФРЮ, и ученые наконец встретились. С этого времени установились уже дружеские отношения, в том числе и между

¹⁶ Югославянская история в новое и новейшее время: Материалы науч. чтений, посвящ. 80-летию со дня рождения проф. В. Г. Карасева (1922–1991) / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев и Л.В. Кузьмичева. — М. : Изд-во Моск. гор. об-ния архивов, 2002.

¹⁷ *Вулетич Витомир*. Мои встречи с Виктором Георгиевичем // Югославянская история в новое и новейшее время: Материалы науч. чтений, посвящ. 80-летию со дня рождения проф. В.Г. Карасева (1922–1991). М. 2002. С. 252–254.

членами их семей: женами ученых — Верой Вулетиц и Галиной Борисовной Карасевой и детьми — Сашей Карасевым и Невеной и Ивановой Вулетиц.

Сохранившаяся переписка двух ученых носит преимущественно деловой характер. Это обмен информацией по интересующей обоих теме научного исследования, но с годами письма обретают и более личный характер. В особенности, когда, минуя возможные цензурные ограничения, письма стали передаваться через друзей и знакомых из рук в руки.

О бдительном оке властей забывать было нельзя. Так, невинное с политической и лестное с научной точки зрения предложение Витомира Вулетица Виктору Георгиевичу принять участие в подготовке «Биографического и Библиографического словаря» Матицы Сербской, надо было согласовывать с определенными инстанциями в Москве. Карасев не пишет об этом Вулетицу, сообщив только, что готов помогать, но не печататься под своей фамилией. Но среди писем хранится «отпуск» Докладной записки Виктора Георгиевича декану Исторического факультета, где он рассказывает о том, что поступившее предложение он согласовывал в соответствующем отделе ЦК КПСС и в Государственном комитете по международным связям и получил рекомендацию не подписывать никаких договоров.

Сами по себе эти письма — свидетельства эпохи, веры их авторов в социалистические идеалы и в то же время понимание имеющихся сложностей и ошибок на пути достижения этих идеалов. Необыкновенная радость и гордость, охватившая обоих в день полета Гагарина, сочетается у Виктора Георгиевича с праздничным настроением по поводу 90-летнего юбилея Ленина.

Сотрудничество двух ученых преодолеvalo многие преграды. Они покупали и посылали друг другу научную литературу, которую нельзя было достать в их странах, копировали нужные материалы, радовались архивным находкам. Присланные Вулетицем Карасеву книги и журналы были необыкновенно ценны в условиях «голода» в СССР на югославскую литературу и существование в библиотеках спецхранов, куда по принципу «как бы чего не вышло» помещались книги даже по югославянскому средневековью.

Для Витомира Вулетица, переводившего на сербский язык Шолохова, чрезвычайно важна была помощь Карасева, сумевшего раздобыть только что вышедшую из печати вторую часть «Поднятой целины» и журнальный текст романа «Они сражались за родину».

Сближало ученых и то, что они оба были в первую очередь преподавателями. Вулетиц преподавал в Высшей педагогической школе в Нови Саде, Виктор Георгиевич в МГУ. Они прекрасно понимали как

мало времени у обремененного педагогической нагрузкой ученого остается для научного поиска в архивах и поэтому старались присылать друг другу подробную информацию о своих находках. Виктор Георгиевич плодотворно поработал в архивах Югославии в 1962 году, а в 1968 году при его содействии Витомир Вулетич, получивший, наконец, заграничный паспорт, целый год провел в СССР в качестве сотрудника Института славяноведения и балканистики АН СССР и работал в советских архивах.

Переписка эта позволяет понять направление научного поиска обоих ученых, которые почти одновременно работали над докторскими диссертациями по сходным темам русско-сербских общественных связей в XIX веке. Виктор Георгиевич защитил в 1951 г. кандидатскую диссертацию о деятельности сербского социалиста Светозара Марковича, а в 1956 г. подготовил к изданию в СССР почти тысячестраничный том избранных сочинений Светозара Марковича. В. Вулетич, познакомившись с этим изданием, записал в своем дневнике: «В авторе Предисловия я почувствовал человека, близкого себе». Именно поэтому В. Вулетич, интересуясь русским периодом в жизни Марковича, обратился за помощью и советом к Виктору Георгиевичу.

Первое письмо Карасеву на сербском языке на адрес Института славяноведения и балканистики в Трубниковском переулке В. Вулетич написал 10 сентября 1959 г. В нем он обратился с просьбой к советскому ученому помочь «совсем Вам неизвестному югославу» так как начал подготовку диссертации «Светозар Маркович и русские революционные демократы». Виктор Георгиевич сразу откликнулся сообщив, что работает не в Институте славяноведения, а в Московском государственном университете, и указал адрес: Москва, ул. Герцена, дом 5. В своем первом письме югославскому коллеге В.Г. Карасев писал: «Мы занимаемся одним периодом, только вы литературовед, а я историк».

Почти сразу же в переписке, говоря о Светозаре Марковиче и его круге, о его российских контактах, оба ученых сошлись во мнении о необходимости выявлять и изучать публицистическое наследие Живоина Жуёвича (1838–1870). Постепенно в письмах Карасева фигура этого замечательного сербского журналиста и общественного деятеля начинает занимать лидирующее место. Ему будет посвящена докторская диссертация Виктора Георгиевича¹⁸ защищенная в 1971 г. и очень неор-

¹⁸ *Карасев Виктор Георгиевич. Сербский демократ Живоин Жуевич [Текст]: (Публицист. деятельность в России в 60-х годах XIX века): Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. (573) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак. Кафедра истории южн. и зап. славян. — М.: [б.и.], 1971. — 27 с.*

динарная монография вышедшая в 1974 г. в Издательстве «Наука»¹⁹. Основанная на отличном знании литературы вопроса и на абсолютно новых архивных документах, эта монография не только реконструирует биографию Жуёвича и открывает *восемьдесят две* неизвестных его публикации в российской прессе 60-х годов, выявленных Карасевым, но и, фактически, дает широкую картину российско-сербских демократических связей, а также позволяет понять степень и качество информированности русского читателя о ситуации на Балканах в целом и в Сербии в частности. Безусловно, характеристика Жуёвичу дана Карасевым с марксистских позиций, но она лишена жесткого догматизма, а представленный автором многогранный и многосторонний обзор жизни и деятельности Жуёвича оставлял читателю простор для размышлений и выводов.

В своей переписке ученые выясняют и уточняют имена и биографии тех сербских деятелей, которые сегодня, во многом благодаря и их усилиям, стали хрестоматийными — сестры Нинчич, Дреч и Филиппович. Так, работая с фондом III Отделения, Карасев задает Вулетичу вопрос, кто такая Драга Лёчич? И Вулетич затрудняется ответить. Сегодня это имя первой сербской женщины врача известно в Сербии каждому школьнику.

Ученые делились не только идеями и книгами, но и друзьями. Карасев познакомил Вулетича в Москве не только со всеми специалистами по истории и языку югославянских народов, но и со своим друзьями юности. Среди них выдающийся отечественный исследователь средневековой Руси Александр Александрович Зимин, завсегдаем дома которого стал Вулетич. Достал Виктор Георгиевич для Вулетича и стенограмму знаменитой дискуссии в АН СССР по поводу трактовки А.А. Зиминым «Слова о полку Игореве».

В 1972 г. у Витомира Вулетича югославские власти вновь отобрали паспорт, и он был лишен права выезда за границу до 1988 г. Виктор Георгиевич, приезжая в Югославию, продолжал встречаться со своим опальным и поднадзорным другом несмотря на слежку агентов Управления государственной безопасности.

Жизнь текла своим чередом с радостями и горестями, оба ученых потеряли жен, выросли дети, появились внуки. Друг друга они уже давно звали столь похожими именами Вита и Витя. Последняя их встреча состоялась в Москве в июне 1991 г. на конференции посвященной 90-летию Сергея Александровича Никитина. Эта встреча была печальной — Виктор Георгиевич был смертельно болен, а государства, в которых

¹⁹ Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М.: «Наука», 1974. — 334 с.

жили и трудились ученые — СФРЮ и СССР — доживали последние дни перед распадом.

Переписка двух замечательных людей свидетельствует об их крепкой многолетней дружбе и плодотворном научном сотрудничестве. Этот пример вдохновлял и вдохновляет их учеников, продолживших дело изучения русско-сербских связей.

Пуятин Владимир Сергеевич

ИВАН ДРАГОВИЧ ОЧАК: СУДЬБА НА ФОНЕ ЭПОХИ

Аннотация. Статья посвящена советскому и югославскому историку хорватского происхождения Ивану Очаку, одному из первых учеников Виктора Георгиевича Карасева. Судьба преподнесла немало испытаний на его жизненном пути: в годы Второй мировой войны он получил тяжелейшее ранение, а после ее окончания по воле случая оказался на лечении в Советском Союзе. И как раз в это время произошел советско-югославский разрыв отношений 1948 г., ставший судьбоносным для тысяч югославов и российских эмигрантов, проживавших в Югославии. Очак остается в СССР и начинает учиться на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, выбрав в качестве специализации историю своей родины на кафедре истории южных и западных славян. Под руководством В.Г. Карасева пишет дипломную работу и после успешной защиты кандидатской диссертации начинает преподавать на кафедре. Его научная и преподавательская и карьера складываются весьма успешно, под руководством Очака многие студенты пишут дипломные работы, он часто публикуется. Его научные работы заслуживают признания не только в СССР, но и в Югославии. Деятельность информбюровцев находилась под особым вниманием, как со стороны советских, так и югославских спецслужб. Материалы, обнаруженные в Хорватском государственном архиве, приоткрывают новые обстоятельства окончания «советского» периода в жизни ученого и университетского преподавателя. Возвращение и обустройство жизни на родине также было непростым, и только в 1990 г. югославские спецслужбы прекратили следить за Очаком. Любопытно, что жизненные перипетии не отразились на научных интересах историка, изучавшего историю КПЮ и антифашистского движения, но и продолжившего исследовать различные сюжеты, связанные с Советским Союзом и Россией уже после возвращения на родину.

Ключевые слова. Югославия, Хорватия, Информбюро, Московский университет, славяноведение.

Vladimir Putyatin

IVAN DRAGOVICH OCHAK: FATE AGAINST THE BACKDROP OF THE ERA

Abstract. The article is devoted to the Soviet and Yugoslav historian of Croatian origin Ivan Ochak, one of the first students of Viktor Georgievich Karasev. Fate presented a lot of trials on his life path: during the Second World War, he was seriously wounded, and after its end, by chance, he was treated in the Soviet Union. And just at that time there was a Soviet-Yugoslav break in relations in 1948, which became fateful for thousands of Yugoslavs and Russian emigrants who lived in Yugoslavia. Ochak remains in the USSR and begins studying at the Faculty of History of the Moscow State University. Lomonosov, having chosen as a specialization the history of his homeland at the Department of History of the Southern and Western Slavs. Under the guidance of V.G. Karasev, he writes a thesis and, after successfully defending his PhD thesis, begins teaching at the department. His scientific, teaching and career are developing very successfully, under the guidance of Ochak, many students write theses, he is often published. His scientific works deserve recognition not only in the USSR, but also in Yugoslavia. The activities of the information bureau were under special attention, both from the Soviet and Yugoslav special services. The materials found in the Croatian State Archive reveal new circumstances of the end of the «Soviet» period in the life of a scientist and university lecturer. Returning and settling down in his homeland was also difficult, and it was only in 1990 that the Yugoslav special services stopped monitoring Ochak. It is curious that the vicissitudes of life did not affect the scientific interests of the historian who studied the history of the Communist Party and the anti-fascist movement, but also continued to explore various subjects related to the Soviet Union and Russia after returning home.

Keywords. Yugoslavia, Croatia, Information Bureau, Moscow University, Slavic studies.

Будущий историк, доцент кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ, а затем преподаватель Философского факультета Загребского университета родился в 1920 г. в семье простого токаря Драгутина в небольшом селе Врдник (округ Ириг), принадлежащем исторической области Срем. Здесь он окончил 4 класса началь-

ной школы. С 1930 г. жил в Загребе, где учился в 4-й городской школе. Затем продолжил учебу в ремесленном училище, занимавшимся подготовкой кадров для нужд государственной железной дороги. Во время учебы был чрезвычайно активен, состоял в разных кружках и посещал секции. После окончания ремесленного училища два года проучился в Торговой академии. Некоторое время проработал токарем по металлу в железнодорожной мастерской, после этого получил место в управлении железной дорогой. В конце 30-х гг. в Югославии произошли большие перемены, в августе 1939 г. было заключено соглашение между премьер-министром Д. Цветковичем и председателем Хорватской крестьянской партии В. Мачеком о предоставлении автономии Хорватии, всколыхнувшем политическую обстановку в регионе. В это время в Загребе появилась новая газета «Искра», в создании которой принимал непосредственное участие Иван Очак, опубликовавший в ней свои первые публикации. Первоначально в газете практически не было материалов политической направленности, но впоследствии, согласно свидетельству члена КПЮ, полковника Владо Мутака (от 12 ноября 1949 г.), в ней стали все чаще появляться материалы, отражавшие точку зрения франковцев. При этом И. Очак играл в этом далеко не последнюю роль²⁰. Согласно некоторым данным, у него также вышло несколько статей в еженедельной газете «Хорватский народ», связанной с усташской организацией, и чье издание было запрещено властями уже 1 марта 1940 г. В этот период Очак сближается с местными коммунистами, постепенно начинает разделять их политические убеждения. Столь неожиданное изменение взглядов не должно удивлять, поскольку усташа и коммунисты были запрещены, а любая пропаганда их идей преследовалась властями. Кроме этого, и тех и других сближала радикальная риторика в национальном вопросе, пользовавшаяся популярностью среди хорватской молодежи, подчас слабо представлявшей идеологическую подоплеку того и другого политического движения. В 1940 г. Винка Еджут, член КПЮ с 1935 г., работавший вместе с Очаком в управлении железной дороги, предложил однопартийцам установить тесную связь с ним, пользуясь тем, что франковцы доверяли ему. С этого времени Очак начал оказывать различную помощь коммунистам, собирая ценную информацию, предоставляя документы и даже помогая с оружием²¹. После поражения Югославии в апрельской войне, и провозглашения Независимого государства Хорватия, местные коммунисты стали осуществ-

²⁰ Hrvatski državni arhiv. Fond 1561. Služba državne sigurnosti Republičkog sekretarijata za unutrašnje poslove Socijalističke Republike Hrvatske. Dosije Ivan Očak. S. 34. (далее – HDA-1561-SDS RSUP SRH. Dosije)

²¹ Ibid. S. 35.

влять различные акции саботажа, похищали оружие и совершали нападения на усташей. Очак продолжал работать и жить в Загребе на легальном положении, но при этом продолжил оказывать всяческую помощь коммунистам: находил временное укрытие для членов партии, распространял прессу и прокламации, а также предупреждал о возможном аресте. Однако усташа активно боролись против подпольщиков: летом 1941 г. В. Еджут был арестован и попал в лагерь. По состоянию здоровья его перевели в больницу, откуда он сбежал при помощи младшего брата Очака — Драгутина (1923–1996). Весной 1942 г. по подозрению был арестован и сам Иван Очак, но вскоре ему удалось выйти на свободу. После этого он покинул и Загреб и примкнул к партизанам. Несколько дней прослужил в батальоне Кеприка, из-за переохлаждения попал в больницу в Бане. После лечения перебрался в Лику и недолго работал в технической мастерской при главном штабе в Хорватии, вскоре стал комиссаром. После капитуляции Италии немецкие войска в сентябре–октябре 1943 г. провели ряд операций против партизан в районе Лики и Горског Котара. Около городка Оточац Очак вместе с товарищами на автомобиле оказались на пути немецкого танка, открывшего по ним огонь²². Очак получил тяжелое ранение, в результате которого ему ампутировали левую руку. По другим данным, свое ранение он получил при попытке обезвредить неразорвавшуюся авиационную бомбу²³. Ивана Драговича перевезли в Италию для лечения в госпитале портового города Таранто, находившегося к тому времени под контролем союзников.

После освобождения всей территории Югославии от оккупантов и коллаборационистов, в мае 1945 г. Очак получил должность первого помощника директора железных дорог в Хорватии, стал секретарем партийной организации, вскоре его перевели в Белград для работы в Министерстве путей сообщения ФНРЮ, где он возглавил отдел кадров. Но из-за ухудшения состояния здоровья в середине 1946 г. его отправили в Советский Союз, где он проходил лечение в Москве в Главном военном госпитале Красной Армии (ныне Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко). Лишь в декабре 1948 г. Очака выписали из больницы. К этому времени отношения между СССР и Югославией были разорваны после знаменитой резолюции Информбюро. Очак, как и большинство югославов, в то время находившихся в СССР, поддержал положения резолюции и остался в стране. Советская сторона предприняла ряд шагов для организации югославских коммунистов — информбюровцев, так в Москве в 1949 г. стала выходить газета

²² Ibid. S. 37.

²³ *Sobolevski M.* In memoriam Dr. Ivan Očak (1920–1994) // *Časopis za suvremenu povijest.* 1994. №3. S. 569.

«За социалистическую Югославию», вместе с тем за ними был установлен и особый контроль. В 1950 г. координационный совет югославских эмигрантов провел целое расследование по изучению деятельности и биографии Очака, в результате которого его исключили из состава организации и прервали с ним всякие контакты²⁴. Несмотря на произошедшее Очак принял гражданство Советского Союза и вступил в КПСС. По решению ЦК КПСС ему была выделена стипендия для обучения на Историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Специализировался на кафедре истории южных и западных славян, которую окончил в 1953 г., написав под руководством В.Г. Карасева дипломную работу: «Начало рабочего движения в Сербии и русско-сербские революционные связи»²⁵. Нормализация отношений между СССР и Югославией в 1955 г. не повлияла на жизненный выбор Очака: он продолжил учебу в аспирантуре Исторического факультета и в 1958 г. под руководством В.Г. Карасева защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Участие югославы в борьбе за победу советской власти в России 1917–1921 гг.» (оппоненты: И.И. Минц и Ю.А. Писарев). После успешной защиты остался на кафедре для преподавания новейшей истории Югославии, историографии южных славян, источниковедения южных славян, с 1963 по 1972 гг. также читал курс по архивистике и археографии. Вел семинар по средневековой истории южных славян. Руководил архивной практикой на кафедре, осуществлял научное руководство в аспирантуре кафедры истории южных и западных славян. Прошел путь от младшего научного сотрудника до доцента. С 1960 по 1972 г. под его руководством защитилось 42 студента²⁶.

Параллельно с преподаванием на кафедре истории южных и западных славян, Иван Драгович читал лекционные курсы по истории югославских народов в других подразделениях Московского университета: на факультете журналистики и на философском факультете.

После успешной защиты Очак продолжил свою тему исследования, при этом работал не только с архивными данными, но и активно искал контакты оставшихся родственников югославских участников Гражданской войны в России. Благодаря упорной и кропотливой работе,

²⁴ HDA–1561–SDS RSUP SRH. Dosije. Sluzba drzavne sigurnosti. Centar Zagreb. 11.07.1984. S. 643.

²⁵ Историки-слависты Московского университета: К 40-летию кафедры истории южных и западных славян: Материалы и документы. М., 1979. С.124.

²⁶ Подробнее см.: Историки-слависты Московского университета: К 40-летию кафедры истории южных и западных славян: Материалы и документы. М., 1979.

историку удалось собрать обширные данные о судьбе югославын, принимавших участие в Гражданской войне на стороне красных, судьба большинства которых была незавидна. Так, в 1964 г. Очак подготовил биографическое исследование о Данииле Сердиче, сербском добровольце, участнике штурма Зимнего дворца, командире 3-го кавалерийского корпуса, который в 1937 г. был уволен с военной службы, арестован по обвинению в «участии в военно-фашистском заговоре» и расстрелян²⁷. Возможность публикации отдельного исследования о легендарном командире времен Гражданской войны, репрессированного в эпоху большого террора, была продиктована глубокими изменениями, происходившими в советском обществе того времени. На следующий год книга вышла в Белграде, в соавторстве с югославским историком Михаилом Маричем.

В 1966 г. серьезно обновленный текст кандидатской диссертации был опубликован в виде монографии под названием: «Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917–1921 гг.)». Ответственным редактором выступила доцент кафедры истории южных и западных славян И.М. Белявская. Спустя год исследование перевели на сербскохорватский язык и выпустили в Белграде. Публикация его монографии вызвала широкий отклик не только в СССР, но и в Югославии. Ученому стали поступать письма с уточнением тех или иных биографических данных югославын — участников Гражданской войны.

В 60-е гг. XX в. перед членами кафедры истории южных и западных славян была поставлена задача изучения истории исторической науки в славянских странах. Иван Драгович принял участие в нескольких коллективных работах того времени: в сборнике «Славянская историография» (М., 1966), в учебных пособиях «Историография нового времени стран Европы и Америки» (М., 1967) и «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (М., 1968).

В 1969 г. коллектив кафедры (в том числе И.Д. Очак) при участии историков из Института славяноведения РАН и историков Воронежского и Харьковского университета подготовил совершенно обновленный учебник «История южных и западных славян», вызвавший серьезную полемику и резонанс, главным образом вокруг т.н. «македонского» вопроса. В результате после многих согласований и правок, внесенных в разделы преимущественно по новейшей истории, учебник уже в качестве учебного пособия вышел лишь в 1979 г.²⁸

²⁷ Сердич Даниил // Сталинские расстрельные списки. URL: <https://stalin.memo.ru/persons/p36166/> (дата обращения 27.01.2022).

²⁸ Историческая наука в Московском университете. 1755–2004 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2004. С. 439–440.

Помимо преподавательской и научной работы на Историческом факультете, Очак занимался партийной и общественно-политической деятельностью, был секретарем партийной организации на кафедре истории южных и западных славян, председателем профсоюзной организации, читал лекции о Югославии при Московском городском комитете КПСС. С середины 60-х гг. XX в. начались его регулярные поездки в социалистическую Югославию. После вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. во время знаменитых событий «Пражской весны», Югославия выступила с официальным осуждением действий советского руководства во время кризиса. Очак в это время в своих многочисленных лекциях, прочитанных как на факультетах Московского университета, так и для советского командного состава, в свою очередь активно критиковал позицию официального Белграда по чешскому вопросу. А в первой половине 1969 г. Иван Драгович выступил с рядом лекций, посвященных советско-югославскому разрыву отношений 1948 г., в которых отстаивал советскую точку зрения в конфликте. Чрезвычайная активность Очака не могла не оказаться не замеченной югославскими спецслужбами, и 24 марта 1970 г. поступило предложение об установлении с ним контакта одного из агентов для «углубления наших сведений о деятельности информбюровской эмиграции, а в особенности московской группы»²⁹. Подобное предложение со стороны хорватского отделения Службы государственной безопасности было связано с предстоящей поездкой Очака в Загреб, намечавшейся на начало июля 1970 г. При этом в случае «искренности и открытости, и, если он признается в своих связях с советскими спецслужбами», даже рассматривался вопрос о возможном возвращении Ивана Очака на родину³⁰. Однако против установления прямой связи со Службой государственной безопасности во время его пребывания в Югославии, высказались представители посольства Югославии в Москве, сообщившие о регулярных контактах с Иваном Драговичем, имевших «максимальную пользу», как в вопросе «информбюровской эмиграции, так и шире – в контрразведывательном плане», поэтому от этой идеи пришлось отказаться³¹.

После очередной поездки в Югославию в 1971 г., историк стал жаловаться представителям посольства СФРЮ на то, что к нему сильно изменилось отношение в Советском Союзе, в университете его стали подозревать в проюгославских симпатиях. По сведениям, полученным

²⁹ HDA–1561–SDS RSUP SRH. Dosije. Информация №185 от 24 марта 1970 г. S. 312.

³⁰ Ibid. S. 319.

³¹ HDA–1561–SDS RSUP SRH. Dosije. Dep. 399 от 15.07.1970. S. 354.

представителем югославских спецслужб из разговора с советским историком Владимиром Владимировичем Зелениным, находившимся в Югославии в середине 1971 г., в СССР к тому времени уже готовили арест «двойного сотрудника советской и югославской службы»³². Подтверждение этого мы находим в том, что намечавшаяся в 1971 г. защита его докторской диссертации под названием: «Борьба югославских интернационалистов за идеи Октября в Югославии в 1918–1921 гг.» (автореферат хранится в РГБ), так и не состоялась. В марте 1972 г. во время встречи видного югославского партийного деятеля Юрия Билича и члена Политбюро ЦК КПСС Михаила Андреевича Суслова, последний заявил, что «пусть он едет в Югославию и там защищает свою диссертацию»³³. А в ходе официального визита Й. Броза Тито в Москву, проходившего 5–10 июня 1972 г., состоялась беседа югославского генерала Ивана Мишковича, специального советника по делам государственной безопасности, и главы КГБ Юрия Владимировича Андропова, в ходе которой последний обвинил Очака в поддержании постоянных контактов с югославским консулом Сретеном Алексичем. Андропов по этому поводу заявил, что у них есть «полные сундуки» документации (магнитофонные записи и др.) о связях Очака с посольством СФРЮ и они могут быть представлены югославской стороне³⁴. В этом же году Очак был исключен из партии и не мог больше преподавать в Московском университете.

16 сентября 1972 г. выйдя на работу из своего дома, Очак был остановлен капитаном милиции для проверки документов, но пока он доставал паспорт рядом с ним остановилась машина, из которой выскочили двое мужчин, одетых в гражданскую одежду, и быстро посадили в нее. Они представились сотрудниками КГБ и направились в Лефортовскую тюрьму. На четвертом этаже в комнате дознания его уже ждали два офицера КГБ, один из которых был в генеральской форме и к нему обращались, называя «Павлом Александровичем». Очак попробовал опротестовать свое задержание, на что получил объяснение, что его просто «позвали для разговора»³⁵. Первый вопрос касался известного югославского коммуниста Георгия Митровича, еще до войны уехавшего в СССР и проведенного в местах заключения более 20 лет. Сотрудники КГБ расспрашивали о характере его взаимоотношений с Митровичем и особенно интересовались судьбой его дневниковых записей («Лагеря и тюрьмы в СССР»). Очак ответил, что действительно эти материалы находятся у

³² HDA–1561–SDS RSUP SRH. Dosije. V sector SDB SSUP от 13 апреля 1973 г. S. 404.

³³ Ibid S. 405.

³⁴ Ibid S. 405.

³⁵ HDA–1561–SDS RSUP SRH. Dosije. Beleska o razgovoru (Sreten Aleksic). S. 423.

него, но он никогда не думал об их отправке в Югославию или на Запад. Затем стали интересоваться политическими взглядами среди югославских эмигрантов, а также его контактами с представителями югославского посольства. Когда разговор дошел до этого момента, генерал попросил включить магнитофонную пленку и произнес, что «мы располагаем всеми вашими разговорами с Алексичем»³⁶. Далее генерал сказал, что им «хорошо известно» о том, что сотрудники посольства СФРЮ Гребенар и Кривокапич были связаны с югославскими спецслужбами, но, по всей видимости, они не обладали подобной информацией об Алексиче. При этом в ходе беседы сотрудники КГБ пытались подвести его к признанию работы на югославское посольство. Но в конце разговора, продолжавшегося около 5 часов, генерал стал более любезным и стремился всячески расположить к себе Ивана Драговича и высказался в том духе, что, если им удастся достигнуть соглашения, то по отношению к нему не будут применены никакие репрессивные меры, он продолжит работу и сохранит свои нынешние привилегии. Также дали «гарантию» в том, что его не будут привлекать к работе против Югославии, но могли бы «полезно использовать на другой стороне»³⁷. На этом беседа завершилась, и Очаку сказали, что у него есть некоторое время для того, чтобы обдумать разговор и принять решение.

Однако 28 октября историка вызвали в Московский городской комитет КПСС для разговора с председателем Партийной коллегии Василием Николаевичем Крестьяниновым и Ивановым, в ходе которого Очак подробно расспрашивали о его положении, рабочих делах и т.д. Иван Драгович упомянул о своем задержании, что и оказалось главным предметом встречи, поскольку от него потребовали раскаяться в содеянном им и составить подробную покаянную записку. Однако Очак ответил на высказанные обвинения решительным отказом. Во второй половине ноября его вновь позвали в Московский городской комитет КПСС, где оповестили, что на основе материалов, предоставленных КГБ, он будет лишен членства в КПСС. В материалах содержалось обвинение в его связях с устахами в Югославии во время войны, опиравшееся на решение «группы югославских коммунистов» 1950 г., когда Очак был исключен из эмигрантской организации. Также утверждалось, что он установил связи с антисоветскими элементами в СССР, перевозил западный образ жизни, а также имел постоянную связь с «одним иностранным посольством» в Москве, куда передавал секретные сведения. Вскоре после этого, 4 декабря 1972 г. Очака лишили советского гражданства. В конце месяца его вызвали в отделение милиции, где сообщили

³⁶ Ibid. S. 424.

³⁷ Ibid. S. 426.

о том, что в самое ближайшее время он должен покинуть территорию Советского Союза.

В начале следующего года Иван Драгович в очередной раз обратился в посольство Югославии с просьбой предоставить ему возможность вернуться на родину³⁸. Вопрос был деликатным и окончательное решение затянулось, югославские спецслужбы вновь начали анализировать всю возможную информацию, связанную с Очаком. При этом базовыми стали две версии в отношении произошедшего. Согласно первой из них, советские спецслужбы таким образом отреагировали на ряд претензий, высказанных советской стороне высшим руководством СФРЮ, связанных с антиюгославской активностью информбюровцев на территории СССР. Согласно второй версии, советские спецслужбы спланировали акцию вместе с Очаком с целью его возвращения в Югославию в качестве долголетнего и проверенного сотрудника. Несмотря на имеющиеся сомнения Службы государственной безопасности республики Хорватии и Сербии не стали возражать против возвращения историка на родину, опираясь на точку зрения Государственного секретариата по внешней политике³⁹.

Вместе с русской супругой Анной Васильевной, Очак прибыл на родину лишь 8 сентября 1973 г. В Загребе они поселились в квартире близкого друга Очака югославского историка Фердо Чулиновича (почетный доктор МГУ с 1970 г.), поскольку родительская квартира была однокомнатной, а ко времени окончательного переезда в Югославию она была буквально заставлена книгами, отправленными историком до этого из СССР. В это время у Ивана Драговича, из-за камня в почках обострились боли, советская сторона даже прислала предложение о его возможной госпитализации в СССР, но Очак его отклонил, посчитав, что это станет удобной возможностью для его «ликвидации»⁴⁰. Пользуясь своим статусом инвалида войны, он обратился к Союзу ветеранов с просьбой подтвердить его право на пенсию и разрешить вопрос с получением жилья. Достаточно быстро ему начали выплачивать пенсию в размере 2400 динар, а уже на следующий год семье Очака, согласно постановления городской скупщины Загреба, была предоставлена квартира.

После приезда Очак безуспешно попытался трудоустроиться на Философском факультете Загребского университета и в Институте рабочего движения г. Загреба. Несмотря на то, что ему так и не дали возможность стать преподавателем или научным сотрудником, Очак не оставил занятия историей, посещал югославские архивы и библиотеки, продол-

³⁸ HDA-1561-SDS RSUP SRH. Dosije. Beleska Ep. 231. От 16.01.1973. S. 392.

³⁹ HDA-1561-SDS RSUP SRH. Dosije. V sector SDB SSUP от 13 апреля 1973 г. S. 408.

⁴⁰ HDA-1561-SDS RSUP SRH. Dosije. Извештај от 14.09.1973. S. 422.

жал заниматься научными изысканиями. При этом исторические журналы в СФРЮ охотно публиковали его научные статьи, выходившие с заметной регулярностью. Любопытно, что не были прерваны и научные связи ученого с Советским Союзом, так и в 1974 г. в Алма-Ате вышла его совместная работа с историком Абу Сактагановичем Такеновым, посвященная прославленному казахскому революционеру и участнику Гражданской войны А.Т. Джангильдину. В 1976 г. в СФРЮ вышла монография, посвященная народному герою Югославии Раде Кончару, генеральному секретарю компартии Хорватии, расстрелянному итальянцами в 1942 г. Книги и работы Очака выходили не только в СССР и Югославии, но и в Болгарии и Польше. Параллельно он охотно брался за переводы, поэтому вскоре был принят в Союз литературных переводчиков Хорватии.

В том же году была опубликована отдельная монография об югославянах, участвовавших в Гражданской войне в России на стороне красных и вернувшихся после ее окончания в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Через два года вышло небольшое исследование биографического характера, в центре которого была фигура хорватского революционера Густава Барабаша, отличившегося во время боев на Украине во время Гражданской войны. Его судьба, как и многих югославян, сложилась трагически: после возвращения на историческую родину, он находился под неустанным полицейским надзором, а после запрещения коммунистической пропаганды и деятельности Компартии Югославии, был вынужден окончательно покинуть родину и бежать в Советскую Россию. Во время эпохи Большого террора Барабаш был осужден за «участие в антисоветской вредительско-террористической организации правых» и расстрелян 25 декабря 1937 г.⁴¹

В ходе решения своих материальных и житейских вопросов, Иван Драгович Очак активно контактировал с виднейшими представителями государственных и партийных кругов Югославии (Владимиром Бакаричем, Павлом Грегоричем и др.). Помимо бытовых проблем, Очак стремился получить особую награду: «Партизанский памятный знак 1941 г.», дававшуюся только тем, кто участвовал в антифашистской борьбе с 1941 г. Для этого в 1981 г. он специально приехал в Белград в Федеральный секретариат народной обороны, где состоялся его обстоятельный разговор с подполковником Савичем. После чего им были собраны доказательства и найдены свидетели (по закону награда предоставлялась только в том случае, если 2 уже удостоенных памятным

⁴¹ Барабаш Густав // Сталинские расстрельные списки. URL: <https://stalin.memo.ru/persons/p19122/> (дата обращения 27.01.2022).

знаком подтверждали участие в антифашистской борьбе). Все документы передали Бакаричу, лично одобтившему награждение⁴².

В то же время одним из научных интересов Очака было изучение истории Коммунистической партии Югославии в 20–30-е гг. XX в., и с 1974 г. историк контактировал и встречался с прославленным югославским писателем и поэтом Мирославом Крлежей⁴³. Результатом этих встреч и кропотливой исследовательской работы стала книга, посвященная связям писателя с различными деятелями коммунистического и рабочего движения межвоенного периода, вышедшая уже после его смерти в 1982 г.⁴⁴

Только с 1980 г. в качестве научного консультанта Очак начал работать в отделении хорватской истории при центре исторических знаний Загребского университета (ныне Философский факультет). С 1980 по 1991 гг. работал в отделении хорватской истории Загребского университета. В этот период, ученый продолжал заниматься, как историей КПЮ, так и изучением деятельности югославы в Коминтерне, поднимал вопрос сталинских репрессий. В 1985 г. была опубликована работа: «Югославские эмигранты из Америки в СССР (в межвоенный период)». В 1988 г. вышло исследование: «Милан Горкич: жизнь, деятельность, гибель», посвященное секретарю ЦК КПЮ с 1932 по 1937 гг., расстрелянному по обвинению в «антисоветской, террористической, враждебной СССР деятельности»⁴⁵.

Лишь в мае 1990 г. Служба государственной безопасности (Загреб) приняла решение о прекращении какой бы то ни было слежки за историком, констатируя: «Опираясь на предпринятые меры и работу, Служба не смогла задокументировать и следовательно утверждать, что Иван Очак по заданию советских спецслужб прибыл в СФРЮ»⁴⁶.

В последние годы своей жизни, с 1988 по 1994 гг. Очак преподавал архивистику на отделении информатики Философского факультета. После распада Югославии и провозглашения независимости Хорватии, несмотря на свой преклонный возраст и состояние здоровья, Иван Дра-

⁴² HDA-1561-SDS RSUP SRH. Dosije. Sluzba drzavne sigurnosti. Centar Zagreb. 11.07.1984. S. 646–647.

⁴³ Очак Иван. URL: <https://krlezijana.lzmk.hr/clanak.aspx?id=1954> (дата обращения 27.01.2022).

⁴⁴ Очак И. Крлежа — Партија. Мирослав Крлежа у радничком и комунистичком покрету 1917–1941. Загреб: Спектар, 1982.

⁴⁵ Горкич Милан Миланович // Сталинские расстрельные списки. URL: <https://stalin.memo.ru/persons/p11409> (дата обращения 27.01.2022).

⁴⁶ HDA-1561-SDS RSUP SRH. Dosije. Prijedlog za obustavu obrade от 22 мая 1990 г. S. 679.

гович намеревался совершить поездку в Россию для работы в архивах, но, к сожалению, на нее так и не было выделено необходимых средств. Последней его монографией стала работа о хорватско-русских связях во второй половине XIX–XX вв., опубликованная в 1993 г. незадолго до смерти ученого.

Носкова Альбина Федоровна

**ВЫПУСКНИЦА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ
ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
В.С. ПАРСАДАНОВА (1928–2020)**

Аннотация. Статья посвящена творческому пути В.С. Парсадановой — известного советского и российского историка-полониста, автора более 200 научных трудов, включая четыре монографии и две — в соавторстве по истории советско-польских отношений в 1939–1949 гг. и роли СССР в процессе формирования народной власти в Польше. В 1970-е годы Парсаданова участвовала в совместном советско-польском издании документов по истории советско-польских отношений в годы Второй мировой войны; а в 1980-е годы являлась одним из исполнителей крупных научных проектов по истории антифашистской борьбы польского и советского народов, межгосударственных отношений в военный и послевоенный период, формирования новой власти в Польше на заключительном этапе этой войны и истории советско-польских отношений в послевоенный период. В 80–90-е гг. была членом Комиссии историков СССР–ПНР, занимавшейся выявлением документальных материалов по сложным вопросам отношений СССР и Польши в годы войны и представившей в Комиссию «по белым пятнам», созданную по решению руководства двух стран, обнаруженные в секретных архивах СССР документы по «делу Катynи», подтверждающие вину советского руководства в расстреле польских военнопленных в 1940 г. Парсадановой удалось систематизировать найденные документы, реконструировать само событие; подготовить блок документов для передачи их Президенту Польши В. Ярузельскому в апреле 1989 г. На основе выявленных документальных материалов ею написана научная статья, опубликованная в 1990 г. и монографическое исследование истории «дела Катynи» (в соавторстве). Исследователь участвовала в написании коллективной монографии «Польша в XX в. Очерки политической истории» (М., 2012). Парсаданова завершила научную деятельность изданием в 2018 г. первой в российской историографии научного исследования об истории движении Сопротивления в Польше (1939–1945 гг.).

Ключевые слова. история, XX век, Вторая мировая война, советско-польские отношения, Катynь.

Albina Noskova

**V.S. PARSADANOVA —
A GRADUATE OF THE DEPARTMENT
OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVIC HISTORY
(1928–2020)**

Abstract. The article analyses the career path of V.S. Parsadanova, a famous Soviet/Russian Polonist. She is the author of more than 200 scholarly works, including 4 monographies, she is a co-author of the work on the history of Soviet-Polish relations in 1939–1949 and on the role of the USSR in the formation of the people's power in Poland. V. S. Parsadanova also contributed to the publishing of documents on Soviet-Polish relations in World War II, on combatting anti-fascism, on international relations in after-war period, on the formation of a new government in the final phase of WWII. In 1980–1990 s V. S. Parsadanova was a member of the Commission of USSR–PPR historians that was engaged in identifying documentary materials on complex issues of relations between the USSR and Poland during the war, she submitted to the Commission on «white spots» the documents discovered in the secret archives of the USSR on the Katyn case, confirming the guilt of the Soviet leaders in the shooting of Polish war prisoners in 1940. Parsadanova systematized the documents, reconstructed the event itself and prepared a block of documents for transfer to the President of Poland V. Jaruzelski in April 1989. Based on the documentary materials, Parsadanova wrote a scientific article published in 1990 and a monographic study on the history of the «Katyn affair» (co-authored); she was one of the contributors to a collective monograph «Poland in XXth century. Essays on Political History» (M., 2012). She completed her scientific activity in 2018 with the publication of the first scientific book in Russian historiography about the history of the Resistance movement in Poland (1939–1945).

Keywords. history, XX century, World War II, Soviet–Polish relations, Katyn.

Кафедра истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова, которую долгие годы возглавлял профессор Виктор Георгиевич Карасев, выпустила в большую, в том числе научную, жизнь сотни историков-славистов. Среди них Валентина Сергеевна Парсаданова. Виктор Георгиевич и Валентина Сергеевна — современники, оба пришли на ка-

федру в 1946 г. и три года учились одновременно. Он — аспирант, она — студентка. Он — югославист, она — полонист, выпускница профессора И.М. Белявской, аспирантка и ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики. Два известных слависта, но судьбы разные. В.Г. Карасев до конца своих дней действующий профессор МГУ, заведующий кафедры. В.С. Парсаданова прекратила работу в Институте славяноведения и балканистики Российской академии наук в 1992 г. по принуждению, но прожила долгую научную жизнь.

Ее самостоятельная работа началась в 50-е годы и была весьма плодотворной: создано более 200 научных трудов, написаны четыре индивидуальные монографии и две в соавторстве, опубликованы многочисленные научные статьи. Парсаданова была одним из авторов фундаментальной коллективной монографии «История Польши» (М., 1954–1958 гг.), дополненной в 1964 г. «Очерками истории Народной Польши»; шеститомной «Истории Великой Отечественной войны» (Т. 6. М., 1965), десятитомной «Всемирной истории» (т. 10. М., 1965). Особую роль в процессе ее профессионального становления сыграло участие в работе коллектива советских и польских историков над многотомной публикацией «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Издание источников из советских и польских архивов хронологически охватывало события, происходившие в России/СССР и Польше/ПНР с февраля 1917 г. по декабрь 1965 г. Содержание проекта соответствовало тому времени, в том числе и идейному «духу» рождения и развития советского и польского государств в первой половине XX в. Но, несмотря на идеологическую заданность, отсутствие свидетельств по ряду «чувствительных» фактов общей истории и порой неприглядных деяний власти, издание не утратило научной ценности до сего дня.

Вклад Парсадановой в это издание значителен. Она была редактором советских выпусков VII (1939–1943гг.) и VIII (1944–1945гг.) томов, документы которых восстанавливали события в возможной тогда мере и рисовали сложные отношения СССР и Польши накануне, во время и сразу после Второй мировой войны. Работа над этой публикацией принесла Парсадановой владение обширными знаниями, включая и те факты прошлого, что остались «за кадром» проекта. Тогда сформировалось убеждение в научной ценности поиска и публикации новых источников, определился магистральный интерес историка и особый, на десятилетия вперед, исследовательский «почерк».

В 1970–1980-е гг. Парсаданова участвовала в подготовке трудов Института славяноведения и балканистики, обобщавших историю стран Центральной и Юго-Восточной Европы во время и после Второй мировой войны. В фокусе ее научных интересов — борьба польского народа против гитлеровцев, тактика левых сил, изменение общественного

строю в Польше и обеспечение ее внешне-политической безопасности⁴⁷. Сколь бы критически мы сегодня ни относились к этим работам, но содержащийся в них добротный фактический, порой дискуссионный материал, «подталкивал» историков к поиску новых документов, переосмыслению недавних обобщений тогда, когда в конце 80-х гг. XX в. советские архивы открывали ранее недоступные фонды.

Параллельно с участием в коллективных трудах Института Валентина Сергеевна работала над индивидуальными монографиями. В 1972 г. вышла из печати первая — «Формирование Национального фронта в Польше. 1944–1946 гг.»; в 1982 г. свет увидела вторая — «Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.»; в 1990 г. третья — «Советско-польские отношения. 1945–1949 гг.». Новые документы, введенные в научный оборот, отражали весьма непростую историю рождения Народной Польши и советско-польских отношений, проясняли главную, продиктованную объективной потребностью цель СССР — во имя безопасности двух стран стать гарантом геополитически выгодных Польше границ и внутренней устойчивости национально единого государства. Всем приведенным фактическим материалом Валентина Сергеевна, используя принятую в советской историографии лексику и терминологию, показывала суть происходивших событий: приведение польских коммунистов к власти советской стороной, содействие их политическим практикам 40–50-х гг. вовсе не были геополитической «прихотью» Москвы. Этот вывод не потерял свое значение и теперь.

Насыщенными работой и несомненными успехами в прояснении сложнейших проблем истории советско-польских отношений были для нее вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг., когда она работала над четвертой монографией «Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг. (Направления, программы, практика, результаты)» и выступала на научных конференциях с докладами по слабо изученным проблемам истории «польской» политики СССР кануна и времени Второй мировой войны.

⁴⁷ См. главы и разделы В.С. Парсадановой в коллективных трудах: «СССР и Польша. Интернациональные связи. История и современность» (М., 1972); «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941–1945 гг.» (М., 1978); «Национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1985); «СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества». (М., 1985); «Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории» (М., 1989); «Политический кризис в Европе 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1989).

Работу в Институте славяноведения и балканистики АН СССР Валентина Сергеевна совмещала с участием в деятельности Комиссии историков СССР и ПНР, созданной по решению руководства двух стран. Со-председателем Комиссии был член ЦК КПСС, директор ИМЭЛ Г.Л. Смирнов⁴⁸. Курировал работу советской части Комиссии по линии Политбюро секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев. Комиссия была создана весной 1987 г. с задачей разобраться в так называемых «белых пятнах» в советско-польских отношениях, негативно влиявших на общественно-политическую ситуацию в Польше, осложнявших межгосударственные отношения. Осенью 1987 г. в советской части Комиссии была создана особая, узкая рабочая группа специалистов по истории Второй мировой войны: директор Института всеобщей истории АН СССР, академик А.О. Чубарьян, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктор исторических наук В.К. Волков, а также другие специалисты. Среди них доктор исторических наук В. С. Парсаданова.

Особая группа была ориентирована на исследование наиболее резонансных, прежде всего в ПНР, «белых пятен» кануна и начала войны. Имелись в виду, в первую очередь, секретные протоколы к Договору СССР с Германией от 23 августа 1939 г. о ненападении, Договор от 28 сентября 1939 г., судьба польских военнослужащих, сдавшихся в плен Красной армии в сентябре 1939 г., и принудительные депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Необходимые для исследователей документы находились в ту пору на особом режиме хранения в строго секретных фондах закрытых архивов СССР. Это позволяло руководству СССР и советской пропаганде в лучшем случае замалчивать, в худшем — исказить подлинную историю этих событий, сообразуясь с политической конъюнктурой.

Без ознакомления с архивными материалами было невозможно восстановить их действительное конкретно-историческое содержание, определить мотивы действий советского руководства, и тем создать основания для принятия политических решений руководством страны. Подкрепив эти решения передачей польской стороне копий обнаруженных материалов, можно было разрядить кризисную ситуацию в Польше и снизить напряжение в советско-польских отношениях. В этом был политический смысл работы советской части Комиссии и особой группы. Так прояснилась задача получения нужных архивных документов.

⁴⁸ Задачи и содержание работы Комиссии тщательно проанализированы: Яжборовская И.С. Яблоков А.Ю. Парсаданова В.С. Катинский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001, 2009 (Гл. 4 и 5). Книга является не только научным исследованием, но и историческим источником.

По предыдущему опыту работы Парсаданова знала «трудные», имевшие политические «табу» на оглашение и научную разработку, проблемы, ориентировалась и в том, где следует искать необходимые материалы. Прекрасное владение польской историей времени войны и квалификация историка-полониста позволили Валентине Сергеевне немедленно подготовить справочный материал по тому кругу вопросов в советско-польских отношениях, которые находились в поле зрения Комиссии по «белым пятнам». В связи с предстоявшей встречей М.С. Горбачева и В. Ярузельского в апреле 1987 г., «для делегации» Парсадановой были представлены справки о Договорах СССР и Германии в августе–сентябре 1939 г.; о польских военнопленных в СССР (1939–1940 гг.) и Варшавскому восстанию (1944 г.), а для советской части Комиссии — о положении польского населения в СССР в годы Второй мировой войны.

Уже на первом пленарном заседании Комиссии в мае 1987 г. проблема судеб польских военнопленных 1939 г. «встала со всей остротой»⁴⁹. Ее прояснение было поручено Парсадановой, которая в 1989–1990 гг. подготовила принципиально важные материалы об обнаружении ею документов, подтверждавших факт расстрела польских военнопленных весной 1940 г., и тем заявила о настоятельной необходимости решить вопрос о «деле Катюши». Всего в 1986–1990 гг., Валентина Сергеевна подготовила, по указанию «инстанций», 15 справок общим объемом 5,5 а.л., в которых обосновала документальные возможности раскрыть это «дело».

Парсаданова активно использовала право в пределах материала, допустимого к оглашению, выступать на конференциях и «круглых столах», печататься в научных журналах и массовых периодических изданиях и тем вносить вклад в устранение «белых пятен» в советско-польских отношениях. Один из примеров — публикация весной 1989 г. статьи о положении и депортациях вглубь СССР коренного, в основном польского, населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.⁵⁰.

⁴⁹ Яжборовская И.С. Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катюшин синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2009. С. 248.

⁵⁰ Парсаданова В.С. Армия Андерса на территории СССР (1941–1942 гг.) // Новая и новейшая история. 1988. №5; Важна правда // Аргументы и факты. 1988; Она же. Просяния «белые пятна» // Международная жизнь. 1988. №5; Она же. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. №2; Она же. Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. №5; Она же. Советско-польские отношения накануне 1 сентября 1939 г. // Политический кризис

Выяснение правды о судьбе польских военнопленных в СССР было труднейшей задачей. Она занимала важнейшее место в работе Комиссии. Предстояло найти подлинные документы, представить их советской части Комиссии по «белым пятнам» и Политбюро ЦК КПСС. Поисковая и аналитическая работа по этому вопросу была поручена Парсадановой и выполнялась тогда, когда в руководстве КПСС и страны не было единого мнения на этот счет. Влиятельная консервативная его часть препятствовала выяснению правды о «деле Катюни». Однако усилиями тех политиков, которые считали правильным на основе аутентичных документов признать расстрел польских военнослужащих в 1940 г. и назвать виновников совершенного преступления, «Катынское дело» медленно, но продвигалось. Повлиять на позиции тех членов Политбюро ЦК КПСС, кто отстаивал версию расстрела поляков немцами, и на колеблющегося М.С. Горбачева могли только подлинные документы, которые искала Парсаданова.

Сторонником признания происшедшего был академик Г.Л. Смирнов. В первые месяцы 1989 г. он пришел к выводу, что «члены Комиссии не могут тянуть с решением вопроса «о поляках» и его надо снять до очередного заседания Комиссии в мае–июне»⁵¹. Академик добился того, что Парсаданова была допущена в Особый архив ГАУ СССР, где на строящемся хранении находились материалы Главного Управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР и среди них дела о польских военнопленных 1939 г. Так Валентина Сергеевна стала первым историком, прикоснувшимся к подлинным свидетельствам того, что происходило весной 1940 г. вблизи Смоленска. 18 апреля 1989 г. и М.С. Горбачев «получил в руки комплекс совершенно секретных документов» по «делу Катюни», хранившихся в Архиве Политбюро ЦК КПСС («особый пакет №1»). С этого дня он знал «истинные факты расстрела поляков», знал имена тех, кто принимал решение, но ход документам тогда дан не был⁵².

5 мая 1989 г. состоялось заседание советской части Комиссии, где обсуждался вопрос о пленных поляках. Парсаданова доложила о решающих проблеме итогах работы в Особом архиве: выявлении по

1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; *Она же*. Белые «пятна» истории: Депортации польского населения в СССР. 1939–1942 гг. Причины и последствия // Военный вестник 1989. №5; *Она же*. Воссоздать подлинную историю советско-польских отношений // Гласность. Насущные вопросы и необходимые ответы. М., 1989.

⁵¹ Яжборовская И.С. Яблоков А.Ю. Парсаданова В.С. Катынский синдром. М., 2009. С. 279–280.

⁵² Там же. С. 291–292.

«делу Катыни» документов, подтверждающих факт расстрела поляков сотрудниками НКВД весной 1940 г., признала, что это не могло произойти без соответствующего решения высшего руководства ВКП (б), оригинал которого хранился в закрытом Партийном архиве ЦК КПСС. Как пишут участники этого заседания, Валентина Сергеевна «на этот раз так и сыпала фактами о лагерях, их заполнении и «разгрузке», называла даты, документы, говорила о существовании списков военнопленных. Основная информация касалась Козельского лагеря». Это был смелый поступок, ведь она имела право делиться информацией конфиденциально и только с Г.Л. Смирновым. Но теперь этой информацией владели все те члены советской части Комиссии, кто присутствовали на заседании. Это стало переломным моментом в продвижении «дела Катыни» к публичному оглашению. На основании надежных архивных источников Парсаданова подготовила специальную Записку о выявленных материалах и их местонахождении. Датированная 18 мая 1989 г. Записка была направлена в ЦК КПСС⁵³.

По завершении работы в архивах, Валентина Сергеевна на рубеже августа–сентября 1989 г. представила руководству советской части Комиссии «аргументированную сенсационную статью», где впервые раскрывала контуры организации преступления. Смирнов сразу же отправил рукопись статьи в ЦК КПСС. Там с ответом не спешили. Но предложение Валентины Сергеевны перепоручить вопрос о гибели польских военнопленных Генеральной прокуратуре СССР, в ЦК КПСС поддержали⁵⁴. Таким образом, Валентина Сергеевна стала не только первым выявителем документов по «делу Катыни», но, систематизировав добытые архивные материалы, реконструировала само событие, обозначила дальнейшие действия Комиссии.

Вероятно, в ноябре–декабре 1989 г. с копиями документов, которые были сделаны Парсадановой в Особом Архиве при участии включившегося в продвижение «дела Катыни» энергичного и высококвалифицированного юриста Ю.Н. Зори, ознакомился М.С. Горбачев. Так к началу 1990 г. «информационная блокада вокруг проблемы судеб польских военнопленных была прорвана на высоком уровне, уровне принятия решений». Большую роль в этом сыграло «соединение усилий нескольких энтузиастов и, прежде всего, двоих ученых – Зори и Парсадановой»⁵⁵. Следствием, в первую очередь их поисков, становились новые оценки ситуации в ЦК КПСС.

⁵³ Там же. С. 283, 284, 280.

⁵⁴ Там же. С. 285.

⁵⁵ Там же. С. 306.

В конце февраля 1990 г. главе СССР были доложены итоги выявления советскими учеными (упоминались Зоря Ю.Н., Парсаданова В.С., Лебедева Н.С.⁵⁶) неизвестных ранее материалов, которые имели отношение к «делу Катюни», констатировалось, что «они доказательны [...] и на этой основе уже подготовлены соответствующие публикации». Самой «соответствующей» была статья Парсадановой, но она без движения лежала в ЦК КПСС. Прозвучали и размышления: «выявленные учеными материалы [...] вряд ли позволят нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты [...] и надо было бы так или иначе определяться в нашей позиции». Горбачев «определился» в начале апреля 1990 г.⁵⁷

Весной 1990 г. Парсаданова принимала участие в подготовке предстоявшего визита Президента Польши В. Ярузельского в Москву. Планировались его встречи с Президентом СССР М.С. Горбачевым и вручение Ярузельскому некоторой части документов «дела Катюни», в том числе списков расстрелянных польских военнопленных, существование которых Парсаданова выявила уже к весне 1989 г. Вместе с Ю.Н. Зорей и руководителем польского сектора в ЦК КПСС В.А. Светловым Валентина Сергеевна занималась отбором и подготовкой перечня документов «дела Катюни», предназначенных для передачи во время встречи М.С. Горбачева и В. Ярузельского 13 апреля 1990 г. Причем, академик Смирнов был извещен, что Ярузельскому передавалось «в основном то, что нашла Парсаданова». Показательно, что именно Парсадановой было поручено к встрече двух президентов написать текст Заявления ТАСС об итогах поиска документов и прояснении «дела Катюни». После некоторого редактирования и сокращения в ЦК КПСС текст Парсадановой, в котором содержался вывод «о непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных» и признавалось, что трагедия в Катюни «представляет собой одно из тяжких преступлений сталинизма», был опубликован в «Правде» 14 апреля 1990 г.⁵⁸

⁵⁶ Сотрудница Института всеобщей истории АН СССР Н.С. Лебедева получила допуск в Особый архив в 1989 г. тогда, «когда В. Парсаданова закончила свою работу, а [...] разработки [Ю. Зори], в кратком виде, легли на стол Горбачеву [...] тогда, по следам Парсадановой и Зори, в архив пришла Лебедева». На рубеже 1989–1990 гг. стало известно о ее «неожиданной находке» документов о польских военнопленных в фонде Управления конвойных войск НКВД СССР (Там же. С. 304, 307–308, 312). Архивные поиски Н.С. Лебедевой в итоге привели ее к участию в издании ряда сборников документов по «делу Катюни».

⁵⁷ *Яжборовская И.С. Яблоков А.Ю. Парсаданова В.С. Катюнский синдром. М., 2009. С. 306.*

⁵⁸ Там же. С. 306, 308–309.

1990 год был для Валентины Сергеевны «урожайным» на публикации в печати. Советская общественность уже в апреле 1990 г. через периодические издания была уведомлена об итогах изучения «дела Катыни» в Комиссии по «белым пятнам»⁵⁹. Летом 1990 г. вышла, наконец, статья «К истории Катынского дела», принятая к печати научным журналом «Новая и новейшая история» еще в январе 1990 г.; осенью появилась и статья в журнале Института славяноведения и балканистики АН СССР. Тогда же была написана еще одна статья о «деле Катыни», вышедшая в 1991 г.⁶⁰

Работа Парсадановой в Комиссии историков СССР и ПНР, как и самой Комиссии, закончилась весной 1990 г. Но с сентября 1990 г. в Главной военной прокуратуре по поручению Генеральной прокуратуры СССР велось расследование правовой стороны «дела Катыни». Предстояла экспертиза «по материалам уголовного дела №159 о расстреле польских военнопленных». К участию в комиссии экспертов Главной военной прокуратуры были приглашены И.С. Яжборовская, В.С. Парсаданова и Ю.Н. Зоря. Их работа началась 17 марта 1991 г. и продолжалась два года. 2 августа 1993 г. все эксперты ГВП и среди них В.С. Парсаданова подписали пространное Заключение. Так предложение Валентины Сергеевны передать вопрос о гибели польских военнопленных в Генеральную прокуратуру СССР было реализовано.

Вклад Парсадановой в деятельность Комиссии историков по «белым пятнам» и в формирование документальной базы для раскрытия «дела Катыни» был значительным. Научная и гражданская позиция ученой в Комиссии была четкой и последовательной, чем Валентина Сергеевна обращала на себя внимание в аппарате ЦК КПСС. Надеясь на напряженную общественно-политическую ситуацию в стране, Парсаданову предупреждали, что можно «не сносить головы», если вдруг «все не так обернется»⁶¹. Оно и обернулось. В 1991 г. Валентина Сергеевна готовила к печати в Издательстве «Наука» рукопись первой в советской историо-

⁵⁹ Зоря Ю.Н. Парсаданова В.С. Под названием «Катынь» // Новое время. 1990. №16; Парсаданова В.С. Гробы Катыни // Курьер Виленский. 28 апреля 1990 г. (Статья на польском языке была адресована польскому населению Литвы).

⁶⁰ Парсаданова В.С. К истории Катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. №3; Парсаданова В.С. К истории интернированных в СССР солдат и офицеров Войска Польского // Советское славяноведение. 1990. №5; Парсаданова В.С. Катынь // Катынская драма. Козельск. Старобельск. Осташков: судьбы интернированных польских военнослужащих. Сборник статей и материалов. М., 1991.

⁶¹ Яжборовская И.С. Яблоков А.Ю. Парсаданова В.С. Катынский синдром. М., 2009. С. 306.

графии фундаментальной монографии «Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг.». На основе документов она рассматривала два течения в польском патриотическом военно-политическом подполье, показывала, что их объединение в борьбе с гитлеровцами оказывалось невозможным в силу принципиально разного понимания общенациональных интересов Польши, путей их достижения, освободительной роли СССР и его армии в Европе.

Однако работу над книгой остановили, набор рассыпали, а ведущего научного сотрудника Парсаданову В.С. 15 декабря 1992 г. уволили приказом директора Института славяноведения и балканистики РАН по сокращению численности (штата) и решению Комиссии по реорганизации структуры Института. В переводе с бюрократического языка на язык смысла, доктора исторических наук В.С. Парсаданову, которая несколько лет плодотворно работала в Комиссии по «белым пятнам» и продолжала работать в Главной военной прокуратуре по «делу Катьни», чей творческий потенциал был далеко не исчерпан, удалили из Российской академии наук. Вместе с ней «удалили» из Академии ее успехи в обнаружении главных «следов» этого «дела». Не исключено, что так «освободили» дорогу для публикации свидетельств расстрела поляков тем историкам, которые шли по ее архивным «следам».

Однако это обстоятельство, как и увольнение ученого из Института, не отменяли факта, что Парсаданова являлась первой обладательницей архивных свидетельств по «делу Катьни». Мы не знаем, какие аргументы и слова услышала (и услышала ли?) Валентина Сергеевна тогда в Дирекции Института. Можно с уверенностью предположить, что за ее увольнением не стояли научные мотивы или претензии к Парсадановой как исследовательнице. Время в стране было сложное: устанавливалась власть демократов-реформаторов, и рождавшимся в России новым политическим порядкам уже были свойственны порядочные и непорядочные приемы борьбы и конкуренции, в том числе в науке. Документы по «делу Катьни» были опубликованы в 2000 г. под грифом российских и польских архивных ведомств, а также Института всеобщей истории РАН, Института славяноведения РАН, Института военной истории Министерства обороны России. Ответственный редактор — глава Росархива в ту пору В.П. Козлов. В российской части редколлегии А.О. Чубарьян, В.К. Волков, Н.С. Лебедева. Ответственный составитель издания — Н.С. Лебедева.

«Помолчав» некоторое время, Валентина Сергеевна продолжила свой научный труд. В содружестве с И.С. Яжборовской ею были изданы два исследования по «трудным» вопросам советско-польских отношений. В 2007 г. Парсаданова приняла предложение Института славяноведения РАН и участвовала в создании «Польши в XX веке. Очерки

политической истории» (М., 2012). Завершением творческого пути стал выход из печати в 2018 г. не потерявшей актуальности, обогащенной новыми фактами и научными подходами, ее четвертой, неизданной в 1992 г. монографии⁶².

Особые заслуги и приоритет доктора исторических наук Парсадановой В.С. в раскрытии документов о Катынской трагедии помнили в Польше. В 2005 г. она вместе с другими российскими историками и юристами была награждена Орденом Заслуг перед Республикой, который вручал в ту пору президент страны Александр Квасьневский.

Помнят В.С. Парсаданову коллеги по профессии и в Институте славяноведения РАН.

⁶² *Яжборовская И.С. Яблоков А.Ю. Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях.* М., 2001; М., 2009; *Яжборовская И.С. Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г.* М., 2005; *Польша в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2012; *Парсаданова В.С. Варшавское восстание. Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. 1939–1945: в 2-х частях.* М., 2018.

Ненашева Зоя Сергеевна

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СЛАВИСТИКА
НАЧАЛА 60-х ГОДОВ XX ВЕКА
(взлет или перепутье?)**

Zoya Nenasheva

**UNIVERSITY SLAVIC STUDIES
IN THE EARLY SIXTIES
OF THE TWENTIETH CENTURY
(Rise or Crossroads?)**

Сейчас стало модно использовать словосочетание «новый взгляд», когда авторы, молодые и не очень, пытаются взглянуть на сложные явления прошлого или своих кумиров. Уже появились и современные методики «создания героев». В этом контексте необходимо подчеркнуть, что тема данной статьи, все-таки, академична. По сути, она посвящена рассмотрению проблемы, которая явно или вскользь обозначена во всех публикациях, освещавших становление кафедры истории южных и западных славян⁶³. Речь идет о проблемах специализации по истории славянских народов в университетском образовании и в более широком контексте о развитии марксистского направления в славяноведении (в исторической науке) нашей страны⁶⁴.

⁶³ Имеются в виду, прежде всего, публикации обобщающего характера: «Историческая наука в Московском университете (1755–2004)». М., 2004. В ней есть специальная глава «Славяноведение» (стр. 393–450). А также «Историки-слависты МГУ. Книга 13. Славянских древностей обитель» М. 2020. Ее открывает очерк «Кафедра истории южных и западных славян» (стр. 10–85).

⁶⁴ Более того, практически обо всех сотрудниках кафедры, ушедших из жизни, подробную информацию можно найти в посвященных их памяти очерках или книгах. См., например: Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова. (1921–1983). М., 2001; Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева. (1922–1991); Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ им. М.В. Ломоносова И.М. Белявской. М., 2005.

В основу этой статьи положены материалы 6-ти папок «Научная межвузовская конференция историков-славистов. 6–10 февраля 1962 г. Стенограмма заседаний»⁶⁵. Причем в архиве кафедры хранится весь подготовительный материал по созыву конференции, а также оригинал стенографического протокола, тщательно отредактированный авторами выступлений. Все это позволяет проследить, как уточнялась позиция представителей различных университетов по поводу обсуждавшихся проблем уже в ходе встречи. Такой обширный блок материалов позволяет поставить вопрос, кем же были наши учителя и их коллеги по духу и убеждениям, как на этих интеллектуалах, неординарных личностях, высочайших профессионалах, просто замечательных людях сказалось Время.

Следует признаться, что эти пожелтевшие от времени страницы особенно интересно читать, поскольку многим нашим современникам до сих пор кажется, что в те времена при принятии решений было самым весомым мнение университетских парткомов, а общегосударственное планирование не позволяло сделать ни шаг влево, ни шаг вправо. В действительности этот процесс был далеко не линейным.

Говоря о начале 60-х гг. XX века, Виктор Георгиевич Карасев подчеркивал, что это был второй период в жизни кафедры. Его начало он датировал 1957 г., то есть связывал с выходом первого учебника по истории южных и западных славян. Определяющей чертой нового периода было, по его мнению, совпадение «со временем, когда историческая наука вступила в период застоя»⁶⁶. Это очень любопытное наблюдение современника событий особенно актуально для сравнения с утверждениями некоторых представителей сегодняшней интеллектуальной среды, которые по-прежнему характеризуют 60-е годы XX в. как оттепель. Именно такая оценка бытует и в массовом сознании.

Между тем это был довольно сложный период. Идеологическое давление уже не было таким удушающим как на рубеже 40–50-х годов, но

⁶⁵ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Научная межвузовская конференция историков-славистов. Москва. 6–10 февраля 1962 г. В качестве предварительного замечания следует подчеркнуть, что на заседаниях присутствовало 5 профессиональных стенографисток из «Канторы юридического и машинописного обслуживания при Мосгорисполкоме».

⁶⁶ *Карасев В.Г.* Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 5; Следует уточнить, что в вышедшем в 1984 г. обзоре истории кафедры Виктор Георгиевич ограничился минимумом оценок событийного ряда. См.: *Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 183–205.

все-таки общественная значимость деятельности большинства ученых продолжала довлеть над свободным поиском и существованием в науке. В жизни кафедры этот фактор проявлялся в дисбалансе между индивидуальными интересами преподавателей и необходимостью заниматься новыми учебными изданиями. Следует признать, что в те годы, да и позднее бытовало убеждение, что «работа коллектива кафедры над новыми учебниками и учебными пособиями по истории южных и западных славян служит наиболее ярким показателем его научной зрелости»⁶⁷.

К началу 60-х гг. XX в. коллектив кафедры был не только сформирован практически полностью, но и достиг заметных результатов в своей деятельности. Уже стерлись из памяти эмоции (для кого-то негативные, а для части «праведников» — победные) от противостояния конца 40-х годов, когда шла «борьба за полную победу марксизма в науке». Ведь тогда под ее каток, под жесточайшую критику и давление из сотрудников кафедры попали Сергей Александрович Никитин, Бася Менделевна Руколь, Николай Николаевич Улащик, отчасти и другие. От них требовали «коренной радикальной переработки общего курса» истории южных и западных славян. Преподавателям рекомендовалось серьезно задуматься об «органическом усвоении марксизма-ленинизма» как единственно научного учения⁶⁸.

Пройдя через горнило партийных дискуссий, члены кафедры не потеряли интереса к делу, которое они считали смыслом жизни. Более того, поколение 60-х приняло на себя моральную ответственность за развитие славистики в стране. Ему уже оказались узки рамки исторического факультета МГУ, оно рассматривало себя как неотъемлемую часть сообщества славистов всей страны.

Как известно, в январе 1961 г. на базе Института славяноведения АН СССР состоялось всесоюзное совещание, посвященное вопросам координации славистических исследований⁶⁹. На нем присутствовали представители 19-ти крупных университетов и 19 педагогических институтов⁷⁰. Часть из них и стала инициаторами проведения форума уни-

⁶⁷ Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян. С. 196. Между тем и без того сложная ситуация усилилась после внесения в планы научной работы кафедры пункта написать учебник по историографии, подготовить хрестоматию и др.

⁶⁸ Архив МГУ. Ед. хр. 159. Л. 24–27, 32–38, 41–44 и др.

⁶⁹ По его результатам была издана брошюра тиражом 1000 экземпляров и ценой 5 копеек под названием «Резолюция Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения и решения секций координационного совещания». Издательство Академии наук СССР. М., 1961. 24 стр.

⁷⁰ Там же. С. 5.

верситетских славистов. В ходе состоявшейся 27 января встречи преподавателей-славистов Московского, Ленинградского, Львовского, Воронежского, Саратовского, Ужгородского университетов шла речь о подготовке второго издания учебника по истории южных и западных славян (докладывали В.Г. Карасев, И.А. Воронков). Однако разговор вышел за рамки этого сюжета, все сошлось во мнении о необходимости создания «кафедр славяноведения» во всех университетах страны. Помимо обсуждения «внутренних» вопросов преподавания прозвучал тревожный голос Станислава Михайловича Стецкевича (Ленинград) о том, что надо «спасать славянство», поскольку «тенденция на его свертывание» в университетских программах становилась все более очевидной. Тогда же Артуром Ивановичем Озолиным (Саратов) было предложено «провести глубоко подготовленное совещание по обмену опытом чтения общего курса и специальных курсов, ведения всей славистики». Эта инициатива была поддержана заведующим кафедрой Иваном Александровичем Воронковым⁷¹. Как водится, после зондирования почвы у ведущих университетских славистов, был образован оргкомитет под председательством С.А. Никитина.

8 июня 1961 г. появился черновой вариант программы предстоящего совещания. Первоначально было предложено обсудить «узловые проблемы новейшей истории зарубежных славян в освещении современной славянской историографии». Под вторым пунктом значились «содержание и характер общего курса истории южных и западных славян и вопросы специализации по истории зарубежных славян на исторических факультетах университетов». Обсуждение учебника «История южных и западных славян» в связи с его переизданием крайне интересовало С.А. Никитина. Серьезное внимание уделялось подготовке методических пособий, повышению квалификации преподавателей. Также акцент был сделан и на научные доклады по проблемам русско-славянских связей, славянский историографии и культуре зарубежных славян⁷².

Первый этап подготовки фактически был завершен к концу июля, поскольку 28 числа был издан приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР о проведении в Москве совещания историков-славистов университетов 6–10 февраля 1962 г. при МГУ имени М.В. Ломоносова. Нетрудно представить, сколько сил было вложено кафедрой для того, чтобы появился данный документ. С другой сто-

⁷¹ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Научная межвузовская конференция историков славистов. Папка №2. Протокол заседания. С. 1–3.

⁷² Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Папка №1. Материалы не пронумерованы. Программа совещания.

роны, это прямое свидетельство ее успехов и признанием авторитета и в ученом мире, и в высоких инстанциях.

В конце сентября 1961 г. во все университеты страны были разосланы письма, в которых запрашивались сведения относительно участия их представителей в конференции. Полученные данные были обобщены на заседании оргкомитета, состоявшемся 10–11 ноября. Поражает оперативность действий коллектива кафедры. В кратчайшие сроки без каких-либо технических средств, кроме пишущей машинки, ему удалось завершить работу по формированию программы и составлению списка участников предстоящего форума славистов, подтвержденного разного уровня официальными структурами⁷³.

Во всех информационных письмах, подготовленных кафедрой, особый акцент был сделан на то, чтобы услышать пожелания «с мест», непосредственно из университетов. В результате, программа была переформатирована, в окончательном виде она была разослана 22 ноября 1961 г. Центральными обозначены доклады И.М. Белявской и С.А. Никитина. На третий день работы конференции (8 февраля) был перенесен доклад, подготовленный 5-ю ведущими членами кафедры. По теме доклада «Узловые проблемы новейшей истории в освещении современной славянской историографии»⁷⁴ были запланированы еще 4-е выступления: коллег из других университетов и Института славяноведения АН СССР. В программе на 9 и 10 февраля значатся сообщения Л.П. Лаптевой о плане издания учебных и методических пособий и И.А. Воронкова — о повышении квалификации университетских славистов.

Таким образом, «Научная межвузовская конференция историков-славистов», состоявшаяся в феврале 1962 г., была действительно масштабной. В ней участвовало 112 человек⁷⁵. Непосредственно в столицу

⁷³ Деканами факультетов, ректорами университетов, Государственными комитетами высшего и среднего специального образования Совета Министров отдельных республик (например, Азербайджанской ССР), республиканскими Министерствами высшего, среднего специального и профессионального образования.

⁷⁴ В подготовке доклада от кафедры участвовали И.М. Белявская, И.Н. Частухин, В.Г. Карасев, Б.М. Руколь, И.Д. Очак. С сообщениями готовы были выступить И.В. Ганевич (Одесский государственный университет), И.М. Теодорович (Черновицкий университет), В.Н. Белановский (Ленинградский университет) и Л.Б. Валева от Института славяноведения АН СССР.

⁷⁵ Все командированные имели возможность находиться в Москве с 5 по 10 февраля (члены оргкомитета с 4 по 11) и проживали в гостинице «Турист». В списках зарегистрированных участников зафиксирована страна специализации, причем не обязательно по славянам, сделана особая помета у тех, кто читал общий курс по этой дисциплине в своих университетах.

приехали 45 человек из 23 (по другим сведениям 26) университетов⁷⁶ и 4-х пединститутов, из тех, где преподаватели вели исследовательскую работу по истории славянских народов (Луцкого, Орловского, Полтавского и Смоленского педагогических институтов). Получили приглашение на совещание и представители научно-исследовательских институтов, прежде всего, Института славяноведения АН СССР, НИИ педагогики УССР, Библиотеки имени В.И. Ленина, Главной редакции вещания на социалистические страны, а также гость из Варшавского университета.

«Мотором» непосредственной организации на самом высоком уровне научно-практической конференции была кафедра. Следует уточнить, что С.А. Никитин, И.А. Воронков и И.М. Белявская подготовили «расширенные» тезисы, которые были разосланы заранее членам оргкомитета. Весьма условно эти материалы можно назвать тезисами, поскольку они значительно превосходят рамки этого жанра. Причем, они, как и тезисы других докладчиков⁷⁷ были обсуждены на специальном заседании кафедры 17 января 1962 г. Таким образом, всем участникам совещания было предоставлено широкое поле для дискуссии.

⁷⁶ Воссоздать общую картину преподавания славистики в университетах страны вряд ли когда-нибудь удастся, она полна нюансов. От участия в совещании отказались Новосибирский и Днепропетровский университеты, поскольку у них не было исторических факультетов. Тбилисский университет имени Сталина сообщил, что единственный специалист по славянской истории на тот момент находился в научной командировке в Болгарии. Декан историко-филологического факультета Латвийского государственного университета им. Петра Стучки объяснил отказ от участия члена кафедры всеобщей истории «сложившимися обстоятельствами». В результате слияния исторического факультета с географическим отделением Самаркандского университета им. Алишера Навои в 1960–1961 учебном году курс истории южных и западных славян был изъят из учебного плана. Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Папка №1. Переписка к совещанию историков-славистов. Подборка писем, направленных в Оргкомитет.

⁷⁷ Отношение к тезисам докладов коллег из других университетов было весьма принципиальным. Они касались 3-его пункта программы. В качестве замечаний говорилось об «абстрактности» содержания присланных текстов, или об их очевидной краткости, или их несоответствии с заявленной темой. Рекомендации были разными: авторов просили сделать основной упор на современную историографию, например, при освещении проблемы национально-освободительного движения в Болгарии, а в случае рассмотрения темы «Восстановление польского буржуазного государства» сконцентрироваться на польской эмигрантской исторической литературе и др.

Как уже говорилось, И.М. Белявская сконцентрировала свое внимание на теме «Содержание и характер университетского курса по истории южных и западных славян и вопросы специализации по истории зарубежных славянских народов». Этот вариант тезисов составляет по объему 11 машинописных страниц, включает в себя 6 разделов. При обсуждении тезисов на кафедре все высказанные ей положения были одобрены. Однако об одном пожелании все-таки хотелось бы упомянуть. Так, С.А. Никитин рекомендовал, «исключить из доклада то, что не может представлять интереса для представителей провинциальных университетов».

Стенограмма докладов и выступлений — 99 машинописных страниц протокола первого дня совещания и 97 страниц — второго⁷⁸ свидетельствует, что дискуссии носили острый характер. Ведь в совещании участвовали, пожалуй, самые известные не только на тот момент, но и в последующие десятилетия специалисты по истории южных и западных славян всей страны. Фактически это был цвет российской университетской славистики, поколение уже сформировавшихся ученых, защитивших кандидатские диссертации, получивших звания доцентов, что было в тех условиях далеко не просто. В первый день заседания были озвучены доклады 15 человек, а во второй — 13 человек.

Об атмосфере, в которой проходил форум, свидетельствует приветствие председателя С.А. Никитина. Оно было кратким, но, тем не менее, по своему содержанию свидетельствует, в каком сложном положении находился этот ученый, пройдя через мощнейшие идеологические шторма рубежа 50-х. Открывая начало этой масштабной встречи, он заявил, что «совещание проходит после XXII партийного съезда и, «несомненно, будет учитывать его решения», которые и окажут «положительное влияние на дальнейшее развитие нашего преподавания и нашей исследовательской работы в вузах»⁷⁹.

Истым ретранслятором партийных установок был проректор МГУ, профессор М.М. Соколов. В своей пламенной речи он полностью согласился со «справедливой критикой», которой были подвержены гуманитарные науки во всех решениях КПСС, принятых в последние годы. Он указал на «недостаточность» работы по воспитанию «нового человека» — «человека коммунистического общества» и предложил

⁷⁸ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Стенографические записи первого дня (без какой-либо правки) составили Папку №3. Отредактированные авторами тексты выступлений вошли в папку №4, (А. заседание 6 февраля; Б. заседание 7 февраля).

⁷⁹ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Папка №4, А. С. 1.

конкретно обсудить «как лучше составить, написать учебник по истории славян». Появлению «правильного» учебника мешала «слабая борьба с буржуазной идеологией, с фальсификаторами в истории южных и западных славян». Участники совещания призывались к противостоянию другого уровня, к борьбе «мобилизующей, имеющий «наступательный характер», в которой «марксистско-ленинская идеология должна иметь решающее влияние»⁸⁰.

Конечно, это была речь партийного функционера, со всеми присущими ей атрибутами тех лет. Хотя у участников совещания не было иллюзий по поводу содержания этого выступления, никакого публично выраженного несогласия оно не вызвало. Тем не менее, отношение к призывам подобного толка со стороны присутствующих было различным, о чем свидетельствует, например, предложение С.А. Никитина, не сделавшего никаких комментариев, сразу же предложившего «перейти к деловой части» встечи.

Дискуссия последовала в связи с основным докладом, который сделала И.М. Белявская. В свое время в специальном очерке говорилось о ее огромной роли в жизни кафедры, влиянии на атмосферу, которая сложилась на историческом факультете МГУ в 60–70-е годы⁸¹. В данном случае можно лишь добавить ряд наблюдений.

В своем выступлении она попыталась обобщить информацию о состоянии преподавания истории южных и западных славян в университетах Советского Союза. Следует признать, что оно не вызвало у нее никаких восторгов. Она с горечью говорила об уже произошедших изменениях не в пользу славянской истории. В некоторых университетах по новому учебному плану была сокращена лекционная нагрузка, а курс следовало прослушать в течение одного 7 семестра (например, в Петрозаводском государственном университете). В отдельных случаях чиновники от образования успели передать славянское Средневековье кафедре Средних веков.

В большинстве университетов страны с историей славян студенты знакомились на 4 курсе. Однако сетка часов существенно различалась, составляя от 72 — до 104 часов, что также вызывало вопросы. В то же время в Ужгородском университете, где он был составной частью курса истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы⁸², на него отво-

⁸⁰ Там же. С. 4–6.

⁸¹ *Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х.* И.М. Белявская — «убежденный коммунист» и новатор конца 40–50-х годов XX века? // Профессор МГУ И.М. Белявская. С. 23–43.

⁸² Следует уточнить, что в интерпретации участников конференции он назывался также как курс по истории европейских стран народной демократии.

дилось 120 часов, а в Львовском университете, где была специализация по славянской истории — 136.

Появление первого учебника по истории южных и западных славян, по мнению Белявской, облегчало положение преподавателей, поскольку позволяло уложить материал этого сложного курса в 90–100 часов. Расширение хронологических рамок предмета, включение в него современной истории привело бы к естественному увеличению нагрузки для преподавателей до 96–100 часов.

Не мог быть примером и МГУ. Здесь курс по истории южных и западных славян читался на 2-м году обучения, что удачно сочеталось с курсом по истории Средних веков. Когда изучение славянской истории продолжалось на 3-м году студенчества, то тем самым «славяне» на целый учебный год опережали курс по истории Нового и Новейшего времени, что было, по мнению Белявской, «явно ненормально». В этой связи она предложила реструктурировать учебный план: было бы разумно отвести на эпоху феодализма одну треть лекционной нагрузки и две трети — на Новое и Новейшее время. Минимально 10 лекций должно было занимать освещение послевоенного периода и эпоха строительства социализма⁸³.

Главное же ее стремление состояло в том, чтобы убедить присутствующих в опасности отмены курса по истории славянских народов на исторических факультетах высших учебных заведений. Без него, по ее мнению, университетское образование не могло «считаться полным». Выделение славистики как специального предмета обуславливало несколько факторов. Во-первых, богатое историческое прошлое славянских народов, их вклад в мировую культуру, тесная связь с Россией и ее народами. «Их поступательное движение по пути социализма» также не могло остаться за пределами исторического образования.

Белявская возражала против любых предлагавшихся вариантов замены этой специализации: включения некоторых проблем прошлого славян, как в рамки всеобщей истории, так и в новый предмет — история стран Центральной и Юго-Восточной Европы, или же история европейских стран народной демократии. В докладе в качестве доказательства сохранения сложившейся системы в первую очередь сделан акцент на «научной значимости славяноведения как особой науки». Любые изменения неизбежно привели бы «к разрыву сложившейся исторической общности славянских народов», к растворению их истории во всеобщей истории.

⁸³ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Папка №4 А. С. 12–14.

Другим убедительным аргументом было успешное построение славянскими народами социалистического общества. И в этом контексте «изучение современного периода истории славянских стран» имело, по ее мнению, «огромное актуальное и политическое значение»⁸⁴, усиливало позиции отечественной славистики и университетского образования. Более того, Ирина Михайловна ставила вопрос о расширении географии преподавания истории южных и западных славян на все университеты, педагогические вузы и даже среднюю школу.

Сохранению и укреплению позиций славяноведения мог способствовать качественный общий курс. Действительно, всю жизнь она была верна постулату «без общих курсов немыслимо университетское образование». Появление «творческого» общего курса по славянской истории она связывала с реализацией решений XXII съезда КПСС. Думается, что за этим заявлением не было никакой уловки, она была убеждена, что и решения очередного съезда, и новая Программа КПСС, и Совещания по идеологическим вопросам, ставившие задачи перед общественными науками, распространяются на советское славяноведение.

Но самой «горячей» частью ее выступления стал анализ такой проблемы как «кризис общего курса». Речь шла о заметном падении интереса студентов к предмету. Это выразилось (в скобках заметим, что эти доводы актуальны по сей день, обуславливают «плач» многих поколений преподавателей) в низкой посещаемости лекций, незнании материала, знакомстве с минимумом литературы, в стремлении студентов ограничиться в процессе подготовки к экзаменам материалом учебника.

Белявская не только признала очевидность такого кризиса, но и расценила его как «чрезвычайно серьезное», «опасное» явление. Главное обвинение в адрес студентов состояло в том, что они не читают «марксистско-ленинской литературы». Призывы отменить общие курсы, заменить их обзорными, установочными лекциями, по ее мнению, наносили «огромный вред», свидетельствовали о непонимании сути обучения их пропагандистами. Именно лекции являлись одной из «важнейших форм» университетского образования, воспитания студентов, средством превращения знаний в убеждения.

Причин же кризиса было несколько, однако главная из них коренилась в формализме и догматизме в работе высшей школы. Более конкретно, она лежала в уже наблевшем вопросе о практике приема на исторические факультеты, в слабой ориентированности студентов на историческое образование, в отсутствии увлеченности историей. Особенно остро эта проблема на тот момент касалась приема «товарищей,

⁸⁴ Там же. С. 9.

формально имевших трудовой стаж». Поскольку они никак не были связаны с гуманитарной сферой, их деятельность ни в коей мере не могла свидетельствовать об интересе к истории. Она таких студентов относила к группе «равнодушных и пассивных», которых «трудно чему-либо научить». Следовало ориентироваться на абитуриентов, имевших «настоящую склонность и интерес» к историческому образованию, а не мечтавших только получить диплом.

Выход из создавшегося положения она видела в собеседовании (после успешно сданных экзаменов по общим дисциплинам), в разговоре с членами специальной комиссии, в которую бы вошли лучшие ученые факультета. Другими мерами были создание «творческих курсов по истории славянских народов», усиление требований к студентам на экзаменах, прием экзаменов исключительно лектором, серьезный отбор рекомендованной литературы и др.⁸⁵

Не менее убедительно Белявская обличала догматизм и схематизм как главное зло в преподавании. Преодолеть его следовало, не только насытив лекции «новейшими достижениями науки», с чем трудно спорить, но и давая «марксистско-ленинский анализ исторических процессов». Рассуждая о необходимости отказа от формального отношения к студенчеству, Ирина Михайловна не раз обращалась к задачам, выдвинутым XXII съездом партии.

В этом же ракурсе она говорила о проблемном построении общего курса. Только он мог предоставить возможность провести сравнительный анализ истории славянских народов, выявить закономерности и особенности их развития. Причем ее рассуждения касались наиболее значимых сюжетов. Основываясь на опыте кафедры, были перечислены и конкретные проблемы — от возникновения государственности вплоть до построения социалистического общества и перехода его к коммунизму⁸⁶. «Подлинную научность» общему курсу должен был придать «непременный элемент» — введение историографической тематики и применение принципа историзма. «Творческий подход, поиски и дерзания» были возможны лишь на «основе марксистско-ленинской методологии и ее критериев познания».

Проблемы с наплывом студентов, возникшие на кафедре в начале 60-х годов, когда ее заканчивали по 40–42 человека, заставили Ирину

⁸⁵ Там же. С. 14–19.

⁸⁶ Там же. С. 23–27. В докладе отмечалось, что на историческом факультете изучение славянских языков начиналось на втором курсе. На третьем преподавались история славянских народов, источниковедение, продолжалось изучение языка страны специализации. На четвертом курсе — читались историография, специальные курсы, велся проблемный специальный семинар.

Михайловну высказаться и по этому поводу. Она считала, что чрезмерно большое число выпускников по истории славянских народов «не нужно», поскольку страна не нуждалась в таком количестве специалистов. Достаточно было набрать 12–15 студентов⁸⁷.

В свою очередь, в большинстве университетов Советского Союза специализация по истории славян имела эпизодический характер и осуществлялась «в рамках всеобщей истории». Не призывая участников совещания немедленно последовать примеру Москвы, она подчеркнула, что основательную подготовку по этой дисциплине могли обеспечить и некоторые другие университеты. Это были: Ленинградский, Львовский, Киевский, Вильнюсский, Саратовский, Одесский, Воронежский, Белорусский университеты. Они имели необходимые преподавательские кадры. Не менее существенным фактором было и наличие в этих центрах источниковой базы, прежде всего архивных материалов.

Однако какова же была реакция присутствующих на выступление проректора МГУ и И.М. Белявской? Ведь весь день 6 февраля был посвящен обсуждению высказанных ими положений⁸⁸.

Что касается пламенных призывов вести борьбу с буржуазными фальсификациями, то они не получили ни прямой поддержки, ни открытого осуждения. Профессионально, на должном уровне противостоять буржуазной историографии объективно не было условий. Хотя об этом не говорилось вслух, но все участники конференции хорошо знали, что непосредственный доступ к изданиям, выходящим, как теперь говорят на коллективном Западе, был очень ограниченным, поскольку они находились на специальном хранении. Поэтому оппонировать зарубежным славистам должны были узкие специалисты, хорошо знающие литературу. Начало же общего наступления на буржуазную идеологию присутствующие связывали с появлением учебника по историографии. В этой связи самой естественной реакцией с их стороны была поддержка кафедры в ее стремлении подготовить соответствующий учебник. Таким образом, этот гигантский, крайне тяжелый для исполнения проект, получил дополнительный стимул в деле его реализации. Впрочем, он же обусловил вынужденный отказ от инди-

⁸⁷ В свою очередь, В.Г. Карасев расценивал такую популярность кафедры как положительный момент. В упоминавшемся очерке, как о ее достижении писал он о 880 выпускниках, закончивших кафедру в 1939–1979 гг. *В.Г. Карасев*. Кафедра истории южных и западных славян. С. 196.

⁸⁸ В связи с тем, что в университеты были разсланы и тезисы С.А. Никитина о проекте нового учебника участники дискуссии в своих выступлениях высказывали свои мнения и о нем как неотъемлемой части в случае перехода на проблемное чтение общего курса.

видуальных планов части преподавателей. Тем самым кафедра добровольно принимала на себя очередное обязательство, которое «довлело» над коллективом следующие 25 лет⁸⁹.

Не все представители крупных университетов поддержали утверждение Белявской о кризисе общего курса. В какой плоскости искать объяснение такой позиции, ответить сложно. Можно допустить, что в республиках было более благоприятное положение в целом. Нельзя исключать и другое обстоятельство: выступления представителей университетов на совещании в Москве явно отслеживалась местными чиновниками, особенно в национальных университетах⁹⁰.

По словам представителя Львовского университета на историческом факультете не существовало никаких оснований для разговоров на эту тему. Профессор Дмитрий Леонидович Похилевич допускал, что причина столь благостной ситуации лежала в том, что у них был «другой студент, провинциальный, менее требовательный»⁹¹. Общей проблемой была слабая историческая подготовка абитуриентов. В отличие от соседней Польши это не позволяло читать больше специальных курсов. Кроме того, сложная система взаимоотношений возникла с преподавателями Средневековья, которые традиционно в большом объеме включали историю южных и западных славян в свой курс и не хотели отказываться от этой практики.

По мнению Похилевича, общий курс мог так называться только тогда, когда он был насыщен проблемами историографии и источниковедения, особенно в тех университетах, где не было специализации по истории славянских народов. Учитывая этот диссонанс, в новом учебнике во введении следовало показать, как шло формирование славяноведения, а сами историографические обзоры должны были предварять соответствующие крупные разделы.

⁸⁹ Историография истории южных и западных славян вышла в свет только в 1987 г.

⁹⁰ Так, например, кафедра получила лишь копию письма-подтверждения об участии И.М. Гранчака в совещании в Москве. Его оригинал проректор по научной работе Ужгородского государственного университета В.С. Петрус направил в Министерство высшего и среднего специального образования УССР в отдел преподавания общественных наук с кратким отчетом о проделанной работе в последние 4 года.

⁹¹ Крайне позитивным моментом для привлечения студентов было раннее изучение славянских языков. На втором курсе факультативно велось преподавание польского языка, на 3-м — болгарского. Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд Х. Папка №4 А. С. 37.

Именно Похилевич поставил вопрос о необходимости издания специального славистического журнала, например под названием «Вопросы славяноведения», как трибуны для провинциальных ученых⁹².

Любопытная ситуация складывалась в университетах других республик. Так, в Азербайджане, в Бакинском университете им. С.М. Кирова «курс славяноведения» «как не родной предмет, не родной курс» читался на кафедре всеобщей истории. Вел его «медиевист-западник» — сам докладчик Мамед Абдул-оглы Садых-Заде. Несмотря на очень сложные проблемы организации учебного процесса в этом учебном заведении⁹³, оратор не был согласен с тезисом о кризисе общего курса. Из его уст прозвучал совершенно здравый призыв подходить дифференцированно к разным университетам, к тем, в которых были специализированные кафедры, и к тем, где даже не было преподавателей с базовым славистическим образованием. Что касается историографии истории славянских народов, то, как предмет «наводящий студентов на размышления», ее непременно следовало включить в новый учебник.

Представитель Ленинградского университета Василий Никитич Белановский также был озабочен низким качеством знаний абитуриентов. В дальнейшем эти издержки в основе университетской пирамиды предопределяли «недостаточно дифференцированный» отбор студентов на специализацию. Большинство из них не отдавали себе отчет в том, чем им предстоит заниматься. В этом факторе видел этот историк и причину определенного «спада» интереса к общим курсам в принципе, а не только к курсу истории южных и западных славян. Свидетельством этой тенденции было отсутствие желания знакомиться с литературой даже на русском языке, не говоря о европейских изданиях.

На наш взгляд, Белановский выступил с очень интересной, особенно на тот момент, инициативой, предложив наладить межвузовский обмен преподавателями, признанными специалистами по отдельным периодам или проблемам. Этот шаг был направлен на повышение качества образования, способствовал бы росту интереса к истории южных и западных славян. Полную поддержку у аудитории он получил и тогда, когда говорил, что творческий курс может прочесть лектор, имеющий глубокие знания о стране, работающий в ее архивах, свободно ориентирующийся в новейшей литературе⁹⁴.

⁹² Там же. С. 31–38.

⁹³ В этом университете дипломные работы по славянской проблематике студенты писали «по линии научных обществ». Там же. С. 40–41.

⁹⁴ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд Х. Папка №4 А. С. 43–48.

Надо признать, что посмотреть в новом ракурсе на вопросы, поднятые И.М. Белявской, пытались многие докладчики.

Речь шла об увеличении приема студентов на исторический факультет, не допустив при этом ухудшения качества знаний абитуриентов. Так, например, Александр Самойлович Бейлис (Львов) предлагал ввести в комплекс вступительных экзаменов такой предмет как всеобщая история. Говорилось и о необходимости изменения учебного плана, перераспределения нагрузки у медиэвистов и специалистов по Новой и Новейшей истории. В частности, во многих университетах приходилось «отнимать часы» у коллег, читающих Средние века⁹⁵.

А.И. Озолин⁹⁶ указал на значительное ухудшение знаний у студенчества. По его мнению, из 50 человек, поступающих на исторический факультет, всего 5 являлись «действительно историками». А задача вырастить подлинных знатоков истории из «не историков» требовала недюжинного мастерства. Для того чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону в Саратове много экспериментировали. Новаторство состояло в организации кафедральной библиотекой перед лекцией выставок по наиболее крупным проблемам, создании кружков при региональных обществах дружбы между народами, обмене лекторами с соседними университетами (например, Воронежским). И хотя в Саратовском университете широко использовались эти новшества, переломить ситуацию не удавалось. Прозвучало и удивительное признание Артура Ивановича, что он сам «не берет на себя смелость читать проблемный курс»⁹⁷.

Много говорилось об особенностях университетских лекций. Аудитория согласилась с тезисом, что они могли быть исключительно творческими, пусть и не всегда «исследовательскими». При этом преподавателям при их подготовке следовало «базироваться на самостоятельном изучении новой литературы», чтобы соответствовать «современному уровню науки». Под этим требованием понималось, прежде всего, «идейное перевооружение»⁹⁸. Это заявление свидетельствовало, что

⁹⁵ В частности о такой практике говорил В.Н. Белановский. В Ленинградском университете пришлось сократить медиэвистам объем часов до 6–7 лекций в пользу «периода народно-демократического режима», завершающего этапа социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму. Там же. С. 48.

⁹⁶ Он хорошо знал специфику работы кафедры истории южных и западных славян в МГУ, поскольку в 1948 г. защитил здесь кандидатскую диссертацию по гуситскому движению.

⁹⁷ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Папка №4 А. С. 60.

⁹⁸ Там же. С. 51. В этом предложении сказалась неординарность А.С. Бейлиса.

преподавательскому составу отойти от былых установок, усвоенных стереотипов было очень трудно.

Двойственное впечатление вызвало обсуждение высказанного Белявской предложения о проблемном чтении курса лекций. При общем согласии с такой красивой идеей, некоторые выступавшие вносили в нее существенные коррективы. Они настаивали, что лекции должны быть, прежде всего, «систематическими». Под этой характеристикой все-таки подразумевался страноведческий подход, характерный для освещения истории каждой из стран.

Наряду с вполне логичным предложением издавать как можно больше лекций различных авторов, на наш взгляд, были и предложения явно нереальные. Например, писать и издавать по истории южных и западных славян параллельные учебники, чтобы студент мог выбирать наиболее для него интересный вариант. В качестве практической меры в этом направлении предлагалось отказаться от грифа Министерства высшего и среднего специального образования СССР, «вовсе не гарантирующего еще высокого качества учебника», а задерживающего его прохождение⁹⁹.

Как уже отмечалось, каждый выступавший пытался найти новую грань в рассуждениях по поднятым Белявской вопросам. Так, представитель Томского университета Иван Гаврилович Коломиец не был согласен ни с концепцией «кризиса общего курса», ни со склонностью преподавателей «приносить» знания студентов. По его наблюдению, «в массе своей они стремятся к самостоятельному осмысливанию существа исторического процесса». Он считал неправильным свести лекции общего курса к постановке теоретических проблем, что привело бы к построению «голых социологических схем, лишенных плоти и крови». Наиболее продуктивными в учебном процессе были строгий отбор материала, устранение его дублирования со смежными дисциплинами, вера в студента, в то, что он может самостоятельно изучить «несложные разделы курса» по литературе. Из практических мер, Коломиец предложил ввести семинары, хотя бы 12–14 часов; издать хрестоматию с источниками. Весьма показательна для идеологического сопровождения совещания и его просьба — более подробно рассказать, что делает кафедра по перестройке учебной программы «в свете решений XXII съезда партии»¹⁰⁰.

Особый статус в глазах всех участников совещания должна была приобрести современная история, которая тогда идентифицировалась как история народно-демократических революций. В этом ракурсе рас-

⁹⁹ Там же. С. 52–53.

¹⁰⁰ Там же. С. 62–65.

суждал о характере специализации в своем подразделении представитель Ужгородского университета Иван Михайлович Гранчак. Уже в 1958–1959 г. на историческом факультете вместе с историей зарубежных славянских стран освещалась история Венгрии, Румынии и Албании¹⁰¹. По мнению руководства университета, трехлетний опыт показал «положительные результаты». Преподаватели имели возможность акцентировать внимание на «традиционных связях народов Центральной и Юго-Восточной Европы, идущих ныне по пути социалистического строительства». Согласно Гранчаку, реформатирование позволило «лучше показать общность социалистического строя в прошлом и настоящем», воспитывать у студентов чувство пролетарского интернационализма на примерах стран социалистического лагеря¹⁰².

Для пушей убедительности в своей правоте Гранчак остановился на слабых местах в учебном процессе в большинстве университетов, где сохранялся классический курс по истории южных и западных славян. По его мнению, существуя уже 18 лет¹⁰³, он так и «не нашел своего места в университетском образовании»¹⁰⁴. Причиной этого печального положения было то, что не были до конца решены организационные вопросы, когда он вводился. В частности, не было предусмотрено такое количество часов, чтобы «он был шире и глубже», чем любой другой общий курс. Кроме того, «не продумали, с какой целью вводится этот курс». Именно эти факторы предопределили попытки «ликвидировать историю славян, растворив ее в курсе всеобщей истории».

Гранчак просил присутствующих на заседании коллег более внимательно обсудить ужгородский проект, предусматривавший 120 часов на 4-м курсе в 7-м и 8-м семестрах. Также он напомнил, что согласно последним решениям КПСС высшей школе предстояла перестройка, а главной формой обучения должны были стать заочное и вечернее отде-

¹⁰¹ Точка зрения кафедры всеобщей истории была изложена в журнале «Вопросы истории». 1958. №6. С. 221–222. В 1962 г. после пересмотра сетки часов на чтение этого курса было выделено 120 часов: 72 часа в 7-м семестре (до победы ВОСР) и 48 часов в 8-м семестре отводилось на новейшую историю.

¹⁰² На довольно язвительный вопрос из зала, читается ли в этом курсе история ГДР, Гранчак ответил отрицательно. Развил эту тему в своем выступлении С.М. Стецкевич. Он отметил, что «ГДР имеет свои законы развития, отличающие ее от европейских стран народной демократии, и сочетать историю ГДР с историей славянских стран нецелесообразно». Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд Х. Папка №4 А. С. 85–86.

¹⁰³ В документе, принятом участниками в конце совещания, указано, что «его чтение было введено более 20 лет тому назад».

¹⁰⁴ Впервые информация о введении такого курса появилась в журнале «Вопросы истории» №6 за 1958 г.

ления. Между тем на тот момент в планах заочного отделения история славян вообще «не нашла своего места». По всем затронутым вопросам Гранчак ждал принятия участниками совещания грамотных решений, чтобы с ними войти в Министерство высшего и среднего специального образования СССР¹⁰⁵.

Аналізу ситуации на вечернем отделении посвятила свое выступление Б.М. Руколь. Она утверждала, что именно эта форма обучения «переживает расцвет». Хотя среди вечерников было «не так много одержимых студентов», но зато большинство действительно интересовалось историей¹⁰⁶. В этом она видела колоссальный положительный момент. Приходилось считаться с тем, что на вечернем отделении был свой учебный план с усеченной сеткой часов по сравнению с дневным отделением. В таких условиях оставалась единственная возможность качественной подготовки студентов — выделение в лекциях узловых, «широких вопросов», таких как Великая Октябрьская социалистическая революция, создание славянских государств и др. Важно подчеркнуть, что Бася Менделевна не поддержала сторонников страноведческого подхода и предположила, что совещание положит начало обмену опытом в преподавании отдельных предметов специализации.

Во многом поддержал И.М. Белявскую представитель Киевского университета — Виктор Андреевич Жебокрицкий. Причину неурядиц с курсом истории южных и западных славян он видел в чрезмерной перегрузке студентов. Пока не было учебника, они готовились к экзаменам «по первоисточникам», коими были собственные конспекты лекций. В новых условиях курс следовало читать проблемно, чтобы студенты понимали «история славян — это наука», специфическая отрасль знания.

Уязвимым было и положение преподавателей этого курса в большинстве университетов, где не было соответствующих кафедр. Тот факт, что историю славянских народов читали и медиевисты, и специалисты по Новой и Новейшей истории мешал не только установлению контактов между ними, но и не способствовал выработке общего подхода, появлению единых требований к процессу обучения и контролю знаний.

Кроме того, он указал и вовсе на неприглядную картину «наступления на славян» в педагогических университетах, где сохранились историко-филологические факультеты. Нехватка часов для всеобщей истории зачастую восполнялась за счет славянской тематики.

¹⁰⁵ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Папка №4 А. С. 66–71.

¹⁰⁶ С такой же высокой оценкой студентов вечернего отделения был согласен и В.А. Жебокрицкий. Там же. С. 80.

В.А. Жебокрицкий призывал к тому, чтобы направить авторитет и влияние участников совещания на то, чтобы сделать курс славян «самостоятельным». Для этого следовало наладить контакты, укрепить меж-университетские связи, увеличить число публикаций в исторических журналах¹⁰⁷.

Некоторые нюансы в связи с появлением идеи реформатирования курса по истории южных и западных славян раскрыл С.М. Стецкевич. По утверждению этого ученого, «одна из попыток» исходила из Ленинградского университета. «Заведующий кафедрой профессор Ревуненков был инициатором ликвидации курса истории южных и западных славян», — заявил он. Проходившее совещание рассматривалось как одно из средств защиты от таких поползновений. Для того чтобы сохранить этот предмет и специализацию следовало открывать новые кафедры. Появлению такой структуры в Ленинградском университете помешала борьба «с космополитизмом», проект так и остался нереализованным. В новых условиях такие кафедры могли быть созданы в Ленинградском и Киевском университетах. Фактически Жебокрицкий поставил под большое сомнение правомерность курса европейских стран народной демократии в Ужгородском университете¹⁰⁸.

В заключительном слове И.М. Белявская согласилась с частью высказанных предложений, а в некоторых случаях была настроена весьма жестко к своим оппонентам.

Прежде всего, она вновь обосновала необходимость сохранения курса истории южных и западных славян на исторических факультетах университетов. И в этом случае она все свое красноречие направила против аргументов представителя Ужгородского университета. Преимущества, на которые он указал в своем выступлении, не произвели должного впечатления ни на нее, ни на аудиторию. Она по-прежнему была уверена, что ликвидация курса истории южных и западных славян была «ненаучной и ошибочной», потому что означала «ликвидацию очень солидного» раздела университетского образования¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Как утверждал Жебокрицкий, в журнале «Новая и Новейшая история» за 1961 г. была напечатана всего одна статья, касающаяся истории славянских народов — об аграрных преобразованиях в Чехословакии. Там же. С. 82.

¹⁰⁸ По мнению Стецкевича, эту группу проблем актуализировало созываемое Академией наук на 27 февраля координационное совещание по истории стран народной демократии. Он был уверен, что обсуждение вопросов об исследовательской работе затронет и ситуацию в вузах. Там же. С. 86.

¹⁰⁹ Хотелось бы заметить, что как раз в этих местах стенограммы самая плотная правка.

Введение курса истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы она считала «неправомерным» и полагала, что славяноведение «сложилось в особую науку, с особо сложившейся историографией, с особой проблематикой». Общность исторических судеб, специфика исторического развития славянских народов обязывали сохранить историю славян как самостоятельный общий курс. В то же время Белявская допускала, что в разных университетах «должна учитываться особая специфика работы». Тем не менее, отражать эту специфику следовало в курсе истории славянских народов, а «не ликвидировать славяноведение». Более того, она согласилась с предложениями Б.М. Руколь, С.М. Стецкевича о включении истории соседних со славянским ареалом стран (Румынии, Венгрии) «в последний раздел общего курса». В этом и прослеживалась «нормальная связь» с курсом по всеобщей истории.

Второй для Белявской болевой точкой был «кризис общего курса». Она не скрывала своей тревоги, говоря еще и еще раз о падении интереса у студентов к общим курсам в университетах всей страны.

Третий аспект, на котором она остановилась, полностью соответствовал ее представлениям, каким должен быть общий курс — только, проблемным. Так, она уточнила, что проблемное чтение — это «не голая схема», или изложение отдельных проблем, «вырванных из общего контекста исторического процесса славянских народов». Он мог быть построен «лишь в строгом соответствии с принципом историзма», с приведением конкретного исторического материала «для анализа и аргументации». При этом она была против регламентации в построении общего курса, считала необходимым предоставить свободу лектору, хотя и при контроле со стороны кафедр.

Говоря о соотношении курса истории славянских народов с курсом всеобщей истории, следовало думать и о загруженности студентов, и о неуместности дублирования материала. Тревогу вызывала ситуация в Львовском университете, где история славянских народов сначала включалась в курс по истории Средних веков, а затем вновь затрагивалась в рамках общего курса по славянам. «Ненормальным» она считала и положение, когда преподаватель истории той или иной страны не имел возможности «познать» ее действительность, работать в архивах. Также она поддержала предложение В.Н. Белановского об установлении более тесных контактов между университетами, об обмене опытом, лекторами. Столь же благосклонно она отнеслась и к предложению В.А. Жебокрицкого об улучшении преподавания история славян в школе, педагогических институтах и других учебных заведениях, «где фактически история этих народов в рамках всеобщей истории не представлена».

О том, как отразилась многочасовая дискуссия в решениях форума, свидетельствует «Постановление совещания историков-славистов университетов страны». Всего в рассылке значатся 37 университетов и 8 педагогических институтов¹¹⁰.

В принятом документе, конечно же, подчеркивалось, насколько на тот момент была важна роль общественных наук, в том числе и советского славяноведения в решении задач, поставленных КПСС перед работниками идеологического фронта. Однако главный итог встречи состоял все-таки в решительном осуждении попыток «ликвидировать курс истории славян в университетах и включить вопросы славянской истории в курс всеобщей истории». Авторы документа настаивали, что советское славяноведение является «особой наукой, имеющей свой определенный круг проблем и свою специфику». Участники совещания решительно возражали против расширения курса по истории южных и западных славян в курс истории европейских стран народной демократии и тем более превращения его в курс истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Что касается практической модели — распределения часов — то рекомендовалось читать курс по истории южных и западных славян синхронно с курсами истории Средних веков, Новой и Новейшей истории. Было высказано и пожелание восстановить его объем до 90–100 часов. В более мягкой формулировке, чем об этом говорилось на заседаниях, предлагалось решить вопрос о проблемном построении курса — такой подход считался «возможным», «при сохранении его хронологическо-систематической последовательности». А вот «целесообразность» упора на «послевоенный социалистический период» под сомнение не ставилась.

В постановление вошел пункт и о необходимости создания специальных кафедр истории южных и западных славян, в первую очередь, Ленинградском и Киевском, а также в Харьковском, Одесском и Воронежском университетах. Целью данной акции было обеспечение дальнейшего подъема славяноведения в Советском Союзе. В этом же контексте говорилось и о необходимости увеличения приема в аспирантуру, «особенно по истории народов Югославии и средневековой Болгарии». В качестве центров подготовки кадров высшей квалификации, по защите диссертаций были названы Московский, Ленинградский, Львовский, Киевский университеты и Институт славяноведения АН СССР. Для улучшения ситуации на местах Министерство высшего и среднего специального образования СССР должно было шире поль-

¹¹⁰ Архив кафедры истории южных и западных славян. Фонд X. Папка №2, нумерация листов в ней отсутствует.

зоваться таким инструментом как обязательное распределение лиц, закончивших аспирантуру. Их следовало направлять на работу на кафедры всеобщей истории периферийных вузов, чтобы «каждый университет страны имел хотя бы по одному историку-слависту». Участники совещания увидели хорошие перспективы в создании при МГУ координационной комиссии с весьма широкими полномочиями, которая бы обобщала и направляла научную и научно-методическую работу историков-славистов высших учебных заведений.

Таким образом, принятый документ был ориентирован как на ближайшую перспективу, так и на отдаленное будущее. В нем была учтена специфика части обсуждавшихся проблем, которые годами не решались на местах. Вместе с тем основное его содержание, несмотря на обтекаемые формулировки, было направлено на актуализацию деятельности Министерства высшего и среднего специального образования СССР, хотя конференции не теряли надежд, что их озабоченности найдут понимание в высоких сферах, а предложения будут услышаны и поддержаны.

Научная межвузовская конференция историков-славистов 1962 г. заложила основу в проведении такого рода форумов. Ее роль высоко ценили организаторы всех последующих таких масштабных встреч, которые стали «заметным явлением в советской исторической науке»¹¹¹.

Если попытаться обобщить проанализированные материалы, то можно прийти к выводу, что все участники совещания были убеждены в том, что присутствие курса по истории южных и западных славян в программах исторических факультетов университетов однозначно свидетельствовало о высоком уровне этих учебных заведений. Это была (и есть) лакмусовая бумажка для определения его компетенций. Ведь большой и сложный курс, раскрывающий историю славянских народов и их культуру с древнейших времен и до современности в рамках интегрированной во всеобщую историю вертикальной модели, требует высокого мастерства преподавателей, с одной стороны, и готовых овладеть новыми знаниями студентов, с другой. В этом состоит, бесспорно, и его сильная сторона.

¹¹¹ Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян. С. 200.

Полывинный Дмитрий Игоревич

**УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ.
НАУЧНЫЕ ПОКОЛЕНИЯ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МГУ
В 1970-гг.**

Аннотация. Автор статьи – выпускник кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета – оценивает ее развитие в 1970-е годы на основе своего студенческого (1973–1976) и аспирантского (1976–1979) опыта и с учетом многих лет работы преподавателем, зав. кафедрой, деканом и проректором Ивановского государственного университета. В 1970-е годы, по его мнению, кафедра как образовательное звено и научный коллектив достигла полной зрелости. Ее основой стала слаженная работа трех научных поколений, сосредоточивших опыт послевоенных десятилетий. Была окончательно отстроена специализация, включавшая мощный языковой компонент; создано, несмотря на трудности, учебно-методическое обеспечение общего курса истории южных и западных славян и подготовлено пополнение квалифицированных кадров по всем четырем страновым направлениям специализации. Все это обусловило высокую степень синергии научной и педагогической деятельности, а руководившие кафедрой профессора И.А.Воронков (1961–1973) и В.Г. Карасев (1973–1991) сумели в напряженных дискуссиях и административных процедурах отстаивать самостоятельность исторической славистики как научно-образовательной области и сформировать профессиональную идентичность выпускников кафедры, ставших ее опорой в академической среде, региональных университетах, структурах бизнеса, массовой информации, власти и управления. Особую роль в преемственности поколений играло количественное расширение числа специализирующихся на кафедре студентов и высокая степень их мотивации; эффективность аспирантуры и тесное сотрудничество между учениками и учителями, особенно между обучающимися и преподавателями младшего поколения, «старшими братьями», как их называет автор.

Ключевые слова: Московский университет, кафедра истории южных и западных славян, научные поколения, 1970-е гг.

Dmitry Polyzyamnyy

**TEACHERS AND DISCIPLES:
SCHOLARLY GENERATIONS AT THE CHAIR OF
THE HISTORY OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVS
(MOSCOW STATE UNIVERSITY) IN THE 1970-ies**

Abstract. The author – professional scholar of Slavic Studies with 42 years of teaching and all levels of administrative work after him – graduated and got his degrees from the Chair of the history of Southern and Western Slavs of the Moscow State University. He evaluates the development of the Chair in the 1970-ies against the background of his experience as graduate and doctoral student and concludes that by this time the Chair had reached full maturity both as educational and research unit due to the teamwork of three scholarly generations which accumulated the experience of the after-war decades. The majoring program was finalized including strong language component; despite difficulties mainly caused by critics from Bulgarian and Yugoslavian officials while the basic textbook on the history of the Southern and Western Slavs from the Early Middle Ages to the contemporary time was published. Young qualified scholars representing all four fields of Slavic country studies joined the faculty. All that lead to high level synergy of research and teaching, and the Heads of the Chair – Professors Ivan A. Voronkov (1961–1973) and Victor G. Karasyov (1973–1991) managed to assert the independence of the Historical Slavistics as university course and disciplinary field in academic discussions and administrative procedures and to bring up strong professional identity of the students majoring in the Slav History. Graduating from the Chair and leaving it for work at regional universities and academic institutes, in mass media and in administrative structures the alumni possessing this specific identity worked hard to strengthen the reputation and positions of their alma mater. The growing number of majoring and doctoral students with strong motivation, high effectiveness of the post-graduate education and close cooperation between teachers and disciples, especially between students and the younger generation of the faculty – all this played great role in the continuing rise of the Chair.

Keywords. Moscow University, Chair of the History of the Southern and Western Slavs, scholarly generations, 1970-ies.

Преимственность научных школ всегда была основой академического потенциала Московского университета и позволяла ему в меняющихся обстоятельствах оставаться бесспорным центром российской науки, входящим в мировую университетскую элиту. На фоне предшествовавшего и последующего десятилетий XX века 1970-е годы и для нашей страны, и для входивших тогда в социалистический лагерь четырех славянских государств были временем относительной стабильности. Я поступил на кафедру истории южных и западных славян, специализируясь по истории Болгарии, третьекурсником в сентябре 1973 года и завершил свое более чем шестилетнее обучение на кафедре в конце 1979 г., обсудив кандидатскую диссертацию. На мой взгляд, эти годы стали периодом зрелости и расцвета кафедры. В основе данной работы — мои воспоминания, материалы обзорных статей по истории кафедры, выходивших в разные годы, и справочные данные, приведенные в юбилейных сборниках, выходивших с 1979 г., когда 40-летие кафедры было впервые отмечено торжествами международного уровня¹¹².

При выборе специализации в конце второго курса среди моих однокашников бытовало шуточное разделение кафедр со специализацией в области всеобщей истории на «фанатов» (кафедры истории древнего мира и истории средних веков) и «аристократов» (кафедры новой и новейшей истории и истории южных и западных славян). Престижность первых определяли сложность и трудоемкость обучения, прежде всего, овладения древними языками, вторые привлекали изучением современных зарубежных стран, их языков и культур, возможностью выезжать на зарубежные стажировки и практики. Посольства славянских стран в Москве приглашали студентов и аспирантов на культурные мероприятия, а на кафедре выступали с лекциями ученые из университетов Белграда, Варшавы, Праги и Софии.

Придя на кафедру, я действительно почувствовал аристократизм полонистов, которых, казалось, вдохновляли строй и мелодика польского языка, степенность и рассудительность богемистов и балканский темперамент югославистов, но в моем случае над болгарским гедонизмом скорее возобладал «фанатизм» — под руководством Людмилы Васильевны Гориной я занялся средневековой историей Болгарии, что требовало изучения латинского и среднегреческого, а на четвертом курсе, в связи с темой дипломной работы, еще и венгерского языков. Всех студентов поверх страновых различий объединяла кафедральная славянская идентичность, и для внешнего факультетского мира мы бы-

¹¹² *Матвеев Г. С., Ненашева З. С.* Кафедра истории южных и западных славян // Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 40 лет. М.: 2020.

ли не славистами или славяноведами, а именно «славянами». Серьезным подспорьем в становлении этой идентичности были контакты с землячествами славянских государств и посещения культурных мероприятий, организуемых славянскими посольствами в Москве. Особенно благоволило нам посольство ПНР, и за годы специализации на кафедре многие из нас познакомились с творчеством тогда еще молодых Анджея Вайды, Кшиштофа Занусси и других мастеров, составивших славу польского кинематографа.

Специализируясь по истории Болгарии я, как и другие коллеги, работал в софийских библиотеках, общался с болгарскими студентами, аспирантами и учеными, выступал на студенческих, а затем и международных научных конференциях. Две длительных стажировки в Софийском университете св. Климента Охридского в 1975–1976 и 1978–1979 гг. стали завершающим этапом начальной подготовки историка-болгариста и временем публикации первых научных работ в Москве и Софии. Не лишне упомянуть, что, будучи аспирантом, я написал первую в жизни информационно-аналитическую записку о системе высшего образования в Болгарии для Министерства высшего образования СССР и удостоился высокой похвалы заместителя министра Н.Н. Софинского, писал исторические материалы для болгарской редакции Иновещания Гостелерадио СССР, был переводчиком Советского комитета ветеранов войны и Всесоюзного Центрального профсоюзного совета СССР. Как бы сказали сейчас, «волонтерская» деятельность второй половины 1970-х гг. оказалась очень полезна для моей дальнейшей жизни в славистике и не только в ней.

Все перечисленное, как я понимаю сейчас после сорока с лишним лет университетского преподавания и исследовательской работы, было результатом огромной работы кафедры, формировавшей весь объем знаний и компетенций, человеческих качеств и ценностей, необходимых выпускникам для реализации в любых профессиональных областях — науке и преподавании, дипломатии и политической деятельности, индивидуальных и массовых коммуникациях, культуре и творчестве. В 1970-х годах на кафедре славян работали и ученики ее основателей В.И. Пичеты, З. Нееды, С.А. Никитина, заложивших основы славяноведения в МГУ в советское время — И.М. Белявская, В.И. Владимирская, И.А. Воронков, В.Г. Карасев, Б.М. Руколь, и их старшие ученики — Л.В. Горина, Е.С. Макова, В.А. Тесемников; и молодое поколение — Б.Н. Билунов, Г.Ф. Матвеев, Х.Х. Хайретдинов. Яркой личностью была изучавшая средневековую историю Чехии Л.П. Лаптева, а в год моего поступления в МГУ на кафедру перешел из Воронежа известный специалист по средневековой истории южных славян А.Е. Москаленко. На кафедре оба они занимались также историей российской славистики.

В конце 1970-х началось и долгое возвращение на кафедру из Института славяноведения и балканистики З.С. Ненашевой.

В «наши семидесятые» годы специализация по кафедре была поставлена на прочную основу общего курса истории южных и западных славян, разделы которого читали специалисты по соответствующим странам, включая в их содержание свои исследовательские выводы и наблюдения. Отдельные разделы общего курса развивались спецкурсами, к чтению которых привлекались ученые Института славяноведения и балканистики, других академических учреждений и университетов. Запомнились лекции профессора географического факультета МГУ Э.Б. Валева по экономической географии славянских стран и спецкурс юриста-международника из Института мировой социалистической системы Л.С. Ягодковского о современных славянских странах. Особое место занимало изучение языка страны специализации, для обеспечения которого была создана в 1972 г. кафедра славянских языков. Для общения студентов с носителями языка приглашались лекторы из славянских стран. С нашей группой работал выдающийся болгарский филолог Илия Тодоров, памяти которого я впоследствии посвятил статью¹¹³.

Особо следует упомянуть проблему учебника по истории славян. Подготовленный в 1969 г. коллективом кафедры с привлечением ученых Института славяноведения, Воронежского и Харьковского университетов «серый» (меньшая часть тиража была в зеленых обложках) учебник был фактически запрещен после его критики партийными и государственными органами Югославии и Болгарии, касавшейся т.н. «македонского вопроса». С него был снят гриф Министерства образования СССР, а значительная часть его тиража уничтожена¹¹⁴. На кафедре, однако, оставались его экземпляры, которые могли использовать и студенты, а преподаватели, которые готовили новое издание учебника с учетом сделанных пристрастными критиками замечаний, озвучивали нам содержание подготовленных заново разделов. К концу моей аспирантуры в 1979 г. вышел долгожданный тираж нового, «синего» учебника, преодолевший все мыслимые и немыслимые препятствия. Он был назван «курсом лекций» и не имел официального грифа Министерства высшего образования. Весь тираж буквально прошел через мои руки, т.к. мне было доверено его получение в типографии и доставка на кафедру. Отсюда учебник усилиями И.А. Потаповой и Л.И. Уткиной был разослан во все крупные университеты страны. Поскольку я уже

¹¹³ *Польвянный Д.И.* В борьбе за текст. Памяти Илии Тодорова // *Болгарский ежегодник*. Т. 1. Харьков, 1994. 269–271.

¹¹⁴ *Матвеев Г.С., Ненашева З.С.* Кафедра истории южных и западных славян. 37–41.

знал место своей будущей работы, сто экземпляров учебника 1979 г. были в Иваново практически одновременно со мной и облегчали мне, как и десяткам других коллег в более, чем пятидесяти университетах СССР преподавательскую жизнь вплоть до начала 1990-х гг., когда необходимость нового учебника из очевидной стала остро актуальной. Каждое издание учебника, кроме того, становилось аргументом в пользу позиции кафедры истории южных и западных славян в длительной и не завершенной по сей день дискуссии о региональном и этнокультурном подходах к изучению истории Центральной и Юго-Восточной Европы¹¹⁵.

Кафедра истории южных и западных славян в 1970-е гг. состояла из ученых разных поколений, каждого из которых отличала яркая индивидуальность. Не удивительно, что существовавшие внутри коллектива противоречия находили выход и в научных дискуссиях, и в личном общении, при этом оставаясь в рамках академической этики. Негласным правилом, видимо, было табу на вовлечение в конфликты между преподавателями студентов и аспирантов, которые, тем не менее, были в курсе «подводных течений». На результаты защит дипломных работ и обсуждений диссертаций они также не влияли, а создаваемые ими элементы напряженности скорее играли положительную роль и не давали студентам и аспирантам расслабляться.

С другой стороны, студенты и аспиранты, зарекомендовавшие себя на кафедре как мотивированное и готовое работать в коллективе пополнение, могли рассчитывать и получали поддержку преподавателей кафедры и ее заведующих. В сложных ситуациях, случавшихся в отношениях студентов с администрацией факультета и вуза, мы шли на кафедру за защитой и покровительством. Помню не один случай, когда студентов и аспирантов эта защита буквально спасала от отчисления из-за нарушений административных регламентов в общежитии, на практиках и т.д. В моей жизни важную роль сыграли и «житейские» беседы с многоопытным и мудрым профессором Иваном Александровичем Воронковым, возглавлявшим кафедру до 1973 г., и вовремя полученный нагоняй от профессора Виктора Георгиевича Карасева, прервавший кратковременное «головокружение от успехов» и вернувший меня от разносторонней международной деятельности к делам учебным и научным. Профессору В.Г. Карасеву я обязан и самой аспирантурой — в условиях межкафедральной конкуренции за очные места при зачислении Виктор Георгиевич записал себя моим научным руководителем, т.к.

¹¹⁵ *Кутявин В.В.* О «Новой» привилегированности университетского курса «История южных и западных славян» // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. 1. 154–161.

Людмила Васильевна Горина еще не защитила тогда докторскую диссертацию. И еще много лет после учебы, приходя на кафедру, я заставлял сидящим во главе длинного стола заведующего, у которого всегда находилось несколько минут для неформального разговора, тем более, что я оставался участником всех научно-учебных проектов кафедры — от методических указаний для заочников (1985) и хрестоматии по истории южных и западных славян (1-й том — 1987) до учебников по историографии (1987) и источниковедению истории южных и западных славян (1999). Была мне оказана и честь войти в число авторов нового двухтомного учебника по истории южных и западных славян (1998). Среди свидетельств признания, которого мои труды как историка-слависта удостоили отечественные и зарубежные коллеги, я очень ценю статью о своей скромной персоне в «историческом» томе энциклопедического словаря Московского университета, написанную М.Н. Рацеевой¹¹⁶.

Наряду с преподавателями старшего поколения — И.М. Белявской, В.И. Владимирской, Л.П. Лаптевой, Б.М. Руколь через общие и специальные курсы мы знакомимся со «средним поколением» кафедры — людьми яркими и интересными, обладавшими знаниями высшего уровня в своих областях науки. Моим учителем на многие годы, слава Богу, продолжающиеся и по сей день, стала Людмила Васильевна Горина¹¹⁷, от которой я получил буквально все — от практических навыков работы с рукописями и письменными источниками до знакомств с ведущими болгарскими историками — Василием Гюзелевым (он стал моим научным руководителем в Болгарии), дуаиеном болгарской славистики академиком Иваном Дуйчевым, профессорами Николаем Генчевым, Илчо Димитровым, Константином Косевым и др. Лекции Е.С. Маковой, читаемые «в пространство» с неотожествимым, но явно славянским акцентом, были примером того, как рождается и выражается в слове научная мысль. В.А. Тесемников, только что вернувшийся на Родину из мало кому из нас лично известной Югославии, раскрывал нам тайны ее истории и современности.

Особенно привлекательным и важным для нас было академическое и не совсем общение со «старшими братьями» по кафедре Х.Х. Хайретдиновым, Б.Н. Билуновым и Г.Ф. Матвеевым. Когда безвременно, со-

¹¹⁶ Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 371–372.

¹¹⁷ *Полыянный Д.И.* Все побеждает любовь. Людмила Васильевна Горина в жизни, науке и учениках // BULGARICA, SLAVICA ET ROSSICA. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Горинной. (Историки-слависты МГУ. Кн. 12). СПб.: Алетей, 2019. С. 7–18.

рокапятилетним, ушел в марте 1992 г. Борис Билунов – прекрасный рассказчик, непревзойденный коммуникатор, эрудит и умница, сама собой оформилась в голове фраза: «Умер мой старший брат» (между нашими годами рождения – семь лет). Борис был легендой в Болгарии, где мы бывали вместе, и в Софийском университете его до сих пор помнят и любят наши общие друзья, а потеря на кафедре славян так и осталась невосполнимой, как, впрочем, и любая другая. Харис Хасьянович запомнился мне исчерпывающими знаниями в полонистике и москвоведении, человеком удивительной искренности, доброжелательности и человеческой доброты. Друг студентов, он умел быть требовательным и необидно строгим, любая полученная от него оценка оставляла по себе чувство благодарности. Возглавляющий по сей день кафедру Геннадий Филиппович Матвеев многие годы остается незаменимым советчиком в любых профессиональных и жизненных ситуациях, его мудрые суждения основаны на огромном опыте и врожденном чувстве здравого смысла. Велик и заслужен его авторитет среди польских историков. Открывающий российско-польский сборник «Белые пятна – черные пятна» очерк Г.Ф. Матвеева «Начало»¹¹⁸ – пример объективного и аргументированного, основанного на доскональном знании источников изложения принципиальной позиции отечественной науки. Это становится очевидно моим студентам, когда мы обсуждаем этот раздел книги.

Общение в среде «учеников» – студентов и аспирантов кафедры, по моим наблюдениям, обычно охватывало тех, кто был старше или моложе нас на два–три года и поддерживалось общими выездными практиками, участием в Научном студенческом обществе (А.Е. Москаленко, отвечавший за него на кафедре, настоял, чтобы я стал его председателем, открыв мне новые перспективы междурсового общения). Работа в НСО была интересной и даже увлекательной, мы проводили обсуждения научных проблем и публикаций, спорили и узнавали друг друга с новых сторон. Одним из редких изданий в моей тогда совсем небольшой библиотеке стала четырехтомная «История Болгарии» Н.С. Державина, которую мне подарили в конце моих председательских полномочий Виктор и Елена Бондаревы. Аспирантом-первогодком я помогал Людмиле Васильевне Гориной на выездной ознакомительной практике в Болгарии, что еще более расширило круг общения. Конечно, лучше всего мы знали коллег по изучаемой стране, и добрые отношения с ними стали залогом сотрудничества на долгие годы. Приезжая в Болгарию, я знал, что в советском, а затем в российском посольстве найду выпуск-

¹¹⁸ Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: 2017. С. 15–50.

ника кафедры Юрия Мордвинцева, коллеги-болгаристы работали во всех крупных библиотеках Москвы и, разумеется, в Инславе, где меня всегда встречали дружеские улыбки и рукопожатия однокашников.

Среди тех, кто закончил на кафедре обучение за несколько лет до меня, многие также остались на долгие годы друзьями, готовыми поддержать и помочь. Луиза Уткина допускала меня к книгам кафедральной библиотеки, Виктор Косик приобщил на общественных началах к деятельности Международного отдела МГУ, в котором он работал до командировки в Югославию. Наталья Волостнова стала моим ангелом-хранителем на нелегком пути защиты первой диссертации.

Сочетание трех поколений научной школы создает условия для ее зрелости, но не гарантирует достижения этого состояния. Нужны стратегия дальнейшего развития, противодействие «научному инбридингу», опирающемуся на ложное чувство собственного всеислия и непогрешимости, поддержание научных контактов, включающих дискуссии с оппонентами и конкурентами. В 1970-е гг. все это было достигнуто благодаря сочетанию опыта старшего поколения профессуры, прочной институционализации школы исторического славяноведения МГУ под руководством заведующих кафедрой И.А. Воронкова и В.Г. Карасева, активной научной деятельности «среднего поколения» и развития аспирантуры, выпускники которой пополнили кафедру в 1970–1980-е гг. Такое сочетание качеств вкупе с многочисленностью и мотивированностью обучаемых (всего в 1970-е гг. специализацию на кафедре успешно прошли без малого 300 человек, защитили кандидатские диссертации более 40 аспирантов), создавало динамичную и вдохновляющую атмосферу для целого поколения историков-славистов, вошедших в профессию во второй половине 1970-х – 1980-е гг.

Годы, которые назвали впоследствии «застоем», для нашего поколения «семидесятников» стали временем профессионального и личного становления, возможностей глубокого изучения истории и современности славянских стран, развития международных контактов и связей с коллегами. Ведомые мудростью старшего поколения профессоров кафедры, энергией и кругозором своих непосредственных учителей, имея перед собой яркие примеры «старших братьев» в науке, мы стремились, где бы ни работали, не терять связей друг с другом и с выростившей нас кафедрой истории южных и западных славян Московского университета, быть «университетскими людьми».

Г.Ф. Матвеев раскрыл это понятие так: «Университетский» человек — это тот, кто, однажды связав с Московским университетом свою судьбу, остается преданным ему всю оставшуюся жизнь, хранит и претворяет его традиции и каждым своим шагом на профессиональном поприще университетского преподавателя служит повышению автори-

тета alma mater как важнейшего научного и культурного центра страны». Говоря о наших учителях, он добавил: «Время не властно над такими людьми, даже когда их давно нет с нами; каждый из тех, кто соприкасался с ними на разных этапах их профессиональной карьеры, снова и снова повторяет: «Он был университетским человеком»»¹¹⁹. Такими университетскими людьми остаются ныне здравствующие наши учителя и старшие братья, такими хотели бы остаться в памяти своих учеников и мы, их наследники и продолжатели. Любой отечественный университет, достойный этого высокого звания, сияет не только своим авторитетом и достижениями, но и отраженным светом Московского университета, составляя общее достояние и славу России.

¹¹⁹ *Матвеев Г.Ф.* Иван Александрович Воронков – человек, педагог и организатор науки // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета: Материалы науч. чтений, посвящ. 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 7.

Марней Людмила Петровна

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ:
ПЛАНЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ**

Аннотация. Изучением истории славянских народов после Второй мировой войны занимались различные учреждения, среди которых особое место принадлежало Институту славяноведения АН СССР. Постановлением Президиума АН СССР от 14 июня 1968 г. Институт славяноведения АН СССР, наряду с разработкой славистических проблем, должен был развернуть комплексные исследования по балканистике, а также историческим и культурным связям народов Центральной и Юго-Восточной Европы с народами СССР. В связи с этим предлагалось переименовать Институт славяноведения в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1 июля 1968 г. главный редактор журнала «Советское славяноведение» Иван Иванович Костюшко направил письма кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву и в Отделение истории АН СССР, в которых высказал свое мнение о состоянии научно-исследовательской работы в Институте славяноведения АН СССР и предложение о создании на его основе Института истории европейских социалистических стран. Предложения И.И. Костюшко приняты не были. Президиум АН СССР не поддержал, несмотря на свою политическую привлекательность, создание института, основная задача которого состояла в изучении истории европейских социалистических стран. Последующая история Института славяноведения как комплексного учреждения, продолжавшего традиции российской славистики, показала, что возложенные на него задачи научной разработки проблем истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовка квалифицированных специалистов-славяноведов, успешно выполняются.

Ключевые слова. история Института славяноведения и балканистики АН СССР, реорганизация Института славяноведения АН СССР, Иван Иванович Костюшко — главный редактор журнала «Советское славяноведение», проект создания Института истории европейских социалистических стран.

Lyudmila Marney

**UNKNOWN PAGES OF THE HISTORY
OF SLAVIC STUDIES IN RUSSIA:
PLANS FOR REORGANIZATION OF THE INSTITUTE
OF SLAVIC STUDIES OF THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE 1960S**

Abstract. After the World War II the history of Slavic nations was studied by several scientific organizations in the Soviet Union and especially by the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the Soviet Union. On 14th June 1968 Presidium of the Academy ruled that the Institute of Slavic Studies had to study not only the problems of the history of Slavic nations, but also to carry out complex research programs on Balkan history, historical and cultural ties between nations of the Soviet Union and the Central and Southern-Eastern Europe. The Institute of Slavic studies appropriately was to be renamed to the Institute of Slavic and Balkan studies. On the 1st July 1968 Ivan Kostiusenko, the editor-in-chief of the «Soviet Slavic Studies» journal («Sovietskoe slavianovedenie») sent a letter to the Peter Demichev, candidate member of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the secretary of the Central Committee. Another copy of the letter was sent to the History Department of the Academy. In those letters Ivan Kostiusenko outlined the level of the researching work in the Institute of Slavic Studies and proposed to transform it to the new Institute of History of the European Socialist Countries. The proposition was rejected by the Presidium of the Academy. Next decades the Institute of Slavic Studies have been working as the major scientific center, developing complex researching programs on history, languages and culture of Slavic nations and training qualified specialists on all these areas of research.

Keywords. the history of the Institute of Slavic and Balkan studies; the reorganizing of the Institute of Slavic Studies, Ivan Kostiusenko, the editor-in-chief of the «Soviet Slavic Studies» journal, the project of establishing of the Institute of History of the European Socialist Countries.

В нашей стране изучением истории славянских народов после Второй мировой войны занимались различные учреждения, среди которых особое место принадлежало основанному в 1947 г. и реорганизованному в 1968 г. Институту славяноведения АН СССР.

Президиум Академии наук СССР 14 июня 1968 г. в свете постановлений ЦК КПСС 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» и апрельского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС принял решение поручить Институту славяноведения АН СССР, наряду с разработкой славистических проблем, развернуть комплексные исследования по балканистике: «изучение древней, средневековой, новой истории, истории новейшего времени (современный этап), международных и межнациональных отношений, культуры и филологии балканского региона (Болгария, Румыния, Югославия, Венгрия, Албания, Греция и Европейская Турция), историческим и культурным связям народов Центральной и Юго-Восточной Европы с народами СССР». Институт славяноведения предлагалось переименовать в Институт славяноведения и балканистики АН СССР и «предусмотреть перевод в установленном порядке [...] соответствующих специалистов из реорганизуемого Института истории АН СССР»¹²⁰.

В связи с этим постановлением Президиума Академии наук Иван Иванович Костюшко 1 июля 1968 г. направил письма кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву и в Отделение истории АН СССР, в которых высказал свое мнение о состоянии научно-исследовательской работы в Институте славяноведения и предложения о его реорганизации. И.И. Костюшко — офицер Войска Польского, сражавшегося на советско-германском фронте, там же вступил в ВКП (б), с февраля 1952 г. сотрудник Института славяноведения АН СССР (не считая трех лет проведенных в аспирантуре института с 1949 по 1951 гг.). В СССР и в Польше он был одним из ведущих специалистов по истории крестьянского вопроса в Центральной и Восточной Европе в XIX в. Эти обстоятельства, а также статус главного редактора одного из ведущих академических журналов «Советское славяноведение» давали ему все основания для личного обращения в ЦК КПСС, в котором он отмечал, что основными направлениями исследований созданного в 1946 г. (именно этот год указан в письме)¹²¹ как «специального комплексного научного учреждения» Института славяноведения АН СССР,

¹²⁰ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 6а. Д. 260. Л. 82–83.

¹²¹ Институт славяноведения в Москве при Отделении исторических наук АН СССР был создан на основании постановления Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. на базе сектора славяноведения Института истории, славяно-балтийского сектора Института русского языка, Славянской комиссии при Президиуме АН СССР. «Первый приказ по Институту был подписан в январе 1947 г.» (Институт славяноведения и балканистики 1947–1977. (Справочно-информационный обзор). М.: Издательство «Наука, 1977. С. 3, 14).

были изучение «истории, культуры и языкознания зарубежных славянских народов». Предмет советского славяноведения и научной профиль института определялись по мере расширения проблематики, когда помимо «подготовки обобщающих трудов по истории и литературе народов Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии и [...] исследования отдельных вопросов исторического развития этих стран и сравнительного славянского языкознания» в институте стали изучать «межславянские связи, славяно-германские отношения, историю культуры зарубежных славянских народов и структурную типологию славянских языков». Результат этой работы — обобщающие труды, значительное «количество монографий, сборников статей и документальных публикаций по истории, литературе и истории культуры зарубежных славянских народов и славянскому языкознанию», имевшие «определенное научное и общественно-политическое значение», положительно оценивали «в советской и зарубежной печати»¹²².

Однако задачи, которые были поставлены ЦК КПСС перед общественными науками, полагал И.И. Костюшко, потребовали «существенного улучшения исследовательской работы и по проблемам истории, культуры и языкознания зарубежных славянских народов». Необходимо было, по его мнению, сосредоточить внимание не только «на решении крупных научных проблем», но и «значительно повысить идейно-теоретический уровень исследований». В этой связи «научный профиль Института [...] не вполне отвечал потребностям дальнейшего развития областей знания», которые составляли проблематику института, что было связано, обращал внимание И.И. Костюшко, «с известной нечеткостью предмета славяноведения» и сложившейся в институте «организацией научно-исследовательской работы»¹²³.

В славянских странах, отмечал далее И.И. Костюшко, из проблематики славяноведения, изучавшего «историческое и культурное развитие славянских народов», «в основном исключались национальная история, литература, культура и языкознание». Предметом же советского славяноведения, в который иногда включали археологию, этнографию, право, экономику, философию, искусствоведение и другие научные дисциплины, являлись «проблемы истории, культуры и языкознания зарубежных славянских народов», «частично межславянские связи». Такое определение, по мнению автора письма, предусматривало «изучение общих, славистических аспектов исторического развития или черт, характерных для всех или части славянских народов», что за некоторым

¹²² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 142.

¹²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 142–143.

исключением, являлось «затруднительным», «методологически неправильным и научно несостоятельным»¹²⁴.

Таким образом, полагал И.И. Костюшко, «научное славяноведение по существу имеет страноведческий характер и собственно славистические исследования ограничиваются сравнительным славянским языкознанием, изучением этногенеза славян и некоторых других вопросов», что и определяло в основном проблематику Института славяноведения, которая «охватывала лишь некоторые вопросы истории, литературоведения и языкознания зарубежных славянских народов и межславянских связей». К тому же, «за исключением сравнительного славянского языкознания», в ней отсутствуют «общие проблемы предмета исследования в рамках отдельных научных дисциплин или всего их комплекса». Страноведческий характер исследований «обычно ограничивавшийся отдельными, разрозненными вопросами истории, литературы и языка», в ряде случаев выходил за пределы славяноведения¹²⁵.

В подобной ситуации, по мнению И.И. Костюшко «комплексность предмета славяноведения и самого Института являлась формальной или фиктивной». В Институте «по этническому принципу объединялись ряд весьма дифференцированных научных дисциплин», которые, полагал он, «не оказывали влияние на их развитие» и «не обеспечивали комплексной разработки проблем». Это, считал он, «подтверждалось исследованиями, «по истории, литературе и языкам зарубежных славянских народов», которые «по своему характеру не отличались от работ Института», но проводились за его пределами и в других организационных формах¹²⁶.

Далее И.И. Костюшко обосновывал включение ряда дисциплин, составлявших предмет национальной науки в зарубежных славянских странах, в проблематику Института и страноведческий характер его исследований. За прошедшие годы, отмечал он, «происходило по существу складывание этих дисциплин, а в зарубежных славянских странах постепенно утверждалась марксистская наука. В этих условиях большое внимание уделялось работам научно-популярного характера и решению отдельных частных проблем». Ситуация в науке с течением времени изменилась, что «в определенной мере сказалось на деятельности Института [...] затрудняя выбор тематики исследований», а «преимущества зарубежных ученых в изучении многих вопросов», основу работ которых составляла «более фундаментальная научная база», приводило,

¹²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 143.

¹²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 143–144.

¹²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 144.

по его мнению, к увеличению числа «второстепенных тем и документальных публикаций»¹²⁷.

Достигнутый уровень знаний, отмечал И.И. Костюшко, позволял, «а интересы науки требовали, наряду с [...] изучением страноведческой тематики, перехода к исследованию более широких или крупных научных проблем», разработка которых не должна была «основываться только на этническом принципе или материале славянских стран», что могло создавать «представление о якобы славянской исключительности и т.п.». Иван Иванович считал, что «особенно остро ощущается это при изучении проблем новой и новейшей истории», так как «Институт при разработке крупных проблем» выходил «за рамки предмета славяноведения», а существовавшая его организация не способствовала «развертыванию таких исследований». И.И. Костюшко обращал внимание, что «в некоторых зарубежных славянских странах вообще оспаривается правомерность включения большей части исторической проблематики в предмет славяноведения»¹²⁸.

Так, отмечал он далее, введение «в проблематику Института литературоведения и языкознания [...] не создавало благоприятных условий для дальнейшего развития этих дисциплин», так как Институт не мог «должным образом руководить ими» и «направлять их развитие», что отрицательно сказывалось «на выборе тематики и на уровне исследований в данных разделах науки»¹²⁹.

Из всего вышеизложенного И.И. Костюшко делал вывод, что «существование такого комплексного учреждения как Институт славяноведения едва ли оправдано», потому что «таких или подобных учреждений нет в зарубежных славянских странах». Так в Польше вопросами языкознания занимался сектор славяноведения при Академии наук, а учреждения, существовавшие в капиталистических странах, занимались «преимущественно т.н. советологией». Кроме того, «при обсуждении перспектив работы Института славяноведения неоднократно высказывались мнения о необходимости изменения его научного профиля», а «в связи с реорганизацией Института истории АН СССР появилось предложение о включении в проблематику Института славяноведения балканистики или преобразования его в Институт славяноведения и балканистики». Подобные меры, по мнению И.И. Костюшко, могли еще более осложнить, но не «устранить имеющихся трудностей и недостатков», — «неудачное сочетание в проблематике Института этнического принципа с особым территориальным комплексом». Кроме

¹²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 145.

¹²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 145–146.

¹²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 146.

того, Болгарией и Югославией Институт занимался и ранее, следовательно, необходимо было прибавить проблематику и других социалистических и капиталистических балканских стран. Если «балканистика» — «это такая же «комплексная» дисциплина как славяноведение», то, отмечал далее И.И. Костюшко, «объединение ее со славистикой породит необычайное разнообразие и большую пестроту тематики, причем возможности рациональной организации работы будут весьма ограничены, а ее эффективность — относительной. [...] Объединение балканистики со славяноведением так или иначе будет акцентировать на существовании якобы особой связи между этими научными направлениями, на привязывании к славяноведению того, что далеко отстоит от славистики. Включение их в проблематику одного [...] Института может толковаться по-разному и не всегда благоприятно для [...] науки». В этой связи не случайным, по его мнению, является обращение к балканистике в частности в Болгарии, где был «создан Институт балканистики и издавался специальный журнал». В Болгарии с балканистикой связывали «идеи о величии Болгарии в древности, особой роли ее на Балканах, проблемы этнического и территориального характера и другие, которые, — полагал И.И. Костюшко, — не могут не настораживать. Внимание к ней на Западе и США в том же смысле определяется [...] не чисто научными соображениями». Поэтому, делает вывод И.И. Костюшко, «едва ли стоит подкреплять такие тенденции посредством создания специального учреждения в нашей стране. Разумеется, что актуальные вопросы балканистики должны у нас разрабатываться, но организация работы в этой области может быть иной»¹³⁰.

В Институте славяноведения «в соответствии с этническим критерием», отмечал И.И. Костюшко, была сосредоточена «историко-культурная проблематика», относящаяся к четырем — Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии «из 8 европейских социалистических стран». Этот критерий, имея определенное значение, не мог «быть определяющим», так как «он как бы выделял группу народов, обособляя их от соседних и близких им по своим историческим судьбам народов», что ограничивало исследования и «неблагоприятно сказывалось на разработке общих проблем». Европейские социалистические страны играли важную и все более возрастающую «роль в социалистическом содружестве», поэтому И.И. Костюшко считал необходимым исправить ситуацию, когда ученые были разобщены и не организованы «должным образом», а «исследования велись в значительной мере по периферийным или частным темам». Так, историей некоторых социалистических стран Европы занимался Институт истории, небольшое число сотрудни-

¹³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 146–148.

ков Института славяноведения занималось вопросами новейшей истории этих стран, и считанные единицы работали над исследованием проблем социалистического строительства. Для успешного развития исследований истории европейских социалистических стран требовалось «изменение научно-организационных форм работы»¹³¹.

В заключение своего письма И.И. Костюшко, исходя из анализа деятельности Института славяноведения и «имея в виду [...] указания ЦК КПСС о необходимости более четкой специализации научных учреждений», предлагал принять следующие научно-организационные меры: «На базе исторической части Института славяноведения создать Институт истории европейских социалистических стран и включить в проблематику его исследований, наряду с историей зарубежных славянских стран (Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия), историю других социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ГДР, Албания, Венгрия, Румыния). Передать Институту соответствующих специалистов из других научных учреждений АН СССР. Возложить на него разработку общих проблем исторического развития этих стран, вопросов истории отдельных стран и народов и в особенности проблем социалистического строительства». При этом в проблематике Института определенное место должны были «занять исследования конкретно-социологического характера [...], а также вопросы истории культуры». Что касалось «литературоведов Института славяноведения», то их И.И. Костюшко предлагал «передать Институту мировой литературы» в «близкий по проблематике сектор литератур стран народной демократии», «сектора славянского языкознания и структурной типологии» — Институту языкознания по тематической принадлежности», филологов «в соответствующие филологические институты».

И.И. Костюшко считал, что «эти меры, не требуя дополнительных средств, позволят сосредоточить усилия специалистов, правильное их использовать, что не только не ослабит исследовательской работы в области истории, литературы и языкознания зарубежных славянских народов, но во многом будет содействовать дальнейшему их развитию», способствуя изучению и «других социалистических стран Европы»¹³².

В принятой ЦК резолюции от 26 июля 1968 г. отмечалось, что «в настоящее время Президиум АН СССР принял решение о целесообразности преобразования Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики. Этот вопрос будет внесен в ЦК КПСС. Предложения т. Костюшко будут учтены при рассмотрении данного вопроса в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС. Ответ автору сообщен»¹³³.

¹³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 148–149.

¹³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 149–150.

¹³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 151.

Мнение И.И. Костюшко не осталось без внимания. По крайней мере, высказанные им соображения о проблематике научных исследований, их направлениях и организационной структуре их реализации оказались созвучны итоговым решениям директивных органов. Однако, главная рекомендация Костюшко не получила поддержки. 11 октября 1968 г. Президиум АН СССР постановил «Переименовать Институт славяноведения АН СССР в Институт славяноведения и балканистики АН СССР»¹³⁴. Окончательно «специфика и место Института в системе академических учреждений в области общественных наук», «основные задачи и направления его работы» были определены в специальном постановлении Президиума Академии наук СССР 18 июня 1970 г.¹³⁵

Таким образом, если рассматривать структурные преобразования Института славяноведения в контексте политико-идеологических факторов развития науки в этот период, частью которых был процесс разделения Института истории АН СССР на два самостоятельных учреждения Институт истории СССР и Институт всеобщей истории, то можно говорить о том, что они были направлены в том числе и на усиление идеологического контроля над советскими историками. В этой связи создание на основе Института славяноведения АН СССР Института истории европейских социалистических стран могло быть попыткой защитить Институт от возможной ликвидации путем повышения его статуса. Однако Президиум АН СССР не поддержал, несмотря на свою политическую привлекательность, предложение о создании института, основная задача которого состояла в изучении истории европейских социалистических стран. Последующая история Института славяноведения и балканистики как комплексного учреждения, продолжавшего традиции российской славистики, показала, что возложенные на него «задачи научной разработки проблем истории, языка и культуры славянских народов, исследовательской работы в области византиноведения, а также подготовки квалифицированных специалистов-славяноведов»¹³⁶, с успехом выполнялись и выполняются.

¹³⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 262. Л. 216–217.

¹³⁵ Институт славяноведения и балканистики 1947–1977. С. 10.

¹³⁶ Институт славяноведения и балканистики 1947–1977. С. 3.

II. СЛАВЯНСКОЕ МНОГОГОЛОСЬЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Белова Наталья Руслановна

ОБРАЗ АДА В СОЧИНЕНИЯХ ЧЕШСКИХ ИЕЗУИТОВ ПОБЕЛОГОРСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений об аде, отраженных в сочинениях чешских иезуитов XVII в. Рассматриваются образ ада, вопрос о том, кого авторы помещали в преисподнюю, а также цели, которые они преследовали, формируя у верующих подобные представления. Эти аспекты рассматриваются в связи с насильственной рекатолизацией Чешских земель, начавшейся после битвы у Белой горы (1620 г.). Для анализа были выбраны чешскоязычные тексты, поскольку они были рассчитаны на широкую аудиторию и могут показать, какие представления об аде внушали проповедники простым верующим. Описание устройства преисподней в сочинениях чешских иезуитов вполне традиционно и мало отличается от средневековых представлений. Однако главная цель авторов заключалась в воздействии на сознание читателей или слушателей проповеди. Подробно описывая адские муки, проповедники Общества Иисуса стремились вызвать у простых верующих страх перед адом и, таким образом, усилить их религиозность. Важной чертой проповедей XVII в. является обращение к верующим, как к потенциальным обитателям ада, что связано с представлением о греховности человека и трудности спасения. В связи с необходимостью бороться с идеями Реформации достаточно много внимания при описании страдающих в аду грешников уделяется нектоликам. Авторы сочинений акцентируют внимание на невозможности спасения вне католической церкви, эта идея не нова, однако очень актуальна в период рекатолизации Чешских земель. В статье делается вывод о том, что страх перед адом служил важным инструментом воздействия на прихожан, что было особенно важно в условиях обособления конфессий и проведения рекатолизационной политики.

Ключевые слова. ад, иезуиты, рекатолизация Чешских земель, Контр-реформация, побелогорский период.

Natalia Belova

THE IMAGE OF HELL IN THE WRITINGS OF THE CZECH JESUITS OF THE POST-WHITE MOUNTAIN PERIOD

Abstract. The article is devoted to the study of ideas of hell in the writings of the Czech Jesuits of the XVII century. The article examines the image of hell, the question of who the authors placed in the underworld, as well as the goals they pursued, forming such ideas among believers. These aspects are examined in the context of the violent re-Catolization of the Czech lands, which began after the Battle of the White Mountain (1620). Czech-speaking texts were chosen for analysis because they were intended for a wide audience and can show, what views the preachers suggested to people. The description of the geography of hell in the writings of the Czech Jesuits is quite traditional and differs little from medieval ideas. However, the main goal of the authors was to influence the consciousness of readers or listeners of the sermon. Describing in detail the punishments and tortures in hell, the preachers of the Society of Jesus sought to arouse the fear of hell in the minds of laity and, thus, strengthen their religiosity. Catholic preachers of the XVII century considered believers as potential inhabitants of hell. This concept relates to the ideas of the sinfulness of men and the difficulty of salvation. Describing sinners suffering in hell Jesuits pay a lot of attention to non-Catholics due to the need to fight the ideas of the Reformation. The authors focus on the possibility of salvation only in the Catholic Church, this idea isn't new, but it was very relevant during the re-Catolization of the Czech lands. The article concludes that the fear of hell served as an instrument of influencing people, which was especially important during the confessionalization and re-Catolization.

Keywords. hell, Jesuits, re-Catolization of the Czech lands, Counter-Reformation, post-White Mountain period.

Христианские представления о преисподней и жизни после смерти начали складываться еще в первые годы существования христианской религии, и каждая новая эпоха несколько дополняла и изменяла существующую картину. Данная статья посвящена образу ада, представленному в сочинениях чешских иезуитов XVII в., что позволит рассмотреть представления об аде, характерные для католической культуры раннего нового времени.

В раннее новое время усилилось воздействие конфессиональных факторов на политическую, социальную, экономическую и культурную жизнь католических и протестантских обществ. Наиболее полно данное явление объясняет теория конфессионализации, разработанная Е.В. Цееденом, Х. Шиллингом и В. Райнхардом¹³⁷. Утрата конфессионального единства вследствие Реформации способствовала тому, что перед католиками и протестантами встала необходимость обособления своей конфессии, что потребовало более глубокого усвоения верующими основ вероучения и установления большего контроля над религиозным сознанием общества.

Сложная религиозная ситуация в Чешских землях, связанная с последствиями гуситского движения и широким распространением идей Реформации, обусловила проведение рекатолизации, т.е. политики, направленной на возвращение некаатолического населения в лоно католической церкви. В побелогорский период, в связи с усилением центральной власти, рекатолизация приобрела всеобщий и насильственный характер. Согласно Обновленному земскому уложению 1627 г., католицизм признавался единственной допустимой религией в Чешских землях. Однако важно отметить, что рекатолизация предполагала не только мирное или насильственное обращение некаатоликов в католическую веру, но и попытку воздействовать на поведение и образ мыслей простых верующих с целью углубления религиозности, сознательного усвоения ими основ вероучения. Этому способствовала активная проповедническая и миссионерская деятельность, большую роль в которой сыграл орден иезуитов.

Рассматриваемые чешскоязычные сочинения побелогорского периода в отличие от латинских трактатов, были ориентированы на широкую аудиторию, поэтому позволяют проследить, какие представления об аде проповедники из Общества Иисуса пытались внушить прихожанам. С восприятием ада тесно связаны и другие представления, характеризующие католическую картину мира в данный период: взгляды на грех и спасение, на природу человека, на ересь и т.д.

В 1676 году в Праге была издана книга «Вечная адская темница»¹³⁸. Это перевод одноименной итальянской книги иезуита Джованни Баттиста Манни¹³⁹, выполненный иезуитом Матеем Вацлавом Штейером,

¹³⁷ Прокопьев А.Ю. Введение. Реформация. Контрреформация, Конфессионализация // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб., 2004.

¹³⁸ *Večný Pekelný Žalář, Aneb Hrozné Pekelné Muky, Obrazy a Příklady.* Praha, 1676.

¹³⁹ *Giovanni Battista Manni.* La prigione eterna dell'inferno. Venetia, 1666.

проповедником, автором нескольких сочинений и одним из создателей Святовацлавской Библии. Название сочинения гласит, что оно написано для «спасительного страха и устрашения всех безбожников». Уже на первых страницах книги помещена гравюра с изображением преисподней и горящих в адском пламени грешников, призванная внушить читателю страх перед адскими муками. Ад изображен в виде темницы, где томятся души грешников. Подобные гравюры встречаются в книге и дальше, иллюстрируя рассказы о наказаниях, ожидающих попавших в преисподнюю. В итальянском издании также помещены ужасающие иллюстрации.

Как представлена в сочинении география преисподней? Авторы обращаются к образам ада, сформировавшимся еще в раннехристианских и средневековых текстах. «Вечная адская темница» рисует ад как тюрьму, в которой человек подвергается вечному заточению и наказанию, которое, дабы быть еще более мучительным, длится вечно и постоянно повторяется. «Адская темница не только вечна, но и полна невыносимых мук и бесчисленных страданий»¹⁴⁰. Для того, чтобы сделать описание ада более понятным и близким простым верующим, Штейер сравнивает заточение в преисподней с обычным тюремным заключением, показывая, насколько дольше и страшнее будет наказание после смерти¹⁴¹. Все приведенные в книге описания и примеры должны, по мысли автора, заставить читателя задуматься об адских мучениях, которые могут его ожидать¹⁴².

Образы ада встречаются не только в специальных сочинениях, посвященных загробной жизни или вопросам спасения, но и в проповедях и мистической литературе. В одном из канционалов Антонина Кониаша, знаменитого чешского иезуита первой половины XVIII века, ад также представлен как темница («Стоит та темница, двери настежь открыты, душа моя измучена, я обезумел от страха»¹⁴³). Далее следует более подробное описание: «Осматривая эту темницу, вижу бездонную пропасть... А на дне той темницы разливается огненное море»¹⁴⁴. В аду вечная ночь, темнее любого земного мрака¹⁴⁵. Образ пламени, которое поглотит грешников, встречается еще в Откровении Иоанна Богослова («а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где

¹⁴⁰ Wěčný Pekelný Žalář. S. 3–4.

¹⁴¹ Ibid. S. 2–3.

¹⁴² Ibid. S. 5.

¹⁴³ Antonín Koniaš. Cytara Nówego zákona, prawého Boha w předrahých Krystowé wjry tagemstwých, a w swatých geho ljbospěwné oslawugjcy. Praha, 1752. S. 558.

¹⁴⁴ Ibid. S. 559.

¹⁴⁵ Ibid.

зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» (Откр. 20:10)), описание адского огня повторяется практически во всех сочинениях, посвященных аду.

В сочинениях чешских иезуитов XVII в. не всегда представлена детальная картина ада, хотя авторы всегда стараются создать ужасающий образ. Например, силезский иезуит Матей Виерий в мистическом сочинении «Невеста Христова» так обращается к читателю: «Тот, кто пребывает в гневе, ходит во мраке ада, пребывает в смерти, он убийца и сын дьявола, и будет иметь дело с убийцами и чертями в адском пламени»¹⁴⁶. В отличие от географии преисподней, мучения, которые ждут грешников в аду, всегда описываются очень подробно. В «Вечной адской темнице» отдельные главы посвящены жутким видениям, страшным крикам и смраду, которые будут вечно окружать томящихся в адской темнице грешников.

Важно отметить, что преисподняя и адские муки фигурируют в иезуитских сочинениях гораздо чаще, чем рай и блаженство праведников. Интересно и то, что чистилище также упоминается в этих текстах достаточно редко, что свидетельствует о стремлении авторов воздействовать на сознание верующих и усилить страх перед адом. Важная мысль, транслируемая в иезуитских сочинениях, — необходимость постоянно размышлять о преисподней и адских мучениях. Например, одна из глав «Вечной адской темницы» называется «Полезно размышлять о муках ада»¹⁴⁷. Тезис о необходимости постоянно помнить об аде, чтобы не совершить греха, мы находим и в «Духовных упражнениях» Игнатия Лойолы. Там размышления об адских муках выделяются в качестве одного из упражнений (пятое упражнение), причём книга предлагает во всех подробностях представить себе ад и мучения, ожидающие грешника там («следует представить себе длину, ширину и глубину ада», «представить мысленно огромные языки пламени, и души [осужденных], как бы заключенные в раскаленные тела», «услышать упреки, плач и вопли, предание проклятию Иисуса Христа и святых Его», «почувствовать запах дыма, серы, разложения и гнили», «внутренне ощутить горькое — слезы, скорбь и угрызение совести»)¹⁴⁸.

Матей Виерий в сочинении «Невеста Христова» описал день благочестивого католика, который как раз предполагает постоянное размыш-

¹⁴⁶ *Matěj Vierius. Chot' Krystowa aneb Dusse Nábožná hledagjcy swého Milého, Pána nasseho Gežjsse Krysta, gakož napomjná Jzaiáss řka; Hledegtež Pána, když může nalezen býti.* Praha, 1680. S. 342.

¹⁴⁷ *Wěčný Pekelný Žalář.* S. 313.

¹⁴⁸ *Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения. Духовный дневник.* М., 2006. С. 65.

ление о грехе и спасении. Проснувшись утром, необходимо вспомнить о Боге, потому что дьявол не дремлет и хочет, чтобы душа мыслила о суетном, а не о вечном¹⁴⁹. «Можешь размышлять и о смерти, и о Суде Божиим, и об аде, и о небе. Можешь вспоминать о своих грехах и жалеть о них; о плохих склонностях и укрощать их»¹⁵⁰. Размышление является важной частью иезуитского благочестия, основанного на «Духовных упражнении».

Подробное описание адских мук и постоянное напоминание о преисподней не могут не внушать читателю или слушателю проповеди страх перед адом. Устрашение людей с помощью преувеличения их вины и греховности и постоянного напоминания об ожидающих их адских муках получило название «пастырство страха». Этот способ воздействия на прихожан сформировался ещё в Средние века и активно использовался в католической проповеди. В средневековой культуре сформировалась доктрина *contemptus mundi* или «презрение к миру», ставшая основой многих произведений, в том числе гомилетической литературы¹⁵¹.

М.А. Корзо, на польском материале исследовавшая образ человека в проповеди XVII в., выделила обращение к прихожанам, как к потенциальным обитателям преисподней, в качестве характерной черты католической проповеди раннего Нового времени¹⁵². С точки зрения иезуитов побелогорского периода, вероятность того, что человек попадет в ад, гораздо выше, чем возможность его спасения. Штейер в «Вечной адской темнице» предлагает человеку размышлять следующим образом: «...я это уже тысячу раз заслужил; ведь если только за один смертельный грех человек может быть отправлен в ад, я, который тысячу грехов совершил, должен справедливо бояться того, что попаду туда»¹⁵³.

Представление о греховности человека дополняется сюжетом о мере грехов: «Бог считает человеческие грехи и ждет, когда переполнится мера грехов! Потом их наказывает смертью частной и вечной, как тех, кто не хотел покаяться»¹⁵⁴. Сюжет о мере беззаконий относится еще к Ветхому Завету, а потом будет разрабатываться христианскими мысли-

¹⁴⁹ *Matěj Vierius*. Chot' Krystowa. S. 234–235.

¹⁵⁰ *Ibid.* S. 242.

¹⁵¹ Делломо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века). Екатеринбург, 2003. С. 15.

¹⁵² Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999. С. 66.

¹⁵³ *Wěčný Pekelný Žalář*. S. 148.

¹⁵⁴ *Matěj Vierius*. Christoslaus aneb žiwot Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člověk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzyti může. Praha, 1689. S. 87.

телями, в особенности Августином. В частности, этот мотив встречается в 15 главе книги Бытия, где Господь говорит Аврааму: «ибо мера беззаконий Амореюв доселе ещё не наполнилась» (Быт. 15:16)¹⁵⁵.

Страх перед адом объясняется и представлением о трудности спасения. Авторы апеллируют к знаменитой притче о брачном пире, где сказано: «ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 22:14). Часто в иезуитских сочинениях встречается образ узкой и тесной дороги, ведущей в Царство Небесное, в отличие от широкой дороги в ад («Возлюбившие Крест идут на небеса по царской дороге, но не без крестных мук и боли; и не могут быть без страданий на этой дороге узкой и тесной»¹⁵⁶, «Широко открыты врата и широка дорога, ведущие к проклятию, и много людей проходит через них»¹⁵⁷). Этот образ не является изобретением барочной литературы, он взят из Нагорной проповеди («Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13–14)) и Евангелия от Луки («подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут» (Лк. 13:24)).

Таким образом, попасть в ад очень легко, там могут оказаться все грешники, но в связи с рекатолизацией особый акцент в сочинениях чешских иезуитов делается на представителях некаатолических вероисповеданий. Например, в «Христославе» Матей Виерия все некаатолические конфессии именуется «вратами ада», ключами, «которые открывают людям двери в ад»¹⁵⁸. Этот образ изначально взят из знаменитого фрагмента Евангелия от Матфея («на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Мф. 16:18)). Но в данном отрывке под «вратами ада» можно понимать совершенно разные вещи, например, человеческие грехи или козни дьявола. Виерий же акцентирует внимание на том, что он называет «адскими вратами» некаатолические «секты», поскольку именно через них легче всего попасть в ад.

Можно привести еще один яркий пример: в первой половине XVIII в. миссионеры во время сожжения еретических книг поручали людям петь следующую песню:

Подожгите еретические заблуждения, уничтожьте адских чудовищ,
Сожгите языческое неверие и всякое бабье суеверие!
Гори, гори, Ян Гус, чтобы не горели наши души!
Гори, Мартин Лютер, пусть черт заберет твою душу!

¹⁵⁵ Ibid. S. 87.

¹⁵⁶ *Matěj Vierius*. Chot' Krystowa. S. 66.

¹⁵⁷ *Wěčný Pekelný Žalář*. S. 6.

¹⁵⁸ *Matěj Vierius*. Christoslaus. S. 378.

Гори и ты, Ян Кальвин, пусть огонь вечный минует нас!
Горите, Филипп, Иероним, чтобы мы с вами не сгорели!
Гори, Йиржи из Подебрад, ты заслужил две хорошие пощечины!
Гори, гори, Ян Жижка, как в смоле жареная шишка!¹⁵⁹

Еретики в целом и основатели еретических учений представлены здесь как пособники дьявола. Эта идея не нова, католические авторы писали о связи еретиков с дьяволом еще со времен раннего Средневековья. В Римском катехизисе еретики также упомянуты среди пособников дьявола («Иногда у него есть посланцы и соглядатаи, падшие люди, в первую очередь, еретики, которые, восседая в кресле чумы, сеют смертоносные семена злых учений» (часть IV, гл. VI, вопрос 10))¹⁶⁰.

В заключение отметим, что восприятие ада, представленное в текстах побелогорского периода, мало отличается от средневековых представлений, хотя и добавляются некоторые детали, связанные с Реформацией, например, частое упоминание основателей не католических учений. Однако в рамках данной статьи важны не теоретические взгляды Общества Иисуса, а стремление авторов контролировать повседневную жизнь и образ мыслей людей, внушать им определенные представления. Иезуитских проповедников периода побелогорской рекатолизации интересует, в первую очередь, воздействие образа ада на прихожан. К обычным описаниям добавляются размышления, которые верующий должен практиковать каждый день. Французский историк Жан Деломо показал, что в раннее новое время усиливается страх перед адом. Во многом этому способствовала активная проповедническая и миссионерская деятельность, воздействующая на мысли и эмоции людей. В условиях разграничения конфессий перед католическими и протестантскими проповедниками встала задача усвоения верующими основ верования и углубления внутренней религиозности, чему способствовало и усиление страха перед адом.

¹⁵⁹ Mistr Jan Hus v životě a pámatkách českého lidu. Praha, 1915. S. 33.

¹⁶⁰ Catechismus Romanus ex decreto sacrosancti consilii Tridentini. Roma, 1796. P. 567–568.

Мельчакова Ксения Валерьевна

**«НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — СВЯТОЕ ДЕЛО».
КАК ГЕРЦЕГОВИНЕЦ ПИЧЕТА
ОКАЗАЛСЯ В РОССИИ¹⁶¹**

Аннотация. В кратком очерке представлены отрывочные эпизоды из жизни отца историка, слависта, академика Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947). Йован Христофорович Пичета (1844–1920) был уроженцем г. Мостара. В 1857 г. в Боснии начало работу первое российское консульство. Дипломаты А.Ф. Гильфердинг и А.С. Ионин озаботились вопросом подбора кандидатов из боснийцев и герцеговинцев для отправки в Россию с целью получения образования. В 1858 г. одним из них стал Йован Пичета. Он с успехом окончил Одесское духовное училище, Херсонскую семинарию и Киевскую духовную академию. В 1867 г. Пичета предпринял попытку вернуться на родину, но потерпел неудачу. Благодаря содействию российского МИД Пичета был трудоустроен в Российской империи. Со временем он обзавелся семьей, принял российское подданство и даже был причислен к дворянскому сословию. Всю жизнь Йован Пичета проработал на образовательном поприще. В разные годы он возглавлял Витебскую и Полтавскую духовные семинарии. Выйдя на пенсию, он опубликовал воспоминания, в которых ярко описаны его детство в Герцеговине, путь в Россию и учеба там, работа в духовно-учебных заведениях. На основе воспоминаний Й.Х. Пичеты, а также его сына В.И. Пичеты, внучки К.В. Пичеты и правнука Л.Г. Соколовского, а также документов российского МИД из Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) в очерке реконструируется история того, как Йован Пичета попал в Россию.

Ключевые слова. Йован Пичета, Мостар, Герцеговина, А.Ф. Гильфердинг, А.С. Ионин, П. Чокорило, В.И. Пичета.

¹⁶¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20–59–18004.

Ksenia Melchakova

**«POPULAR EDUCATION IS A SACRED THING».
HOW THE HERCEGOVINIAN PICHETA
RELOCATED TO RUSSIA**

Abstract. The short essay presents fragmentary episodes from the life of the father of the historian, Slavist, academician Vladimir I. Picheta (1878–1947). Jovan H. Picheta (1844–1920) was a native of Mostar. In 1857 the first Russian consulate opened in Bosnia. Diplomats A.F. Hilferding and A.S. Ionin took care of the issue of selecting candidates from Bosniaks and Herzegovinians to be sent to Russia for education. In 1858 Jovan Picheta became one of them. He successfully graduated from the Odessa Theological College, the Kherson Seminary and the Kiev Theological Academy. In 1867 Picheta decided to return to his homeland, but failed. Russian Foreign Ministry helped Picheta get a job in the Russian Empire. Over time, he got a family, accepted Russian citizenship and was even ranked among the nobility. All his life Jovan Picheta has worked in the educational field. In different years, he headed the Vitebsk and Poltava theological seminaries. After retiring, he published memoirs that vividly describe his childhood in Herzegovina, his way to Russia and studying there, working in theological and educational institutions. Based on the memoirs of J.H. Picheta, as well as his son V.I. Picheta, granddaughter K.V. Picheta and great-grandson L.G. Sokolovsky, as well as documents of the Russian Foreign Ministry from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the essay reconstructs the history of Jovan Picheta's entry into Russia.

Keywords. Jovan Picheta, Mostar, Herzegovina, A.F. Hilferding, A.S. Ionin, P. Chokorilo, V.I. Picheta.

«Приехали мы в Мостар, и вдруг Генрих Эдуардович Санчук¹⁶² говорит: “Это же родина Владимира Ивановича Пичеты! Здесь наверняка живут его родственники”. Стоим мы около знаменитого моста, и идет

¹⁶² Генрих Эдуардович Санчук (1917–1996) — ученик В.И. Пичеты, источниковед, исследователь и публикатор средневековых хроник, специалист по истории Чехии, Словакии и полабских славян эпохи раннего средневековья, доктор исторических наук. В 1947–1986 гг. работал в Институте славяноведения РАН.

какой-то такой достаточно молодой парень. Санчук подошел к нему и спрашивает на ломаном сербо-русском языке: “Скажите, пожалуйста, а где здесь живут Пичеты?”. “Я Пичета, а что Вам надо?”. Санчук, конечно, удивился, и говорит: “А скажите, пожалуйста, у Вас был какой-то предок, который уехал в Россию?”. “Да, мой двоюродный дедушка”¹⁶³, — об этой удивительной встрече поведала в интервью историк-славист Искра Васильевна Чуркина. Произошла она в 1960 г., когда делегация советских ученых путешествовала по Югославии. Упомянутого в беседе двоюродного дедушку звали Йован¹⁶⁴. И именно ему мы обязаны рождением и воспитанием сына — выдающегося слависта, академика Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947).

Возникают закономерные вопросы: как молодой человек из далекой славяно-османской провинции попал в Россию, обзавелся здесь семьей и даже получил дворянский титул. По воспоминаниям учеников, Владимир Иванович Пичета хотел написать книгу о жизни и творчестве своего отца и активно собирал материалы о нем¹⁶⁵. К сожалению, осуществить задуманное ему не удалось. Но сам Йован Пичета оставил для нас мемуары. Работал над ними он, выйдя на пенсию. «Факты и воспоминания из жизни герцеговинца» были опубликованы в 1911–1913 гг. на страницах журнала харьковской духовной семинарии «Вера и разум»¹⁶⁶, а также вышли тремя отдельными оттисками. Краткие сведения о Й. Пичете можно отыскать также в воспоминаниях Владимира Ивановича Пичеты¹⁶⁷ и его дочери Ксении¹⁶⁸. Интерес представляют и статьи

¹⁶³ Чуркина Искра Васильевна. Воспоминания историка // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. №1–2. С. 152–178.

¹⁶⁴ Он именуется также на русский манер Иван или Иоанн.

¹⁶⁵ Королюк В.Д. Владимир Иванович Пичета // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.И. Пичеты. М.: Наука, 1978. С. 19.

¹⁶⁶ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1–2; *Он же*. Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3–4; 1912. Т. 1; *Он же*. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1912. Т. 2; *Он же*. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1912. Т. 3–4; 1913. Т. 1–3.

¹⁶⁷ Из мемуаров В.И. Пичеты «Моя жизнь до 1905 года» / Сост. Л.И. Уткина // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Вып. 4 / Редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2009. С. 301–332. Воспоминания В.И. Пичета писал в 1931 г. и оставлял для близких, а не для публикации.

¹⁶⁸ Пичета К.В. Владимир Иванович Пичета (из воспоминаний дочери) // Славяне в эпоху феодализма... С. 106–119.

правнука нашего героя геолога Леонида Георгиевича Соколовского, основанные на личных записях его тети Ксении Владимировны и на рассказах его отца Георгия Николаевича Соколовского¹⁶⁹. Помимо меуарного наследия семьи Пичета на помощь нам приходят архивные документы, связанные с деятельностью российских консульств в Боснии и Герцеговине. Для юбилейного сборника, приуроченного к 100-летию Владимира Ивановича Пичеты, В.Г. Карасев подготовил статью о его отце, снабдив ее фотографическим снимком родового дома Йована¹⁷⁰ в Мостаре и письмом нашего героя к племяннику Ристо¹⁷¹.

«Родина моя — несчастная Герцеговина. Говорю несчастная, потому что едва ли какая-нибудь из областей, населенных многострадальным сербским народом, испытывала столько всякого рода бедствий и подвергалась таким превратностям судьбы, как бедная Герцеговина» — с этих строк начинается свои воспоминания Йован Пичета¹⁷². Герцеговина действительно являлась одним из самых неразвитых уголков Османской империи: горная местность, бесплодные почвы, бездорожье, где путник рисковал быть ограблен местными ускоками, бедность, низкий уровень или же полное отсутствие образования местного населения — таково было положение дел в крае.

Йован (Иван) Христофорович Пичета родился 9 сентября 1844 г. в Мостаре в православной многодетной семье. Отец его Ристан был малограмотным. Мать, Мария, хоть и не была обучена грамоте, но по воспоминаниям Йована обладала невероятным умом от природы¹⁷³. У четы было семеро детей (Бошко, Илья, Трифон, Йованка, Йован, Риста, Ангелина). Отец семейства был серебряных дел мастером. Жили они в собственном домике с небольшим огородом¹⁷⁴.

Православная община Мостара открыла и поддерживала в городе школу¹⁷⁵, в которой обучался и Йован Пичета. Он в своих воспоминани-

¹⁶⁹ Соколовский Л.Г. Протоиерей Иоанн Пичета // Московский журнал. История государства российского. 1998. №1. С. 39–45. *Он же*. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки // Вопросы истории. 1999. №9. С. 136–142.

¹⁷⁰ Фото 1976 г. было прислано В.Г. Карасеву профессором сараевского университета Марком Шуничем.

¹⁷¹ Карасев В.Г. И.Х. Пичета (1844–1920) // Славяне в эпоху феодализма... С. 135–149.

¹⁷² Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. №2. С. 201.

¹⁷³ Там же. С. 205–206.

¹⁷⁴ В 1861 г. Ристан скончался, и все заботы о семье взвалил на свои плечи его старший сын Бошко.

¹⁷⁵ Подробнее о школе см.: *Панић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево: Веселин Маслеша, 1978. С. 25–30.

ях говорит следующее: «Убога была школа, состоявшая из двух невзрачных комнат, по своему внешнему виду, а еще более по школьным принадлежностям, которые почти отсутствовали в ней. Не богат был сведениями и школьной опытностью и обучавший в ней начетчик, но он был проникнут любовью к своему делу и терпеливо обучал нас славянской грамоте»¹⁷⁶. Пичета точно не помнил, в каком возрасте начал посещать это учебное заведение. Там он научился читать по-сербски, освоил азы арифметики и заучил несколько церковных песнопений. Тем временем, усилиями местной православной общины шло строительство нового здания школы. Были приглашены учителя, закуплены учебники. Йована приняли в третий класс обновленного учебного заведения. Еще до открытия дипломатических представительств России в Боснии и Герцеговине генеральный консул в Рагузе П.Н. Стремоухов переслал в МИД перевод письма герцеговинского уроженца о положении дел в крае: «В Мостаре существует элементарная школа, в которой учитель — мостарский уроженец. Хотя его познания не велики, однако мостарцы охотно платят ему жалование, потому что он — свой человек. Дом для училища хорошо построен, и всякий день собирается тут до 130 мальчиков, для обучения грамоте»¹⁷⁷. Стремоухов предлагал поддержать это учебное заведение и выделить средства на открытие в этом же здании семинарии для подготовки священнослужителей¹⁷⁸. Пичета в своих воспоминаниях очень тепло отзывался о своих учителях Петре Сербиче, Никифоре Дучиче и Серафиме Перовиче¹⁷⁹. С их помощью он освоил священную историю и катехизис, сербскую грамматику, краткую историю сербского народа и краткую всеобщую историю, получил сведения из общей географии и подробные знания о географии сербских земель.

В январе 1857 г. министр иностранных дел России А.М. Горчаков представил императору Александру II план обучения зарубежных славян в России. Предполагалось принимать на учебу детей из православных славян. Отбирать кандидатов должны были консулы на местах.

¹⁷⁶ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. №2. С. 218.

¹⁷⁷ Копия. Письмо о герцеговинских и черногорских делах из Дубровника (Рагузы), от 12 января 1857 г. (переведено с сербского) // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 716. Л. 103–106 об.

¹⁷⁸ См.: Краткий очерк П.Н. Стремоухова Е.П. Ковалевскому о ходе событий в Черногории и прилегающих к Австрии турецких областях 1857 года // АВП РИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 716. Л. 142 об. — 143.

¹⁷⁹ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. №2. С. 220–221.

Горчаков обозначил главную задачу для педагогов духовных учебных заведений: «Вкоренить в них (южнославянских воспитанниках. — К.М.) безусловную преданность к святым догматам православной нашей веры и твердые правила нравственности»¹⁸⁰. Александр II поставил на проекте резолюцию: «Исполнить».

В этом же 1857 г. в Сараеве начало работу первое российское консульство в Боснии. Его управляющим был назначен известный славист Александр Федорович Гильфердинг (1857–1858 гг.), а секретарем при нем работал Александр Семенович Ионин. Оба они были довольно молоды (26 и 20 лет соответственно) и оказались в регионе, знания о котором в России были довольно скудными. Герцеговина попадала в зону ответственности сараевского консульства. Для того, чтобы лучше понимать, что происходит в крае, весной 1857 г. Гильфердинг и Ионин, направляясь к месту службы, двинулись из Рагузы в Сараево дорогой, пролегающей через Мостар. В главном городе Герцеговины они пробыли пять дней. Среди прочего молодые дипломаты посетили богослужение в православной церкви и мостарскую школу. Свой визит в Мостар Гильфердинг описал в сочинении «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»¹⁸¹. Его особенно впечатлила обновленная мостарская православная школа, находящаяся на содержании у местной общины¹⁸². Рассказывая же о богослужении в церкви, он писал следующее: «Мальчики из школы пели, составляя согласный и весьма приятный хор, сербским напевом, который есть чистый *plein-chant*, без нот, и столько же отличается от нашего церковного пения, сколько от греческого»¹⁸³. Пичета, входивший в состав этого хора, так вспоминал встречу с российскими дипломатами: «С каким особенным умилением мы, ученики школы, посматривали на них в церкви во время богослужения в праздник Вознесения Господня, и когда на следующий день они посетили нашу школу, слушали наши ответы на вопросы по изучаемым предметам и удостаивали нас похвалой, то нашим восторгам не было предела»¹⁸⁴.

А.Ф. Гильфердинг предложил начальству наладить систему обучения молодых людей из Боснии и Герцеговины в России. Предполагалось,

¹⁸⁰ АВП РИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 433. 1857 г. Л. 14–17. Копия документа получена в архиве отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

¹⁸¹ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 29–40.

¹⁸² Там же. С. 33–34.

¹⁸³ Там же. С. 37.

¹⁸⁴ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 221.

что кандидаты получают, в первую очередь, духовное образование, так как в Боснийском пашалыке и Герцеговинском санджаке ощущалась острая нехватка грамотных и знающих православных священников. Заручившись разрешением на реализацию задуманного проекта¹⁸⁵, консульство сообщило из Сараева в Мостар о желании российского правительства назначить стипендии для обучения в России нескольких уроженцев города. «Кто будут эти счастливицы?» — спрашивали мы друга друга, делая всякие предположения. Способных между нами было достаточно, но не каждый мог надеяться на отпуск его родителями в далекую страну» — вспоминал Й. Пичета¹⁸⁶. И именно он оказался первым в списке. На тот момент Йовану было 14 лет. Его мать долго противилась разлуке с сыном, но после уговоров все же согласилась отпустить его в далекие края.

Начались серьезные приготовления к поездке. Школьный учитель увеличил число занятий для отъезжающих учеников. «Все, что может сделать горячая любовь патриархальной семьи для своего члена, то сделано было моими дорогими родными для меня. Снарядили меня всем в изобилии <...> Кто только не побывал у нас в ближайшие к отъезду дни! Даже некоторые магометанские семьи присылали «брашненицы» на дорогу, состоявшие из разных сластей, а дети их — мои сверстники, прощались со мной, как с родным» — вспоминал Й. Пичета¹⁸⁷. Более сотни людей вышло провожать учеников в дальнюю дорогу. Дело было в 1858 г.

Первым пунктом на пути в далекую Россию был город Сараево, где российское консульство в лице «доброго и ласкового»¹⁸⁸ А.С. Ионина добивалось разрешения турецких властей на отъезд мальчиков. В это время молодые люди бродили по городу и набирались новых впечатлений: «Мы видели много лиц, одетых совершенно так, как одевались тогда «попови» (священники. — К.М.) у нас, и в простоте сердечной готовы были подходить к ним для целования руки. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что это еврей-торговцы сараевские!» — писал Пичета¹⁸⁹.

¹⁸⁵ Об обучении славян из Боснии и Герцеговины в России см.: *Tenuh И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. С. 494–542; *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. С. 265–294. DOI: 10.31168/91674-537-5.

¹⁸⁶ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // *Вера и разум.* 1911. Т. 1. №2. С. 222.

¹⁸⁷ Там же. С. 222–223.

¹⁸⁸ Там же. С. 223.

¹⁸⁹ Там же.

Провожатым для первой группы детей был назначен иеромонах из Мостара Прокопий Чокорило. Он должен был доставить мальчиков в Одессу, а затем отправиться на сбор пожертвований для строительства церкви и школ в Герцеговине¹⁹⁰. В донесении в Св. Синод отец Прокопий сообщал, что правительство Российской империи оказало благодеяние 10 ученикам¹⁹¹. В своих воспоминаниях, однако, Йован Пичета утверждает, что в Россию вместе с ним отправилось всего четыре человека — жители Мостара Николай Билич и Стефан Говедарица и некий уроженец Сараева Остоич, имени которого мы не знаем¹⁹². На оплату путевых расходов этих молодых было выделено из русской казны 100 австрийских червонцев¹⁹³.

Получив разрешение от османских властей и денежные средства от российского МИД, ученики отправились дальше, в сторону Сербии, через Валево в Белград. Караван состоял из 6 лошадей и двигался в сопровождении трех вооруженных проводников. Стольный город Сербии не произвел на юного Йована «такого впечатления, каким рисовало его воображение»¹⁹⁴. Однако там группа побывала на приеме у сербского митрополита Петра Йовановича. Затем путешествие «русских питомцев» продолжилось по Дунаю на пароходе «Австрия».

В болгарском городке Силистрия (совр. — Силистра), куда путники добрались к концу июня, с Пичетой случилась неприятность, которую Йован запомнил на всю жизнь: «Когда пароход остановился у пристани, о. Прокопий послал меня купить в городе провизии, что я и исполнил, быстро возвратившись с покупкой. На вопрос старца, а нельзя ли купить вина? — я ответил, что в лавке, где покупал провизию, продают и вино. Вручили мне «плоску» (деревянный сосуд) и я побежал за покупкой. Пока болгарин лавочник спустился в погреб и налил мне в сосуд вина, пароход уже дал третий свисток. Схватив «плоску», я побежал на пристань, но было уже поздно: пароход уже отчалил от места стоянки, таща за собой баржи с привязанными к ним лодками, на подобие наших реч-

¹⁹⁰ О поездке П. Чокорило в Россию см.: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. С. 207–216.

¹⁹¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М.: Наука, 1985. С. 215.

¹⁹² Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // *Вера и разум.* 1911. Т. 1. №2. С. 223–224.

¹⁹³ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Мостар. 1858 г. Д. 2046. Л. 53.

¹⁹⁴ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // *Вера и разум.* 1911. Т. 1. №2. С. 224.

ных душегубок. Напрасно о. Прокопий, стоя на коленях, с плачем умолял капитана, чтобы уменьшил ход для доставления меня на пароход, бессердечный мадьяр не внял просьбам старика. Рулевой на последней барже сделал все усилия, чтобы приблизиться к пристани, но тщетно. Кто-то из стоявших вблизи сказал мне броситься в лодку, качавшуюся за баржей. Я моментально сделал безумный прыжок с саженой высоты, но попал не в лодку, а в воду»¹⁹⁵. Юноша несколько раз скрывался в водной пучине, но виновница несчастья «плоска» вытягивала его на поверхность. Молодой человек был спасен. Толпа сочувствующих окружила на пристани плачущего мальчика. Добрые люди обогрели, накормили его и устроили на пароход «Леопольд», который следом за «Австрией» шел в Галац. Капитан парохода оказался сербом из Далмации и без проблем взял несчастного путника к себе на борт. В Галаце Пичета нагнал своих товарищей: «Спутников своих я еще застал на пристани. Они были уверены, что я утонул, а потому, когда увидели меня, крайне обрадовались и свою радость выражали долгими поцелуями и рассказами, что они испытывали без меня, как меня жалели и оплакивали...»¹⁹⁶. В Галаце путники пересели на корабль побольше и направились в пункт назначения — Одессу, куда прибыли в июле 1858 г.¹⁹⁷ Путь Пичеты из Белграда до Одессы занял 1 месяц и 25 дней¹⁹⁸.

Й. Пичета прошел курс обучения в Одесском духовном училище, после, с успехом завершил Одесскую (Херсонскую) духовную семинарию (1858–1864 гг.). Затем стал студентом Киевской духовной академии, которую окончил в 1867 г.¹⁹⁹ Там же учился с ним и его товарищ Николай Билич. Они оба собирались вернуться на родину. «Но куда ехать? <...> в несчастную Герцеговину, где нас, турецких подданных, все могло постигнуть, не исключая и засады в какую-нибудь тюрьму, или в другое место? Решили ехать в Сербию» — продолжал вспоминать Пичета²⁰⁰.

¹⁹⁵ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. №2. С. 226–227.

¹⁹⁶ Там же. С. 227.

¹⁹⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М.: Наука, 1988. С. 215.

¹⁹⁸ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. №2. С. 228.

¹⁹⁹ Подробнее об учебе в Одессе и Киеве см.: Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 3–5; Т. 2 № 7–12.

²⁰⁰ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 2. №18. С. 798.

В Белград молодые герцеговинцы прибыли в августе 1867 г. Туда же пришло известие о том, что Пичета и Билич были удостоены степени кандидатов в Киевской духовной академии. В Сербии они познакомились с членами Омладины, Светозаром и Ефремом Марковичами²⁰¹. Вовлеченный в круговорот молодежного движения, Йован Пичета готовился к отъезду в Герцеговину, желая посвятить себя преподавательской деятельности на родине. Однако, по его словам, возвращение домой для него, турецкого подданного, было очень опасным, а русское образование могло стать серьезным отягчающим обстоятельством. В белградской семинарии места для молодого преподавателя не нашлось. Попытки сербского митрополита Михаила устроить Пичету на должность учителя в Сербии тоже не увенчались успехом. Премьер-министр Сербского княжества Илия Гарашанин убедил его в том, что получение сербского паспорта только ухудшит положение. Поэтому Пичета и Билич решили вернуться в Россию, так и не побывав в родных краях.

В начале сентября Пичета был уже в Петербурге и остановился у своих давних товарищей и земляков Йована Дреча и Дмитрия Дучича (брата его учителя) при сербской кухмистерской, где располагался штаб молодежной организации «Сербская община»²⁰². Там же он познакомился с воспитанником Михайловской артиллерийской академии Савой Груичем²⁰³, который на время приютил Пичету на своей квартире²⁰⁴.

«Узнав, что в столице находится А.С. Ионин, я счел долгом явиться к нему засвидетельствовать свое глубокое уважение и принести сердечную благодарность за то живое участие, какое он принимал во мне

²⁰¹ Там же. С. 798–799.

²⁰² См.: *Игњатовић Ђ.* Светозар Марковић и «српска општина» у Петрограду // *Историјски часопис.* Књ. XXII. 1975. Београд, 1975. С. 112–147.

²⁰³ Сава Груич (1840–1913) — сербский военный и государственный деятель. С 1877 г. — военный министр, с 1879 г. — генеральный консул в Болгарии, с 1882 г. — посланник в Афинах. В 1887 г. был произведен в полные генералы и назначен посланником в Санкт-Петербург, позже снова стал военным министром и главой сербского правительства. В 1891 г. был назначен председателем Государственного совета, с 1892 г. — посол в Константинополе, с 1893 г. — председатель правительства и военный министр, с 1897 г. — посол в Санкт-Петербурге. В 1899 г. отставлен от должности и привлечен к суду за подорожание в организации покушения на жизнь сербского короля Милана. В 1900 г. был реабилитирован.

²⁰⁴ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // *Вера и разум.* 1911. Т. 2. №18. С. 802.

и школьных товарищах при отправлении нас в Россию» — пишет Пичета²⁰⁵. Ионин не оставил в беде Йована и организовал ему встречу с директором Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоуховым. Затем последовал визит к товарищу обер-прокурора Св. Синода Ю.В. Толстому с просьбой оказать содействие в устройстве на работу²⁰⁶. Св. Синод не смог помочь. За Пичету продолжил хлопотать МИД. Сохранилось предложение товарища министра иностранных дел В.И. Вестмана от 23 сентября 1867 г. к П.Н. Стремоухову о выдаче герцеговинскому уроженцу Ивану Пичете в единовременное пособие 100 рублей серебром²⁰⁷. Сербский митрополит Михаил также принимал деятельное участие в судьбе Билича и Пичеты. Он обращался к известной благотворительнице графине А.Д. Блудовой в письме от 9 октября 1867 г.: «Николай Билич и Йован Пичета из Мостара Герцеговины после кончины курсов в Киев[ской] академии приехали к нам в Белград августа месяца, а отсюда думали поехать на свою родину. Но здесь узнали, что им опасно отправляться в Герцеговину; тогда я думал здесь дать им место до времени, когда бы им можно было поехать на родину, но это не удалось и поэтому они возвратились в Петербург. Прошу Вас сказать о них г. Стремоухову, чтобы он позаботился о них, чтобы не пропали в свете, ибо оба они очень хорошие люди»²⁰⁸. В конечном итоге усилиями Стремоухова Пичету устроили на должность преподавателя в южно-славянском пансионе Ф.Н. Минкова в Николаеве. Оттуда он перевелся в Полтавскую духовную семинарию, где преподавал с 1867 по 1888 гг.

В этот период Пичета обзавелся семьей. Вопрос о дате свадьбы нуждается в уточнении, в ряде источников указывается 1869 г., а в некоторых — 1867 г. Женится он на двадцатилетней дочери чиновника киевской казенной палаты Марии Григорьевне Григоренко. В браке у супругов родилось восемь детей²⁰⁹: Константин (1869–1887)²¹⁰, Любовь

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ АВП РИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 4330. Л. 1.

²⁰⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2179. Л. 82 об – 83.

²⁰⁹ *Соколовский Л.Г.* История одной семьи: Йован Пичета и его потомки... С. 139–142. Далее в сносках информация о судьбе детей Й. Пичеты дается по тексту этой статьи.

²¹⁰ Учился на юридическом факультете Киевского университета. Скончался в возрасте 18 лет от туберкулеза.

(1872–1943)²¹¹, Софья (1874–1937)²¹², Елена (1876–1943)²¹³, Владимир (1878–1947), Георгий (1880–1928)²¹⁴, Александр (1882–1908)²¹⁵ и Василий (1888–1919)²¹⁶. Основные тяготы по воспитанию дочерей и сыновей лежали на плечах супруги.

Пичета не оставлял надежды вернуться в Герцеговину. Только после рождения первенца Константина летом 1869 г. он перешел в русское подданство²¹⁷. В воспоминаниях он упоминает о том, что несколько раз ездил на родину: в 1870, 1873 и 1879 гг. В 1870 г. Пичета убедился, что в Герцеговине «строй жизни остался таким же беспросветным, как и был прежде»²¹⁸. Визит в Мостар еще через три года навел его на мысль, что ситуация стала еще хуже, а присутствующие там иностранные консулы вовсе потеряли влияние. Из российских дипломатов, работавших в регионе в 1860–1870-е годы, хвалебно он отзывался только о В.В. Безобразове (консул в Мостаре в 1859–1866 гг.). Н.А. Иларионов (1866–1872 гг.) ему казался слишком мягким и уступчивым, А.Н. Кудрявцев (и.о. консула в Мостаре в 1867–1868 гг., консул в Сараеве в 1868–1877 гг.) скомпрометировал себя вмешательством в семейное дело Йована Перовича²¹⁹, ну а при Я.П. Славолобове (1872–1875 гг.) престиж России в

²¹¹ Была замужем за крупным чиновником, проживала в Петербурге. В 1917 г. переехала в Киев, а затем вместе с мужем эмигрировала в Болгарию. После смерти супруга вернулась на родину к дочерям Вере и Надежде.

²¹² Окончила Полтавскую Мариинскую гимназию. Преподавала в полтавском женском и Епархиальном училищах.

²¹³ Вышла замуж за сына священника из с. Сенжары Полтавской губернии Николая Васильевича Соколовского, бывшего попечителем Харьковского учебного округа. В годы гражданской войны семья бежала в Майкоп. В 1923 г. переехали в Нахичевань-на-Дону (ныне район Ростова-на-Дону). В семье было двое детей: Георгий (преподавал в ростовских школах и техникуме сельскохозяйственного машиностроения) и Екатерина (почтовый работник).

²¹⁴ Окончил юридический факультет Киевского университета. Работал судебным следователем в Полтаве. Во время гражданской войны эмигрировал в Югославию, оставив в Полтаве двоих сыновей.

²¹⁵ Был хирургом. В 26 лет скончался от туберкулеза. Опекун над его дочерью Милицей взял на себя Иван Христофорович.

²¹⁶ Получил юридическое образование. Стал художником. Был приятелем поэта Велимира Хлебникова. В 1918–1919 гг. проживал в Харькове в доме отца. В 1919 г. ушел в гости к приятелю и не вернулся.

²¹⁷ Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 4. №22. С. 524.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ См., подробнее: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России... С. 220–221.

Мостаре совсем упал²²⁰. В годы Великого Восточного кризиса Пичета публикует в «Полтавских Епархиальных ведомостях» семь статей (1876–1878 гг.) о состоянии православной церкви у южных славян, их жизни в Османской империи и связях с Россией²²¹. В своих воспоминаниях протоиерей говорит, что процесс быстрого обрусения начался для него после поездки в оккупированную Австро-Венгрией Герцеговину в 1879 г. Он писал: «дорогая родина попала из огня в полымя и навсегда нужно простаться с ней»²²². Его корреспонденция из Мостара была опубликована на страницах одного из сентябрьских номеров газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1879 г.²²³

Друг Й. Пичеты Н. Билич скончался в России²²⁴. Остойч оказался неспособным к обучению²²⁵. О том, как сложилась судьба Стефана Гведарицы, ничего не известно.

В 1887 г. Пичета был возведен в сан протоиерея. В разное время он возглавлял Витебскую (1887–1890 гг.) и Полтавскую (1890–1902 гг.) духовные семинарии. В 1897 г. Йован Христофорович и его дети были причислены к дворянскому сословию. В 1902 г. по прошению он был уволен от духовно-учебной службы. После кончины супруги в 1911 г. Й. Пичета переехал в Харьков, где вел активную общественную жизнь, писательскую и исследовательскую работу, служил настоятелем харьковской кладбищенской церкви в честь Усекновения главы Иоанна Крестителя. В Харькове он организовал небольшой приют для сирот²²⁶. Во время Первой мировой войны, в 1915 г. из печати выходит его брошюра «История южных славян», основанная на ранее прочитанной

²²⁰ Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум 1911. Т. 4. №22. С. 525–527.

²²¹ Ссылки приводятся по статье Л.Г. Соколовского с уточненными номерами страниц (*Соколовский Л.Г.* История одной семьи: Йован Пичета и его потомки... С. 138): Полтавские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1876. №7. С. 245–283; 1877. №8. С. 303–323 (авторство Пичеты в этих статьях не указано); 1877. №17. С. 721–744 (статья подписана: И. П-та.); 1878. №9. С. 439–462. (авторство Пичеты не указано).

²²² Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум 1911. Т. 4. №22. С. 527.

²²³ Об этом Пичета пишет в своих воспоминаниях. К сожалению, автору очерка не удалось найти данный номер газеты.

²²⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875... С. 210.

²²⁵ Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. №2. С. 224.

²²⁶ *Соколовский Л.Г.* История одной семьи: Йован Пичета и его потомки... С. 139.

публичной лекции в пользу сербов и черногорцев (21 декабря 1914 г.)²²⁷. Л.Г. Соколовский записал семейное предание о случае, произошедшем с Йованом Христофоровичем в годы гражданской войны. Когда Харьком заняли белые (июнь 1919 г.), служившие под началом В.З. Май-Маевского сербы, прознали, что в городе живет священник-серб и потребовали от Пичеты провести службу на родном языке. Слабый и немощный старец выполнил их пожелание. Когда же в декабре в город вновь вернулись красные, о случившемся узнали в ЧК. Пичету выволокли на крыльцо. Соколовский пишет: «Случайно рядом находился человек в кожанке. Узнав причину, он произнес: «Отпустите отца Иоанна». Этот человек оказался одним из воспитанников сиротского приюта»²²⁸. Спустя год, в 1920 г. Йована Христофоровича не стало. До конца дней о нем заботилась его дочь Софья.

Йован Пичета родился в среде, где грамотный человек был редкостью. Став однажды стипендиатом России, он не просто получил образование, но и поставил своей целью просвещение простого народа. Оставленные им мемуары представляют собой информативный источник об обучении зарубежных славян в России и работе духовно-учебных заведений. По воспоминаниям современников Йован Христофорович Пичета не уставал повторять: «народное образование — дело святое»²²⁹. Осуществить задуманного на родине ему не удалось, но свой педагогический талант он ярко проявил в Российской империи. Он слыл требовательным, но очень хорошим преподавателем. Работа поглощала все время протоиерея, по воспоминаниям домочадцев это негативно сказывалась на взаимоотношениях в семье. У него были непростые отношения с сыном, Владимиром Ивановичем, имело место серьезное расхождение в политических взглядах и отношении к религии. В.И. Пичета вспоминал: «Мой отец, человек больших способностей и большого умственного дарования, отличался суровостью своего характера и депотическими наклонностями»²³⁰. Но именно отец настоял на том, чтобы Владимир отправился на учебу на историко-филологический факультет Московского университета²³¹. Как настоящий герцеговинец протоиерей Пичета пил только крепкий кофе и передал эту привычку своему сыну²³². Лишь только к старости обрусевший Иван Христофорович стал мягким

²²⁷ *Протоиерей И. Пичета*. Общие сведения о народах славянского племени и частные о южных славянах, болгарях и сербах. Харьков, 1915. 33 с.

²²⁸ *Соколовский Л.Г.* История одной семьи: Йован Пичета и его потомки... С. 139.

²²⁹ *Карасев В.Г. И.Х. Пичета (1844–1920)...* С. 145.

²³⁰ Из мемуаров В.И. Пичеты «Моя жизнь до 1905 года... С. 305.

²³¹ Там же. С. 326.

²³² Там же. С. 316.

и нежным. Очень жаль, что историком-славистом, академиком Владимиром Ивановичем Пичетой так и не была написана книга о жизни его отца. Будем надеяться, что наследие Йована /Ивана/ Иоанна Пичеты еще найдет своего исследователя.

В завершение же небольшого очерка приведем словесный портрет нашего героя, который обрисовала в своих воспоминаниях Ксения Владимировна Пичета: «Я хорошо помню своего деда Ивана Христофоровича: его колоритная фигура герцеговинца оставила у меня неизгладимое впечатление. Помню высокого роста старца, могучего сложения, с великолепной белоснежной бородой, с длинными белыми волосами и с необыкновенно добрыми глазами»²³³.

Некоторая литература и источники о жизни Й.Х. Пичеты

В.И. Пичета. «Дневниковые записи 1944–1946 гг.» / Сост. Л.И. Уткина // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Вып. 4 / Редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2009. С. 333–337.

Из мемуаров В.И. Пичеты «Моя жизнь до 1905 года» / Сост. Л.И. Уткина // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Вып. 4 / Редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2009. С. 301–332.

Карасев В.Г. И.Х. Пичета (1844–1920) // Славяне в эпоху феодализма. М.: Наука, 1978. С. 135–149.

Карасев В.Г. Йован Пичета (1844–1920) и его мемуары // Ежегодник Балканского института Balcanica VIII. Београд, 1977. С. 418–425.

Пичета К.В. Владимир Иванович Пичета (из воспоминаний дочери) // Славяне в эпоху феодализма. М.: Наука, 1978. С. 106–119.

Пичета, Иван Христофорович // *Павловский И.Ф.* Полтавцы: иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители: опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. с 182 портретами. Полтава, 1914. С. 229–230.

Соколовский Л.Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки // Вопросы истории. 1999. №9. С. 136–142.

Соколовский Л.Г. Протоиерей Иоанн Пичета // Московский журнал. История государства российского. 1998. №1. С. 39–45.

Чарота И. Ректор, отец ректора // Звезда. 19.09.2017. Online. URL: <https://zvezda.by/ru/news/20170918/1505744853-nemnogie-znayut-cto-u-pervogo-rukovoditelya-bgu-pichety-serbskie-korni> (дата обращения: 24.06.2022).

²³³ *Пичета К.В.* Владимир Иванович Пичета (из воспоминаний дочери)... С. 106.

Некоторые труды И.Х. Пичеты

И. П-та. Церковные сношения России с восточными христианами и участие ее в судьбе их // Полтавские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 15 мая 1877. №10. С. 392–404; 12 июня 1877. №12. С. 474–492; 1 сентября 1877. №17. С. 721–744. Online. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6118/> (дата обращения: 24.06.2022).

Нечто о состоянии православной церкви под игом Турецким // Полтавские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1 апреля 1876. №7. С. 245–283. Online. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6116/> (дата обращения: 24.06.2022).

Протоиерей И. Пичета. Общие сведения о народах славянского племени и частные о южных славянах, болгарях и сербах. Харьков, 1915. 33 с.

Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1912. Т. 3–4; 1913. Т. 1–3.

Факты и воспоминания из жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1912. Т. 2.

Факты и воспоминания из учительской жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 3–4; 1912. Т. 1.

Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца протоиерея Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1–2.

Церковные сношения России с восточными христианами и участие ее в судьбе их // Полтавские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 15 апреля 1877. №8. С. 303–323. Online. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6118/> (дата обращения: 24.06.2022).

Раич Сузана

СЕРБО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ МАЙСКОГО ПЕРЕВОРОТА И ПОСЛЕ НЕГО (1902–1903 гг.)

Аннотация. Сербо-русские отношения и связи в настоящем и в прошлом являются актуальными вопросами. Династия Романовых всего на полтора десятилетия пережила династию Обреновичей. Последствия убийств тех и других оставили глубокие следы на дальнейшей жизни обеих стран в «долгом двадцатом веке». Это делает необходимым переосмысление прошедших событий и поиск новых решений.

Король Александр, который родился в разгар первой сербо-турецкой войны 1876 года, был назван в честь своего крестного отца императора Александра II. Интерес, проявляемый русским двором к этому Обреновичу, благодаря его порфириноному крестному отцу, всегда был значительно шире, чем просто протокол. Сербо-русские отношения после женитьбы короля Александра в 1900 г. обещали смягчение напряженности, которая продолжалась с 1897 г. Сербо-русские отношения практически были на грани дипломатического бойкота и полного разрыва дипломатических отношений двух стран.

Однако после первой мирной фазы (1900–1901) в 1902 г. наступил кризис в сербско-русских отношениях. Это было вызвано не только отменой визита королевской четы в Крым, но и сложными международными отношениями и усилиями Вены и Санкт-Петербурга по преодолению разногласий на Балканском полуострове и сохранению статус-кво на Востоке любой ценой. Место и роль короля Александра и Сербии, с точки зрения министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа, имели большое значение для поддержания мира в регионе. Но единомышленников у Ламздорфа было немного. Преодолевая сопротивление своего окружения, он пытался наладить отношения с сербским королем и добиться того, чтобы он следовал во внешней политике русским инструкциям. Ламздорф упорно трудился над этим вплоть до последнего дня в жизни сербской королевской четы, оборвавшейся после кровавого убийства 11 июня 1903 года. Он неизменно уверял императора, что следует поддержать короля Александра и оказывать ему помощь в усилиях сохранить мир на Балканах. Это безусловно подтверждают доклады В.Н. Ламздорфа императору и его инструкции посланнику в Белграде Чарыкову. С этой целью Ламздорф получил разрешение императора лично посетить короля Александра Обреновича в конце 1902 года.

Министр иностранных дел России, а также Русская церковь не обошли молчанием то, как была стерта с лица земли династия Обреновичей.

Ключевые слова. Сербия, Российская империя, король Александр Обренович, В.Н. Ламздорф. Сербо-русские отношения.

Suzana Rajić

SERBO-RUSSIAN RELATIONS ON THE EVE OF THE MAY COUP AND AFTER IT (1902–1903)

Abstract. Serbo-Russian relations and ties in the present and in the past are topical issues. The Romanov dynasty outlived the Obrenovych dynasty by just a decade and a half. The consequences of the murders of both left deep traces on the later life of both countries in the «long twentieth century». This makes it necessary to rethink past events and search for new solutions.

King Alexander, who was born at the height of the first Serbo-Turkish war in 1876, was named after his godfather Emperor Alexander II. The interest shown by the Russian court in this Obrenovich, thanks to his porphyry-bearing godfather, has always been much wider than just protocol. Serbo-Russian relations after the marriage of King Alexander in 1900 promised an easing of tensions that had been going on since 1897. Serbo-Russian relations were practically on the verge of a diplomatic boycott and a complete severance of diplomatic relations between the two countries.

However, after the first peaceful phase (1900–1901) in 1902, a crisis broke out in Serbian-Russian relations. This was caused not only by the cancellation of the royal couple's visit to Crimea, but also by difficult international relations and the efforts of Vienna and St. Petersburg to overcome differences in the Balkan Peninsula and maintain the status quo in the East at any cost. The place and role of King Alexander and Serbia, from the point of view of the Minister of Foreign Affairs, Count V.N. Lamzendorf, were of great importance for maintaining peace in the region. But Lamzendorf had few like-minded people. Overcoming the resistance of his environment, he tried to improve relations with the Serbian king and ensure that he followed Russian instructions in foreign policy. Lamzendorf worked hard at this until the last day of the Serbian royal couple, cut off after the bloody assassination of June 11, 1903. He invariably assured the emperor that King Alexander should be supported and assisted in his efforts to maintain peace in the Balkans. This is certainly

confirmed by the reports of V.N. Lamzdorf to the emperor and his instructions to the envoy in Belgrade Charykov. To this end, Lamzdorf received permission from the emperor to personally visit King Alexander Obrenovitch at the end of 1902.

The method of removing the Obrenoviж dynasty from the face of the earth did not pass without reaction from the Russian Minister of Foreign Affairs, as well as from the Russian Church.

Keywords. Serbia, Russian Empire, King Alexander Obrenovich, V.N. Lamzdorf, Serbo-Russian relations.

Сузана Рајић

СРПСКО-РУСКИ ОДНОСИ ПРЕД МАЈСКИ ПРЕВРАТ И НАКОН ТОГА (1902–1903)

Српско-руски односи и везе актуелна су питања и прошлости и садашњости. Династија Романов је свега деценију и по надживела династију Обреновић. Последице убистава и једних и других, оставиле су дубоке трагове на даљи живот обе земље у «дугом 20. веку». Отуда су се преиспитивања прошлих догађаја и трагања за новим сазнањима наметнула као нужност.

Краљ Александар, који се родио у јеку Првог српско-турског рата 1876. године, име је добио по своме куму, императору Александру II. Занимање руског двора за овог Обреновића, због високог кума, имало је одувек ширу димензију од уобичајеног и протоколарног. Српско-руски односи, након женидбе краља Александра Обреновића 1900. године, обећавали су смиривање тензија које су од 1897. биле константне, чак и на ивици дипломатског штрајка и тоталног прекида дипломатских веза две земље.

Ипак, после прве мирне фазе (1900–1901 године) српско-руски односи запали су 1902. године у кризу. Она није била изазвана једино отказом пријема краљевског пара на Криму, већ и сложеним међународним односима и настојањима Беча и Петрограда да превазиђу неспоразуме на Балканском полуострву и одрже статус кво на Истоку по сваку цену. Место и улога краља Александра и Србије, са аспекта министра иностраних дела грофа В.Н. Ламздорфа, били су од великог значаја за очување мира у региону. Али, Ламздорф није имао велики број истомишље-

ника. Уз отпор околине, настојао је да пружи сатисфакцију српском краљу и обезбеди да краљ у спољној политици следи руске инструкције. До последњег дана живота и насилног уморства српског краљевског пара 11. јуна 1903. године, Ламздорф је истрајавао на овом путу. Пред императором је чврсто заступао став да треба подржати краља Александра и потпомоћи напоре у корист мира. Доклади В. Н. Ламздорфа императору и његове инструкције посланику у Београду Чарикову то недвосмислено потврђују. Са тим циљем Ламздорф је издејствовао царско одобрење да лично посети краља Александра Обреновића на измаку 1902. године.

Начин уклањања династије Обреновић са лица земље није прошао без реакције руског министра спољних послова, као и Руске цркве.

* * *

Краљ Александар Обреновић рођен је 14. августа²³⁴ 1876. године, као прво дете српског кнеза Милана и кнегиње Наталије Обреновић²³⁵. Био је први владар нововековне Србије рођен на престолу, тј. који је рођењем постао и престолонаследник. Краљевић је добио име по свом куму, руском цару Александру II. Крштење је у двору обавио, у царско име, тадашњи руски дипломатски представник у Србији Карцов²³⁶.

Краљ Александар је у подне 6. марта 1889, када му је било свега 12 година, примио краљевску власт од оца, који се одрекао престола. Пошто је до његовог пунолетства требало да прође још пет и по година, вршење краљевске власти припало је тројици намесника, које је, на основу члана 70 Устава из 1889. године, именовао његов отац²³⁷. Избор је пао на двојицу генерала — Јована Белимарковића и Косту Протића, те на шефа Либералне странке Јована Ристића.

²³⁴ Сви датуми у основном тексту су по новом календару, ако није другачије наглашено.

²³⁵ Кнез Милан Обреновић венчао се са Наталијом Петровном Кешко 17. октобра 1875. године.

²³⁶ Записници седница министарског савета Србије, 1862–1898. / Приредио Н.П. Шкерковић, Београд: Државна архива НР Србије, 1952. С. 209; Архив Српске академије наука и уметности (АСАНУ). Историјска збирка. бр. 14.680. Заоставштина Наталије Обреновић. VIII–I. Крштеница Александра Обреновића.

²³⁷ Српски уставни од 1835. до 1990, са уставима Краљевине СХС и Краљевине Југославије / Приредио М. Радојевић. Београд: Граматик, 2004. С. 103–109; У раду ћемо о уставу који је познат као Устав из 1888. године, у складу са рачунањем времена по Грегоријанском календару, наводити као Устав из 1889. године. Устав је усвојен у Скупштини 22. децембра 1888. по старом, односно 3. јануара 1889. године по новом.

Династија Обрeнoвић је тaдa билa oзбиљнo уздрмaнa. Малoлeтнa влaдaрa, oднoснo дeцa нa прeстoлу, прeдстaвљaли су велики ризик и зa зeмљe сa знaтнo дужoм држaвнoм трaдицијoм. Скупштинa је пoстaлa свeмoгућa устaнoвa, јeр је имaлa мoнoпoлски пoлoжaj у влaсти. Инфилтрaцијa рaдикaлa у свe цeнтрaлнe и лoкaлнe институцијe влaсти, дoвeлe су их у пoзицију мoћникa²³⁸.

Нaмeсничствo, кoje је вршилo крaљeвску влaст зa врeмe малoлeтствa крaљa Aлeксaндрa (1889–1893), прeдузимaлo је нajвишe мeрe бeзбeднoсти влaдaрeвe личнoсти. У Рaдикaлнoј странци, примeћујe сe јакa анти-динaстичкa струјa, и гoвoри сe дa је oдлaскoм Милaнa «тeк пoлa пoслa свршeнo», зaбeлeжиo је јeдaн дoбрo oбaвeштeни сaврeмeник²³⁹. Фрaнцуз Aлбeр Малe, кoји је дoшao у зeмљу кao пријaтeљ рaдикaлa, убрзo сe увeриo дa мeђу њимa имa мнoгo eлeмeнтa рaстрoјствa и aнaрхијe и дa, зa рaзликy oд њих, јeдинo нaпрeдњaци пoјмe знaчaj држaвнe идeјe²⁴⁰.

Иницијaтивa дa сe 1889. мирoпoмaжe малoлeтнa влaдaр, у гoдини у кoјoј сe oбeлeжaвa пeт вeкoвa oд Кoсoвскe биткe, и дa сe тaj чин oбaви у мaнaстиру Жичи, гдe су крунисaни влaдaри јoш oд Стeфaнa Првoвeнчaнoг, мoжe у кoрeну имaти врлo јаснy нaмeру: дa сe крaљу oсигурa лeгитимитeт влaсти и нaгласи сaкрaлни фaктoр.

Пoслe мирoпoмaзaњa, слeдeћи пример рускoг крунидбeнoг мирoпoмaзaњa, крaљ је oтишao у Студeницy дa сe пoклoни «свeтoм крaљу» Стeфaну Првoвeнчaнoм²⁴¹. Пoдршкa прaвoслaвнoг рускoг цaрa, кoји је нaрeдиo пoслaникy дa личнo присуствујe чинy мирoпoмaзaњa, билa је вишe нeгo дрaгoцeнa зa стишaвaњe антидинaстичкoг пoкрeтa. Aустриј-

²³⁸ Они су имaли дoминaнтнy вeћинy у Скупштини, Влaди, Држaвнoм сaвeту свим судским инстaнцaмa, a истo тaкo у свим институцијaмa лoкaлнe сaмoупрaвe. Тaкo сe, у прaкси, пaрлaмeнтaрни систем прeтвaрao у тoтaлитaрни јeднoпaртијски рeжим.

²³⁹ *Пирoћaнaц* М. Бeлeшкe / Прирeдилa С. Рaјић. Бeогрaд: Зaвoд зa уџбeникe. 2004. С. 471.

²⁴⁰ *Малe* А. Днeвник сa српскoг двoрa 1892–1894 / Прирeдилa Љ. Миркoвић. Бeогрaд: Клийo, 1999. С. 35.

²⁴¹ АСАНУ. Бр. 9.483. Прoгрaм зa прoслaву Кoсoвскe успoмeнe. Бeогрaд 10.2.1889; *Српскe нoвинe*. Бр. 169. 1/13. јул 1889; *Пирoћaнaц* М. Бeлeшкe. С. 478; *Пaјeвић* А. Сa пeтстoгoдишњe слaвe Видoвдaнскe у Крушeвцу и мирoпoмaзaњe крaљa Aлeксaндрa у Жичи. Нoви Сaд: А. Пaјeвић, 1889; *Дeчaнaц* С. Влaдaлaц и нaрoд: крунисaњe и мирoпoмaзaњe влaдaoцa, дужнoсти њeгoвe и нaрoднe. Бeогрaд: Штaмпaнo у штaмпaрији крaљeвинe Србијe, 1897. С. 128–133, 204–224; Први нoвoвeкoвни српски влaдaр кoји је мирoпoмaзaн биo је кнeз Милoш Обрeнoвић (1830), a свeтo мирo примили су и кнeз Михaилo (1840) и oтaц крaљa Aлeксaндрa Милaн Обрeнoвић (1868). *Љушић* Р. Обрeнoвићи и њихoв рoдoслoв. Гoрњи Милaнoвaц: Музeј руднoчкo-тaкoвскoг крaјa, 1998. С. 11.

ски извори бележе како су после миропомазанја «умукле гласине против династије».

Размирице краљевих родитеља Намесништво није успело да изолује и одстрани са тла Србије. Штавише, Намесништво је мирно посматрало како Скупштина, изашавши из својих законских и уставних оквира, удаљава из земље краљеве родитеље. Тиме је углед владарског положаја још више опао. Руски војни аташе Таубе прогнозирао је «нагли пад» династије Обреновић. Када су се страсти мало смириле закључио је да је краљ опстао само захваљујући угледу своје мајке²⁴². Да би спасили што се спасти да, намесници су пожурили да организују посету малолетном српском владару код руског цара. Краља и његову пратњу је 2. августа 1891. године сачекао на станици у Петерхофу лично цар Александар III, син трагично скончалог императора Александра II, кога су бомбе смртно раниле у престоници, усред бела дана 1. марта 1881. године²⁴³. И млади краљ се након те посете спасао, док су српско-руски односи за време прве и друге Пашићеве владе (1891–1892) били видно поправљени.

Овакво спасење није се догодило по први пут у новијој историји Србије. Једно исто такво десило се 1871. године, после убиства кнеза Михаила Обреновића у Топчидеру (1868). И тада је милошћу руског цара, био спашен пољуљани трон Обреновића на којем је седео малолетни кнез Милан, отац потоњег краља Александра Обреновића. Још једном се посрећило краљу Милану да се спасе, и то 1887–1888, када би сигурно био протеран после фијаска у рату 1885. године²⁴⁴.

У још неколико наврата руски цареви, Александар III (1881–1894) и његов наследник Николај II (1894–1918) показали су интересовање за последњег Обреновића. Најизразитији пример догодио се за време веридбе и женидбе краља Александра Обреновића 1900. године. Тада је дошло до обнављања кумовске везе младе српске династије са Романо-

²⁴² *Зайцев В.* Русија и Србија у време Намесништва и радикалских влада 1889–1892 // Зборник Матице српске за историју. 1986. 33. С. 79; *Пироћанац М.* Бешке. С. 482.

²⁴³ Опширније: *Рајић С.* Александар Обреновић, владар на прелазу векова – субљени светови. Београд: Српска књижевна задруга, 2014. С. 58–68, 452–461.

²⁴⁴ Види у: *Лошаков А.Ю.* Граф В.Н. Ламздорф – государственный деятель и дипломат. Диссертация. М., 2016. С. 125–126; О томе је писао и *Шемякин А.Л.* Что за подлец и мерзавец этот Милан. Александр III и политическая элита независимой Сербии // Родина. Российский исторический журнал. 2015. 2. С. 65–68; *Шемякин А.Л.* Митрополит Михаило у емиграцији (Заједно са Николом Пашићем против Милана Обреновића) // Зборник Историјског музеја Србије. 2003. 31. С. 219–238; *Шемякин А.Л.* Никола Пашич и Россия (1883–1889) // Россия и славяне: Политика и дипломатия. М., 1992. С.131–143.

вима. Наиме, император се примио кумства на венчању краља Александра и краљице Драге, упкос томе што су се оба краљева родитеља оштро противила овом браку.

Разлаз оца и сина због женидбе био је јединствена прилика да се краљ напoкон осамостали и да се на том путу Русија представи у улози његове заштитнице. За Русију је, како је извештавао руски отпpавник послова у Србији Павле Мансурoв, био много подеснији непoлитички брак са Српкињом, него политички брак са немачком принцезом²⁴⁵. А краљев отац довео је преговоре са немачким дворовима око женидбе сина до самог краја те 1900. године. Руски император је код ове констатације Мансурoва својеручно написао да је сагласан са тим мишљењем. Исти став је имао и канцелар Владимир Николаевич Ламздорф који тек што је заузео нову позицију у Министарству спољних послова и правитељству. Он је одраније сматрао да Русија треба да искористи питање краљеве женидбе за поправљање односа са Србијом. Без Ламздорфoвог знања и одобрења, Мансурoв не би могао да пласира своју замисао пред царем. Краљ је обећао да ће помиловати радикале осуђене због Иванданског атентата и да се његов отац неће више враћати у земљу. Петроград је прихватио тај предлог и краљу је обећан «милостиви однос Императора» према догађајима у Србији, ако се буде држао обећања²⁴⁶.

²⁴⁵ *Рајић С.* Владимир Всеволодович Жадовски и Павел Борисович Мансурoв – антиподи руске дипломатске мисије у Србији (1898–1901) // Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Београд: Историјски институт, 2018. С. 163–190.

²⁴⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2.861. Год. 1900. Л. 2, 10, 11, 15.

Било је преговора 1897. године са великим кнезом Владимиром и његовом супругом да се њихова кћи Јелена Владимировна уда за српског краља. Велики кнез је само наговестио да време за преговоре није баш погодно, а имао је у виду несређене односе између краљевих родитеља. Поновно отварање питања женидбе са руском принцезом две године касније, може бити, послужило је краљу као оправдање за женидбу са Драгом Машин. Ако није могао добити православну руску принцезу, изабрао је вереницу православне вере из Србије. Тиме је удовољио Русији, и истовремено обезбедио њену подршку за своје планове. У том правцу краљ је, без знања председника владе и краља Милана, задужио генерала Белимарковића да оде у руско посланство, са којим су везе после иванданског атентата биле скоро прекинуте, и да пренесе његове мисли руском цару. Краљ је нудио да саобрази своје деловање руским саветима.

Русија, логично, није хтела да пропусти прилику да постигне оно што је покушавала још од 1893. године, када је краљ отпочео самосталну владавину – да поврати и ојача свој утицај у Србији и тако потисне не само утицај Аустро-Угарске, која је кокетирала са Миланом и игнорисала споразум из 1897, већ и

Цар је наредио да га, као кума, на краљевом венчању са «светлом госпођом Драгом, рођеном Луњевица», заступа управо поменути Павле Мансуров. Александар Обреновић је одмах саопштио јавности ту новост. Весто кумству руског цара пресекала је све сумње и дилеме у јавности, извештавао је Мансуров и додао да се у Србији царско кумство узима као особити вид руске наклоности и пажње. Краљ је на свадбеној вечери изјавио да српска политика у спољним питањима треба да се руководи традиционалним осећањима и потребама српског народа. Извесно је да је под тим подразумевао одржавање пријатељства са Русијом, што је објављено у виду званичног саопштења у *Српским новинама*. Чим се састала 10. јануара 1901. у Нишу, Народна скупштина је адресом одобрила и похвалила краљеве кораке у правцу обнављања «духовног и крвног» сродства руског и српског народа, иако је нагласила да је потребно да се и са суседним царствима, Аустро-Угарском и Турском, одржавају «правилни и пријатељски» односи²⁴⁷.

Ипак, Русија није желела јавно да предњачи у одобравању женидбе, иако ју је подржавала и унапред одобрила. Цар је лично послао своју честитку тек месец дана касније 25. августа и она је објављена у службеним новинама, тако да су искључене тврдње да цар није честитао, него је само краљу пожелио срећу у животу. Приликом венчања, краљу и краљици је уручен скупочени царски адађир као свадбени поклон²⁴⁸.

Немачке, која је финансијски закорачила у Србију. Од тада, у Петрограду се помно прати питање женидбе српског краља; *Рајућ С. Александар Обреновић, у поглављу «Несуђене српске краљице и «светла» вереница».*

²⁴⁷ АВП РИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2.861. Год. 1900. Л. 34, 46, 51; Државни архив Србије (ДАС). Поклони и откупи. К. 110. Бр. 6; *Српске новине*. Бр. 156. 15/27. јул 1900. У саопштењу владе се каже да садашњи и будући интереси захтевају од Србије да одржава традиционално пријатељство и везе са Руском царевином и да су српско-руски односи пошли «својим природним правцем»; Мансуров је 17/29. јула 1900. саопштио краљу да се руски цар Николај II примио кумства; *Српске новине*. Бр. 166. 26. јул/7. август 1900; Исто, бр. 1, 2/15. јануара 1901.

²⁴⁸ Честитка царева гласи: «Господине ми Брате, примио сам са свим изванредним задовољством писмо, којим ми је Ваше Величанство изволило саопштити Своје венчање са Госпођом Драгом, ћерком покојног Панте Луњевице и унуком војводе Николе Луњевице. Услед веза пријатељства духовног сродства које постоји између Вашег Величанства и мене, ја сам узео жива учешћа у том срећном догађају и хитам да Вам на томе изјавим своје најсрдачније честитке. Додајући томе моје жеље за срећу Вашег Величанства, као и за срећу Њеног Величанства Краљице, ја Вас молим да поново примите уверење о високом уважењу с којим јесам, Господине ми Брате, Вашег Величанства добри брат Никола. Петерхоф, 13. август 1900»; *Српске новине*. Бр. 192. 26. август, 7. септембар 1900.

Званичне новине су писале како је честитање императора српском краљевском пару значило да одустајање од «извесних» конвенционалности у избору краљеве веренице не повлачи за собом последице по углед владарског дома и по међународни положај државе²⁴⁹.

За српско-руске односе то је био пресудан тренутак. Гроф Ламздорф је хвалио краља Александра због обрта у спољној политици, обећавао је да ће промене курса одмах дати повољне резултате по Србију, те предлагао војну алијансу Русије и Србије, да «освешта» нову епоху односа две земље. Краљ је у мисију послао специјалног изасланика генерала Јована Мишковића 14. августа 1900. године. На првом пријему код грофа Ламздорфа, Мишковић је пренео поруку да краљ жели да, упоредо са поправљањем односа са Русијом, води коректну политику и према Аустро-Угарској, са чим се Ламздорф сложио. Краљ је даље инсистирао да се Русија не меша у унутрашње ствари Србије, јер је намеравао да настави владавину са непартијским кабинетом који ће радити на довршењу програма претходне, Ђорђевићеве владе. И са овим захтевом руски министар се сложио и изјавио да се његова земља неће мешати, нити се везивати за поједине политичке личности у Србији. Трећа тачка је у ствари била молба да Русија пружи моралну подршку Србији у Паризу ради закључивања што повољнијег кредита. Четврта је предвиђала школовање официрског кадра у руским војним школама. На ове захтеве Мишковић је добио потврдне одговоре од Ламздорфа и од министра војног Куропаткина. Пета и шеста тачка су биле из домена националне политике: Фирмилијаново постављање на место митрополита Скопљанске епархије и руско посредовање у српско-бугарским преговорима око поделе интересних сфера у Македонији. За пету тачку Ламздорф је одговорио да ће бити повољно решена, мада не тако брзо, док је за последњу рекао да се због политичког стања у Европи Македонија не може делити на интересне сфере. Као потврду прихватања овог споразума, краљ је тражио да Русија уместо отправника послова пошаље у Београд посланика, док је са своје стране за посланика у Петрограду предлагао Стојана Новаковића, дотадашњег представника Србије у Паризу. Ламздорф је обећао да ће у Београд одмах послати дипломату одговарајућег ранга²⁵⁰.

²⁴⁹ АВП РИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2861. Год. 1900. Л. 15; *Мишковић Ј.* Дневнички записи генерала Јована Мишковића III / Приредио А. Савић. Неготин: Историјски архив, 2020. С. 47–55; *Српске новине*. Бр. 155. 14/26. јул 1900; Бр. 156. 15/27. јул 1900.

²⁵⁰ *Мишковић Ј.* Дневнички записи генерала Јована Мишковића III, св. 34 цела посвећена мисији у Русији; По извештају српског отправника послова у Петрограду Љ. Христића, шеф руске дипломатије гроф Ламздорф није крио задовољство «што је овако значајан обрт у политици између Србије и Русије учи-

Мансуров је у извештајима веома похвално писао о краљици, њеној интелигенцији, проницљивости, утицају који има на краља и надасве о њеном проруском опредељењу. Тиме је, корак по корак, топио уздржано Петрограда. Краљица Драга је у руским извештајима представљана као особа врло повољна по руске интересе²⁵¹.

Тачно је да отправик послова руског посланства није одмах указао својој влади на разлику у годинама између краљевских супружника, као и на неуобичајену прошлост «госпође Драге», која би могла бити препрека њеном успињању на краљевски престо. Те су вести стигле до цара са извесним закашњењем. Због тога је краљица мајка тврдила да јој је, из поузданих извора, познато да је цар хтео да одбије кумство, али

њен» баш на почетку његовог министарског мандата. Када му је Христић казао да краљ шаље у Русију специјалног изасланика, «граф скочи, ухвати ме за руке, погледа ме право у очи па рече: “Надам се да ће успостављена веза бити трајна веза између Србије и Русије”, а колико ће она вредети по обе државе, показаће нам најкраће време, показаће озбиљни дани који нам иду у сусрет, дани којих се можда и не надамо, које поред свега не можемо ни да предвидимо», извештаво је Христић, ДАС. В.Ј. Марамбо. ф. 78. Извештај из Петрограда од 26. јула / 7. августа 1900.

²⁵¹ АВПРИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2861. год. 1900. Л. 15; Д. 489. Год. 1900. Л. 240; Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновић 1893–1903 / Приредио А. Раденић. Београд: Историјски архив Београда, 1973. С. 828–831; С. Јовановић (на основу књиге Владана Ђорђевића Крај једне династије, 2, 567) констатује да је тврдња краља Милана о томе да је Драга била руски шпијун могућа, јер је Милан говорио да поседује преписку између Драге и Таубеа, *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића II. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1931. С. 144; Јован Жујовић се спремао да наведе доказе да је Драга била умешана у атентат на краља Милана 1899. године, али није познато да ли је то и учинио, ДАС. ЈЖ. 55; Пера Тодоровић тврди да је приликом последњег виђења са краљем Миланом у Бечу, после Александрове женидбе, имао у рукама писмо «кратко, али врло драгоцено», које је по краљу Милану најбољи показатељ да убилачки нож за династију Обреновић не држи краљ Александар, већ «северни брат». *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости / Приредила Л. Перовић. Београд: Медицинска књига: Медицинске комуникације, 1997. С. 86, 628–629; *Михаиловић П.П.* Дневници / Приредила Ј. Милановић. Београд: Службени гласник, 2010. С. 121–122. Михаиловић пише да је Драга Машин, по налогу краљице Наталије, била код Михаиловића и његове жене и говорила о краљу Милану и немогућности краљице Наталије и краља Александра да спрече његов повратак. Зато је предложила радикалској влади да нађе начина да се тако поступи. И радикали су нашли потпоре у руском посланству, како је Михаиловић записао, те су са послаником Извольским утврдили споразум којим се обавезао да ће их подржавати и помагати их.

да му је Мансуров предочио да ће одбијање бити лоше прихваћено у Србији²⁵². Боравак краља Милана у Бечу био је врло крупан разлог царевог одређења да са резервом наступи према краљу Александру. Мансуров је, међутим, из дана у дан слао врло уверљиве извештаје у којима је тврдио да о помирењу оца и сина не може бити ни говора и да краљ успех свог брака везује искључиво за очево одсуство из земље²⁵³.

Доказ да је у Петрограду владала обазривост према новонасталој ситуацији у Србији представљају и инструкције које је добио нови посланик Николај Валеријевич Чариков 29. јануара 1901. године. Оне су сачуване у три верзије, а последња у односу на претходне две одише великом уздржљивошћу. У трећој верзији инструкција цар је прецртао све редове у којима се помиње наклоност краљице Драге према Русији, затим све о краљу Милану и његовом држању према Русији у прошлости, као и оне редове у којима се говори о слабљењу политичког и економског утицаја Аустро-Угарске на Србију и договор два царства из 1897. године. Цар је 20. јануара написао «сагласан» на упутствима у којима је као главни курс деловања подвучено «пуно немешање у унутрашње ствари балканских држава», од којих Русија очекује да воде политику «народне самобитности», ослобођене страних утицаја, са ослоном на заједничке интересе балканских народа. У првој аудијенцији код краља 28. фебруара, Чариков је усмено пренео много срдачније цареве поздраве српском краљу од оних које је написмено примио²⁵⁴. Све приснији односи Србије са Русијом после краљеве женидбе огледали су се у срдачном пријему новог посланика у Петрограду, Стојана Новаковића. Краљ је, како је казао, послао Новаковића у Петроград зато што је сматрао да је «најбољи српски државник» и да одлично познаје прилике на Балкану, а такав избор показује колики је значај придавао учвршћивању српско-руских односа. У рефератима министра Ламздорфа које је подносио цару краљ Александар и Србија су све чешће бивали на дневном реду²⁵⁵.

²⁵² ДАС. Лични фонд Стојана Новаковића. Бр. 1891; *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића II. С. 173–175.

²⁵³ АВП РИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 489. Год. 1900. Л. 61, 64; Д. 2861. Л. 85.

²⁵⁴ АВП РИ. Д. 2839. Год. 1901. Л. 1–8 прва варијанта, л. 9–15 друга варијанта, и л. 16–19 трећа варијанта инструкција Чарикову, које су истовремено прослеђене посланицима на Цетињу, у Софији и у Букурешту; *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд: САНУ, 1988. С. 311; *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. Београд: Завод за уџбенике, 2009. С. 83.

²⁵⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 568. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–3, 13, 14, 36, 41, 49; АВП РИ. Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2.861. Л. 2, 10–11; Оп. 482. Д. 497. Год. 1902. Л. 499, 500; ДАС. СН. 2126; *Поповић С.* Мемоа-

Баш у време када су у Петрограду писане инструкције за Чарикова, у Бечу је почетком фебруара, после краће болести, преминуо краља Милан у својој 47. години живота. Тај ће догађај имати великог утицаја да се замајац у обнављању и поправљању српско-руских односа заустави. Више није било опасности од краљевог оца, али ни од мајке која је прекинула све контакте са сином. Чак је у пролеће 1902. године, иако по оцу Рускиња и православне вере, прешла у католичанство²⁵⁶.

Без оца, мајке, наследника, брата — краљ Александар се те 1902. године осећао потпуно изгубљеним. Кобне последице лажне краљичине трудноће нису се дале ублажито било каквим политичким комбинацијама — ни споразумом са радикалима, ни новим Уставом. Опет је као сламка спаса остала још једино посета руском императорском пару. Посета је планирана од јесени 1900. године. Негативан одговор из Петрограда значио би крај династије Обреновић, закључио је тада Мансуров²⁵⁷. Од вести из јуна 1901. да се «не може очекивати рођење» наследника српског престола та посета руском цару постала је хитна. Краљ и краљица нису били ни у једној званичној посети од венчања, што је давало основа опозицији да спори њен легитимитет на престолу. Краљев кум би могао, веровало се, да се постара да српски краљевски пар изађе из изолације²⁵⁸.

Сви меродавни фактори у Русији су обавештени о значају посете краљевског пара цару и царици, својим венчаним кумовима, који се огледао и у интересу руске балканске политике, али и опстанка Обрено-

ри / Приредили Ј.Р. Бојовић, Н. Ракочевић. Цетиње — Подгорица: ЦИД, 1995. С. 383; *Војводић М.* Петроградске године Стојана Новаковића (1900–1905). Београд: Историјски институт САНУ, 2009. С. 16.

²⁵⁶ За краљицу је прелазак у католичанство значио, како се изразила почетак «новог живота», најсрећнији тренутак у њеном животу, а за посету Риму и сусрет са папом каже да ће јој то бити најлепше сећање у животу. Преверавањем краљица Наталија је покидала све везе са прошлим животом, поставши «верна кћи Свете Цркве», како се сама потписивала, *Archivio Segreto Vaticano, Segreteria Stato, Anno 1902, rubr. 227, fasc. unico.*

²⁵⁷ *Маршићанин Б.К.* Тајне двора Обреновића, Управитељеве белешке (од веридбе до смрти краља Александра). 1. Београд: б.и., 1907. С. 67; Прогони политичких противника. С. 836. Из писма отправника послова Мансурова грофу Ламздорфу од 20. октобра / 2. новембра 1900. види се да је Мансуров стајао иза Грабоа. Писао му је препоруке за пријем у највише званичне кругове Петрограда, са циљем припреме и реализације посете краљевског пара Русији.

²⁵⁸ Честитке поводом ступања у брак упутили су краљу, поред руског владара, још и аустроугарски престолонаследник Франц Фердинанд, црногорски кнез Никола и султан Абдул Хамид, ДАС. ПО. к. 110. д. 6; *Поповић С.* Мемоари. С. 383.

вића на престолу. Отезање до пролећа 1902. а затим, потврда цара од 23. јуна 1902, да ће посете бити «Јесенас на Криму», указивали су да постоје снажни отпори како у германском свету, тако и на самом руском двору. Само што је Чариков јавио да је у Србији све спремно за пут, телеграмом од 14. септембра и писмом од 17. септембра Ламздорф је обавестио Чарикова да због царичиног нарушеног здравља неће бити пријема чланова иностраних владарских кућа у Ливадији, а то је значило ни српског краља и краљице, али да то ни у ком случају не значи да је цар променио своја осећања према њима. Краљ је скоро месец дана држан у неизвесности и коначни отказ пријема му није саопштан. За то је сазнао тек 10. октобра. Утисак је био мучан. Цар је на Јалти овластио Ламздорфа да преко посланика пренесе краљу његову наклоност, јер се и у спољној и у унутрашњој политици руководио руским саветима. Цар је поручио да не може одредити време пријема «још увек», што је значило да је посета само одложена²⁵⁹. Бугарски кнез Фердинанд, напротив, био је примљен у јуну 1902, а пре њега, крајем 1901, и црногорски кнез Никола. Само српски краљ није отпутовао.

Све бечке новине су максимално експлоатисале неостварену посету српског краљевског пара, машући њоме као доказом краха проруске политике Србије. Предвиђало се да ће краљ, под утиском да је одбачен од руског цара, променити спољну политику и то је додатно стварало тензију у земљи. Председник владе Вујић увиђао је све штетне последице «грешне» политике Русије према српском племену, ако би и даље својом хладноћом приморавала краља да сузи политику «до плота»²⁶⁰.

Пошто међу живима није више било краља Милана, сматрало се да ће Беч наступити попустљивије према Русији. Тако се и догодило. Попустљивост на Балплацу огледала се у томе што су се два двора договорили о заједничком ставу према српском престолу и личностима које га могу заузети у будућности. Јасно је било да се овим договором радило о глави краљу Александру, који је имао свега двадесет и шест година. Завера против његовог живота била је јавна тајна и у Бечу, и у Петрограду.

²⁵⁹ Опширније у: *Pajuh S.* Александар Обреновић, С. 346–351; *Rajic S.* The Russian secret service and king Alexander Obrenovic of Serbia (1900–1903) // *Balkanica: Annuaire de l'Institut des etudes balkaniques.* 2012. 43. С. 143–168.

²⁶⁰ ДАС. СН. 1245. 1246; Вујић је у новембру 1901. констатовао да су српске државне потребе такве да Србија за испуњење својих националних задатака мора тражити подршку Русије, да за своје економске интересе мора тражити подршку Аустро-Угарске, а због финансија мора одржавати добре односе и са Француском и Немачком. Тиме је наново потврђена немогућност да се води спољна политика са ослонцем на једну велику силу. ДАС. Сенат. ФА/9. 1901. 10/23. новембар 1901.

Завереници, њих петнаестак, добили су нови полет и снагу, пошто је ускраћен пријем краља и краљице код руског цара. Чариков је писао да се у Србији на сваки помен руско-аустријског зближења јавља велика нервоза и да се често евоцирају сећања на договор два царства из 1876. године. Руски амбасадор у Бечу Капнист управо је био главни промотер политике договора Беча и Петрограда на Балкану по свим питањима, те и по питању Србије. Зато је критиковао Чарикова који је сугерисао да је нужно посветити Србији већу пажњу и помоћи зближавање балканских држава као потенцијалних савезника Русије у могућем аустро-руском сукобу. Ламздорф је испрва делио с њим мишљење, предочивши српском краљу да у случају неуспеха реформи очекује од Србије да буде уз Русију²⁶¹. Такав став је, међутим, мало помало, коригован у правцу све неодређеније и уздржаније руске политике према Србији²⁶².

Тежња руског двора за зближењем са средњом Европом манифестована је узајамним посетама чланова владарских домова Романова, Хабзбурга и Хоенцолерна, током 1901. и 1902. године²⁶³. Иако су обе стране демантовале политички значај посете престолонаследника Франца Фердинанда руском цару у фебруару 1902, извори сведоче да је на том сусрету било речи о Србији и о опстанку династије Обреновић на престолу. Снажној антидинастичкој струји у земљи царски дворови нису

²⁶¹ Алузија на договор Русије и Аустро-Угарске у Рајхштату 1876. године; *Вишняков Я.В.* Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутрџполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века // *Славяноведение*. 2021. 5. С. 5–15. [Электронный ресурс]. URL: <http://gas.jes.su/slav/s0869544x0016876-6-1> (дата обращения: 03.07.2022). DOI: 10.31857/S0869544X0016876-6; Исто што је утврдио Я. В. Вишняков, утврдили смо и сами из Капнистових извештаја и реферата у којима је доказивао да Србија није стратешки важна за Русију и да су пројекти војне конвенције са Србијом, или јадранске железнице, излишни и плод лоше процене руских спољнополитичких циљева на Балкану. *Рајућ С.* Александар Обреновић. С. 352–354, 360.

²⁶² Неки кругови у Русији, попут великог кнеза Александра Михаиловича, који је био најпопуларнија личност царске породице и врло интеллигентан човек, а посебно високи припадници војног реда, говорили су о предстојећим опасностима много отвореније од Ламздорфа. Предвиђали су жесток окршај са германским светом, који ће за последицу имати стварање две словенске државе – Србију, увећану Старом Србијом, делом Македоније и Босном и Херцеговином, са изласком на Јадранско море; и Бугарску, са преосталим делом Македоније. ДАС. СН. 205.

²⁶³ Руски цар Николај II у јесен 1901. био је у Данцингу, велики кнез Михаил Николајевич у Пешти, а затим је ерцхерцог Франц Фердинанд почетком 1902. посетио руски двор.

намеравали да стају на пут. На то указује њихов концензус да се у случају свргавања Обреновића мора имати резервна опција, која би задовољавала обе стране. Та опција је пронађена у личности Петра Карађорђевића. На њу је прво позитивно одговорио Беч да би избегао могућу кандидатуру Николе Петровића и његових наследника на српски престо²⁶⁴.

Русија је сигурно знала за Петров однос према Бечу. Русија је школовала његове синове од 1897–1898. године. Тај вид ангажовања био је једна врста освете према Србији која је поново примила краља Милана и поверила му највишу дужност у војсци. Да не би дошао на престо као кандидат Монархије, у Петрограду су похитали да обезбеде позиције и договоре се и са Бечом, и са претендентом. Владимир Николајевич Ламздорф шифрама извештава посланика Чарикова да се Петар Карађорђевић 18. фебруара 1902. обратио писмом руском цару. Писмо је упућено преко руског дипломате у Женеви, «по особитом делу». Цар је 26. фебруара одговорио: «Кнез Петар Карађорђевић је претенд. на српски престо». Порука је саопштена Карађорђевићу преко руског посланика у Женеви. Дан касније, 27. фебруара, посланик извештава Ламздорфа из Женеви да је усмено саопштио царев одговор и да је га је Петар Карађорђевић саслушао «без приговора»²⁶⁵. Оваквим односом двеју великих сила према Петру Карађорђевићу била је запечаћена судбина династије Обреновић.

²⁶⁴ Када је у децембру 1901. коловођа цивилног дела завере против краља Александра Ђорђе Генчић, дознао да Русија не подржава идеју о руском кнезу на српском престолу, те да се ваља зауставити на Петру Карађорђевићу, завереници су преко својих емисара утврдили код меродавних личности у Бечу да свргавање Обреновића не би за собом повлачило спољне компликације. АСАНУ. Бр. 14.556/57. Заоставштина Д. Страњаквића. Из казивања завереника, поручника Антонија Антића и Ђорђа Генчића.

Петар Карађорђевић је децембра 1901. упутио писмену изјаву Голуховском у којој је изразио лојалност Аустро-Угарској и тиме обезбедио личну позицију, уколико «уз Божију помоћ и вољом српског народа ступи на престо Србије». Голуховски је ову изјаву одмах показао цару и она је била од пресудног значаја за држање Монархије у питању опстанка Обреновића на престолу. Слична изјава, али усмена, дата је високом функционеру немачког Министарства иностраних дела Фридриху Розену. Податак о изјави Петра Карађорђевића о лојалности Монархији забележен у дневнику мађарског високог званичника Лајоша Талоција, преузето из: *Пал Т.* Мађарско политичко јавно мњење и српско питање на Балкану 1903–1914. Докторска теза. Нови Сад: Пал Т., 2009. С. 215, Текст ове изјаве објављен у: *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба I, Београд: Нова Европа, 1990. С. 607–609.

²⁶⁵ АВП РИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 500. I. Л. 416.

Руски министар финансија Сергеј Јуревич Вите тврди да је «Црногорка бр. 2» (Анастасија) агитовала све време против Александра, за кога је говорила да је полудео што се оженио Драгом и да је цар Николај II је наредио да му се да новац из Бесарапско-таврническе банке²⁶⁶. Добро је познато да будући краљ Петар није имао пара и да му је током припреме завере новац позајмљивао богаташ Никола Хаџи-Тома. Ако су ствари тако стајале у фебруару 1902. године, онда је много јасније зашто руски цар није желео да прими краља Александра. Уочи краљевог потпуног фијаска, који је био само питање тренутка, пријем на Криму је могао озбиљно дискредитовати и руског цара, јер би се поставило питање како је могао пасти краљ кога подржава руски цар. По доцнијим сведочењима завереника из редова цивила, сазнајемо да су они у Бечу «са меродавних места» уверавани да ће Аустро-Угарска, по преврату, за двадесет четири сата признати Петра Карађорђевића за краља Србије²⁶⁷. Овај податак такође сведочи да су Беч и Петроград имали заједничког кандидата за српски престо у случају детронизације последњег Обреновића²⁶⁸.

Извесно је да је краљева опозиција у отказу пријема видела немилост руског цара и антидинастичке акције су наново оживеле. Почели су се ширити гласови о револуцији. Руски посланик је кратко закључио да се краљ може одржати само уз милостиву реч руског цара и да је посета краљевског пара Русији неопходна да би династија опстала. Последице отказа пријема у Русију нагнале су краља на реакционарне мере, које су по њега биле погубне. Са друге стране, краљ је имао извесног успеха на националном пољу, захваљујући помоћи Русије. Посете и учесталу комуникацију владара Бугарске, Црне Горе и Србије координирала је Русија. Напокон је, после пет година, на Видовдан извршено посвећење Фирмилијана Дражића за скопљанског владуку (1902); прве наоружане чете, које су имале задатак да се супротставе бугарским четам на терену и да заштите српски живаљ, означиле су почетак српске четничке акције у Косовском вилајету. Сем тога, српска војска је, од реформе краља Милана 1898–1900 била добро спремна и планирано је потписивање војне конвенције Русије и са Србијом, и са Бугарском. Опет, из обазривости Русије, до реализације тог плана није дошло²⁶⁹.

²⁶⁶ Вите бележи да је пре трагичног скончања Александра и Драге тражила финансијску помоћ за зета Петра, ожењеног њеном најстаријом сестром Зорком, тврдећи да ће он ускоро бити краљ Србије. *Vumte С.Ю.* Воспоминания 2. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 268.

²⁶⁷ АСАНУ. Бр. 14.556/57. Заоставштина Д. Страњаковића. Исповест Аце Новаковића.

²⁶⁸ *Рајић С.* Александар Обреновић. С. 487–495.

²⁶⁹ *Рајић С.* Александар Обреновић. С. 356–367; Војна конвенција је потписана са Бугарском, али не и са Србијом, иако је министар војни Куропаткин изразио

Руски канцелар Ламздорф предузео је последњи корак да се српски краљевски пар спасе. Један од ретких је који је, упркос «средњем курсу» у спољној политици и договору са Бечом, констатовао да је неодлучно држање према Србији и њеном краљу штетно по руске интересе. На његову иницијативу, цар му је одобрио да у децембру 1902. посети краља Александра не би ли ублажио штетне последице такве политике Русије према Србији. Ламздорф је децембра 1902. године био угоштен у двору у Нишу. Узалуд је руски канцелар констатовао да је разговарао са интелигентним краљем који правилно сагледава сложену балканску ситуацију, узалуд и то што су им погледи на решавање Македонског питања били идентични²⁷⁰. То је било недовољно за спашавање једне краљевске главе. Македонија је кључала, а краљ Александар је ставио у приправност све српске снаге, буквално једном врстом тајне мобилизације и уговорене лозинке када ће се покренути, ако Бугари први упадну у Македонију.

Чариков је одмах после отказа пријема констатовао да у двор стижу претећа писма, због чега је војска Београдског гарнизона у приправности. Нејасни односи Русије према краљу били су главни разлог што је ковање завере трајало скоро две године. Завереници су са пажњом пратили хоће ли рука руског императора закрилити и тако спасти српског краља²⁷¹. То се, међутим, није догодило.

Шта више, када су краљу услуге руске тајне полиције биле потребнија него икада пре, оне су изостале. Упозорења у 1902. години да се пази и да му је живот угрожен почела су стизати са свих страна. Краљ није знао од кога треба да се чува. Једни су говорили да му опасност прети од војске, други су упирали прст на карађорђевићевце, трећи на Аустро-Угарску. Краљ је зато молио да га руска служба поново узме у заштиту, али је Русија због лоших вести о краљевом положају у земљи узмицала. Изговарала се да је са почетком 1902. године њен ангажман на заштити српског

повољно мишљење о њој и сматрао је да српска војска представља веома важна на фактор у предстојећим сукобима на Балкану. *Куропаткин А.Н.* Дневник А.Н. Куропаткина. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1923. С. 110; *Шешум У.* Српска четничка акција (1897–1908). Нови Сад: Матица српска, 2019.

²⁷⁰ Ламздорф је у Нишу рекао француском посланику да је главни циљ његове посете краљу Александру био да, што је могуће више, ублажи негативне последице отказане посете српског владарског пара. О посети Ламздорфа краљу Александру, у: *Рајић С.* Александар Обреновић. С. 369–376; *Лошаков А. Ю.* Граф В.Н. Ламздорф. С. 135–148.

²⁷¹ АВП РИ. Секретни архив. Ф. 138. Оп. 467. Д. 209/210. Год. 1902. Л. 30–31; Политархив. Ф. 151. Оп. 482. Д. 495. Год. 1902. Л. 245–246; Оп. 482. Д. 496. Год. 1902. Л. 217; *Маршићанин Б.К.* Тајне двора Обреновића, Управитељеве белешке 2. С. 66.

краљевског пара престао и да она сада у рејону Балканског полуострва води борбу са револуционарно-анархистичким кретањима²⁷². По налогу директора полиције, 4. маја 1902. Тржецјак је краљу казао да је обезбеђивање тако високе личности велика обавеза за агентуру и да му је наређено да «предузме све мере да би предупредио опасности по краља, у складу са снагама и средствима агентуре». Ово је заправо било одбијање на леп начин. Неформалним обећањем краљ није ништа добио, а агентура је користила краљево одобрење да се њени људи, у интересу послова, могу кретати по Србији, где су чак били изузетно добро прихваћени и где им је свесрдно помагала домаћа полицијска власт. После државног удара у априлу 1903, руски агенти извештавају надлежне о гласовима да у јужној Македонији постоји организација која намерава да изврши атентат на краља и краљицу. Крајем априла 1903. они јављају да је агентура установила да је у Београду скована завера против краља и да је посланик Чариков о томе извештен, али не и српски краљ коме је та информација ускраћена још за читавих месец дана.

Првоозбиљно упозорење стигло је краљу од тетке Маврокордат, сестре краљице Наталије која је живела у Румунији. Упозорење је стигло на изричит налог румунског краља Карола, који је за заверу дознао од једног представника бечке владе²⁷³. Руска тајна агентура је послала Вајсмана краљу тек 7. јуна 1903, три дана уочи убиства. Вајсман му је саопштио да је у Београду скована завера против њега. Краљ је тада већ знао за заверу, јер га је о томе обавестио и бугарски кнез Фердинанд, који је то дознао од свог секретара, до кога су вести стигле баш од руске агентуре. Тог истог седмог јуна, по наређењу Департамента полиције, Тржецјак је повукао све своје људе из Србије²⁷⁴.

²⁷² Шеф тајне службе за Балкан, после смрти Грабо, Владимир Валерианович Тржецјак, је предлагао надлежнима да Министарство може у Србији да организује своју мрежу за праћење анархиста и револуционара, као што чини у Бугарској, и да је за то потребно око 60.000 франака. Тврдио је да то може бити од изузетне користи за пословање агентуре на Балкану. Његов предлог није прихваћен од надлежних. Краљ је наставио да обасипа поклонима и орденима руске обавештајце, неосновано очекујући спас са те стране, *Рајић С. Александар Обреновић*. С. 485–487.

²⁷³ *Казимировић В. Никола Пашић и његово доба* I. С. 611.

²⁷⁴ Опширније: *Рајић С. The Russian secret service and king Alexander Obrenović of Serbia (1900–1903)*. С. 143–168; *Вишняков Я.В. Документы департамента полиции Российской империи о династическом кризисе в Сербии начала XX в. // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна. Колл. монография / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 385–401.*

Политика немешања у унутрашње ствари Србије, а коју су и Беч и Петроград повели од половине 1901. године, довела је ускоро до стравичног убиства младог краља Александра и његове супруге. Ламздорф је рекао француском посланику у Нишу крајем децембра 1902. да је Чарикову посебно наглашено да се не меша у унутрашње ствари, без изузетка питања наслеђа престола, јер би такво мешање било врло опасно у земљи у којој Русија има политичких интереса, али којом не жели да влада. То је јасно значило да ће Русија прихватити свако решење на српском престолу које не би штетило њеним империјалним циљевима. Исто је гледиште заступала и Аустро-Угарска. Почетком марта 1903, први пут од јесени 1902, када је пут у Русију отказан, краљ је хладно рекао Чарикову да су сви проблеми у земљи проистекли због неоствареног пута у Русију. Посланик је, како му је Ламздорф саветовао, игнорисао овај краљев коментар.

У пролеће 1903. фетиљ је у европској Турској, упркос припреми реформи од стране Ламздорфа и Голуховског, био запаљен. У Митровици је убијен руски конзул. Албанци су терорисали хришћане, Бугари су убијали Србе, револуционарни покрет за аутономију Македоније сматрао је тероризам легалним видом борбе. На све то, Ламздорф је имао значајан коментар, који је врло битан и за разумевање суздржаности Русије у питању масакра краљевског пара у Београду. Ламздорф је, наиме, поредио кризу у Македонији 1903. са догађајима на Балкану из времена Источне кризе (1875–1878). Недвосмислено је нагласио да неће дозволити грешку из 1876. када су, под разним утицајима, у Русији преовладала народна осећања која су владу подстакла да Русија објави рат Турској. Одговорно и државничко понашање налаже мир, тврдио је канцелар²⁷⁵.

Вест о убиству српског краљевског пара 11. јуна 1903. године, није могла бити изненађење ни за руског посланика, нити за његове надређене у Министарству. Науци је добро познато како су они извештавали о том догађају²⁷⁶.

Ольга Михайловна Курчатова пре више од деценије одбранила је докторску дисертацију «Переворот в Сербии 29 мая 1903 г. как объект вниманія внешней политики и общественного мнения России»²⁷⁷. Она је посебно истражила званичну реакцију Русије на преврат 1903,

²⁷⁵ Разговор британског амбасадора у Петрограду и Ламздорфа од 21. маја/3. јуна 1903, у: *Лошаков А.Ю.* Граф В.Н. Ламздорф. С. 152–154.

²⁷⁶ *Вишњаков Ј.В.* Тајни извештаји руског посланика о преврату 29. маја 1903. године // Токови историје. 2021. 1. С. 297–312; *Чарыков Н.В.* Беглый взгляд на высокую политику. М: Викмо-М / Русский путь, 2016.

²⁷⁷ Саратов, 2009. (ведущая организация Институт славяноведения РАН).

као и однос Русије према супротстављеним српским династијама Обреновића и Карађорђевића. Констатовала је да су и Аустро-Угарска и Русија znale да се спрема атентат на српског краља, али да је званични руски став о «немешању» у датим приликама било исто што и прећутна сагласност са плановима завереника. Ауторка наводи да је Русија таквим ставом претрпела пораз на моралном плану, али је зато признавањем Карађорђевића и нових власти добила на државном пољу. Она још каже да су званичну одлуку Русије према новонасталој ситуацији подржали сви конзервативни елементи у Царству, уз оправдање да је то био потез који су изискивали државни интереси. Исто су учинили и пролиберални кругови, који су у принципу осудили убиство, али су се изјаснили за успостављање контаката са новим властима у Србији.

Пуних седам дана од убиства краља и краљице званична Русија се није оглашавала. У руском званичном листу штампане су телеграфске вести из кореспонденционог бироа, без коментара. У њима се убиство краљевског пара назива час револуцијом, час дворским превратом, час војним пучем. У тим тренуцима, изгледа, најмање важно је било од чије руке је страдао краљевски пар, а много важније било је очување мира на Балканском полуострву²⁷⁸. Мњење је припремано умирујућим вестима да у Београду владају мир и поредак, да се већина изјашњава у корист Карађорђевића, док је део српске омладине која је студирала у иностранству демонстрира у корист републике. Руски званични лист редовно је преносио ставове бечке владе, из листова «Fremdenblat», «Neue Freie Presse», «Pester Lloyd», да Аустро-Угарска благонаклоно гледа на кандидатуру Петра Карађорђевића на српски престо²⁷⁹.

Али, из тог одуговлачења, извођени су погрешни закључци. Мирослав Спалајковић, који је заступао у Петрограду одсутног Стојана Новаковића, преноси сопствени утисак о ставовима руских званичних кругова који, како ћемо видети, није заснован на валидним чињеницама, чак им је и супротстављен. «Мој утисак је да се Руси у души радују последњим догађајима и променама у Србији и да више форме ради изјављују своје гнушање»²⁸⁰. Ево због чега је такав закључак био погрешан.

²⁷⁸ Протурена је лаж како је у краљевом кабинету пронађен пројекат Указа којим се Никола Луњевица, краљичин брат, наглашава наследником српског престола, *Правительственный Вестник* 1903 г. 1/14. јун; Да краљ Александар није имао намеру то да учини, сведоче бројни историјски извори, више у: *Рајић С. Александар Обреновић*. С. 492.

²⁷⁹ *Правительственный Вестник*. 3/16. јун 1903.

²⁸⁰ Цитат према: *Бајин З. Мирослав Спалајковић. Дипломата и контрареволуционар*. Нови Сад: Прометеј, 2021. С. 40.

Ламздорф је чекао званичну одлуку императора, који је и те како био свестан тешких последица убиства краљевског пара у Београду. Дана 17. јуна 1903, два дана пошто је званично обавештен да је Петар Карађорђевић изабран за краља, император је одлучио да призна новонастало стање у Србији. Ламздорф је пренео цареву одлуку Спалајковићу, сигурно уз опаску да император тражи суђење и строго кажњавање краљеубица. Спалајковић је покушавао да одговори званичнике да потезу то непријатно питање јер је ситуација у Србији «веома замршена»²⁸¹.

Ламздорф је био категоричан и на сва наваљивања српске стране, чак и на уверавања да је новоизабрани краљ «омиљен у народу», одговарао је јасно да европски владари не могу олако прећи преко тога да је један од њихове браће мучки убијен.

И док је српски секретар писао извештаје као ватрени карађорђевићевац, називајући најпогрднијим именима покојну краљицу, али и све оне који су у руској штампи осуђивали убиство краљевског пара или позивали на молебствија за покој њихових душа, Ламздорф је радио по савести и по дужности²⁸².

Прво је написао нацрт²⁸³ службеног саопштења поводом убиства Обреновића, који је, по царевом одобрењу, публикован 18. јуна у рубрици «правительственное сообщение». «Строго се придржавамо начела немешања у унутрашње послове балканских држава», стајало је између осталог у том саопштењу. Потом се наглашава да Русија није општила са привременом Авакумовићевом владом која је самовољно приграбила власт. Она је чекала да се проблеми најпре отклоне, па да јасно изрази свој став према последњим догађајима у Краљевини Србији. Сенат и Народна скупштина, легитимни органи власти, који су заседали 15. јуна, једногласно су за новог краља изабрали кнеза Петра Карађорђевића²⁸⁴. И он је скупштинској делегацији потврдио да прихвата нову краљевску дужност. Истовремено, кнез Петар је писао руском императору да га призна за краља Србије, на шта је цар дао

²⁸¹ Бајин З. Мирослав Спалајковић. Дипломата и контрареволуционар. С. 39, 41.

²⁸² ДАС. СН. Бр. 2127–2132. Писма М. Спалајковића – С. Новаковићу из Пртгрограда, јун–децембар 1903. и јануар 1904. У писмима Спалајковић се недолучним изразима изражава о покојној краљици, назива је «ронђом» и «гадурим».

²⁸³ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 1–2.

²⁸⁴ За избор кнеза Петра Карађорђевића за српског краља 2/15. јуна 1903. године изјаснило се 158 чланова Народне скупштине и 39 чланова Сената. Српске новине. 19. јун/2. јул 1903.

потврдан одговор²⁸⁵. Честитајући избор новог монарха, «потомка славне династије», са најлепшим жељама за будућност једноверном српском народу, Ламздорф изражава очекивања у име руске владе да краљ Петар покаже своју праведност и тврду вољу у истрази «гнусног злочина» и да строго казни извршиоце «цареубиства». У супротном, био би лош узор да официри насиљем прибегавају војним превратима, поред јасне опасности да ће некажњавањем одговорних кривицу понети сав српски народ и сва српска војска. Последња реченица овог саопштења је посебно карактеристична јер се у њој Русија моли Богу за упокојене душе превремено страдлог краља Александра и његове супруге, а истовремено се позива Свевишњи да краљу Петру подари успешну владавину²⁸⁶.

Одмах сутрадан, у званичном листу, изашло је саопштење да је, «согласно регуламенту по случају кончини их величество Короля Александра и Королевы Драги» император објавио двадестчетвородневну жалост на двору²⁸⁷.

Ни о званичном саопштењу, ни о дану жалости на руском двору српска јавност није обавештена. Исто тако, она није обавештена ни о признању аустријског цара новог стања у Србији зато што је, уз честитке краљу Петру, много јачим изразима осудио крвопролиће²⁸⁸. Званичне *Српске новине* су на ударном месту публиковале објаву како је од 18. јуна 1903, Русија поново ступила у званичне односе са краљевском српском владом. Затим су штампале све одговоре европских владара на нотификацију краља Петра поводом ступања на престо, а први је, наравно, био онај који је стигао од руског цара²⁸⁹. Хтело се пошто-пото у јавности постићи да император Николај II одобрава стравичан догађај и све промене које су након тога уследиле. То је, сигурно је, било далеко од истине.

Званична Русија по питању убица, истраге и суђења више није реаговала. Али, реаговала је руска црква и то на скандалозан говор митро-

²⁸⁵ У истом духу новоизабрани краљ Петар упутио је цару Франц Јосифу 4/17. јуна 1903. телеграм. Уз молбу да га призна за краља Србије, обећава му да увек може рачунати на његову лојалност и пријатељство, као и на добросуседске односе Србије и Аустро-Угарске, штампан у: *Правительственный Вестник* 1903 г, 6/19. јун; Одговор императора Николаја II од 3/16. јуна 1903, којим је признао Петра Карађорђевића за краља, штампан је у *Српским новинама*. 5/18. јун 1903.

²⁸⁶ *Правительственный Вестник*. 5/18. јун 1903.

²⁸⁷ *Правительственный Вестник*. 6/19. јун 1903.

²⁸⁸ *Правительственный Вестник*. 7/20. јун 1903., али званичне новине то нису штампале.

²⁸⁹ *Српске новине*. 6/19. јун 1903. 14/27. јун 1903. 15–19. јун/28. јун–2. јул 1903.

полита Иноћентија који је 16. јуна 1903. године одржао у Саборној цркви, дан пошто је Скупштина изабрала Петра Карађорђевића за краља²⁹⁰. Том приликом митрополит је официре убице назвао витезовима и спаситељима српског народа. А Божије Провиђење, рекао је митрополит, шаље Србима краља у чијим је рукама буктиња бесмртнок Карађорђа, баш када су «на граници клонулости били». Митрополит Иноћентије је за краљевог живота уживао његову велику наклоност. На вест о убиству краљевског пара заставама окитио свој двор, одбио је да обави опело и одмах је укинуо молитве за покојнике у цркви. Такав наступ наишао је на оштар протест Руске православне цркве, која је у Казанском сабору организовала парастос покојном краљу²⁹¹.

И није само митрополит, већ се и Српска краљевска академија, културна и научна задужбина краља Милана, међу првима огласила писмом и честиткама Петру Карађорђевићу. Академик Сима Лозанић, бивши министар краља Александра Обреновића, у својству председника СКА и у име академика изјавио је «искрену оданост» краљу Петру и жеље да се «у славу Карађорђевића» постигне културни, научни и државни напредак²⁹².

Јасно је да услед државних интереса званична Русија реаговала много умереније на злочин у Београду, него што је осећала и сматрала да треба реаговати. Свакако, не без знања званичника, писања појединих листова била су веома оштра, попут Комарова који је најжешће осуђивао краљеубиство. Исто тако, Словенско друштво у Москви је 19. јуна организовало и одржало неку врсту комеморације покојном краљевском пару Обреновића. Званични лист правитељства јављао је: «Сегодня в славянскомъ обществе совершена торжественная панихада по сербской королевской чете. Бюсты Короля и Королевы были покрыты крестом и убраны пальмовыми ветвями»²⁹³. Дан касније 20. јуна, у цркви руског посланства у Бујукдере, у Константинопољу, такође је одржан парастос за покојног краља Александра и краљицу Драгу, на којем је присуствовао руски амбасадор Зиновјев са комплетним дипломатским особљем. Присуствовао је и српски посланик у Турској Сава Грујић, чији је син био један од официра који суучествовали у завере против Обреновића²⁹⁴.

* * *

²⁹⁰ Говор штампан у Српским новинама. 8/21. јун 1903.

²⁹¹ ДАС. СН. Бр. 2. 128; Српски сион. Бр. 10. 31. мај/13. јун 1903. бр. 14. 31. јул/13. август 1903.

²⁹² Српске новине. 8/21. јун 1903.

²⁹³ Правительственный Вестник. 8/21. јун 1903.

²⁹⁴ Правительственный Вестник. 10/23. јун 1903.

Ускоро ће 120 година од трагичне смрти последњег Обреновића и 105 година од стравичних убиства Цара Николаја II и његове породице. У првом случају, држава је свог краља надживела једва петнаестак година, док су у другом истовремено нестали и владар и његова држава.

Као што је руски двор само седам дана од дефентрације тела краљевског пара Обреновић признао новог краља Петра I Карађорђевића, чак је Чариков са аустроугарским колегом лично дочекао на железничкој станици новоизабраног владара, тако су и краљ Александар Карађорђевић и његова влада преко ноћи признали најпре демократску владу Керенског, а потом се, преко Троцког, приближили чак и большевицима. И све се то догађало упркос одбојности регента Александра према большевицима, против којих је чак организовао и слао Допунски батаљон²⁹⁵. Како је могуће да су две словенске државе преко ноћи напустиле своје утемељене државне идеје на почетку 20. века и да су им се на крају тог истог столећа опет вратиле — након большевизма, комунизма, социјализма. Дужни смо да у 21. веку понудимо озбиљне одговоре на питања зашто су нестале Србија и Царска Русија, као и зашто су нестале Југославија и СССР-а?

Да кажемо само толико, у вези са нашем темом, да су и Србија, и Русија биле у дубокој кризи почетком 20. века. Скрећемо пажњу јавности на један жив и емотиван поглед дописника Руског Вестника, који је извештавао са лица места о мучним и тешким тренуцима из Београда пре и након убиства краљевског пара Обреновић. Аутор И.В. Повольный описује жалост, тескобу и тугу у Београду, у јесен 1903. године, пошто се прва еуфорија «победника» стишала²⁹⁶. Пише о ономе чега нема у званичним извештајима. Тероризам, убиства министара и државних званичника, водили су постепено Русију ка револуцијама, којима је за кратко време подлегла²⁹⁷. А пре свих, подлегао је српски краљ, убијен без утврђене кривице и без суда!

²⁹⁵ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. У ратовима за национално ослобођење I. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002. С. 390–392; *Радивојевић М.* Србија и Русија 1913–1918. (необјављен текст докторске дисертације одбрањене на Универзитету у Београду, Филозофском факултету). Београд: М. Радивојевић, 2019. С. 314–362.

²⁹⁶ *Повольный И.В.* Из Сербии // Русский вестник. 1903. №7. 19746–767. Исти аутор је писао и познати текст Убийство Г.С. Щербины. Рассказ очевидца // Русский вестник. 1903. №6.

²⁹⁷ *Вејт Н.* История советского государства 1900–1991. М.: Весь Мир: Инфра-М, 1992. С. 8–30.

Пахомова Лидия Юрьевна

**ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ
В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ Г.С. ВЕСЕЛИТСКОГО-
БОЖИДАРОВИЧА В ГАЗЕТАХ «НОВОЕ ВРЕМЯ»
И «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»***

Аннотация. В статье сделана попытка систематизировать источники информации журналиста Гавриила Сергеевича Веселитского-Божидаровича (1838–1930), который работал одновременно в двух российских изданиях, весьма влиятельных в последней трети XIX — начале XX в. Он отправлял в газету «Новое время» корреспонденции из Вены под псевдонимом «Аргус» в 1884–1892 гг.; для «Московских ведомостей» в 1884–1887 гг. он писал статьи из Берлина и подписывал их «Х.Х.». Впервые в историографии воссоздается биография журналиста, которая демонстрирует, что его знакомства были весьма обширны, он желал играть значительную, но, видимо, негласную роль на международной арене. Он был не просто корреспондентом, сообщаям новости, но и политическим аналитиком, политическим публицистом. В результате исследования выявлено, что он мог сочетать несколько видов источников: статистические данные; личные наблюдения; анонимные, но достоверные источники; анонимные источники с неопределенной достоверностью; материалы прессы. Журналист, кроме случаев личного присутствия на мероприятиях, обычно не указывал имена собеседников, от которых получал те или иные сведения. Скрывая имена своих источников, даже надежных, Веселитский сам становился потенциальным источником слухов. Кроме того, передавая слухи, циркулирующие в Австро-Венгрии и Германии, он способствовал их распространению и выведению их на международный уровень.

Ключевые слова. Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович, корреспондент, источники информации, пресса, газета «Новое время», газета «Московские ведомости».

* Статья написана во время работы в Институте славяноведения РАН. Благодарю Ларису Михайловну Аржакову за бесценные советы в ходе подготовки текста.

Lidia Pakhomova

**THE SOURCES OF INFORMATION IN ARTICLES
WRITTEN BY GAVRIIL WESSELITSKY-
BOZHIDAROVICH FOR THE NEWSPAPERS
«NOVOYE VREMYA»
AND «MOSKOVSKIE VEDOMOSTI»**

Abstract. In this article, the author attempts to systematise the sources of information used by Gavriil Wesselitsky-Bozhidarovich (1838–1930), a correspondent of two influential Russian newspapers in the late nineteenth and early twentieth centuries. The journalist sent articles from Vienna under the pseudonym «Argus» to the newspaper «Novoye Vremya» from 1884–1892 and from 1884–1887, he also wrote for the «Moskovskie Vedomosti» from Berlin and signed them «X.X.». Wesselitsky's biography is presented here for the first time. His circle of acquaintances was very extensive. His life story shows he tried to play a significant, but apparently hidden, role in the international arena. The research revealed that Wesselitsky was not just a correspondent reporting on events, but also a political analyst, and he combined several types of sources in his articles: official statistics; personal observations; anonymous, but reliable sources; anonymous sources with uncertain reliability; and press material. The correspondent, except when personally present at events, did not specify the names of the interlocutors from whom he learned certain information. Therefore, almost every article contains anonymously sourced material. By hiding the names of even his reliable sources, suspicion is raised that Wesselitsky himself could be the source. At the same time, when other publications referenced articles by «Argus» or «X.X.», these articles (containing anonymous sources) instantly became reliable sources – only the link to the newspapers remained.

Keywords. Gavriil S. Wesselitsky-Bozhidarovich, Gabriel de Wesselitsky, correspondent, sources of information, press, the newspaper «Novoye Vremya», the newspaper «Moskovskie Vedomosti».

В России в 1870-е гг. широко развилась корреспондентская сеть. В дальнейшем сообщения корреспондентов стали играть важную роль в газетном деле. В историографии существуют много публикаций, посвященных истории русской прессы XIX – начала XX вв. Одними из

классических работ являются книги Б.И. Есина²⁹⁸ и Г.С. Лапшиной²⁹⁹. Историю русской печати изучали британские и американские ученые, например, Дж. Брукс³⁰⁰, Л. Макрейнолдс³⁰¹, С. Фрэнклин и К. Боуерс и др.³⁰² Современные российские исследователи также разрабатывают историю российской печати, в частности, А.И. Грибановская пишет об организации газетного дела в 1860-е – начале 1880-х гг.³⁰³ Взгляды издателя «Московских ведомостей» М.Н. Каткова были рассмотрены в работах, посвященных общественно-политической мысли в России в XIX в.³⁰⁴ Биография А.И. Суворина, выпускавшего газету «Новое время», довольно детально восстановлена Е.И. Динерштейном³⁰⁵, С.Я. Махониной³⁰⁶, И.Н. Соловьевой и В.В. Шитовой³⁰⁷. Однако работы о Каткове и Суворине содержат мало данных о корреспондентах, сотрудничавших с ними. Методы журналистской работы в XIX – начале XX века ярче всего освещены в биографии В.А. Гиляровского, одного из самых известных московских репортеров³⁰⁸.

Роль печати в международных отношениях активно изучается историками. Печати во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. посвя-

²⁹⁸ Есин Б.И. История русской журналистики XIX в. М.: Высшая школа, 1989.

²⁹⁹ Лапшина Г.С. Русская пореформенная печать 70–80-х гг. XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1985.

³⁰⁰ Brooks J. When Russia Learned to Read (Literacy & Popular Literature, 1861–1917). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.

³⁰¹ McReynolds L. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

³⁰² Franklin S., Bowers K. Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1854, Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017; Publishing in Tsarist Russia. A History of Print Media from Enlightenment to Revolution / Ed. by Y. Tatsumi, T. Tsurumi. London; etc.: Bloomsbury Academic, 2020; etc.

³⁰³ Грибановская А.М. Ежедневная газета в России: организация издания, финансовое положение, правовой статус (1860-е – начало 1880-х гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016.

³⁰⁴ См., например: Тардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978; Балчев Б.П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М.: Изд-во МГУ, 1971.

³⁰⁵ Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998.

³⁰⁶ Махонина С.Я. А.С. Суворин портрет на фоне новых книг о нем // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2001. №2. С. 108–126.

³⁰⁷ Соловьева И.Н., Шитова В.В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. М.: Изд-во Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина: Навона (Navona), 2017.

³⁰⁸ См., например: Есин Б.И. Репортажи В.А. Гиляровского. М.: 1985; Митрофанов А.Г. Гиляровский. М., 2008.

щено множество статей и книг, в том числе турецких специалистов³⁰⁹. Важнейшим трудом о прессе как инструменте внешней политики России перед Первой мировой войной стала книга Е.Г. Костриковой³¹⁰. Освещение Балканских войн на страницах русских газет изучает Н.С. Гусев³¹¹. Немецкий пример организации зарубежных корреспондентских сетей в XIX в. исследовала С. Хиллерих, которая затронула, в том числе, взаимодействие с иностранными коллегами³¹². Хотя в историографии есть большое количество публикаций по истории русской прессы, функционирование российских корреспондентских бюро за рубежом в 1880–1890-е гг. в них практически не отражено.

В настоящей статье представлены предварительные результаты исследования деятельности известного публициста и журналиста Гавриила Сергеевича Веселитского-Божидаровича. Он был корреспондентом двух влиятельных ежедневных газет — «Новое время», выходившей в Санкт-Петербурге, и «Московские ведомости». Основной целью исследования является выявление источников информации Веселитского-Божидаровича в 1880-е гг., когда он работал одновременно венским и берлинским корреспондентом.

Наиболее подробные сведения о Г.С. Веселитском-Божидаровиче как о публицисте содержит некролог, написанный выдающимся историком и политиком Р. Сетоном-Уотсоном³¹³, и статья литературоведа Ю.В. Зобнина³¹⁴. Сетон-Уотсон, занимавшийся историей международных отношений с фокусом на Австро-Венгрию, высоко оценивал журналистские таланты Веселитского, а также считал необходимым изучать его деятельность в связи с германской внешней политикой. Ю.В. Зоб-

³⁰⁹ См., например: *Isci O. Wartime Propaganda and the Legacies of Defeat: Russian and Ottoman Newspapers in the War of 1877–1878 // Russian History. Vol. 41. №2 (2014). Pp. 181–196.*

³¹⁰ *Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914. М.: Изд. центр. ИРИ, 1997; Она же. Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017.*

³¹¹ *Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020.*

³¹² *Hüllerich S. Deutsche Auslandskorrespondenten im 19. Jahrhundert: Die Entstehung einer transnationalen journalistischen Berufskultur. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2018. (Pariser Historische Studien. Bd. 110.).*

³¹³ *Seton-Watson R. W. Gabriel Wesselitsky // The Slavonic and East European Review. 1931. Vol. 9. №27. Pp. 732–735.*

³¹⁴ *Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. «Берлинские письма» (Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Ю.В. Зобнина) // История и культура. 2012. №9 (9). С. 287–410.*

нин на основе архивных данных восстановил рубрику «Берлинские письма» в «Московских ведомостях», автором которых был поэт и философ Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949), работавший секретарем Веселитского в Берлине. Сведения об участии Веселитского-Божидаровича в переговорах между герцеговинскими повстанцами, османским правительством и великими державами имеются в статье югославского историка Й. Йовановича³¹⁵, но в этой публикации не приведены ссылки на источники. Сетон-Уотсон, описывая роль российского публициста в урегулировании Герцеговинского восстания, опирался на книгу «Десять месяцев моей жизни», изданную Веселитским незадолго до смерти³¹⁶.

Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович родился в 1838 г. В Рукописном отделе Пушкинского дома сохранилась справка, составленная, видимо, самим Веселитским. Согласно документу, его предки были князьями Божидаровичами из Герцеговины. Дед — генерал Гавриил Петрович Веселитский — участвовал в Отечественной войне 1812 года. Гавриил Сергеевич писал, что сначала выбрал военную карьеру, потом поехал учиться в Гейдельбергский университет. Согласно автобиографии, после возвращения в Россию работал в Министерстве иностранных дел (МИД) помощником А.Г. Жомини, собирал материалы для занятий цесаревича по дипломатической истории России. Затем Веселитский три года путешествовал по Ближнему Востоку и стал писать для «Московских ведомостей»³¹⁷.

Когда началось восстание в Герцеговине в 1875 г., Веселитский организовал в Париже международный комитет помощи беженцам. Председателем комитета был хорватский епископ Йосип Штросмайер, организатором — сербский митрополит Михаил Йованович. Посетив лагерь беженцев в Далмации и Черногории, Веселитский-Божидарович в январе 1876 г. выступил с пламенной речью в Санкт-Петербургском Славянском комитете об их бедственном положении. Как писал Й. Йованович, весной того же года Веселитский оказался в Боснии и Герцеговине с миссией от Петербурга и Вены, чтобы вести переговоры с повстанцами³¹⁸. Есть также сведения, что лидеры повстанцев на сходе в

³¹⁵ *Jovanović J. Gavriilo Sergeevič Veselitski-Božidarovič i Hercegovачki ustanak 1875–1878 // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. XXVIII–XXX. 1977–1979. S. 147–166.*

³¹⁶ *Seton-Watson R. W. Gabriel Wesselitisky. Книга Г.С. Веселитского-Божидаровича: Wesselitisky G. Dix mois de ma vie, 1875–1876. Paris: J. Peyronnet, 1929.*

³¹⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) (далее — РО ИРЛИ). Ф. 377. Архив С.А. Венгерова. Оп. 7. Д. 819. Веселитский-Божидарович (псевд. — Аргус) Гавриил Сергеевич. 1894. Л. 3–4.

³¹⁸ *Jovanović J. Gavriilo Sergeevič Veselitski-Božidarovič. S. 156.*

местечке Сумарин выбрали его переговорщиком с Портой и великими державами³¹⁹. В автобиографии Веселитский написал, что он заключил соглашение с турецким послом в Вене, фактически дававшее Боснии и Герцеговине автономию. Великий визирь Махмуд-Недим-паша якобы известил русского посла в Константинополе Николая Павловича Игнатьева, что Порта принимает «*les points Wesselitsky*»³²⁰. Однако ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения пока не представляется возможным. В 1876 г., после начала сербско-черногорско-турецкой войны, Веселитский вступил в черногорскую армию, участвовал вместе с герцеговинцами в военных действиях. Затем поехал со специальной миссией от великого князя Николая Николаевича в Ливадию на аудиенцию к императору Александру II и цесаревичу. С началом русско-турецкой войны вступил в армию, но по болезни оставил военную службу. В 1875–1877 гг. работал корреспондентом «Голоса», в 1877–1878 гг. – венским корреспондентом газеты «Русский мир»³²¹. По свидетельствам югославского историка, на Берлинском конгрессе 30 июня 1878 г. Веселитский передал великим державам меморандум, в котором он доказывал, что Босния и Герцеговина не должны стать частью Габсбургской монархии, а остаться в Османской империи автономными областями³²². Однако в дипломатических документах не удалось пока обнаружить сведений об участии Веселитского на Берлинском конгрессе.

В 1880–1881 гг., согласно автобиографии, Веселитский был издателем за рубежом, однако он не уточнял, какие именно газеты или журналы он выпускал. В письме А.С. Суворину он упоминал, что писал статьи для немецких газет³²³. Принято считать, что Веселитский-Божидарович начал работать в 1882 г. корреспондентом газеты «Новое время» в Лондоне под псевдонимом «Аргус». (Аргус – в греческой мифологии многоглазый великан, который никогда не спит.) На самом деле первая корреспонденция из Вены, подписанная «Аргус», появилась в номере от 13 (25) сентября 1883 г.³²⁴

³¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 819. Л. 4. Об этом есть также в работах: *Seton-Watson R. W. Gabriel Wesselitsky; Jovanović J. Gavrilо Sergeevič Veselitski-Božidarović.*

³²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 819. Л. 4.

³²¹ Там же. Л. 5.

³²² *Jovanović J. Gavrilо Sergeevič Veselitski-Božidarović.* S. 164–165.

³²³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 1.

³²⁴ Под тем же псевдонимом материалы Г.С. Веселитского-Божидаровича помещались в газетах «Голос» (1886–1915), «Киевлянин» (1898), «Вечернее время» (1914–1917). См.: *Зобнин Ю.В.* Вяч. Иванов. С. 345.

Чтобы познакомить читателей со славянским населением Австро-Венгрии и популяризировать в России славянскую идею журналист написал цикл материалов, основанных на поездках по Дунайской монархии. Он назвал его «Славянские письма». Осенью 1885 г. Веселитский завершил этот цикл по требованию Суворина, который прямо заявил ему, что «Славянские письма» скучные и нужно писать «хоть вздор, да о крупном»³²⁵. С тех пор корреспонденция Аргуса переориентировалась на международную повестку — журналист стал писать о германской и британской внешней политике, об австро-германских отношениях, о делах на Балканах. Таким образом, корреспондент выполнил требование издателя и редактора.

Однако такая трансформация обусловлена не только требованием Суворина, но еще и тем, что Веселитский в 1884 г. начал работать берлинским корреспондентом газеты «Московские ведомости». Свои материалы для нее он подписывал «Х.Х.»³²⁶. Видимо, Веселитский скрывал, что работал одновременно для двух конкурирующих газет. В архиве Суворина сохранилось письмо, в котором корреспондент упоминает, что сотрудничает с научно-техническим изданием³²⁷. Х.Х. писал статьи в «Московские ведомости» до февраля 1887 г.

Официальным властям Веселитский был известен не только в качестве журналиста. В австрийском *Архиве* императорского дома, двора и государства хранятся материалы наблюдения за ним³²⁸. В этих делах, составленных Информационным бюро австро-венгерского министерства иностранных дел, он назван не только корреспондентом, но и политическим агентом и панславистским агитатором. Несколько дел посвящено многолетним связям журналиста с боснийским беженцем в Вене и политическим деятелем Петаром Узелацем, которого Беньямин Калаи, будучи еще генеральным консулом в Белграде в 1868–1875 гг., называл «опасным агентом»³²⁹. Однако Веселитский не скрывался, а открыто приезжал в Вену и жил в «Гранд-Отеле»: в объявлениях о постояльцах гостиниц в официальной газете «Винер Цайтунг» (*Wiener Zeitung*) появлялась сообщения о нем³³⁰.

³²⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 14 об.

³²⁶ *Зобнин Ю.В.* Вяч. Иванов. С. 295.

³²⁷ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 9 об.

³²⁸ Österreichisches Staatsarchiv / Haus, Hof, Staatsarchiv (далее — OeStA/HHStA). MdÄ IV Akten 112; 379–2740; 273/274–251; 169–2777; 58–893; 183–2302; 228–1074.

³²⁹ *Дневник Беньямина Калаја, 1868–1875 / Обрада и коментар А. Раденић.* Београд; Нови Сад: Историјски институт у Београду: Институт за историју Војводине у Новом Саду, 1976. С. 129–130.

³³⁰ *Wiener Zeitung.* 8. September 1883. №207; 26. September 1885. №220; 19. Juni 1886. №139.

У российского посла в Вене Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского в 1885 г. были сведения о том, что корреспондент «Нового времени» Аргус — Веселитский-Божидарович, который жил в Дрездене, но при этом указывал, что отправляет сообщения из Загреба, организовал и возглавил Боснийский революционный комитет. По информации МИД, средства революционный комитет получал от Славянского благотворительного общества. Посол писал, что Веселитский и его соратники готовили восстание весной 1886 г.³³¹ Хотя известно, что Веселитский поддерживал отношения со Славянским благотворительным обществом³³², в литературе и в источниках пока не обнаружены другие сведения о революционном комитете в 1880-е гг.

Известно, что в 1880-х гг. Веселитский участвовал в сербских делах, в частности, в деле развода королевской четы Обреновичей. А.В. Богданович вспоминала: «Веселитский рассказал, как он поехал от королевы Наталии к Шувалову [Петру Андреевичу Шувалову, российскому послу в Берлине в 1885–1894 гг. — Л.П.] просить, чтобы Россия заступилась за нее, и ей оставили бы ее сына. Он в 5 часов утра разбудил Шувалова, который при нем получил депешу из Петербурга не вмешиваться в это дело. Веселитский, по его словам, получил в Берлине прозвание «*Le cavalier de la reine*» («Кавалер королевы» — *фр.*)»³³³. Однако в документах, касающихся развода, не упоминается даже имя российского журналиста³³⁴.

Весной 1892 г. германские власти выслали Веселитского-Божидаровича из страны. Поводом стали слухи и, как писал сам Веселитский, клевета. Созданное им осенью 1887 г. корреспондентское бюро *Allgemeines Reichs Correspondenz (Arc Bureau)* со ссылкой на слухи из Вены распространило телеграммы о болезни турецкого султана, а агентство «Рейтер» (*Reuters*) и газета «Таймс» (*The Times*) перепечатали эти сообщения со ссылкой на *Arc Bureau*. Берлин и Стамбул посчитали это намеренной дезинформацией и потребовали отъезда журналиста из Германии, о чем Веселитский, подписавшись своим именем, дал объяснение в газете «Новое время» (20 мая 1892, №5827).

³³¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 759/764. Л. 127–129.

³³² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 934. Оп. 2. Д. 303. Л. 1.

³³³ Богданович А.В. Три последних самодержца. М.; Л.: Издательство Л.Д. Френкель, 1924. Цит. по: Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. С. 342.

³³⁴ Rajić S. Краљица Наталија и Русија — од развода до преверавања // Српске студије = Serbian Studies. 2013. Књ. 4 / Vol. 4. С. 231–252.

Еще будучи корреспондентом в Вене и Берлине, Веселитский несколько раз ездил в Лондон. После высылки он уехал именно в британскую столицу. Из Англии — в первый раз под своим полным псевдонимом «Аргус» — он отправил сообщение в августе 1894 г. И в дальнейшем он более 20 лет был лондонским корреспондентом «Нового времени». В автобиографии Веселитского написано, что он был президентом «Лондонского Общества всемирной иностранной печати» со дня его основания. Однако объединение иностранных корреспондентов в Лондоне «Ассоциация иностранной печати» (*Foreign Press Association*) учредили в 1888 году два французских журналиста, первым президентом был Герман Поллак, писавший для австрийских и германских газет. Веселитский был избран главой *FPA* в 1896 г., занимал этот пост до 1910 г.³³⁵ Его работа, отношения с издателем и политическими деятелями в 1908–1909 гг. затрагиваются в книгах Е.Г. Костриковой³³⁶. Примечательно, что после Боснийского кризиса министр иностранных дел Австро-Венгрии Алоиз Эренталь для восстановления отношений с Россией прибегнул к посредничеству Веселитского: в декабре 1909 г. министр беседовал с корреспондентом, попросив передать содержание разговора шефу российской внешней политики А.П. Извольскому. Интервью с Эренталем появилось в «Новом времени» 6 января 1910 г.³³⁷ После Первой мировой войны и двух революций 1917 г. Веселитский-Божидарович остался в Великобритании. По сведениям его внука Майкла Мерримена (в 1930-е гг. сын Веселитского, Сергей, взял фамилию Мерримен), Гавриил Сергеевич дружил с королем Эдуардом VII, во время Парижской мирной конференции был консультантом британского правительства по вопросам послевоенного устройства на Балканах, с 1918 до самой смерти в 1930 г. был советником Форин Офиса³³⁸.

Таким образом, биография Г.С. Веселитского-Божидаровича демонстрирует, что его знакомства были весьма обширны, он старался играть значительную, но, видимо, негласную роль на международной арене, чем пользовались общественные и политические деятели.

Мы бы хотели отметить проблему, с которой столкнулись во время исследования корреспонденций. Это технологический вызов. Ежеднев-

³³⁵ Hillerich S. Deutsche Auslandskorrespondenten. S. 72–75.

³³⁶ Кострикова Е.Г. Русская пресса. С. 133–135; Она же. Геополитические интересы России. С. 178–184.

³³⁷ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России. С. 178–180.

³³⁸ Merriman M. Cosmopolitan Family Story. Manuscript. 1990. P. 36. (Рукопись сшита в виде книги, составлена внуком Г.С. Веселитского Майклом Меррименом в 1990 г. для пользования семьи; электронная копия передана автору статьи потомками Г.С. Веселитского. — Л.П.).

ные газеты с двумя выпусками, утренним и вечерним, — массовый источник, при изучении которого необходимо анализировать большое количество текста. Дигитализация решила бы насущную проблему анализа больших данных. Базы российских и советских периодических изданий не включают архивы газет «Московские ведомости» и «Новое время»; эти газеты пока только микрофильмированы в главных библиотеках страны. Поэтому на данном этапе нам пришлось считать вручную, что снижает точность результатов.

Если говорить о количестве статей, то их было в «Новом времени»: в 1883 г. — всего шесть, в 1884 — 40, 1885 — 41, 1886 — 50, 1887 — 40, 1888 — 29, 1889 — 23, 1890 — 26, 1891 — 33, 1892 — 22. Как упоминал сам Веселитский, всего он отправлял в Петербург пять — шесть статей в месяц, редакция публиковала не все из них³³⁹. Объем статей в среднем в корреспонденциях — около 9–10 тысяч знаков.

Веселитский-Божидарович использовал следующую практику: посылая корреспонденцию, он стремился создать впечатление, будто она отправлена из другого города. При этом он не подписывался своим псевдонимом Аргус. Так, из переписки с издателем Сувориным, сохранившейся в Российском государственном архиве литературы и искусства, известно, что, находясь в Вене, Веселитский отправлял ему материалы, написанные якобы в Сараеве³⁴⁰. Поэтому невозможно с точностью определить, сколько в действительности материала опубликовано Веселитским-Божидаровичем, тем более что он ежедневно отправлял новостные телеграммы. Кроме того, ему в написании корреспонденций помогли секретари³⁴¹.

Что касается «Московских ведомостей», количество статей под псевдонимом Х.Х. колеблется от 21 до 38 в год: в 1884 г. было опубликовано 33 материала, в 1885 — 32, в 1886 — 38, в 1887 — 4. Объем материалов составляет в среднем 12–13 тысяч знаков. Как полагает Ю.В. Зобнин, корреспонденцию Х.Х. писал сам Веселитский, его помощник Вячеслав Иванов лишь редактировал ее. Однако после разногласий из-за русско-германского договора перестраховки (издатель «Московских ведомостей» М.Н. Катков был против соглашения, тогда как Веселитский-Божидаровичего поддерживал и, по его собственным словам, принимал участие в переговорах и составлении текста вместе с братьями Шуваловыми) статьи Х.Х. с февраля 1887 г. в «Московских ведомостях» больше не появляются. С 13 (25) февраля по 5 (17) ноября 1887 г. корреспонденции из Берлина публикуются анонимно. Зато осенью того же года появ-

³³⁹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 27.

³⁴⁰ Там же. Л. 9 об.

³⁴¹ Там же. Л. 38.

ляются материалы «С-ева». Летроним был производным от отчества Г.С. Веселитского-Божидаровича («С<ерге>евъ») и служил коллективным псевдонимом сотрудников *ArcBureau*³⁴². Поскольку невозможно выявить, какие именно статьи принадлежат перу Веселитского, мы проанализируем корреспонденции, подписанные «Х.Х».

Судя по всему, стремление сохранить анонимность источников, а также самих корреспондентов входило в журналистский стандарт того времени. В одной из своих статей Аргус пытается угадать, где мог бы находиться российский корреспондент венской «Винер Альгемайне Цайтунг» (*Wiener Allgemeine Zeitung*). Аргус предполагает, что его австрийский коллега живет в Петербурге, а не в Москве. Сам Веселитский также старался скрывать свою личность, переписка с издателем велась только через секретаря, не знавшего русский язык. Письма приходили в Сербское кафе в Вене³⁴³. В первое время, когда Веселитский выбирал псевдоним, он думал взять имя «Сергеевич», потому что, по его мнению, под этим может скрываться кто угодно: серб, поляк, русский³⁴⁴.

Необходимо отметить что материалы, подготовленные для печати, проходили цензуру. Не были исключением и материалы Веселитского-Божидаровича. Причем цензура могла быть двойной: все телеграммы проходили проверку австро-венгерской телеграфной службой, а российские цензоры читали сообщения, предназначенные для публикации в газете. Корреспондент жаловался своему издателю А.С. Суворину, что агентства не передают его сообщения, а корреспонденции для газеты вырезаются цензорами³⁴⁵. Журналист возмущался тем, что вычеркнули даже неоднократно упоминавшийся в прессе факт о встрече сербского короля Милана Обреновича с болгарским князем Александром Баттенбергом³⁴⁶.

Согласимся с характеристикой публицистического стиля Веселитского-Божидаровича, данной Ю.В. Зобниным, как стремящегося «к предельной информационно-аналитической насыщенности текста. Язык его статей органически чужд изобразительной описательности, избегает художественных красот»³⁴⁷. Веселитский был не просто корреспондентом, сообщаящим новости, но и тем, кого мы бы назвали сейчас политическим аналитиком. Сам он так писал о своих задачах:

³⁴² Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. С. 315.

³⁴³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 3 об.

³⁴⁴ Там же. Л. 3. Веселитский частично реализовал свою идею, используя псевдоним «С-ев» для корреспонденций из Берлина для «Московских ведомостей».

³⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 11–13.

³⁴⁶ Там же. Л. 3.

³⁴⁷ Зобнин Ю.В. Вяч. Иванов. С. 298.

«...корреспондент должен не ограничиваться передачей слышанного им, и еще от официальных лиц, а стараться проникнуть вглубь действительных фактов, составить по ним собственное мнение и представить его публике. Всего этого можно требовать от корреспондента, но не следует забывать, что он не историк. Трудно и в описании событий, закончившихся, вполне известных по всесторонним данным, указывать на их внутренние причины, особенно на личные мотивы главных деятелей; насколько труднее это в изложении событий совершающихся!»³⁴⁸

Веселитский действительно анализировал разные сценарии развития политических событий, как например, обсуждение кандидатур на болгарский княжеский престол взамен Александра Баттенберга («Новое время», 12 ноября 1885, №3488). Иногда публицист делал прогнозы — некоторые из них сбывались. В частности, он предрекал, что австро-германский союз в системе союзов окажется крепким и продлится долго («Новое время», 9 октября, №1884). Однако есть и примеры, когда ожидания корреспондента не оправдывались. В частности, публицист ошибался, полагая, что общий министр финансов Габсбургской монархии Бенъямин Каллаи возглавит общеимперское внешнеполитическое ведомство, хотя и отметил, что он не решил еще задачу по интеграции оккупированной Боснии («Новое время», 12 апреля 1890, №5070).

Источники, которые использовал венский и берлинский корреспондент, можно разделить на несколько типов:

- 1) статистические данные;
- 2) личные наблюдения;
- 3) анонимные, но достоверные источники;
- 4) анонимные источники с неопределенной достоверностью;
- 5) материалы прессы.

Статистические данные

Одним из источников, которым стоит доверять и которые считал достоверными сам Г.С. Веселитский, являются статистические данные. Так, Аргус для статьи в «Новом времени» излагал результаты двух переписей в Боснии и Герцеговине после оккупации — в 1879 и 1883 гг. (29 ноября 1884, №2786). Журналист приводил сведения о численности жителей в небольшой сравнительной таблице и объяснял ее динамику.

Несколько десятков статей с различными сведениями об оккупированной Боснии и Герцеговине, вышедшие в 1883–1884 гг., хранятся в отдельной папке в фонде Второй (газетной) экспедиции Архива внеш-

³⁴⁸ Московские ведомости, 16 января 1886, №16.

ней политики Российской империи³⁴⁹. В числе этих материалов находятся и четыре статьи Аргуса, где есть официальные данные.

Примером использования статистических данных в корреспонденции для «Московских ведомостей» могут служить данные о бюджете испанского флота (19 ноября 1885, №320). Здесь Х.Х. в корреспонденцию также вставил таблицу со статьями расходов. При этом журналист знал и о том, что Германия тратит на флот меньше, но намного эффективнее.

Личные наблюдения и свидетельства

Яркие личные наблюдения обнаруживаются в описании поездок, в частности, в цикле «Славянские письма» в газете «Новое время». Для написания цикла журналист изначально планировал за год объехать Австро-Венгрию, Сербию и Македонию. Но плану Веселитского не суждено было осуществиться: периодически ему приходилось возвращаться в Вену, где был центр политической жизни монархии и решались общеевропейские дела. Под заголовком «Славянские письма» выходила вся корреспонденция Аргуса до сентября 1885 г. Всего было опубликовано 56 материалов. В путевых заметках корреспондент рассказывал об истории посещаемого города, описывал местность и природу, передавал местные новости.

Личные свидетельства корреспондент приводил, когда присутствовал на разных мероприятиях, как то: концерты, лекции, балы, приемы у послов, празднование дня рождения российского императора в Германии, свадьба дочери Н.К. Гирса во Франценсбаде, похороны германского императора Вильгельма в Берлине и т.д. Однако прежде всего корреспондента привлекали политические события, поэтому Веселитский из того же Франценсбада, кроме свадьбы, описывал и встречу российского министра иностранных дел России Гирса и германского канцлера Отто фон Бисмарка («Новое время», 22 августа 1886, №3764). В августе 1885 г. Веселитский-Божидарович отправлял корреспонденцию — четыре «Письма из Кремзира» (ныне Кремерж) о встречах австрийского и российского императоров. Журналист был явно воодушевлен, ему нравилось «свидание двух славянских царей», как он назвал встречу Франца Иосифа и Александра III, подчеркивая, что император-король все время говорил по-чешски («Новое время», 1885: 17 августа, №3401; 18 августа, №3402; 20 августа, №3404; 21 августа, №3405).

Кроме репортажей с мест, где происходили международные события, корреспондент сообщал и о внутренней политической жизни. Например, весьма подробно Веселитский написал о речах, произнесенных

³⁴⁹ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. Д. 353.

в германском рейхстаге 9 мая 1884 г. и посвященных продлению Исключительного закона о социалистах. Поскольку политики узнали о продлении уже 8 мая, речи, по выражению Х.Х., произносились вяло и неохотно, «формы ради»: «Рихтер мямлил невнятно», «Виндтгорст... пробормотал несколько слов», Бисмарку «недоставало главного источника его вдохновения — раздражения, гнева» («Московские ведомости», 12 мая 1884, №130). В конце апреля 1890 г. Аргус писал из Вены об обстановке в связи со стачкой рабочих в пригороде и их угрозах пойти маршем на столицу. Телеграфные агентства не передавали сообщения о стачке, о вводе войск в Вену и о том, что в итоге протесты утихли, поэтому журналисту пришлось отправить корреспонденцию по обычной почте («Новое время», 30 апреля 1890, №5081).

В корреспонденциях также встречаются сюжеты о личных встречах и беседах с различными деятелями. В частности, в 1885 г. публицист встречался с художником В. В. Верещагиным («Новое время», 28 октября 1885, №3473, 30 октября 1885, №3475). Когда умер настоятель православной церкви при российском посольстве в Вене, видный общественный деятель М.Ф. Раевский (1811–1884), Веселитский выпустил большую статью с воспоминаниями о нем («Новое время», 22 мая 1884, №2956). В память о после в Берлине Н.А. Орлове (1827–1885) вышел материал в «Московских ведомостях» (27 марта 1885, №83).

Анонимные, но достоверные источники

Для описания политической ситуации, чему корреспондент уделял больше всего внимания, он часто прибегал к разговорам с разными людьми. Здесь можно выделить два типа бесед. Первый — встречи и разговоры с политическими и общественными деятелями, чиновниками. При этом Веселитский всегда скрывал имя своего источника. Но источники этого типа вызывали доверие самого журналиста, он в них не сомневался. Ссылаясь на них, как правило, он писал: «Мне сказал один здешний политик».

В письмах А.С. Суворину журналист открыто указывал, что встречался с австро-венгерскими министрами Густавом Кальноки и Беньямином Каллаи³⁵⁰, а также российским министром Н.К. Гирсом³⁵¹. В 1885 г. в письмах издателю М. Н. Каткову берлинский корреспондент приводил слова сына канцлера Отто фон Бисмарка: «Отец мой очень ценит последовательность и настойчивость, с которыми господин Катков проводит национальную русскую политику, в то же время и политику

³⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 12.

³⁵¹ Там же. Л. 21–22.

мира и дружбы с Германией»³⁵². Таким образом, корреспондент по праву хвастался на страницах «Нового времени» и «Московских ведомостей», что у него источники в разных кругах, в том числе в высших. Однако он отмечал, что с ним беседуют «как с политиком, а не корреспондентом»³⁵³.

В одном из писем Суворину Веселитский договорился о некоем коде: если он будет писать «высокопоставленный чиновник», значит, имеет в виду источник уровня министра³⁵⁴. В другом письме из Вены, планируя поездку в Сербию и Болгарию, корреспондент просил Суворина запомнить, что будет в сообщениях использовать следующий код: *beste Quelle* (нем. «лучший источник») — для высших русских представителей, *gute Quelle* (нем. «хороший источник») — для источника из правительства соответственно местонахождению самого Веселитского³⁵⁵. Журналист иногда указывал пост, который занимал его источник: «...мне пришлось разговаривать с высшими представителями двух великих держав и бывшим, а некоторые говорят и с будущим, министром иностранных дел» («Новое время», 11 ноября 1885, №3487). Иногда Веселитский прибегал к обобщению безымянных, но заслуживающих доверия свидетельств. Так, в номере 3473 «Нового времени» (28 октября 1885 г.) он отмечал: «... в самых серьезных, компетентных кругах, — не говорю, что слышал это вчера или сегодня и от одного какого-либо лица» (речь идет о желании заключить русско-австрийское соглашение).

Журналист вел беседы и с российским послом в Вене Алексеем Борисовичем Лобановым-Ростовским. В статьях так же нет ссылок на него лично. В письме издателю «Нового времени» Веселитский писал, что посол настоятельно просит не указывать его имя. Поэтому корреспондент предупредил своего издателя, что использует для сведений от Лобанова-Ростовского фразу «Мне положительно стало известно»³⁵⁶. Это и было напечатано в номере 3506 (30 ноября 1885) в пассаже о планах князя Кантакузена создать в Болгарии общество Красного Креста и в номере 3606 (14 марта 1886) — о покровительстве русского руководства чехам во время оккупации в Болгарии.

К фразам, за которыми корреспондент скрывал достоверные источники, вероятно, относятся: «источники, исключаяющие возможность

³⁵² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 120. П. 22. Ед. хр. 9. Л. 163.

³⁵³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 10.

³⁵⁴ Там же. Л. 14.

³⁵⁵ Там же. Л. 25.

³⁵⁶ Там же. Л. 13.

сомнения», «из очень хорошего источника я знаю», «мне сообщают из очень серьезного источника», «на основании вернейших данных», «по справкам, тщательно наведенным мной, и в лучших местных источниках», «как мне хорошо известно», «по мнению моего компетентного источника», «мне передали люди, заслуживающие полного доверия». Тем не менее, у нас нет ключа к этим шифрам, как в случае с послем А.Б. Лобановым-Ростовским. Поэтому мы не можем утверждать, что именно эти слова отображают анонимные, но достоверные источники.

Журналист в своей корреспонденции из Вены в качестве источника сведений использовал также заметки и частные письма, например, знакомых из Константинополя («Новое время», 7 мая 1886, №3658.), из Видина («Новое время», 27 июля 1886, №3738), из Белграда и Цетинья («Новое время», 20 января 1890, №4991), о воспоминаниях некоего своего друга, южнославянского происхождения, чья фамилия начинается на Б. («Новое время», 12 января 1888, №4264). Во время болгарского кризиса он поместил в своей корреспонденции сообщение двух «русских деятелей, хорошо знающих страну и часто имевших случай видеть ее нынешнего владетеля [Александра Баттенберга]» («Новое время», 5 декабря 1885, №3511).

Веселитский-Божидарович приводил цитаты из бесед не только с политическими и общественными деятелями, но и со случайными попутчиками. Для передачи атмосферы он наделял разговоры деталями.

«Еду, чтоб еще повидаться с нашим Бисмарком», говорит он [попутчик], «я его знаю и он меня знает; даже писал мне однажды». Он рассказал затем весьма подробно, как летом 1883 года отправился на какое-то собрание добровольных пожарных в южную Германию и, узнав о проезде князя-канцлера в Гаштейн, явился на одну станцию, близ Мюнхена, и стал у его вагона. Бисмарк, выходявший на станцию заметил его, подошел и спросил: откуда он? («Московские ведомости», 7 января 1885, №7).

Прямую речь журналист обычно использовал, когда ему требовалось подтвердить свою мысль. Описанием встречи с участником собрания добровольных пожарных Веселитский проиллюстрировал популярность канцлера Бисмарка среди простых жителей Германии.

Зато как старательно он [Бисмарк] пользуется каждым случаем встречи с крестьянином, рабочим, промышленником и как он входит в положение этих людей, узнает об их нуждах, сравнивает свои наблюдения и часто по ним исправляет свои теории! Вот эта-то сторона жизни германского канцлера и делает его таким любимцем народа. («Московские ведомости», 7 января 1885, №7).

Анонимные источники с неопределенной достоверностью

После того, как Суворин попросил писать «хоть вздор, да о крупном», а рубрика «Славянские письма» перестала выходить (последний материал — о Боснии и Герцеговине — был напечатан в «Новом времени» 13 сентября 1885, в номере 3428), журналист полностью переключился на международную повестку, а в корреспонденциях чаще можно встретить указание на слухи как на источник информации. Веселитский отмечал: «Прежде писал обработанные, углубленные статьи (мои «Слав[янские] п[исьма]»), которые Вы находили — и справедливо — недовольно актуальными. Теперь передаю одни известия: и то черпаю из лучших источников»³⁵⁷, — и подчеркивал: «Я не могу... довольствоваться известиями из вторых рук»³⁵⁸. В «Московских ведомостях» Х.Х., хотя и писал статьи репортажного жанра о внутренней политике Германии, особенно о партийной и парламентской работе, но также приводил слухи, особенно если они касались колониальной и внешней политики Германии и международных отношений. Однако представляется, что Веселитский-Божидарович чаще посылал основанные на слухах корреспонденции для «Нового времени», а не для «Московских ведомостей».

Поскольку Г.С. Веселитский-Божидарович был корреспондентом в Вене и Берлине, он много уделял внимания внутренней политике Австро-Венгрии и Германии, а также отношению австро-венгерских и германских политиков к событиям в Европе, особенно на Балканах. Он стремился рассматривать международные проблемы через призму российской внешней политики, хотя и не являлся представителем МИДа.

Журналист и в той, и в другой газете использовал следующие выражения: «ходят слухи», «есть слухи», «поддерживаются слухи». В статьях употреблял и словосочетания «мне здесь приходится слышать», «я слышал», «рассказывают здесь», «шли толки», «говорят», «как уверяют», «поговаривают», «из дипломатических кругов я слышу», «говорят повсюду», «из нескольких случайных источников я узнал», «очень комментируется», «на основании устных рассказов, которые я слышал», «мне передают». Сюда же можно отнести не только прямое указание на слухи, но и слова, отражающие одновременно осведомленность и сомнение, как например, «вероятно», «видимо», «кажется», «будто бы».

Если попытаться группировать темы слухов в статьях Аргуса в «Новом времени», то в 1883–1884 гг. в «Славянских письмах» это были отношения между Цислейтанией и Транслейтанией, обсуждение положе-

³⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 13 об.

³⁵⁸ Там же. Л. 23.

ния славянских народов, их связи с Россией; в 1884–1887 гг. на первый план вышли болгарские проблемы (сербо-болгарский конфликт, объединение, выбор князя) и Болгария как фактор в политике соседних балканских государств и великих держав; в 1888 г. — болезнь и смерть кайзера Вильгельма I, новый император Германии Вильгельм II, публикация Бисмарком австро-германского договора 1879 года; в 1889 — смерть эрцгерцога Рудольфа, критское восстание; в 1889–1892 — австро-германский союз, формирование блоков (переговоры России и Франции; Германии, Австро-Венгрии и Италии; Великобритании и Тройственного союза), восточная политика Германии, отношения между Германией и Англией, болгарская политика, Австро-Венгрия на Балканах, в первую очередь австро-сербские отношения.

Такое же большое количество тем было в корреспонденциях Х.Х. из Берлина. В 1884 г. Веселитский для «Московских ведомостей» приводил слухи о суде над Юзефом Крашевским, антианархистской политике, делах на бирже, англо-германском антагонизме; в 1885 г. статьи были посвящены болгарскому кризису, англо-германским и англо-французским отношениям, в 1886-м — польскому вопросу, австрийской внешней политике, возможности русско-австро-германского соглашения, балканским делам, англо-германским переговорам; в 1887-м корреспондент сконцентрировался на проблеме, которая появилась в предыдущем году: берлинская биржа и обсуждение кредита России. Темы корреспонденций Веселитского-Божидаровича, основанных на слухах, не ограничены перечисленными. На протяжении десяти лет в фокус журнала попадало множество других вопросов.

Необходимо отметить, что сомнение в передаваемой информации или указание на слухи означает, что Аргус критически относился к информации, поступающей к нему, и пытался оценить ее достоверность. Так, в номере 3595 «Нового времени» (3 марта 1886) он напечатал: «Я привожу слухи, чтобы показать общественные настроения, хотя считаю сами слухи нелепыми». Или: «Совершенно невероятный слух ходит в политических кругах Вены. Лорд Солсбери прозрел будто наконец тщетность своих усилий. Он намерен искать сближения с Россией. Я смеялся» («Новое время», номер 3798, 25 сентября 1886). Или в номере 4322 (11 марта 1888): «Благодаря всеобщему любопытству и множеству сношений и связей со столицей Германии, здесь можно услышать много преувеличенного и не выдерживающего строгой критики» (речь идет о смерти германского кайзера Вильгельма I и болезни его наследника Фридриха III). Или в номере 3745 (3 августа 1886): «Если сотая доля верна в рассказах, передаваемых в наилучше извещенных кружках Вены...» (статья посвящена австро-германским отношениям).

В статье, подписанной «Х.Х.» и напечатанной в «Московских ведомостях», Веселитский проявлял критическое отношение к информации о популярности Бисмарка: «...почти каждый раз случается слышать от кого-нибудь в дороге рассказ о встрече его или его родных или друзей с князем Бисмарком. Конечно, бывает заметно и влияние воображения: иные рассказы уже первая ступень к образованию легенды». («Московские ведомости», 7 января 1884, №7).

Так Веселитский-Божидарович подчеркивал, что отличает ложные или приукрашенные сведения от правдивых. Когда он приводил недостоверную информацию, то часто это фиксировал. Однако поскольку он публиковал ее в газете, значит, в то же время и распространял слухи.

Иногда Веселитский, когда писал, ссылаясь на слухи, обещал провернуть их, как было с сообщениями, циркулировавшими в австро-венгерских правительственных кругах, о восстании в Герцеговине («Новое время», 14 апреля 1884, №2918). В номере же 2976 (12 июня 1884) корреспондент сообщил, что слухи подтвердились, но протесты оказались всего лишь мелкой стычкой между местными и австро-венгерскими военными.

Случалось, что Веселитский в своих статьях намеренно опровергал слухи, однако при этом он использовал анонимный источник. Например, в «Новом времени», в номере 4903 (22 октября 1889): «По поводу распространившегося слуха и поездке бывшего князя болгарского на свидание с его незаконным преемником, могу сообщить вам следующие совершенно верные сведения».

Пресса

Некоторые сведения Веселитский черпал из газет, в основном местных: в его корреспонденции встречаются фразы «в прессе говорилось», «газеты писали», «я прочел в венских газетах». При этом Веселитский с досадой написал в номере 3110 «Нового времени» (24 октября 1884), что дипломаты все время пересказывают разговоры друг друга и что для них типичны фразы «газеты пишут» или «говорят». Корреспондент иногда приводил и прямые слухи из газет: «в газетах не раз появлялись слухи». При этом на «Московские ведомости» Аргус в «Новом времени» ни разу не сослался, хотя в одной из заметок упоминает издателя М.Н. Каткова («Новое время», 30 августа 1891, №5568). В корреспонденции для «Московских ведомостей» Х.Х. так же не цитировал «Новое время».

Когда корреспондент ссылался в своих статьях на конкретные газеты, как правило, он не указывал, статью какого именно журналиста имеет в виду. В номере 5136 «Нового времени» (18 июня 1890) Аргус выражал возмущение по поводу фразы венгерской «Пестер Ллойд»: «Как

бы с намерением отнять у них [сербов Княжества] последнюю иллюзию, официозный “Pesther Lloyd” торжественно провозглашает, что борьба должна привести к падению “людей, без основания и без причины изменивших отношение, в коем Сербия находилась к Австро-Венгрии и которое всякое (!) оказывалось столь полезным (!) сербскому народу”».

В одной из больших корреспонденций для «Московских ведомостей» Веселитский все же указал на автора: «Странно было на днях читать не в вольномыслящем или социал-демократическом, а в официозном органе, Гамбургском Корреспонденте (там писал и еще пишет Ю. Эккерт), изображение страданий всех отраслей труда и деятельности в Германии...». («Московские ведомости», 30 июля 1886, №208).

Корреспондент хоть и редко, но отвечал на реакцию на свои статьи. Так, на упрек читателей «Нового времени» в том, что он называет свои письма из Вены славянскими, а не австрийскими, журналист с жаром возражал, что половина столичного населения славяне, большинство жителей многонациональной Габсбургской монархии — славяне, так что государство вполне могло бы называться «Славия» («Новое время», 21 февраля 1884, №2867).

В № 16 от 16 января 1886 г. «Московских ведомостей» Веселитский, проанализировав выгоды русско-германско-австрийского договора и отметив, что Бисмарку в первую очередь важны интересы его страны, в конце приписал: «Если не обманывают все симптомы, то наши дни особенно благоприятны для широкого осуществления, мирным путем, главнейших из исторических задач России...».

В № 46 от 15 февраля 1886 г. Х.Х. отвергал обвинения, появившиеся в русской печати после публикации этого материала о роли соглашения на Балканах. Журналиста обвиняли в пособничестве германским планам. Веселитский подчеркивал: цель всех его корреспонденций из Берлина — это обратить внимание на интересы России. В 1886–1887 гг. шла газетная полемика между Россией и Германией. Следовательно, на этот период приходится больше всего ссылок на прессу в статьях Х.Х. для «Московских ведомостей». Летом 1886 года ему пришлось реагировать на замечания германских газет после появления в «Московских ведомостях» редакционной статьи в поддержку союза с Францией. Веселитский оказался в сложном положении: статья была написана не им, а сам он выступал за русско-германский союз. Он вынужден был ответить в одном из своих материалов лишь в том ключе, что он защищает интересы своей страны, а не занимает чью-то сторону (7 августа 1886, №216). Во время этой газетной полемики, в феврале 1887 г., была напечатана последняя статья, подписанная Х.Х. В ней Веселитский косвенно определил одну из функций слухов в прессе: их распростра-

няет правительство с целью вызвать реакцию на актуальный, обсуждаемый в тот момент вопрос. «Сегодняшние слухи говорят прямо об *ожидании* берлинским кабинетом *ответа* Франции, “от которого будут зависеть дальнейшие решения Германии”» (слова курсивом выделены в газете. — Л.П.). («Московские ведомости», 5 февраля 1887, №36).

В ходе исследования удалось установить, что в одной корреспонденции Г.С. Веселитский-Божидарович мог использовать разные источники информации. Естественно, в репортажах главную роль играли личные наблюдения, статистические данные больше применялись в аналитических статьях. Журналист, кроме случаев личного присутствия на мероприятиях, почти никогда не указывал имена собеседников, от которых получал те или иные сведения, то есть почти в каждом материале приводил анонимные сообщения. Вероятно, подобный метод работы был связан с тем, что в последней трети XIX в. еще только оформлялись службы, отвечающие за связи с прессой, как например, Литературное бюро (*Literarisches Büro*) Австро-Венгерского министерства иностранных дел. Скрывая имена своих источников, даже надежных, Веселитский сам становился потенциальным источником слухов. В то же время, если на статьи Аргуса или Х.Х. ссылались другие издания со следующими фразами: «“Новое время” пишет», «“Московские ведомости” сообщают», корреспонденция с анонимным источником трансформировалась в надежный источник. Анонимные собеседники исчезали и оставалась только ссылка на газету. Такое явление, видимо, было обусловлено тем, что читатели и другие органы печати знали: источники хоть и не названы, но могут быть достоверны. Возможно, не зря в 1889 г. Веселитский писал Суворину: «У Вас первый в России орган, у меня лучшие источники о венской политике»³⁵⁹.

Подтвердить подлинность сообщений корреспондента, который ссылается на анонимные источники, трудно, так как на протяжении восьми рассматриваемых лет Веселитский опубликовал статьи на самые разные темы. Не разбираясь во всех этих вопросах, сложно говорить о достоверности всей информации, приведенной в статьях, тем более что публицист в одном материале искусно сочетал сведения, чей источник он не хотел раскрывать, со слухами, циркулировавшими в Австро-Венгрии и Германии, с услышанным и увиденным лично, а также с сообщениями в прессе. В определении того, как журналист формировал материалы, помог бы его архив. Однако, по сведениям потомков Веселитского, перед смертью он завещал сжечь все 11 сундуков писем и его вдова исполнила это завещание.

³⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 678. Л. 39 об.

Когда Г.С. Веселитский-Божидарович ссылался на существовавшие слухи, он способствовал их распространению и тем самым выводил местные австро-венгерские и германские неподтвержденные сообщения на международный уровень. Изучение того, как распространялись эти слухи в других газетах и журналах, — задача для большого исследования с применением новых технологий измерения цитирования и влияния изданий.

Хлебникова Варвара Борисовна

**РУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ
И ЧЕРНОГОРСКОЕ КНЯЖЕСТВО-КОРОЛЕВСТВО
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПОПЫТКИ НАЛАДИТЬ ТОРГОВОЕ
И ПРОМЫШЛЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО**

Аннотация. В начале XX в. назрел серьезный кризис в российско-черногорских отношениях. Он был вызван как политическими, так и финансовыми причинами. Настаивая на своем суверенитете, черногорские власти не всегда прислушивались к рекомендациям российских дипломатов, стремившихся направлять действия княжеской элиты. Князю Николе трудно было соблюдать предложенный великими державами принцип статус-кво на Балканах и избегать неосторожных решений в вопросах концессий и займов, ставших весьма актуальными для слабо развитой экономики княжества. Он готов был заключать любого рода коммерческие соглашения, если считал, что это позволит пополнить пустую казну. Однако отсутствие серьезного опыта во внешне-экономической деятельности время от времени приводило к просчетам и разочарованиям, когда вместо прибыли страна терпела убытки. Еще более неудачной была политика внешних займов, грозившая установлением финансового контроля со стороны кредиторов. В конце 1890-х гг. и в первые годы XX столетия экономическое и финансовое положение Черногории было отчаянным. России пришлось заплатить изрядную часть внешних долгов княжества. Стараясь спасти свою репутацию и показать, что из прежних ошибок были сделаны правильные выводы, княжеское правительство обратилось к МИД России с просьбой провести своего рода «рекламную кампанию» и разъяснить русским промышленникам и купцам, что их ждут в Черногории и окажут всемерную поддержку любым экономическим инициативам россиян. Министр финансов С.Ю. Витте отнесся к этим просьбам скептически, но добросовестно передал информацию в соответствующие ведомства. Нашлось несколько коммерсантов, заинтересовавшихся предложениями черногорских властей. Однако дальше первичных запросов о ресурсах княжества и его возможностях дело не пошло.

Ключевые слова. Российская империя, Черногорское княжество-королевство, двухсторонние экономические связи, российские предприниматели, министерство финансов России.

Varvara Khlebnikova

**RUSSIAN ENTREPRENEURS AND
THE MONTENEGRIN PRINCIPALITY-KINGDOM
AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY:
ATTEMPTS TO ESTABLISH TRADE
AND INDUSTRIAL COOPERATION**

Abstract. At the beginning of the twentieth century a serious crisis has ripened in Russian-Montenegrin relations. It was caused by both political and financial reasons. Insisting on their sovereignty, the Montenegrin authorities did not always heed the recommendations of Russian diplomats who sought to direct the actions of the princely elite. It was difficult for Prince Nikola to comply with the status quo principle proposed by the great powers in the Balkans and to avoid careless decisions in matters of concessions and loans, which became very relevant for the underdeveloped economy of the principality. He was ready to enter into any kind of commercial agreement, if he believed that this would replenish the empty treasury. However, the lack of serious experience in foreign economic activity occasionally led to miscalculations and disappointments when, instead of profit, the country suffered losses. Even more unsuccessful was the policy of external loans, which threatened the establishment of financial control by creditors. In the late 1890s and in the early years of the twentieth century, the economic and financial situation of Montenegro was desperate. Russia had to pay a fair amount of the principality's external debts. Trying to save its reputation and show that the right conclusions were drawn from previous mistakes, the princely government turned to the Russian Foreign Ministry with a request to conduct a kind of «advertising campaign» and explain to Russian industrialists and merchants that they are expected in Montenegro and will provide full support to any economic initiatives Russians. Finance Minister S.Y. Witte was skeptical about these requests, but conscientiously transmitted the information to the relevant departments. There were several businessmen who became interested in the proposals of the Montenegrin authorities. However, things did not go beyond the initial requests for the resources of the principality and its capabilities.

Keywords. Russian Empire, Montenegrin Principality-Kingdom, bilateral economic relations, Russian entrepreneurs, Russian Ministry of Finance.

Русско-черногорские связи в начале XX в. были весьма непростыми. Военное и дипломатическое ведомства Российской империи вскоре после окончания Берлинского конгресса сформулировали главный принцип, на основе которого следовало выстраивать двухсторонние контакты с Черногорией, делавшей первые шаги на международной арене в качестве суверенного государства. Вновь признанная держава должна была по замыслу российских партнеров стать хоть и небольшим, но постоянным и надежным военным союзником России на Балканском полуострове. Крохотная страна представлялась российскому руководству неким монолитным военным лагерем, обитатели которого веками не выпускали из рук оружия, боролись за освобождение от Османской империи и в ходе этой борьбы приобрели исключительные боевые качества. Воинственный менталитет и особый образ жизни рассматривались как главное достоинство черногорского народа, готового, по устоявшемуся мнению, в любой момент выступить в защиту славянской свободы от любых посягательств. Сделав ставку на военное сотрудничество, российская элита последовательно помогала Княжеству создавать государственные структуры, которые должны были прийти на смену архаическому племенному укладу. На эти цели регулярно выделяли значительные средства, рассчитывая на то, что вновь созданное славянское государство будет надежным проводником русской политики на Балканах. Еще более существенная помощь шла на модернизацию вооруженных сил Черногории, которым предстояло из народного ополчения превратиться в армию, способную оказать помощь русским вооруженным силам «в случае политических осложнений» в регионе.

Время показало, что расчеты руководства Российской империи были ошибочными. Преобразовав систему управления страной и создав на русские деньги более или менее современное войско, правитель Черногории Никола Петрович начал проводить самостоятельную внешнюю политику, направленную на то, чтобы любыми способами расширить свои владения за счет соседних народов, а не выполнять послушно указания, приходившие из Петербурга. Все чаще обнаруживались разногласия в вопросах, связанных с ситуацией на западе Балканского полуострова. Попытки оказывать давление и «ставить на место» осмелевшего подопечного особого успеха не имели. Князь оказался талантливым дипломатом и искушенным политиком, способным плести сложные интриги и добиваться своих целей вопреки наставлениям российских покровителей. Непокорность черногорского монарха расценивалась как неблагодарность и ненадежность, планы сделать из него послушного исполнителя явно проваливались. В 1901–1902 гг. руководство российского МИД стало искать новые методы воздействия на Черногорию, в развитие которой уже были вложены огромные суммы.

Тогда-то и встал вопрос о том, что к военному и политическому партнерству неплохо было бы добавить экономическое сотрудничество.

Действительно, двухсторонние отношения к началу XX в. выглядели несбалансированными. Огромное внимание уделялось военному и государственному аппарату Княжества, отдельная денежная помощь регулярно поступала лично Николе Петровичу, значительные суммы шли на нужды Черногорской православной церкви. Совсем скромно на этом фоне выглядела помощь черногорскому образованию. И практически никак не складывались экономические и торговые связи, отсутствовала коммерческая заинтересованность российских предпринимателей в сбыте своих товаров на черногорском рынке. На первый взгляд это легко объяснить отдаленностью Балканского полуострова от русских границ, сложностью доставки товаров в горные районы и бедностью тамошнего населения, ведущего полунатуральное хозяйство. Однако бедность страны и неразвитость черногорской экономики не мешали Австро-Венгрии или Италии прикладывать усилия для того, чтобы получить от черногорского правительства разрешение на ту или иную хозяйственную деятельность. Обе державы принимали участие в развитии транспортной инфраструктуры Черногории. Итальянцы прибрали к рукам табачное производство в Княжестве, австрийцы жестко контролировали черногорскую приграничную торговлю. Интересно, что российские руководители, долгое время не проявлявшие интереса к экономическому сотрудничеству с Княжеством, довольно ревниво встречали любые попытки черногорцев расширить хозяйственные связи с европейскими странами, усматривая в них различные угрозы для себя. Во-первых, опасались смены политического курса черногорской элиты, того, что западные страны потеснят Россию в балканских делах. Во-вторых, зная некомпетентность княжеских властей в коммерческих вопросах, боялись повторения уже допущенных ими финансовых ошибок и закабаления страны европейскими капиталистами. Во многом эти опасения были оправданы. Начиная экономическое сближение с европейскими соседями, князь Никола рассчитывал пополнить казну за счет иностранных инвесторов, но достичь этой цели не удалось. Неискушенное в тонкостях рыночной конкуренции черногорское правительство не смогло извлечь из первых соглашений с западными предпринимателями предполагаемых прибылей. Тем не менее, было ясно, что без экономических связей с внешним миром решить проблему хозяйственной отсталости не получится. Само собою, черногорцы надеялись привлечь к себе внимание и российских предпринимателей, несмотря на большие расстояния, разделявшие две страны.

Материалы архивов свидетельствуют, что российская сторона, так активно развивавшая военные и политические связи, напротив, прояв-

ляла особую инертность в вопросах, связанных с экономическим взаимодействием. Причины чрезмерно осторожного поведения в этой сфере заслуживают отдельного внимания. С черногорским правительством, как правило, поддерживали прямые контакты несколько министерств. В первую очередь, это были МИД и Военное министерство, Министерство финансов, Министерство торговли и промышленности, Министерство земледелия и государственных имуществ, а также входивший в его структуру Горный департамент. Из экономических ведомств лучше всего было осведомлено о положении дел в Черногории Министерство финансов России, через которое проходили многочисленные платежи, предназначенные Княжеству. С 1892 по 1903 гг. его возглавлял С.Ю. Витте, именно он активно сопротивлялся втягиванию России в экономические связи с балканским союзником. С.Ю. Витте подробно объяснил эту позицию в своих мемуарах. Также она хорошо прослеживается по многочисленным докладным запискам и служебным письмам, составленным по поводу тех или иных обращений черногорских властей. Во-первых, именно Министерству финансов приходилось многократно заниматься такой обременительной и малоприятной проблемой, как внешние долги Черногорского княжества. К началу XX в. задолженность Черногории перед иностранными банками была так велика, что самостоятельно расплатиться не было ни малейшей возможности. Понятно, что Никола Петрович просил помощи в Петербурге и сумел ее добиться, России пришлось выплатить его долги, чтобы дело не дошло до установления иностранного финансового контроля над Княжеством. Пытаясь разобраться в запутанных черногорских делах, Министерство финансов отправило с инспекцией в Цетине чиновника особых поручений П. Миллера. Он собрал достоверную информацию о состоянии черногорской экономики, выяснив, что в стране нет настоящего государственного бюджета, обученных специалистов и сколько-нибудь продуманной денежной политики. Собственно, она сводилась к трем принципам: повышение налогов, заключение внешних займов и поиск способов их погашения³⁶⁰. Опытному финансисту С.Ю. Витте стало ясно, что при таком руководстве Черногория обречена на нищету, и рассматривать ее в качестве экономического партнера, просто наивно.

Во-вторых, у известного своей строптивостью министра финансов были опасения на счет Николая II. Он сравнивал отношение к расходованию денег из российской казны Александра III и Николая II, отмечая, как по-разному отец и сын решали эти вопросы. Александр III, по

³⁶⁰ Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916. М., 2016. С. 57–68.

словам С.Ю. Витте, был «идеальным государственным казначеем» и активно противостоял «бросанию зря направо и налево денег, добытых потом и кровью русского народа»³⁶¹. Николай II, по мнению министра, не был так аккуратен в денежных делах. Молодой царь «сам, по натуре своей, человек весьма честный»³⁶² вел довольно скромный образ жизни. Однако не умел или не хотел отказывать в просьбах тем, кого считал людьми из ближнего круга. Можно привести один из многочисленных примеров такого «великодушия» Николая II, описанных в воспоминаниях С.Ю. Витте. Однажды его посетил генерал царской свиты барон Мейндорф, который «заявил, что приехал ко мне от государя императора с повелением, чтобы ему была выдана ссуда из Государственного банка в 250 тыс. руб.». Министр отказал просителю, но через несколько дней получил от царя письменное распоряжение о выдаче денег. С.Ю. Витте пришлось выполнить приказ: «Хотя выдача этой ссуды совершенно не соответствовала уставу Государственного банка, тем не менее в виду резолюции его величества, конечно, она была немедленно выдана...»³⁶³. Подобным образом царь относился и к частым просьбам черногорского правителя, щедро выделяя деньги на весьма сомнительные цели и не задумываясь о том, что эти средства очень пригодились бы самой России. Особенно С.Ю. Витте негодовал по поводу того, каким способом эти суммы уплывали из казны Российской империи. Он едко заметил, что Николай II оказался «большим охотником до всяких конфиденциальных и секретных записочек, а иногда и приемов»³⁶⁴. Результатом таких «записочек» и «приемов» была передача денег по «высочайшему соизволению», то есть по царскому усмотрению без учета правовых норм и предписаний. Такое неосторожное обращение с деньгами вызывало раздражение главного финансиста Российской империи, полагавшего, что эти суммы тратятся неэффективно.

В-третьих, С.Ю. Витте не считал нужным скрывать своего личного отношения к черногорскому монарху и его дочерям Милице и Анастасии, отмечая, что семейство Петровичей ловко пользовалось слабостями Николая II и склоняло царя к выделению больших сумм для Черногории под надуманными предлогами. Российский министр финансов считал господаря корыстным и ненадежным человеком: «...Князь Николай в своей политике держался всегда и нашим, и вашим; вообще был дружен с тем, кто ему что-нибудь давал, а потому он заигрывал и

³⁶¹ *Vitte С.Ю.* Избранные воспоминания. 1848–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 265, 266.

³⁶² Там же. С. 311.

³⁶³ Там же. С. 409–410.

³⁶⁴ Там же. С. 559.

искал то при дворе австро-венгерском, то при русском, а последнее время, с тех пор как выдал свою дочь за итальянского короля, он очень заискивает при дворе итальянском»³⁶⁵. К идее русско-черногорского военного союза Витте относился весьма скептически: «Князь черногорский приезжал в Россию непременно с каким-нибудь проектом, а в результате всегда имел в виду получить себе в карман несколько сот тысяч рублей. Для этого он прибегал к несоответственным приемам, делал представления о том, что нужны деньги для такого-то военного дела, чтобы содержать такую-то военную часть, все, конечно, на пользу России, на случай войны на Балканах, а в результате, — и это мне, как бывшему министру финансов, безусловно известно, да, я думаю, относительно этого есть документы и в министерстве иностранных дел — большинство всех этих денег шло просто в его карман»³⁶⁶. В своих воспоминаниях Витте неоднократно подчеркивал, что хитрости князя Николы были шиты белыми нитками и всем понятны³⁶⁷. Поэтому попытки наладить хозяйственные контакты с Черногорией казались ему делом бесперспективным.

Когда бы ни заходила речь о привлечении русских капиталов в Княжество, С.Ю. Витте всегда категорически возражал, потому что в экономических инициативах черногорской стороны видел попытки получить дополнительный доступ к русским деньгам. В январе 1901 г. стало известно, что черногорские власти готовы дать иностранным предпринимателям концессии на разработку имеющихся ресурсов страны. В первую очередь, речь шла об австрийском инженере А. Дешковиче. МИД России обратилось за консультацией к экономическим ведомствам, поставив вопрос о том, стоит ли русским деловым кругам задуматься над сделанным предложением. В Министерстве земледелия и государственных имуществ ответили, что без горной разведки и сбора

³⁶⁵ Там же. С. 274–275.

³⁶⁶ Там же. С. 275.

³⁶⁷ Приблизительно такими же словами В.Ю. Витте охарактеризовал дочерей князя Николы: «Нужно отдать справедливость черногоркам: они были преданные дочери и постоянно хлопотали о всяких денежных субсидиях своему княжескому родителю. Вся игра велась на том, что в интересах России в случае столкновения ее с Германией поставить Черногорию в такое положение, чтобы она могла оказать России содействие. Черногорцы молодцы, нужно только сформировать постоянные части, а для этого нужны деньги. Вот по особым высочайшим повелениям и начали отпускать черногорскому князю на содержание сказанных частей особые суммы, и теперь в смете военного министерства таких расходов значится около миллиона рублей, если не больше, но как именно расходуются эти деньги, никому в России не известно». Там же. С. 427.

достоверных данных о природных запасах Черногории дать ответ невозможно. Министр А.С. Ермолов был готов послать «опытного русского инженера-геолога» «для исполнения небольших разведочных работ»³⁶⁸. Речь шла об очень скромных издержках на эти цели (6,5 тыс. руб.). А вот Витте полагал, что «у нас едва ли найдутся достаточно серьезные предприниматели, которые могли бы поставить это дело на прочные основания. Необходимо иметь в виду, что Россия сама обладает большими ископаемыми богатствами, остающимися в значительной части без разработки вследствие недостатка свободных капиталов и предприимчивости промышленных классов». Как видим, экономические задачи Российской империи С.Ю. Витте считал приоритетными и не хотел отвлекать силы от их решения. Командировку русского геолога министр финансов считал возможным «при условии, что функции означенного инженера будут только совещательными, а участие его в этом деле не повлечет за собой какой-либо, даже нравственной ответственности русского правительства или гарантий по исполнению Черногорией обязательств, заключенных ею с концессионерами»³⁶⁹. Понятно, что такое подозрительное отношение ко всему, что исходило от княжеского правительства, мешало установлению двухсторонних экономических связей. Преемники Витте в Министерстве финансов, например В.Н. Коковцов, занимали похожую позицию, когда сталкивались с денежными притязаниями черногорского двора³⁷⁰.

С.Ю. Витте не упускал случая напомнить, как много уже сделано для Черногории, чтобы подчеркнуть неуместность новых просьб. Об этом свидетельствует текст адресованного министру иностранных дел служебного письма от 9 ноября 1901 г. Оно написано по поводу донесения из Цетине министра-резидента П.М. Власова, в котором сообщалось, что князь готов начать преобразования в своем государстве, но прежде следует решить вопрос с внешними долгами. Власов предполагал, что если помочь Княжеству расплатиться с кредиторами, то можно «взять в наши руки фактический контроль над его финансами». Сначала Витте выразил недоумение по поводу предполагаемых реформ и напомнил, что в 1900 г. запутавшемуся в долгах черногорскому правительству было выделено 750 тыс. рублей на условии, что будет проведено «коренное преобразование всего финансового режима Княжества». Тогда совокупный долг вместе с прежними обязательствами перед Россией составил

³⁶⁸ Архивско одељење Народног музеја Црне Горе (далее АОНМЧ). Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Део 1.

³⁶⁹ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1901. Фас. XLIX. Део 1.

³⁷⁰ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 123–127.

более 1 миллиона 200 тыс. рублей. Министр финансов подчеркнул, что Россия экономит на собственных нуждах: «В последние годы стеснение мирового денежного рынка и понесенные Россией затраты на Дальнем Востоке заставили русское правительство позаботиться о возможном сокращении расходов, и по настоящее время многие государственные потребности, поставленные на очередь, остаются еще не удовлетворенными»³⁷¹. В такой ситуации нелогично выделять деньги правительству другого государства. Кроме того, он не сомневался, что не бедность и нужда черногорского народа волновали князя Николу, а стремление обогатиться за счет России.

Пессимистическое отношение Витте к перспективам черногорской экономики разделяли многие российские дипломаты, работавшие на Балканах. Министр-резидент в Цетине А.Н. Щеглов конфиденциально писал директору Азиатского департамента МИД Н.Г. Гартвигу в августе 1903 г.: «Что же касается участия нашего в экономическом развитии Черногории, то я вполне согласен с Вами, что терзаемой во все стороны казне нашей ни под каким видом не следует приносить для сего новые жертвы. Мы и так уделяем слишком много из нашего бюджета в пользу Черногории...». Единственное, что готовы были сделать дипломаты — передавать информацию о новостях экономической жизни Княжества: «Но в данном деле речь идет не о денежном подарке, а о побуждении наших предпринимателей обратить внимание на Черногорию и конкурировать с итальянцами, которые находят же выгоду стремиться сюда для эксплуатации природных богатств страны <...>. Только что вернувшийся из поездки по Черногории драгоман миссии П.А. Ровинский сообщил мне, что страна «кишит» итальянскими «изыскателями». Здесь инженеры, там лесоводы, — и все хотят попользоваться Княжеством *ad majorem gloriam* своего кармана и Римско-католического Королевства». А.Н. Щеглов высказывал опасение, «что устранение наше от экономической жизни Княжества передает его в руки чуждых славянству итальянских эксплуататоров. Тогда пойдут прахом все наши жертвы в пользу этой страны; ими воспользуются другие и, может быть, нами создаваемые военные силы Черногории послужат против наших интересов»³⁷². Именно поэтому сотрудники МИД были менее категоричны в вопросе экономических контактов с Черногорией, чем глава Министерства финансов. Они предлагали размещать на страницах российских газет и на биржевых площадках сообщения о том, что правительство Черногории приглашает русские компании принимать участие в тех или иных коммерческих проектах. С.Ю. Витте ответил на такие предло-

³⁷¹ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1901. Фас. XLIX. Део 1.

³⁷² АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1903. Фас. LIA.

жения в своем стиле: «Министерство финансов, сомневаясь в возможности рассчитывать в ближайшем будущем на осуществление предложений Ваших о привлечении русских капиталов в Черногорию, сочло, тем не менее, необходимым сделать распоряжение об оповещении главнейших биржевых комитетов о желательности устройства русских предприятий в Княжестве»³⁷³.

Информация, доведенная до сведения русских капиталистов, подтолкнула некоторых из них обратиться внимание на этот регион. В июле 1903 г. в российское Министерство финансов был передан на рассмотрение проект устава Русско-Черногорского общества, составленный предпринимателем Форкачем³⁷⁴. В августе того же года горный инженер из Новочеркасска Ф.Я. Абрамов прислал в российскую миссию письмо, сообщив о готовности «войти в переговоры по этому предложению с некоторыми капиталистами», но прежде хотел бы собрать достоверную информацию о природных богатствах Княжества. Ф.Я. Абрамов интересовался, существуют ли статистические данные о состоянии горного дела в Черногории, есть ли возможность вести работы круглый год и какова стоимость рабочей силы в стране³⁷⁵. Поставленные в письме вопросы говорили о серьезных намерениях Абрамова и его коллег. Похожий запрос пришел в миссию в августе 1904 г. от группы инженеров и предпринимателей из Петербурга, представлявших интересы Русско-Закавказского горнозаводского общества. Они хотели просить черногорское правительство разрешить создание Русско-Черногорского горнозаводского общества и выслали его примерный устав. В послании был указан район, в котором планировалось начать работы — верховья р. Морачи, перечислялись названия местностей, которые интересовали потенциальных инвесторов³⁷⁶. Текст документа свидетельствует о том, что обратившиеся в русскую миссию специалисты были неплохо осведомлены о хозяйственной жизни Княжества.

Среди откликнувшихся на призывы биржевых комитетов нашлись и те, кто надеялся поправить в Черногории свои дела, расстроившиеся в России. Например, одесский банкир А.Ф. Рафалович, разорившийся из-за участия в финансовых спекуляциях бывшего министра А.А. Абазы, отправил в январе 1904 г. в Цетине своего поверенного в делах Э.В. Фриесе для установления деловых контактов. Сотрудники миссии

³⁷³ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1903. Фас. истр. IIA.

³⁷⁴ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1903. Фас. IIA.

³⁷⁵ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1903. Фас. IIA.

³⁷⁶ Письмо написали инженер В.И. Вендровский, купец из Пятигорска Г.В. Александров, Б.Д. Герман. Последний выступал от имени еще нескольких предпринимателей. АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1904. Фас. IIA.

представили соотечественника министру внутренних дел и министру финансов Черногории. В ходе состоявшихся бесед речь шла о перспективах участия русских капиталистов в разработке природных запасов Княжества, о строительстве предприятий на его территории, даже об оборудовании порта в г. Баре и проведении железной дороги от рудников к порту. Допускалась возможность открытия русского банка, говорили о привлечении петербургских и одесских предпринимателей. Ставился вопрос о необходимости вытеснить итальянские компании из Черногории³⁷⁷. Однако уже в мае 1904 г. Фриесе написал из Одессы сотрудникам миссии, что деловые люди, которым он передал условия черногорского правительства, не сочли их привлекательными. Поэтому не стоит в ближайшее время ждать серьезных предложений с русской стороны³⁷⁸. Скорее всего предпринятая попытка не удалась из-за завышенных ожиданий с обеих сторон. Российские бизнесмены не были готовы к слишком высоким затратам и рискам. Власти Черногории, мечтавшие о быстром пополнении казны, не могли предоставить русским партнерам никаких гарантий коммерческого успеха. Был в этих переговорах какой-то налет излишней мечтательности и даже маниловщины. Но в них, по крайней мере, не было попыток мошенничества.

Увы, в архивах сохранились сведения и о нечестных действиях некоторых деятелей, попытавшихся нажиться на экономическом сотрудничестве России и Черногории. Вскоре после аннексионного кризиса 1908 г. в Министерство иностранных дел России обратился с «докладной запиской» кандидат коммерческих наук Рижского политехнического института О.Г. Розен. От своего имени и от имени «группы лиц» автор докладной записки довольно пафосно писал о необходимости «укрепить братскую солидарность со славянами» путем активизации торгового сотрудничества, сообщал о намерении посетить ряд стран Балканского полуострова с целью установить постоянные коммерческие связи. «Не подлежит сомнению, что для успеха нашего предприятия <...> далеко недостаточно будет одного лишь напряжения нашей энергии. В данном случае настоятельно необходима нравственная поддержка со стороны нашего правительства», — настаивал Розен³⁷⁹. Предполагалось начать эту работу с того, чтобы наладить прибыльную продажу русской муки в славянских землях. В апреле 1909 г. Розен и его напарник Козаровицкий (в некоторых документах Казаровицкий — В.Х.) приехали в столицу Черногории, предлагая наладить поставку в Княжество на самых льготных условиях больших партий «дешевых и вместе с тем

³⁷⁷ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1904. Фас. ЛП–Б.

³⁷⁸ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1904. Фас. ЛП–Б.

³⁷⁹ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1909. Фас. LXI.

доброкачественных русских товаров». После этого они посетили Сербию и Болгарию, где видимо, тоже не скупались на щедрые обещания. Каково же было изумление русских и черногорских официальных лиц, когда от Розена и Козаровицкого пришло в Черногорию письмо «с просьбой уплатить им 2 тыс. руб. в возмещение расходов по безрезультатной поездке, потому что дело о поставке муки и хлеба расстроилось»³⁸⁰. Задним числом выяснилось, что двое авантюристов послали в марте 1909 г. телеграмму черногорскому правительству, в которой утверждали, что «заручились будто бы обещанием председателя Государственной думы всеми мерами содействовать» предоставлению Черногории займа в полмиллиона руб. Кроме того, оказалось, что Розен и Козаровицкий не имели ни крупных капиталов, ни полномочий от каких бы то ни было коммерческих структур. Российский поверенный в делах в Цетине Е.Ф. Штейн был глубоко возмущен поведением своих соотечественников и отправил в МИД несколько депеш, в которых описал подробности этой подозрительной затеи.

Однако подобные неприятности не заставили сотрудников российской миссии отказаться от помощи делу экономического сотрудничества России и Черногории. В декабре 1908 г. Е.Ф. Штейн сообщал начальству о торговых противоречиях Черногории и Австро-Венгрии и считал, что наступил благоприятный момент для подписания между Россией и Черногорией торгового соглашения о режиме наиболее благоприятствуемой нации (режим наибольшего благоприятствования в торговле). Он считал, что «...мы могли бы выгодно воспользоваться создавшимся положением вещей для ввоза в Черногорию по минимальному тарифу сахара, керосина, красных сукон, муки и свечей»³⁸¹. В течение 1909 г. в проект соглашения вносились поправки и дополнения, наконец, 15 декабря был подписан русско-черногорский Договор о торговле и судоходстве. Подобные договоры в 1908–1909 гг. княжеское правительство подписало с несколькими европейскими странами.

Чтобы принятый договор не был формальным, а реально способствовал успешной торговле, русские дипломаты искали различные способы стимулировать и облегчать двухстороннюю коммерческую деятельность. Новый поверенный в делах Н.Н. Дьяченко обратился к министру иностранных дел С.Д. Сазонову с предложением поспособствовать установлению прямого пароходного рейса Одесса — Бар, который могли бы выполнять суда Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ). Н.Н. Дьяченко писал: «Не раз наши представители в Княжестве высказывались в пользу установления прямых рейсов меж-

³⁸⁰ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1909. Фас. LXI.

³⁸¹ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1908. Фас. LX.

ду Одессой и Антивари (Бар — В.Х.), но доселе, к сожалению, все усилия в этом направлении оставались бесплодными. Теперь же обстоятельства складываются более удачно для осуществления этого важного мероприятия, так как в ближайшем будущем — можно надеяться — войдет в законную силу торговая конвенция наша с Черногорией»³⁸². В тот момент правление РОПиТ готовило плавучую выставку русских товаров, которую предполагали провести в некоторых портах Средиземноморья. Сотрудники русского представительства в Цетине считали, что очень полезно было бы включить в программу выставки и посещение черногорского порта Бара. Министр иностранных дел передал эти просьбы в Министерство торговли и промышленности. Его руководитель В.И. Тимирязев ответил: «...Я со своей стороны вполне разделяю мнение коллежского ассессора Дьяченко о том, что одним из первых условий развития и укрепления торговых сношений России с Черногорским княжеством является установление непосредственных прямых пароходных рейсов между названными странами». Однако далее В.И. Тимирязев отмечает, что расходы на содержание РОПиТ существенно увеличились в последнее время, поэтому осуществить предложенный Н.Н. Дьяченко план не удастся³⁸³.

Хотя очередная попытка расширить коммерческие контакты России и Черногории, предпринятая дипломатами, снова потерпела неудачу, определенный интерес к черногорским делам у отечественных предпринимателей сохранялся вплоть до Первой мировой войны. Хозяин фабрики по производству мельничных машин А. Спивак из г. Умань Киевской губернии в 1910 г. просил дипломатов, работавших в Княжестве, сообщить всем заинтересованным лицам адреса контор и складов своего предприятия, надеясь найти желающих приобрести его продукцию³⁸⁴. Ю.М. Фридман из Одессы писал о желании установить сотрудничество с черногорскими купцами. Сам Фридман был представителем крупного российского поставщика спирта И.А. Найдича из Москвы³⁸⁵. Иркутский купец и горнопромышленник Н.Ф. Поднебесных выражал в 1913 г. желание наладить торговлю нефритом в Черногории. Однако ответ, полученный иркутским предпринимателем от сотрудников российского представительства, не давал повода для оптимизма: «...В виду всеобщей бедности черногорского населения и крайне слабого развития внешней торговли Черногории, сбыт в этой стране столь

³⁸² АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1909. Фас. LXI.

³⁸³ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1909. Фас. LXI.

³⁸⁴ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1910. Фас. LXII.

³⁸⁵ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1910. Фас. LXII.

ценного минерала как нефрит представляется неосуществимым»³⁸⁶. Точку в истории несостоявшегося торгового и промышленного партнерства русских и черногорцев поставили Первая мировая война.

Подводя итог, приходится констатировать, что усилия, предпринятые черногорскими властями, с одной стороны, и русскими дипломатами и коммерсантами, с другой, не привели к созданию устойчивых и взаимовыгодных экономических связей между двумя державами, считавшими друг друга военно-политическими союзниками. Во внешней политике такая «дружба» между сильными и слабыми государствами — явление широко распространенное. Российской империи нужны были опорные пункты на Балканском полуострове, и она готова была платить тем партнерам, которые выражали готовность следовать российскому курсу в международных делах. Однако в экономике такая модель сотрудничества не работает. На этой сцене главными игроками выступают не государства, а частные лица, которые на первое место в своих расчетах ставят получение прибыли, повышение доходов, коммерческий успех. Как бы ни были велики симпатии русского и черногорского народов друг к другу в начале XX в., но объективные условия хозяйственной жизни Черногории и уровень благосостояния ее населения не могли заинтересовать серьезных предпринимателей. Стоило капиталистам из России чуть глубже ознакомиться с потенциалом черногорского рынка, им сразу становилось понятно, что денежного интереса эта страна для них не может представлять. Любые экономические начинания в самой России, переживавшей период бурного промышленного роста, казались гораздо привлекательнее, чем коммерческие проекты в далекой балканской стране. Поэтому исправить «перекося» в российско-черногорских отношениях и сделать их прочнее и разностороннее не удалось.

³⁸⁶ АОНМЧ. Ф. Принов. рук. 1913. Фас. LXVI.

Кирилина Любовь Алексеевна

СЛОВЕНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1880-х гг. ЭЛАСТИКИ И РАДИКАЛЫ

Аннотация. Реформы правительства Э. Тааффе в начале 1880-х гг., которые поддерживались большинством словенских политиков, вызвали определенное обострение национальных и политических разногласий в словенских землях. В Крайне, где начался бурный процесс словенизации, произошел раскол между двумя группами словенских либералов, нашедший отклик и в других этнических словенских землях. Эластики, возглавлявшиеся Ф. Шукле, занимали проправительственные позиции и были сторонниками гибкой и умеренной политики. Ради концессий они были готовы отказаться от части своих национальных требований. Значительно более малочисленная группа радикалов, лидерами которых стали И. Хрибар и И. Тавчар, требовала от правительства реального проведения в жизнь идей национального равноправия, выполнения словенских требований во всех провинциях, где проживали словенцы. Она стремилась объединить усилия словенских патриотов в борьбе за свои права и создать общесловенское общество. Если радикалы считали, что следует ограничить немецкое влияние в Крайне и превратить ее в полностью словенскую провинцию, то эластики выступали против конфронтации с немцами. Они уделяли больше внимания решению экономических проблем, чем радикалы, отдававшие безусловный приоритет национальному вопросу. Проводившаяся эластиками политика «сбирания крох» была более реальной, и в результате нее словенцы получили от Тааффе довольно много национальных концессий.

В отличие от идейно-политического раскола конца 1860-х — начала 1870-х гг. между «старословенцами» и «младословенцами», в начале 1880-х гг. противостояли друг другу представители одного, молодого, поколения. Конфликт между ними во второй половине 1880-х гг. постепенно исчерпал себя. Лидеры эластиков и радикалов впоследствии стали видными словенскими политиками, во многом определившими тенденции развития словенского национального движения в конце XIX — начале XX вв.

Ключевые слова. Правительство Э. Тааффе, реформы, словенские политики, словенские эластики и радикалы, Ф. Шукле, И. Хрибар, И. Тавчар.

Liubov Kirilina

SLOVENIAN LIBERALS IN THE FIRST HALF OF THE 1880s. ELASTICS AND RADICALS

Abstract. The reforms of the government of E. Taaffe in the early 1880s, which were supported by the majority of Slovenian politicians, caused a certain aggravation of national and political differences in the Slovenian lands. In Krajna, where the rapid process of Sloveneization began, a split occurred between two groups of Slovene liberals, which resonated in other ethnic Slovene lands. The elastics, headed by F. Shukle, occupied pro-government positions and were supporters of a flexible and moderate policy. For the sake of concessions, they were ready to give up part of their national claims. A much smaller group of radicals, led by I. Hribar and I. Tavcar, demanded from the government the real implementation of the ideas of national equality, the fulfillment of Slovenian requirements in all provinces where Slovenes lived. She sought to unite the efforts of Slovenian patriots in the struggle for their rights and create a common Slovenian society. If the radicals believed that German influence in Krajna should be limited and Kraina must turn into a completely Slovene province, then the elastics opposed a confrontation with the Germans. They paid more attention to solving economic problems than the radicals, who gave unconditional priority to the national question. The policy of «collecting crumbs» pursued by the elastics was more real, and as a result of it, the Slovenes received quite a lot of national concessions from Taaffe.

In contrast to the ideological and political split of the late 1860s – early 1870s. between the «Old Slovenes» and «Young Slovenes», in the early 1880s. representatives of one, younger, generation confronted each other. The conflict between them in the second half of the 1880s. gradually exhausted itself. The leaders of the elastics and radicals in future became prominent Slovenian politicians, who largely determined the development trends of the Slovenian national movement in the late 19th and early 20th centuries.

Keywords. Government of E. Taaffe, reforms, Slovenian politicians, Slovenian elastics and radicals, F. Shukle, I. Hribar, I. Tavchar.

Конфликт среди словенских либералов, о котором пойдет речь в данной статье, развивался в начале 1880-х гг., когда у власти в Австро-Венгрии находилось правительство графа Э. Тааффе, опиравшегося на

коалицию немецких консерваторов и славянских политиков в рейхсрате и проводившего политику примирения австрийских национальностей. Большинство словенских политиков его поддерживали и получили за это награду. Больше всего национальных бонусов было выделено Крайне (где немцы составляли всего 8% населения). В 1880 г. на должность ее провинциального президента был впервые назначен чиновник из Горицы, словенец Андрей Винклер (1825–1916), в 1882 г. словенцы победили на выборах в Совет общины Любляны и получили первого словенского жупана, а через год — на выборах в провинциальное собрание Крайны. Требования словенцев о введении равноправия словенского языка в школах, учреждениях, суде, общественной жизни отчасти были удовлетворены. Ряд концессий был предоставлен и другим провинциям, где проживали словенцы, но в значительно меньшем объеме.

В Крайне в те годы интенсивно проходил процесс словенизации. В связи с этим обострились и словенско-немецкое противостояние, и внутренние политические разногласия в национальном движении словенцев. В начале 1880-х гг. среди словенских либералов выделились две группировки. Проправительственная группа эластиков, представлявшая большинство, возглавлялась юристом и преподавателем Франом Шукле (1849–1935). Название ей дал известный писатель Янко Керсник, сказав на заседании крайнского провинциального собрания: «[...] нужно иметь немного юношеской эластичности, чтобы принять трудную ситуацию и получить возможность сделать и что-то хорошее [...]». Мы должны встать на путь, ведущий к успешной деятельности».³⁸⁷ Во главе значительно более малочисленных радикалов стояли русофилы банкир Иван Хрибар (1851–1941) и адвокат и писатель Иван Тавчар (1851–1923), выступавшие за проведение более решительной национальной политики.

Трения между этими группами либералов, происходившие с начала 1880-х гг., в конце 1883 г. привели к расколу. Поводом к нему стали конфликты, разгоревшиеся в октябре в провинциальном собрании Крайны по вопросам о верификации выборов трех немецких депутатов и о дотации в размере 600 гульденов учителям на дополнительное обучение школьников немецкому языку. Лидер эластиков Шукле, поддерживая позицию Винклера, настаивал на необходимости прекратить национальные споры и заняться более важными экономическими вопросами³⁸⁸. Когда на заседании 6 октября Шукле заявил, что пора прекратить

³⁸⁷ Šuklje F. Iz mojih spominov. Ljubljana: Slovenska matica, 1988. I. del. S. 133.

³⁸⁸ Rahten A. «Politični patriarh s Kamna» — življenje in delo Frana Šukljeta // Šuklje F. Sodobniki, mali in veliki: III. Del spominov. Ljubljana: Slovenska matica, 2010. S. 343.

политический конфликт между крайними словенцами и немцами, который приносит «крайнему народу» один вред, то со стороны радикалов это предложение вызвало бурю протеста: «Крайнского народа не существует!»³⁸⁹. Радикалы бескомпромиссно выступали за приоритет словенцев в провинции. Примечательно в этом плане категоричное мнение Тавчара, высказанное им еще в 1881 г.: «Наш принцип — не дать немцу в политической борьбе в словенских землях ни одного мгновения покоя»³⁹⁰. По обоим пунктам, стоявшим на повестке дня, радикалы выступили против, считая, что немцам, представлявшим «слабое меньшинство» в провинции, не следует давать никаких преимуществ, Крайна должна стать чисто словенской, и единственным языком этой провинции следует считать словенский³⁹¹. В результате, к удовлетворению барона Винклера, позицию эластиков поддержало большинство собрания.

Раскол из залов собрания перешел и на другие сферы общественно-политической и культурной жизни. 4 января 1884 г. в Совете общины Любляны Хрибар предложил послать школьному совету провинции прошение о введении в люблянском реальном училище словенского языка в качестве учебного предмета во всех классах для учащихся всех национальностей. Совет общины его принял. Эластики высказались против. Шукле позже пояснил их позицию в газете консерваторов «Словенец» («Slovenec», Любляна), акцентировав внимание на том, что противозаконно заставлять немцев учить словенский язык³⁹². Радикалы ответили в газете «Слован» («Slovan», Любляна): «Если поселившиеся в нашей провинции немцы захотят посылать детей в наши школы, пожалуйста, но эти дети обязательно должны обучаться словенскому языку», так же как славяне учат немецкий в немецких областях³⁹³.

Политическая полемика между радикалами и эластичками активно велась и на страницах словенской прессы. В 1884 г. Хрибар стал выпускать газету «Слован», целью которой было пробудить в словенцах «национальное самосознание» и привить им идеи славянской взаимности. В 1885 г. ее совладельцем стал Тавчар³⁹⁴. Появление «Слована» эластики

³⁸⁹ Slovenski narod. 9 октября 1883; *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovensvena zgodovina 1848–1895*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966. Zv. V. S. 146.

³⁹⁰ *Prijatelj I. Slovenska... Zv. V. S. 77.*

³⁹¹ Slovan. 24. aprila 1884. №17. S. 133; 16. oktobra 1884. №43. S. 341.

³⁹² Slovenec. 15 января 1884.

³⁹³ Slovan. 31. januarja 1884. №5. S. 33.

³⁹⁴ Подробнее о газете «Слован» см.: *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей. XVI в. — 1914 г. М., 2017. С. 340–344; *Кири-*

приняли в штюки. Во-первых, они опасались конкуренции с его стороны литературному журналу «Люблянски звон» («Ljubljanski zvon», Любляна). Действительно, ряд радикально настроенных сотрудников «Звона» — помимо Тавчара, который ранее был его совладельцем, поэты С. Грегорчич и А. Ашкерц — стали сотрудничать со «Слованом». Во-вторых, своего печатного органа у эластиков еще не было. Шукле писал в воспоминаниях: «Совсем невозможным стало наше положение после учреждения «Слована», который чем дальше, тем больше обстреливал эластиков тяжелой артиллерией».³⁹⁵ Однако вскоре ситуация выправилась — Шукле принял предложение А. Винклера и стал редактором словенского приложения к официальной люблянской газете «Люблянски лист» («Ljubljanski list», Любляна), в котором пропагандировалась правительственная политика, а заодно критиковались взгляды радикалов.³⁹⁶ Среди словенских изданий на стороне радикалов были «Слован», либеральные «Словенски народ» («Slovenski narod», Любляна) и «Единост» («Edinost», Триест), на стороне эластиков «Люблянски лист» и консервативный «Словенец».

Обе группировки основали в Любляне свои литературные клубы, проводили собрания и митинги среди народа. Например, эластик Ф. Левец, редактор «Люблянского звона», жаловался в письме другу в декабре 1883 г., что «агенты» Хрибара «говорят людям в деревнях, что мы с Керсником приспешники правительства, т.е. отступники».³⁹⁷ Радикалы считали эластиков «ренегатами» и ставили им в вину то, что на митингах они призывают к «умеренности в национальных делах», «не биться головой об стену».³⁹⁸ Эластики обвиняли радикалов в «панславизме и нехватке австрийского патриотизма»³⁹⁹, в полной неспособности вести разумную политику. Обе стороны обвиняли друг друга в корыстных и карьерных мотивах, в предвзятости и пристрастности.

Крайнских радикалов поддержали многие штирийские и приморские словенцы, а также ряд словенцев, проживавших в Загребе. Так,

мина Л.А. Публикации словенской газеты «Слован» о сербах, болгарях и черногорцах (1884–1887 гг.) // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна. Колл. монография / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2021. С. 419–438.

³⁹⁵ Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 142.

³⁹⁶ Prijatelj I. Med Levčevim «Ljubljanskim zvonom» in Hribar-Tavčarjevimi «Slovanom». Učiteljska Tisk., 1930 // URL: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-XH5OKN9J> (дата обращения 28.12.2022).

³⁹⁷ Ibid. S. 131.

³⁹⁸ Slovan. 8. maja 1884. №19. S. 148.

³⁹⁹ Prijatelj I. Med Levčevim... S. 143.

словенский фельетонист А. Кос писал Ф. Левцу в феврале 1884 г., что все загребские словенцы — «противники политики Шукле», соглашательская политика — «наша погибель»⁴⁰⁰. Той же точки зрения придерживались и члены студенческого общества «Словения» в Вене. Так, будущий социал-демократ Х. Тума, в то время учившийся в Венском университете, писал в воспоминаниях: «академическая молодежь интересовалась этим конфликтом и [...] поддержала радикальную позицию др. Тавчара и Ивана Хрибара». В результате «жесткой борьбы» на собрании общества «Словения» большинством голосов было принято решение вычеркнуть Шукле из списка почетных членов «Словения». Правда, позже оно было признано недействительным. «Когда Шукле узнал об этом, то сам отказался от почетного членства»⁴⁰¹. На сторону радикалов встало и словенское политическое общество в Мариборе.

Эластики всецело поддерживали правительство как из прагматических, так и из идейных соображений. Они четко обозначили свою позицию уже в первом номере газеты «Люблянски лист»: политика министерства Тааффе «соответствует насущным интересам австрийского государства», ее цель — «разрешить противоречия, воплотить в жизнь [...] равноправие всех австрийских народов и на этой основе достичь примирения разных народностей»⁴⁰². Как несколько позже, уже в 1890 г., сказал Шукле, «правительство, которое придет после Тааффе, будет скорее всего еще намного меньше склонно к словенскому населению, чем нынешнее»⁴⁰³. Радикалы же часто выступали с критикой в его адрес. Так, «Слован» писал, что «правительство графа Тааффе не хочет принимать во внимание требования нашего народа о введении равноправия»⁴⁰⁴, «славян только для того кормят праздными обещаниями, чтобы они успокоились»⁴⁰⁵. Радикалы призывали его дать национальные концессии всем словенским областям, а не только Крайне⁴⁰⁶. В письме к своему другу и единомышленнику Д. Майарону Хрибар в 1886 г. высказался еще резче: политика правительства «лицемерна» и «неудачна», конечной целью ее «все еще является угнетение словенства»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁰ Ibid. S. 137–138.

⁴⁰¹ *Tuma H. Iz mojega življenja. Spomini, misli, izpovedi.* Ljubljana: Založba Tuma, 1997. S. 122.

⁴⁰² *Ljubljanski list.* 28. februarija 1884. №1. S. 1.

⁴⁰³ *Melik V. Slovenska politika v Taaffejevi dobi // Melik V. Slovenci 1848–1918. Razprave in članke.* Maribor: Založba Litera, 2002. S. 524–525.

⁴⁰⁴ *Slovan.* 6. marca 1884. №10. S. 74.

⁴⁰⁵ Ibid. 23. oktobra 1884. №44. S. 350.

⁴⁰⁶ Ibid. 26. julija 1884. №31. S. 244.

⁴⁰⁷ Хрибар — Майарону. 5.08.1886, Любляна // *Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani* (далее — RZ NUK) Ms. 1492. Plešič, Fran. Zapuščina.

Деятельность провинциального президента Винклера радикалы и эластики также оценивали по-разному. По воспоминаниям Хрибара, Винклеру не хватало мужества, чтобы энергичнее выступить за права словенского народа»⁴⁰⁸. Шукле в мемуарах, напротив, отметил, что назначение Винклера провинциальным президентом стало «большим достижением для дела словенцев»⁴⁰⁹. Радикалы резко критиковали Винклера в газетах «Словенски народ» и «Слован». Его обвиняли в том, что он оказывал давление на депутатов провинциального собрания при обсуждении национальных вопросов, позволял эластике использовать газету «Люблянски лист» «для раздувания личных страстей и нападок»⁴¹⁰, продвигал кандидатуру Шукле на выборах депутатов в рейхсрат в 1885 г. «Весь правительственный аппарат работал» на Шукле⁴¹¹. А Кос вообще считал: «Барон Винклер виноват в том, что мы разделились на радикалов и правительственных мамелюков»⁴¹².

И эластики, и радикалы критиковали нерешительную политику и некомпетентность словенских депутатов австрийского рейхсрата. Шукле писал в воспоминаниях, что почти все они были «почтенные патриоты, но ни у одного из них не было квалификации, чтобы внести достойный вклад в работу рейхсрата». Их чаще можно было встретить в кафе, чем в зале заседаний⁴¹³. «Слован» упрекал депутатов в том, они «не могут предъявить своим избирателям никаких серьезных успехов», и призывал их объединить силы. «Только их солидарные действия» могут «дать надежду на успех»⁴¹⁴. Уже в сентябре 1884 г. радикалы выступили за выход словенских депутатов из проправительственного клуба графа Гогенварта и их переход в оппозицию⁴¹⁵, надеясь, что этот шаг вынудит правительство пойти на уступки. Они, а также члены словенского общества в Мариборе, потребовали создать югославянский клуб в рейхсрате, но эластики, которых там было большинство, решительно выступили против этой инициативы⁴¹⁶.

IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–87). S. 4–5.

⁴⁰⁸ *Hribar I. Moji spomini. I. del. Od 1853. do 1910. leta. Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. S. 90.*

⁴⁰⁹ *Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 128.*

⁴¹⁰ *Slovan. 24. aprila 1884. №17. S. 133.*

⁴¹¹ *Ibid. 15. junija 1885. №12. S. 188.*

⁴¹² *Prijatelj I. Med Levčevim... S. 138.*

⁴¹³ *Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 164; Cvim J. Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta univerze v Ljubljani, 2006. S. 271.*

⁴¹⁴ *Slovan. 6. marca 1884. №10. S. 74–75.*

⁴¹⁵ *Ibid. 25. septembra 1884. №40. S. 318.*

⁴¹⁶ *Ibid. 1. marca 1885. №5. S. 77.*

Результаты выборов 1885 г. в рейхсрат в Крайне, обеспечившие депутатский мандат Шукле, сильно разочаровали радикалов. По мнению автора статьи о выборах в газете «Слован», «весь правительственный аппарат работал на кандидата» Шукле, «известного корыстолюбца и флюгера», который обещал своим избирателям добиться субсидий правительства на строительство железной дороги в Нижней Крайне, но, естественно, это для него путь в рейхсрат и «политическая игра». «Если кто-то и выпросит нижнекрайнюю ж/д, то это точно будет не профессор Шукле!»⁴¹⁷. Обвинения были напрасными, Шукле на самом деле настоял на этом, и в 1890-м г. правительство утвердило проект строительства и выделило финансирование⁴¹⁸. Через много лет Шукле в воспоминаниях писал, что «важнейшим экономическим достижением словенцев в то время стали железные дороги Нижней Крайны»⁴¹⁹.

Деятельность эластиков — депутатов крайнского провинциального собрания также подвергалась радикалами резкой критике. Больше всего обе стороны полемизировали по поводу вызвавших раскол голосований 1883 г. Радикалы считали, что решение собрания выделить 600 гульденов на дополнительное обучение немецкому языку «нельзя оправдать». Оно было «неполитическим» и «задело национальные чувства и немцев, и словенцев»⁴²⁰. Общие выводы радикалов о деятельности словенских депутатов рейхсрата и крайнского провинциального собрания были неутешительными. «Мы получаем от пр-ва пинок за пинком, но наша «национальная» партия все время идет за правительством»⁴²¹. Очень резко высказался на эту тему Хрибар в письме к Д. Майарону: «Все с лизоблюдством! Как собаки! Будут ползать у тебя в ногах, и вилить хвостом, чтобы выказать как можно больше знаков преданности»⁴²².

И еще несколько важных пунктов расхождений. Эластики уделяли мало внимания нуждам словенцев других областей. Радикалы упрекали их в том, что их «совсем не волнует угнетение словенцев в Штирии, Каринтии и Приморье», где «народность наша под постоянной и большой угрозой»⁴²³. В отличие от эластиков, радикалы выступили за объединение национальных сил словенцев. В «Словенском народе» прозвучал

⁴¹⁷ Slovan. 1. junija 1885. №11. S. 171–172; 15. junija 1885. №12. S. 187–188.

⁴¹⁸ *Cvim J. Razvoj...* S. 269.

⁴¹⁹ *Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del.* S. 164.

⁴²⁰ Slovan. 12. aprila 1884. №17. S. 133–134.

⁴²¹ *Ibid.* 25. septembra 1884. №40. S. 318.

⁴²² Хрибар — Майарону. 5.8.1886, Любляна. RZ NUK. Ms. 1492. Ilešič, Fran. *Zapuščina. IV. Tuje ostaline. Danilo Majaron: IV. 5. 1. Korespondenca: Hribar I. (11, 1886–1887).* S. 5.

⁴²³ Slovan. 25. septembra 1884. №40. S. 318.

призыв создать «общесловенское общество в защиту национальных прав», в котором должны объединиться патриоты Штирии, Крайны, Каринтии, Истрии, Триеста и Горицы. «Слован» высказался в поддержку этой инициативы⁴²⁴. Во главу угла радикалы ставили национальный вопрос, экономические потребности словенцев были для них на втором плане. Нельзя продавать национальность «ради материальных выгод», считали они⁴²⁵. Эластики уделяли вопросам экономического развития значительно больше внимания. Шукле писал, что экономические тяготы и обнищание гораздо более опасный противник словенского народа, нежели все немецкие бюрократы⁴²⁶.

Еще в 1884 г. «Слован» сетовал на то, что борьба между радикалами и эластиком ослабляет деятельность словенских патриотов и компрометирует их в глазах противников. Кос писал: «Самое печальное [...] то, что мы, «молодые», переругались друг с другом, в то время как клерикалы и приспешники немцев остались сплоченными»⁴²⁷.

В конце 1884 г. Шукле уехал в Вену, где стал преподавателем в одной из гимназий. А осенью Шукле был избран депутатом рейхсрата, энергично выступал в нем за права словенцев и стал лидером словенских депутатов — вопреки мнению радикалов, что он будет в рейхсрате «статист, без какой-либо защиты и влияния»⁴²⁸. В декабре 1885 г. в Любляне прошла встреча лидеров эластиков и радикалов и был заключен «мир». Газета «Люблянски лист» перестала выходить в конце 1885 г. В 1886 г. «Словенский народ» перешел в руки радикалов, и Шукле стал присылать в него сообщения из рейхсрата. Конфликт практически исчерпал себя и во второй половине 1880-х гг. окончательно сошел на нет. Шукле, вспоминая о нем по прошествии 42 лет, писал, «что никакого разумного повода для вспышки этой многолетней вредной борьбы не было»⁴²⁹.

Словенский историк культуры И. Приятель отмечал: «Радикальная партия Тавчара-Хрибара была необходима как недремлющий народный страж, чтобы народ, получая крохи от Вены, не заснул и не выпустил из внимания дальнейших перспектив»⁴³⁰. Радикалы стремились к утверждению роли словенского языка и выполнению словенских национальных требований во всех провинциях, где проживали словенцы,

⁴²⁴ Ibid. 26. julija 1884. №31. S. 244.

⁴²⁵ Ibid. 15. maja 1885. №10. S. 157.

⁴²⁶ Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 149–150.

⁴²⁷ Prijatelj I. Med Levčevim... S. 138.

⁴²⁸ Slovan. 1. junija 1885. №11. S. 172.

⁴²⁹ Šuklje F. Iz mojih spominov. I. del. S. 130.

⁴³⁰ Prijatelj I. Slovenska... Zv. V. S. 190.

к объединению усилий словенских патриотов и созданию общесловенского общества. Требования эластиков были более умеренными, они хотели добиться уступок от правительства, не вступая с ним в конфликт. Они защищали национальные права словенцев (прежде всего, в своей провинции), но при этом выступали против их конфронтации с немцами, уделяли больше внимания экономическим проблемам. Позиция радикалов была бескомпромиссной и идеалистической, политика компромиссов и «собирания крох», проводившаяся эластиком, была более взвешенной и реальной, и в результате нее словенцы получили от Тааффе довольно много национальных концессий.

Если в конце 1860-х — начале 1870-х гг. был конфликт между представителями разных поколений — «старословенцами» и «младословенцами», то в начале 1880-х гг. противостояли друг другу представители одного, молодого, поколения. И конфликт между ними имел не только идейный, но и во многом личный характер. Шукле, Хрибар и Тавчар в то время только вышли на политическую арену, в последующие десятилетия они стали крупными словенскими политиками, занимали в Крайне высокие посты. Хрибар, а потом Тавчар были жупанами Любляны, Шукле в начале XX в. несколько лет являлся главой провинции Крайна. Эти люди во многом определяли направления дальнейшего развития либерального движения в словенских землях. Лидер эластиков Ф. Шукле и в 1890-е гг. в плане словенских требований продолжал придерживаться позиций рациональности и умеренности, а на рубеже веков порвал с либералами и вступил в партию католиков. В конце XIX — начале XX вв. Тавчар и Хрибар возглавляли партию либералов. Хрибар так и остался славянофилом и русофилом, впоследствии главным пропагандистом неославизма среди словенцев, а Тавчар стал сторонником союза с немцами. И уже радикально настроенные представители следующего молодого поколения выражали недовольство умеренностью требований и бездеятельностью партии либералов, отсутствием у нее самостоятельной экономической программы, ее союзом с Немецкой партией и, отколовшись от нее, основывали свои группировки.

Сорожкина Юлия Олеговна

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ НА ПРИМЕРЕ СЕРБСКОЙ СТОЛИЦЫ В 1878–1914 гг.

Аннотация. В статье с привлечением широкой базы источников рассматривается вопрос о характере и основных векторах модернизации в Белграде во второй половине XIX – начала XX вв. В 1878 г. Сербия окончательно стала независимым государством, что рождало необходимость модернизации традиционных элементов действительности. Белград как столица государства первым испытывал на себе попытки всестороннего реформирования.

Власти Сербии и городская администрация предпринимали меры по изменению облика города: заботились о качестве и чистоте улиц, городских пространств, формировали систему городского общественного транспорта, модернизировали систему уличного освещения. После обретения независимости существенно изменился архитектурный облик Белграда. Новые здания в центре города строились в европейском стиле. В связи с притоком населения в столицу город расширялся. Власти должны были разработать правовые нормы, которые бы регулировали постройку частных домов для борьбы с неконтролируемым и некачественным строительством.

Однако такие изменения не были бы возможны без инициативы, исходящей и от самих жителей столицы, которые зачастую выступали с предложениями по усовершенствованию Белграда. Анализ количественного и качественного состава его жителей помогает определить, какие запросы могут формировать граждане к окружающему их городскому пространству. Во второй половине XIX в. наблюдается усложнение социальной структуры: появляются новые представители сферы услуг, а также представители таких профессий, которые требуют специального образования (врачи, адвокаты, учителя и т.д.).

Столица независимой Сербии должна была меняться в соответствии с государственными задачами и с общими для страны представлениями о модернизации, сохраняя некоторые традиционные элементы повседневности.

Ключевые слова. Белград, модернизация, Сербия, урбанизация, политические процессы.

Yulia Sorozhkina

MODERNIZATION PROCESSES IN THE BALKANS ON THE EXAMPLE OF THE SERBIAN CAPITAL IN 1878–1914

Abstract. The paper examines the nature and main vectors of modernization in Belgrade in the second half of the XIX – early XX centuries with the involvement of a wide base of sources. In 1878 Serbia finally became an independent state, which created the need to modernize the traditional elements of reality. Belgrade, as the capital of the state, was the first to experience attempts at comprehensive reform.

The Serbian authorities and the city administration took measures to change the appearance of the city: they took care of the quality and cleanliness of streets, urban spaces, formed a system of urban public transport, modernized the street lighting system, etc. After independence, the architectural appearance of Belgrade has changed significantly. New buildings in the city center were built in the European style. Due to the influx of population to the capital, the city expanded. The authorities had to develop legal norms that would regulate the construction of private houses in order to combat uncontrolled and substandard construction.

However, such changes would not have been possible without the initiative coming, among other things, from the residents of the capital themselves, who often made their own proposals for improving Belgrade. The analysis of the quantitative and qualitative composition of its inhabitants helps to determine what requests citizens can form to the urban space surrounding them. In the second half of the XIX century there is a complication of the social structure: there are representatives of the service sector, as well as representatives of professions that require special education (doctors, lawyers, teachers, etc.).

The capital of independent Serbia had to change in accordance with state tasks and with the country's general ideas about modernization, while preserving some traditional elements of its everyday life.

Keywords. Belgrade, modernization, Serbia, urbanization, political processes.

Балканский регион в XIX в. становится объектом пристального внимания ряда европейских стран, что во многом было вызвано ростом освободительной борьбы славянских народов, проживающих в регионе и по-прежнему инкорпорированных в Османскую империю. Сербия —

одно из первых славянских государств, которое начало активно противостоять турецкой власти и добилось определенных результатов, получив в 1830 г. статус автономии. Берлинский трактат (1878 г.) позволил Сербии завершить долгий путь борьбы за свой государственный суверенитет.

В контексте особого пути сербской модернизации, сопряженной со стремлением к европеизации, процесс урбанизации Белграда имел отличительные особенности. Для анализа модернизационных процессов в Белграде необходимо выделить ключевые характеристики его жителей.

Большинство населения Сербии в изучаемый период занимались сельским хозяйством, городское население оставалось малочисленным. Иная ситуация наблюдалась в столичном Белграде, где численность населения непрерывно росла.

Источники свидетельствуют о том, что в Белграде был низкий процент беднейшего населения⁴³¹. Проблема пауперизации вообще не стояла в сербском обществе в силу патриархальной, задружной модели. Стоит обратить внимание также на состав белградского общества по профессиональному признаку⁴³². Совершенно логичным кажется большое количество торговцев, изготовителей одежды и обуви, работников кафан и механ и других представителей сферы услуг. При этом можем видеть, что все больше появляется представителей тех профессий, которые требуют специального образования (адвокаты, врачи, учителя, фотографы и др.), что также свидетельствует о тенденции усложнения социальной структуры и качественном изменении нужд городского населения.

Сербия, несмотря на свою многовековую историю, во второй половине XIX в. должна была формировать собственные кадры интеллектуальной элиты для удовлетворения базовых задач, стоящих перед суверенным государством.

Положение дел в сфере школьного образования начинает меняться к концу столетия. К началу 1890-х гг. в Белграде в основных (средних) школах работали 69 учителей и учительниц⁴³³. С одной стороны, можно увидеть, что городские власти путем государственной поддержки учите-

⁴³¹ Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь // Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. Т. I. С. 47.

⁴³² Регистар лица према занимањима 1875–1881 // ИАБ. Ф. УТБ. Бр. 222. Л. 1–62.

⁴³³ Спискови учитељица и учитеља у Београду // Живети у Београду: документа управе града Београда. Књ. 6, 1890–1940 / Приређивачи Милан Ристовић и др. Београд, 2008. С. 424.

лей, в том числе путем выплаты пенсий после окончания преподавательской деятельности старались создать единый слаженный и работающий механизм в сфере образования. С другой стороны, рост общего числа учителей за предшествующие 30 лет не был значительным.

Логичным продолжением, в связи с развитием школьного образования, является инициатива властей по созданию полноценного университета. В 1863 г. в Белграде открывается на базе существовавшего с 1838 г. Лицея Высшая школа («Велика школа»). Это образовательное учреждение должно было решать схожие задачи, что и университеты в Европе. И лишь в 1905 г. Высшая школа будет преобразована в Белградский университет.

Увеличение общего количества образованных людей в Белграде, появление интеллектуальной, политической, военной элиты приводило к возникновению потребностей в особых способах проведения досуга. Привилегированные слои белградского общества стремились перенести на сербскую почву европейские развлечения — посещение театральных постановок и светских мероприятий. Так, например, часть белградского общества с удовольствием начала давать балы и участвовать в них.

Обретение Сербией полного государственного суверенитета кардинально изменило характер урбанизации Белграда как ее столицы. Теперь город должен был развиваться стремительно, теряя уже устаревшие характеристики и приобретая столичные функции и особые институты. Белград должен был не только отвечать на вызовы времени, но и быстро реагировать на общественные запросы.

Белград был городом, который имел долгую историю и исторически входил в различные государственные образования, что находило отражение и в его внешнем облике. Именно поэтому сербские власти после обретения Сербией даже относительно независимого положения должны были решить, сохранит ли будущая столица наследие прошлого и на этой почве будет развивать новые черты городского пространства или же придется окончательно разрушить старые традиционные модели и отстраивать столицу с нуля. Государственные власти избрали первый вариант, поэтому в городском пространстве Белграда некоторое время явно выделялись традиционные и инновационные элементы.

В середине 1870-х гг. в городе уже отчетливо можно увидеть две части: турецкую крепость Калемегдан с разрушенным старым городом и новую часть города, раскинувшуюся на южном склоне Врачара⁴³⁴. Важно подчеркнуть: столичные власти не стремились отстроить город по единому плану и первоначально не регулировали исторически «непра-

⁴³⁴ Скальковский К.А. В стране ига и свободы. Путевые впечатления // Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. Т. I. С. 127.

вильные» улицы, однако, новые улицы создавались уже с учетом регулярной планировки, а новые здания и сооружения, по свидетельствам очевидцев, имели «уже вид весьма удовлетворительный»⁴³⁵.

Уже в 1870–1880-е гг. территория вокруг улицы Князя Михаила также была отрегулирована таким образом, что отрезок от Калемегдана до Теразии превратился в гармоничное пространственное целое, состоящее из стилистически однородных одноэтажных зданий, которые были жилыми или выполняли другие социально значимые функции⁴³⁶. Именно эта часть городского пространства надолго станет важным деловым и торговым центром столицы Сербии.

В 1870-е гг. Белград оставался скромным по своим размерам городом (в 1874 г. в городе проживало 27 605 человек и было 3 372 частных дома)⁴³⁷. Постепенно город разрастался, что было вызвано притоком населения в сербскую столицу. Вновь прибывшие горожане предпочитали селиться на окраине в районах Палилула и Врачар, поэтому именно там шло активное строительство⁴³⁸. Дома хоть и создавались с оглядкой на европейские аналоги, но все же большинство из них были построены из некачественного материала и без соблюдения базовых гигиенических требований.

Несмотря на ряд качественных изменений, жилищный фонд столицы Сербии и в конце 1880-х гг. не отвечал запросам социума. Согласно переписи 1889 года, только 2098 домов из 5448 были сделаны из твердого и прочного материала⁴³⁹. Постройки по-прежнему были преимущественно невысокими, большинство из них деревянными, «весьма незатейливой архитектуры»⁴⁴⁰.

Белград постепенно перенимает принятые в Европе архитектурные приемы и стили, но долгое время использует их только при застройке центральной части города. Здание Высшей школы и Народного театра — яркие примеры такого рода заимствований. Дома членов сербской элиты также отстраивались в духе времени и исходя из желания следовать модным тенденциям. Прозаик и публицист Е.Л. Марков, приехавший в Белград летом 1895 г., сообщает, что известный политический

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ *Ротер-Благојевић М.* Стамбена архитектура Београда у 19. и почетком 20. века. Београд, 2006. С. 50.

⁴³⁷ *Ротер-Благојевић М.* Стамбена архитектура Београда у 19. и почетком 20. века. Београд, 2006. С. 52.

⁴³⁸ *Ibidem.*

⁴³⁹ *Ibid.* С. 54.

⁴⁴⁰ *Ibidem.*

делец Йован Ристич живет уже совсем по-европейски, его дом сооружен в европейском стиле, есть лакей, докладывающий о посетителях⁴⁴¹.

Городские власти все же предпринимали попытки модернизации жилищного фонда простых граждан. На рост строительства повлияла разработка правовых норм, которые регулировали строительство зданий в черте города. С образованием Комитета по строительству и после принятия Закона о строительстве в Белграде (декабрь 1896 г.), а также Руководства по строительству в Белграде (март 1897 г.) был налажен относительный порядок в прежде неконтролируемом и некачественном строительстве⁴⁴².

Внешний облик города формируется не только за счет существующих архитектурных стилей, но и благодаря качеству улиц, их чистоты, организации дорожного движения. Происходит постепенное мощение улиц, что было призвано улучшить их качество и придать городу более современный европейский вид. Первоначально мощение городских дорог происходило на основе запросов местного населения, которое было вынуждено доказывать необходимость обустройства конкретных улиц. В этом контексте нельзя игнорировать сообщения русских путешественников, которые очень внимательно анализировали условия жизни в Белграде и в своих мемуарах оставляли их критический разбор. Писатель К.А. Скальковский, побывавший в Белграде в 1875 г., сравнивал местные тротуары с челюстями акулы, передвижения по которым тщательно избегали пешеходы⁴⁴³.

Еще одна проблема, которую нужно было решить столичному городу — возможность быстрого перемещения по нему. Некоторый прообраз общественного транспорта появляется в сербской столице в 1880-е годы. Таким видом транспорта стал омнибус — многоместная конная повозка. Источники содержат сведения о появлении четко фиксированных тарифов по оплате услуг извозчиков такого вида транспорта⁴⁴⁴, что безусловно свидетельствует о широком распространении этого явления.

⁴⁴¹ *Марков Е.Л.* Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. Т. I. С. 347.

⁴⁴² *Ротер-Благојевић М.* Стамбена архитектура Београда у 19. и почетком 20. века. Београд, 2006. С. 55.

⁴⁴³ *Скальковский К.А.* В стране ига и свободы. Путевые впечатления // Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. Т. I. С. 127.

⁴⁴⁴ Молба за одобрење цене вожње омнибусом са коњима // Живети у Београду: документа управе града Београда. Књ. 5, 1879–1889 / Приређивачи Милан Ристовић и др. Београд, 2007. С. 338.

В начале XX в. в городе полноправным участником дорожного движения становятся электрические трамваи. О степени распространения такого явления в Белграде свидетельствует также желание градоначальника А. Стевановича регламентировать деятельность «Трамвайного общества», поскольку «появление трамваев привело к возникновению разнообразных отношений между Трамвайным обществом, публикой и властью»⁴⁴⁵. Примечательно, что источники не содержат информации о том, где и как проходили подготовку водители трамваев. Возможно, именно это и приводило к многочисленным авариям с их участием.

Внешний вид Белграда существенно видоизменялся во второй половине XIX в. Все это стало возможным только потому, что менялись представления местного населения о комфорте и эстетике, его жизненные условия и выполняемые задачи. Такое привычное в современной повседневности явление городской жизни как освещение уличного пространства в реалиях XIX в. было настоящим прорывом, потому что не только обеспечивало комфорт горожан, но и их безопасность, а во многом делало возможным появление и расцвет ночной уличной жизни. То есть таким образом тоже структурировало городское пространство.

Система городского освещения достаточно быстро трансформировалась. В 1895 г. уже действовало электрическое освещение улиц, хотя и не было еще повсеместным⁴⁴⁶. Электрическое освещение улиц в Белграде появляется ненамного позже, чем в крупных европейских столицах, что в очередной раз доказывает стремление сербской власти идти в фарватере новых процессов усовершенствования городской среды. Однако жители Белграда не сразу восприняли предлагаемые инициативы и не были готовы перейти на электрическое освещение не только в своих домах, но и на столичных улицах. На страницах газеты «Београдске обштинске новине» развернулась кампания по просвещению местного населения, чтобы познакомить граждан с несомненными достоинствами электрического освещения в городе. На страницах городской газеты приводились сведения об отсутствии угроз для здоровья людей при использовании искусственного освещения, была предоставлена историческая справка, приводились данные сравнительного анализа

⁴⁴⁵ Нацрт правила Трамвајског друштва // Живети у Београду: документа управе града Београда. Књ. 6, 1890–1940 / Приређивачи Милан Ристовић и др. Београд, 2008. С. 391.

⁴⁴⁶ Улично осветљење у Кварту варошком // Живети у Београду: документа управе града Београда. Књ. 6, 1890–1940 / Приређивачи Милан Ристовић и др. Београд, 2008. С. 390.

газового и электрического освещения, которые доказывали, что использование электрического аналога не только совершенно безопасно, но и выгодно⁴⁴⁷.

Усложнение социальной структуры вынуждало меняться окружающее городское пространство Белграда. Горожане все больше предъявляли к городским властям запросы на безопасность и комфортные условия жизни, но к ним добавлялись требования экономических и правовых преобразований, особой организации досуга и интеллектуальной созидательной деятельности.

Внешний облик города должен был меняться вслед за политическими и социальными изменениями. После анализа важнейших атрибутов инфраструктуры Белграда, можно согласиться с выводами А.Л. Шемякина, что столица Сербии пошла по пути «имитационной модернизации». Однако Белград не мог и не стремился окончательно порывать с традиционными особенностями менталитета, характерного для культурного кода сербов. Это было связано с тем, что городская власть все-таки претворяла в жизнь некоторые устремления столичного населения.

Европа выступала своеобразным ориентиром, что могло объясняться, с одной стороны, желанием Сербии поскорее встать в один ряд с великими европейскими державами хотя бы на основе внешнего сходства, а с другой — сугубо утилитарными стремлениями переносить на свою почву только нужные, но при этом лучшие модели тех или иных социальных институтов и социально значимых изобретений. Такими лучшими образцами сербы по праву считали европейские достижения.

Характерной чертой урбанизации Белграда являлось одновременное сосуществование двух направлений развития: попытки власти реформировать столицу «сверху» и желания населения удовлетворить собственные потребности путем формирования запросов «снизу». Политика государственной власти зачастую сводилась к несистемным заимствованиям культурных достижений Европы и попыткам перенести их на сербскую почву.

У Сербии в целом и Белграда в частности не оставалось времени на поиск своего уникального пути модернизации, поэтому, чтобы существовать в системе мировых геополитических условий, необходимо было использовать то, что веками нарабатывалось в Европе.

⁴⁴⁷ Београдске општинске новине. 1. јануара. 1891. С. 2.

Иванова Ирина Евгеньевна

**ВРЕМЕНА ОМЕР-ПАШИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ
И. АНДРИЧА «ОМЕР-ПАША ЛАТАС»**

Аннотация. Статья посвящена особенностям отображения в романе И. Андрича исторического события – похода в Боснию карательной армии султана Абдул-Меджида во главе с Омер-пашой Латасом. Автор описывает происходящие события с позиции местных жителей, которые видят в направленной из Стамбула армии и в ее действиях нашествие враждебных исламу, Боснии и всей Османской империи западных сил. Не являясь фактически врагами империи, сераскер и его ближайшее окружение ни в коей мере не уважали то, что было свято для местного населения: его религию, традиции, образ жизни. По мнению боснийцев, все в новых представителях султанской армии чуждое, западное: невиданная, европейская военная форма, неизвестные музыкальные инструменты военного оркестра, сами звуки их музыки. В отличие от потурченцев – носителей религиозных устоев, – Омер-паша и его соратники в действительности не исповедуют ислам, что быстро понимают местные жители. Насколько далеки эти пришлые новоиспеченные мусульмане от ислама и соблюдения его норм, демонстрирует описание их сараевского быта. Все, что связано с Омер-пашой, представляет угрозу привычному образу жизни османской провинции – сладкой турецкой тишине. Блеск и богатство прибывшей в Сараево армии противопоставлены нищете и серости местного населения. В романе через жизнь предметов показаны поведение людей, их взаимоотношения. Автор с помощью различных приемов демонстрирует беззащитность сараевских домов, боснийской земли, самого народа перед прибывшей армией. Он показывает страдания людей с помощью образа затоптанного, терпящего гнет пространства – дома, города, страны.

Ключевые слова. Османская империя, Босния, реформы, низам, ислам, сладкая турецкая тишина, Сараево.

Irina Ivanova

**THE TIMES OF OMER PASHA
IN HISTORICAL NOVEL
«OMER PASHA LATAS» BY I. ANDRIC**

Abstract. The article is devoted to the aspects of displaying a historical event in the novel by I. Andric – the campaign of the punitive army of Sultan Abdulmejid led by Omer Pasha Latas to Bosnia. The author describes the occurring events from the position of local residents, who see an invasion of Western forces hostile to Islam, Bosnia and the entire Ottoman Empire in the army sent from Istanbul and in its actions. Not being actually enemies of the empire, the seraskier and his inner circle in no degree respected what was sacred to the local population: their religion, traditions, way of life. According to the Bosnians, everything in the new representatives of the Sultan's army is alien, Western: a never-seen-before European military uniform, unknown musical instruments of military orchestra, the very sounds of its music. In contrast to the Turkic people who carry religious principles, Omer Pasha and his associates do not actually profess Islam, which the locals quickly understand. How far these newly-minted Muslims are from Islam and its observance is shown by the description of their life in Sarajevo. Everything connected with Omer Pasha poses a threat to the normal life of the Ottoman province – the sweet Turkish silence. The shine and wealth of the army that arrived in Sarajevo are contrasted with the poverty and drabness of the local population. In the novel, the behavior of people, their relationships are shown through the life of objects. The author, using various techniques, demonstrates the defenselessness of the Sarajevo houses, the Bosnian land, the people themselves in front of the arriving army. He shows the suffering of people using the image of a trampled, oppressed space – houses, cities, countries.

Keywords. Ottoman Empire, Bosnia, reforms, Nizam, Islam, sweet Turkish silence, Sarajevo.

В незавершенном романе югославского писателя Иво Андрича «Омер-паша Латас» описывается поход 1850–1851 гг. в Боснию карательной армии во главе с Омер-пашой Латасом, направленной турецким султаном Абдул-Меджидом против своевольной, непокорной боснийской знати. По сути дела речь идет о гибели той гордой, независимой,

автономной Боснии, в которой за несколько веков османского владычества установились свои собственные порядки. События в книге показаны автором так, что у читателя возникает вопрос, какие именно силы разрушают существующий миропорядок в этой провинции Османской империи.

Во всяком случае, с уверенностью можно сказать, что для местных жителей фигура Омер-паши, турецкого командующего, символизирует неумолимо надвигающуюся победу Запада, отступление и скорую гибель восточной империи. Само появление этого уроженца Австро-Венгрии во главе турецкой армии свидетельствует о том, что султан не имел надежных и умелых военачальников, которые смогли бы разрешить поставленную перед ними задачу. И. Андрич пишет: «Никто другой не был способен и не смог бы справиться... с этой тяжелой и опасной работой»⁴⁴⁸. Положиться центральная власть смогла лишь на потурченца Омер-пашу и его соратников, также выходцев из европейских государств.

По словам историка Василя Поповича, в конце XVIII века основным отличием османской армии была дезорганизованность: «Регулярная турецкая армия состояла из пехоты — янычар и кавалерии — спахивей. Большая их часть жила гражданской жизнью и при необходимости по призыву Порты собиралась для участия в военных предприятиях: участия в военных действиях, усмирения взбунтовавшихся пашей и т.п... Янычары входили в состав гарнизона столицы и приграничных крепостей. В приграничные крепости янычары часто посылали в качестве своих заместителей дрянных людишек. Большинство их избегало участия в военных делах и либо вообще уклонялась от призыва, либо дезертировало и промышляло грабежами»⁴⁴⁹.

В этот период начинаются попытки султана Селима III, получившего европейское образование, провести реформы, модернизировать государство. Попытки реформирования империи, преодоления возникшего в течение столетий отставания в развитии от европейских стран продолжались и позже, в период правления султанов Махмуда II и Абдул-Меджида.

На протяжении XIX века Турция старалась осуществить реформы, которые должны были ввести регулярную армию, усилить чиновничий аппарат, создать гражданские суды, реформировать налоговую систему. По словам историка Славиши Недельковича, «главная цель этих реформ состояла в укреплении центральной власти... Турецкая империя

⁴⁴⁸ *Andrić I.* Omerpaša Latas. Beograd: Sezam book, 1981. P. 264. Здесь и далее перевод с сербского языка на русский. — *И.И.*

⁴⁴⁹ *Поповић В.* Источно питање. Београд: Никола Пашић, 2007. С. 81.

начинала реформы или в преддверии больших кризисов, или позже — с намерением преодолеть последствия уже разразившегося кризиса. Положения, провозглашаемые в султанских декретах, оставались невыполненными, и там, где что-то начиналось, ситуация только ухудшалась, так как реформы не затрагивали основ существовавших феодальных отношений»⁴⁵⁰.

Из текста романа читатель узнает, что боснийские мусульмане воспринимают направленного к ним во главе низама, новой турецкой армии, потурченца Омер-пашу как агента враждебных, западных сил. Само по себе принятие ислама представителями других конфессий в Боснии только приветствовалось. Политика исламизации покоренных народов была одним из путей укрепления империи, достаточно вспомнить о роли янычар в турецкой армии. Но, в отличие от потурченцев — носителей религиозных устоев, — Омер-паша и его окружение не исповедуют ислам. Они лишь носят мусульманские имена, во всем остальном оставаясь «презренными гяурами».

Автор романа пишет, что, глядя на командующего низамом Омер-пашу, люди замечали, что он «заключает в себе что-то чужое, дерзкое и вызывающее, что противоречит всем их представлениям об имперской службе и мусульманском военном достоинстве»⁴⁵¹.

В его ближайшее окружение, в так называемый Муртад-табор, входили поляки, мадьяры, евреи, что крайне тяжело переживало местное население. В романе читаем: «Среди ужасов, которые рассказывали о сераскере Омер-паше, были известия о целом отряде иноземцев, христиан и евреев, одетых в турецкую форму и носящих мусульманские имена, но на самом деле безбожников и тайных врагов всего мусульманского»⁴⁵². Высказывание в адрес Омер-паши одного из боснийских бегов было: «Нет в нем ни на грош турка»⁴⁵³. Противоречие заключалось в том, что, формально не являясь врагами империи, члены Муртад-табора ни в коей мере не уважали то, что было свято для местных жителей: их религию, традиции, образ жизни.

Насколько далеки пришлые новоиспеченные мусульмане от ислама и соблюдения его норм, демонстрирует описание их сараевского быта. Единственная круглосуточная забота этих людей — поиски алкоголя, что было совсем непросто в пределах проживания правоверных мусульман. Негодование вызывает у офицеров предстоящий поход в хамам,

⁴⁵⁰ Неделькович С. Стара Србија и турске реформе // *Časopis za društvene nauke*. 2006. №2. P. 235

⁴⁵¹ *Andrić I.* Omerpaša Latas. P. 21.

⁴⁵² *Ibid.* P. 32.

⁴⁵³ *Ibid.* P. 29.

предпринимаемый для того, чтобы Омер-паша мог заявить, что они совершили обряд обрезания. При этом им было известно, что в действительности процедура производиться не будет.

Прибытие командующего армией в Сараево поражает жителей города роскошью, красотой, организованностью, демонстрацией военной мощи. Появление командующего предвещает военный оркестр, одетый в «невиданную» (то есть европейскую) униформу и исполняющий «неслыханную» музыку»⁴⁵⁴, за ним следовали сытые, ухоженные кавалерийские офицеры в чистой и богатой одежде; сильные, откормленные кони тащили дальнобойные и короткоствольные горные орудия. Для большинства зрителей эта армия представляла собой часть далекого мира, не знающего ни нужды, ни страха⁴⁵⁵. И навсегда они запомнили апофеоз этого шествия — самого сераскера на белом коне с позолоченной уздечкой и красными кистями, в темно-синем, расшитом золотом мундире, с драгоценной эмблемой на феске — звездой из бриллиантов и других камней, сияющих и переливающихся золотым, синим и зеленоватым светом, каким только небесные светила могут сиять. Она была символом султанской власти и государственного могущества. Так описывает автор приезд Омер-паши в Сараево.

Вспомним, как в романе И. Андрича «Травницкая хроника» травницкие жители свысока смотрели на прибывшего к ним в сопровождении нескольких турецких офицеров французского консула: «процессия проследовала при общем равнодушии травничан... Но те, кому удалось украдкой рассмотреть процессию, были немного разочарованы столь жалким и прозаическим въездом консула Бонапарта, потому что большинство представляло себе консулов знатными сановниками в блестящей форме с орденами и позументами, на великолепных конях или в экипажах»⁴⁵⁶. Появление западного чиновника в таком непрезентабельном виде подсказывает читателю, что оно не нарушит привычного течения жизни в этом дальнем уголке турецкой империи.

Пышность военного парада, сопровождавшего вступление в Сараево Омер-паши, наоборот, соответствует представлениям местных жителей о том, как должны прибывать значительные персоны. Но автор романа подчеркивает, что все это великолепие было чужим и опасным.

В боснийских произведениях И. Андрича отражено представление местных жителей об идеальном образе жизни — о так называемой сладкой турецкой тишине, находящей выражение в размеренном существо-

⁴⁵⁴ Ibid. P. 8.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 9–10.

⁴⁵⁶ Андрич И. Травницкая хроника. Консульские времена. М.: «Панорама», 1996. С. 16–17.

вании, в привычных предметах местного быта: в уюте турецкого дома и сада, в традиционной одежде, в степенном времяпрепровождении уважаемых в городе людей (вспомним беседы старейшин в Лутвиной кафане из «Травницкой хроники» и на вышеградском мосту в «Мосте на Дрине»). Все, что связано с Омер-пашой, представляет угрозу этой жизни. Мы находим в романе противопоставление шума, производимого его армией, желанной боснийской тишине: жителям Сараева «казалось, что грохот барабанов и медных инструментов, свист фаготов и флейт навсегда повиснет в воздухе и будет следовать за ними по пятам, а не погаснет и не исчезнет, как это происходит с другими звуками... Боснийская знать слушала эту ненавистную музыку, мешавшуюся с их озабоченными размышлениями, которым гораздо больше подошли бы покой и тишина»⁴⁵⁷.

В период обнищания жителей этой турецкой провинции прибывшая армия противопоставлена местному населению по принципу «богатство — нищета». Офицеры Омер-паши, сытые, ухоженные, в чистой и богатой одежде... среди окружавшей их плохо одетой и голодной людской толпы⁴⁵⁸. Их отличает блеск, а местную жизнь серость, убогость: «сверкающая армия» противопоставит «серости сараевских улиц»⁴⁵⁹. Андрич пишет: «Вся площадь Мусалы была окружена двумя рядами солдат. На них все было новое и чистое... и они походили на любую западную армию. По сравнению с ними и их блестящими офицерами, айяны и другая местная знать выглядели изможденными, поношенными и производили жалкое впечатление»⁴⁶⁰.

Грохот и свист противопоставляются покою и тишине, сытое голодному, ухоженное, богатое, новое и чистое изможденному, плохо одетому, поношенному, жалкому.

Приход армии Омер-паши несет угрозу этому миру, об этом И. Андрич говорит прямо: «В Сараево вступает султанский сераскер с большой, хорошо организованной армией... с заданием сломить и покорить не взбунтовавшихся христиан или внешнего врага, а тех, кто веками правил Боснией»⁴⁶¹. Автор дает возможность читателю почувствовать надвигающуюся на боснийцев угрозу и имплицитно, через описание армейских частей, вошедших в Сараево. Один из художественных приемов И. Андрича заключается в том, чтобы через жизнь предметов показать поведение людей и их взаимоотношения. И в этом произведе-

⁴⁵⁷ *Andrić I.* Omerpaša Latas. P. 8.

⁴⁵⁸ *Ibid.* P. 9.

⁴⁵⁹ *Ibid.* P. 11.

⁴⁶⁰ *Ibidem.*

⁴⁶¹ *Ibid.* P. 6.

нии, демонстрируя беззащитность жителей Сараева перед прибывшей армией, он пишет: «Над крутым обрывом были полукругом установлены две батареи новейших немецких орудий, направленных на все районы города... Теперь он был как на ладони перед дулами пушек Омер-паши»⁴⁶². А описывая двенадцатитысячную армию под командованием сераскера, подчеркивает, что она «топчет боснийскую землю»⁴⁶³.

Лучшие в Сараеве дома, считавшиеся образцом принятой здесь турецкой архитектуры, а теперь занятые новым командованием, превратились в свою противоположность: «одноэтажные здания и склады... все больше напоминают казематы и комнаты пыток... В нижнем течении светлого и тихого Бистрика появился пугающий всех проклятый район»⁴⁶⁴.

Дом Муяги Телалагича, в котором живет артиллерийский полковник Арифбег, поляк, принявший ислам, страдает от собирающихся сюда на попойки офицеров: «Гости танцуют краковяк, и тонкий пол дома... построенного не для таких гостей и не таких телодвижений, прогибается под их сапогами и глухо стонет. А чардаш, который увлеченно танцуют двое мадьяр... такая архитектура и вовсе не может выдержать»⁴⁶⁵.

Повествователь показывает страдания людей через образ затоптанного, терпящего гнет пространства — страны, основания дома: «армия топчет боснийскую землю», «пол прогибается под сапогами» пришельцев.

Обращает на себя внимание появление в тексте романа «Омер-паша Латас» значительного числа заимствованной из западноевропейских языков, прежде всего из немецкого. В исторических произведениях И. Андрича, описывающих боснийскую действительность более раннего периода, подобные понятия выражались турцизмами или собственно сербохорватской лексикой. Прежде всего это слова, связанные с армией: *špalir*, *muštrati*, *ekspedicija*, *marširati*, *bivakovati*, *rekvirirati*, *uniforma*, *egzercir*, *disciplina*, *cokule*, *ranac*, *eskadron*, *signal*, *frontaš*, *parada*, *defilovanje*, *trupe*, *adutant*, *brigadni general*, *flota*, *demonstracija*, *pištolj*, *fagot*, *flauta*, *kapelmajstor*, *dirigentski štap*.

Также находим в романе заимствования, связанные с другими областями профессиональной деятельности Омер-паши и его ближайшего окружения: *lojlan*, *fotelja*, *degenerik*, *patentirati*, *ekonomija*, *profesija*, *dežurni*, *diskrecija*, *audijencija*, *trijumf*, *propagiranje*, *konzervativan*, *administrativni*, *maitre d'hotel*, *majordomo*, *majordomos*, *indiskretne aluzije*, *šef policije*, *civilna uprava*, *euforija*, *inženjerski*.

⁴⁶² Ibid. P. 20.

⁴⁶³ Ibid. P. 10.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 49–50.

⁴⁶⁵ Ibid. P. 65.

Это также слова, связанные с жизнью семьи Омер-паши: klavirska muzika, skicirati u bloku, cinizam, vandrokaš, arhimizerija, inkognito, atelje, galerija, barokni sekreter, štafelaj, insekt, evet-aparatura, mehanizam, meteor.

Появление большого числа европейской лексики способствует впечатлению инвазии Запада на боснийское пространство, оберегавшее себя в прошлом от всего, чуждого исламу.

Взгляд рассказчика на описываемые в книге события совпадает с точкой зрения местных жителей. Такая его позиция позволяет читателю почувствовать боль и гнев боснийцев, считавших себя истинными мусульманами, более преданными интересам Османской империи, чем, возможно, и сам султан. По их глубокому убеждению, никакие внешние сдвиги в сторону европеизации недопустимы, так как они ведут к полному крушению правильной жизни мусульманской Боснии и гибели всего государства.

Михайлова Алена Алексеевна

**СЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ВЫСТАВКИ 1867 г.: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
И СОВРЕМЕННОСТЬ
(На примере памятников этнографии Черногории)**

Аннотация. Центральное место в докладе уделено наследию Всероссийской этнографической выставки 1867 г., хранящемуся в Российском этнографическом музее. Эта выставка стала первой и единственной в истории мировой музейной практики контекстной репрезентацией многообразия славянских культур. В XX в. наследие выставки было востребовано мало, однако в XXI в. к нему возрос интерес со стороны стран – бывших югославских республик. Этнографические памятники середины XIX в. стали для них средством самоидентификации и исторической легитимации. Основной проблемой актуализации этого наследия спустя полтора столетия является то, что оно не может портретизировать современные национальные конструируемые, так как представляет хронологически дистанцированную культуру локальных сообществ иной политической и этноконфессиональной карты Балкан. Данный парадокс рассматривается на примере цетиньских и бококоторских костюмов, присланных к выставке первыми лицами Черногории. Принимая во внимание контактный характер этих двух, а также ряда других локальных традиций, делаются выводы о том, что культура памяти и диалог между южнославянскими народами должен выстраиваться исходя из принципа неделимости и невозможности рассмотрения их истории в отрыве фактора соседства.

Ключевые слова. культура памяти, традиционный костюм, этнокультурный ареал, этнографический факт, этномузеологический подход.

Alena Mikhaylova

**SLAVIC HERITAGE OF THE ALL-RUSSIAN
ETHNOGRAPHIC EXHIBITION OF 1867:
HISTORICAL CONTEXT AND MODERNITY
(On the Example of Montenegrin Ethnographic Artifacts)**

Abstract. The central place in the report is given to the legacy of the All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867, stored in the Russian Museum of Ethnography. This exhibition has become the first and only contextual representation of the diversity of Slavic cultures in the history of world museum practice. In the twentieth century the legacy of the exhibition was in little demand, but in the XXI century there has been increased interest in it by the countries formed from Yugoslavia republics. Ethnographic artifacts from the middle of the XIX century became for them a means of self-identification and historical legitimation. The main problem of updating this legacy after a century and a half is that it cannot portray modern national constructs, as it represents the chronologically distant culture of local communities of a different political and ethno-confessional map of the Balkans. This paradox is considered on the example of the Cetinje and Kotor costumes sent to the exhibition by the first persons of Montenegro. Taking into account the contact nature of these two, as well as a number of other local traditions, conclusions are drawn that the culture of memory and dialogue between the South Slavic peoples should be built on the basis of the principle of indivisibility and the impossibility of considering their history ignoring the fact of their neighborhood.

Keywords. culture of memory, traditional costume, ethno-cultural area, ethnographic fact, ethnomuseological approach.

Актуализация музейного наследия применительно к современности представляет собой научно-практическую задачу, решение которой помогает различным сообществам соизмерять свой историко-культурный багаж с глобальной системой координат. В теоретических подходах эта проблема рассматривается под разными углами и нередко выстраивается в едином контексте с понятием культуры памяти. В отсутствие устойчивого академического определения этого понятия большинство исследователей использует его интуитивно и относит к нему довольно

большой спектр смысловых характеристик⁴⁶⁶. Однако если сложить их в общую картину, то вкратце оно может быть истрактовано как стремление к корректному восприятию и интерпретации прошлого применительно к настоящему. Парадигмальные сдвиги, складывание новых идентичностных конструктов, политический ангажемент и многие другие факторы нередко становятся причиной манипулятивных искажений исторического знания, документальной частью которого является в том числе и музейное наследие. Для славянских народов Балканского региона в XXI в. данная проблема особенно актуальна и обращение к музейному наследию, как к источнику достоверной информации, способствует укреплению культуры памяти об их общем прошлом.

Собрание памятников традиционной культуры южных славян в Российском этнографическом музее по своему предметному и информативному содержанию, а также этнолокальной репрезентативности, является старейшим и богатейшим в мире. Без учета фотоиллюстративных материалов оно насчитывает около 2700 единиц хранения. Большая их часть представлена экспонатами с легендарной Всероссийской этнографической выставки, проходившей в Московском манеже в 1867 г. Ценнейшими среди них для теоретической реконструкции исторического этнокультурного ландшафта Балканского полуострова середины XIX в. являются традиционные костюмные комплексы, иллюстрирующие разнообразие локальных идентичностей, из которых сложились сербская, хорватская, словенская, черногорская, македонская и болгарская нации. Из таких локальных групп были в частности представлены морлаки, сержане, шокцы, загоряне, бокельцы и другие. Выставка стала самой масштабной, целенаправленной и контекстной репрезентацией традиционной культуры славян за всю историю этнографического экспонирования. Спустя полтора столетия в условиях кардинально изменившегося этнокультурного ландшафта ее материалы служат важнейшими свидетельствами о прошлом этих групп, о их расселении и самобытности. Наследие Всероссийской этнографичес-

⁴⁶⁶ *Аленькова Ю.В.* Культурная память и проблемы культурной идентичности // Копытинские чтения – I, II: сб. ст. Международной научно-практической конференции, г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / Под ред. М.И. Матюшевой. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2018. С. 114–116; *Ходнев А.С.* Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. №6. С. 218–221; *Красильникова Е.В.* Память культуры и культура памяти // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сб. мат. междунар. науч. конф. Челябинск, 26 февр. – 2 марта 2020 / Сост. Л.Н. Лазарева. Челябинск: ЧГИК, 2020. С. 67–68 и др.

кой выставки 1867 г., таким образом, можно рассматривать как документально зафиксированные этнографические факты и ценнейшие объективированные источники, отражающие реалии соответствующего исторического периода.

Всероссийская этнографическая выставка проходила с 23 апреля по 19 июня 1867 г., после чего большинство представлявшихся на ней экспонатов было передано в Московский публичный Румянцевский (Дашковский) музей, располагавшийся в Доме Пашкова. Памятники этнографии южных славян находились в этом здании до 1927 г. В 1923 г. они стали частью собрания Центрального музея народоведения, преобразованного в 1934 г. в Музей народов СССР, и неоднократно подвергались перемещению. С закрытием МН СССР в 1948 г. они были переданы в Государственный музей этнографии, ныне — Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург)⁴⁶⁷. Перемещение наследия выставки из одного здания в другое привело к его рассистематизации, частичным утратам и порче. Это затруднило его дальнейшее экспонирование и потребовало проведения долгой работы по атрибуции, систематизации и реставрации многих предметов. По этой причине уникальные памятники этнографии югославянских народов середины XIX в. оказались на периферии экспозиционной практики музея. Этому способствовала и специфика музея, тематически сосредоточенная на репрезентации культуры народов России и ближайшего зарубежья.

Интерес к балканским экспонатам с выставки 1867 г. внезапно проявился в начале XXI в. вследствие обновления идентичностных моделей на постъюгославском пространстве⁴⁶⁸. Отличительной чертой процесса складывания новых национальных конструктов стал поиск вдохновения в доиндустриальной эпохе — в исторической судьбе, фольклорном наследии, народной культуре, традиционных ценностях. Связь с прошлым становилась легитимизирующим фактором в утверждении новых государственных границ и политических приоритетов молодых

⁴⁶⁷ *Ипполитова А.Б.* История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. №2. С. 156.

⁴⁶⁸ *Калашникова Н.М.* Новая жизнь Первой этнографической выставки России // Россия и славянский мир на этнографической выставке 1867 г. / Под ред. В.М. Грусман, Н.М. Калашникова СПб., 2009. С. 24–28; *Керимова М.М.* Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. // Там же. С. 29–41; *Чуркина И.В.* Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы: сб. ст. / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 48–79; *Jezer-nik B.* The Moscow Ethnographic Exhibition of 1867 // *Zbiór Wiadomości do antropologii muzealnej*. 2019. №6. S. 7–28. <https://doi.org/10.12775/28368>. и др.

стран, а также фактором, объясняющим природу югославского кризиса и последовавших за ним трансформаций этнокультурного ландшафта. Следствием этого стала активизация споров вокруг этнографического наследия, в том числе музейного, продолжающихся по сей день. В этом контексте локальные идентичности середины XIX в. в стали предметом особого внимания, поскольку этническое самосознание их носителей не всегда соответствовало национальному, а территория их расселения в разные исторические периоды оказывалась в составе разных государственных образований. Это обстоятельство позволяет по-разному дефинировать национальную принадлежность локальных групп, а их культурное наследие становится предметом межгосударственных притязаний. Рассмотрение такого рода проблем через призму этномузеологического подхода, опирающегося на понятия этнокультурного ареала и этнографического факта, позволяет говорить о некорректности попыток размежевания ряда явлений общего прошлого южных славян в угоду утверждения современных мононациональных исторических концепций⁴⁶⁹.

Российский этнографический музей столкнулся с необходимостью осмысления данного феномена в начале 2000-х годов, когда совместно с коллегами из Этнографического музея в Скопье была начата подготовка к публикации каталога этнографических предметов, присланных к выставке 1867 г. с территории, занимаемой в настоящее время государством Республика Северная Македония. Большая часть этих предметов, главным образом компонентов традиционного костюма, в музейном собрании имела атрибуцию болгарских, поскольку македонская нация на момент выставки делала еще только первые шаги на пути к своему самоутверждению. Каталог был издан в Скопье в 2003 г. после проведения македонскими коллегами переатрибуции этих памятников⁴⁷⁰. В 2005 г. аналогичное издание вышло в Белграде по сербскому костюму⁴⁷¹. В нем были опубликованы не только предметы, бытовавшие

⁴⁶⁹ Михайлова А. А. Между сербами и хорватами: традиционные костюмы шокецев в собрании Российского этнографического музея // Этнографический музей как феномен культуры: материалы XX Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Российский этнографический музей, 2021. С. 232; *Она же*. Серезане на границе Габсбургской империи: проблема интерпретации музейного наследия в свете исторической трансформации этнокультурного ландшафта // Кунсткамера. 2021. №3 (13). С. 63. Doi 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-49-69.

⁴⁷⁰ Македонските колекции од фондовите на Рускиот Етнографски Музеј. Скопје: Музеј на град Скопје, 2003. 86 с.

⁴⁷¹ Колекција јесен/зима 1867: српска колекција из Руског етнографског музеја у Санкт Петербургу. Београд: Етнографски музеј, 2005. 110 с.

на территории, занимаемой современной Республикой Сербия, но и происходившие с территории бывшей австрийской Военной границы. В 2021 г. была начата работа над каталогом предметов, присланных на выставку с территории современной Республики Черногория. Помимо костюмов, присланных с Цетинье в него должны войти также памятники этнографии Которского побережья, находившегося в середине XIX в. в составе Австрийской империи. Характерной чертой этих и других примеров сотрудничества со специалистами из бывших югославских республик является то, что в их фокусе всегда оказываются исключительно предметы, ассоциируемые с собственной национальной культурой. Помимо уже названных причин, это связано и с реакцией этнических групп на глобализацию, когда посредством доиндустриального предметного кода они стремятся к брендированию своей уникальности.

Изучение наследия Всероссийской этнографической выставки неизбежно заставляет обращаться к ее истокам. К середине XIX в. проведение крупных выставок, позволяющих той или иной стране представлять на международное обозрение важные стороны своей жизни, было интенсивно осваиваемой практикой. Выставки проводились в крупнейших городах Европы и в историографии получили название «колонизальных». В 1851 г. в Лондоне прошла первая Всемирная промышленная выставка, на которой демонстрировались достижения передовых технологий, а также образцы традиционного декоративно-прикладного искусства, в том числе с Ближнего и Среднего Востока, которые впоследствии легли в основу собрания Музея Виктории и Альберта⁴⁷². В 1855 г. в Париже состоялась Всемирная выставка трудов промышленности, сельского хозяйства и изящных искусств, ставшая свидетельством стремительной модернизации традиционных форм объектного мира⁴⁷³. Человек, его возможности и будущее становились все более обсуждаемой в обществе темой. Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. в каком-то смысле также стала одним из способов этого осмысления. Однако в отличие от европейских прототипов она отсылала не к будущему, а к прошлому и была связана с осознанием постепенного растворения таких явлений, как традиционный быт, своеобразие и колорит народной жизни, веками накопленный опыт и, в силу этого, необходимости сохранения этих знаний.

⁴⁷² Матвеева П.А. Всемирные выставки как прототипы этнографических музеев // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Т. 58. С. 63.

⁴⁷³ Иноземцева И.Е. Всемирные выставки, их роль и значение // Аналитика культурологии. 2009. №1 (13). С. 125–129.

Идея устройства Всероссийской этнографической выставки была выдвинута в 1862 г. профессором Московского Университета антропологом А.П. Богдановым (1834–1896). Ее реализацией занималось Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, основанное в 1863 г. Другой профессор Московского университета историк славист Н.А. Попов (1833–1891) предложил расширить тематику выставки за счет этнографии славян Центральной и Юго-Восточной Европы, мотивируя это тем, что многие их представители проживали и в Российской империи⁴⁷⁴. С этой целью через газеты, личные связи и дипломатические каналы был разослан призыв к сбору экспонатов к выставке за рубежом. На него откликнулись многие общественные деятели, а также лично князя Сербии и Черногории. Большой объем координационной работы, в том числе связанной с транспортировкой вещей в Москву, был проделан священником при русском посольстве в Вене М.Ф. Раевским (1811–1884). Его переписка с различными общественными деятелями по организационным вопросам служит одним из ценнейших документальных источников при изучении балканского наследия выставки. Часть этой корреспонденции хранится в архиве Российского этнографического музея, другие ее фрагменты — в архиве Государственного исторического музея и отделе рукописей РНБ, а часть ее опубликована⁴⁷⁵. М.Ф. Раевский главным образом посредничал в контактах Комитета выставки с представителями славян Австрийской империи. Со славянскими деятелями из Пруссии, Саксонии и Турции Комитет осуществлял взаимодействие через российские консульства. Посредником в контактах с Черногорией выступал консул в Рагузе (Дубровнике) К.Д. Петкович (1826–1897), который также поддерживал связь по этим вопросам с М.Ф. Раевским.

Помимо архивной корреспонденции важнейшим источником по истории наследия служит «Указатель Русской этнографической выставки»⁴⁷⁶. Это издание было подготовлено по итогам мероприятия и вклю-

⁴⁷⁴ Этнографическая выставка 1867. Известия ОЛЕАЭ. М., 1878. Т. XXIX. С. 8.

⁴⁷⁵ АРЭМ Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Переписка Распорядительного комитета с разными лицами о собирании материалов для выставки; АРЭМ Ф. 5. Оп. 2. Д. 4. Письма разных лиц в Распорядительный комитет по организации Первой Всероссийской этнографической выставки; ОПИ ГИМ Ф. 347. Д. 8. Раевский М.Ф.; РО РНБ Ф. 608. Оп. 1. Д. 3359 Список вещей, посланных в Комитет московской выставки М.Ф. Раевским; Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. 576 с.

⁴⁷⁶ Указатель Русской этнографической выставки, устроенной Императорским Обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском университете. М.: Унив. тип., 1867; Путеводитель по Московской этнографической выставке. М.: Унив. тип., 1867.

чило в себя краткие сведения о народах и представлявших их традиционную культуру экспонатах, а также о лицах, внесших вклад в подготовку выставки. Эти сведения весьма ценны, но вместе с тем, не всегда точны, поскольку авторам указателя пришлось работать с очень большим объемом информации. В связи с этим многие приведенные данные «Указателя», а также последующих опиравшихся на него трудов о выставке требуют выверки по другим источникам⁴⁷⁷. Главное достоинство «Указателя» заключается в том, что в нем описана экспозиция именно так, как она была представлена публике в 1867 г.

Изучая наследие выставки, важно иметь в виду, что к числу ее экспонатов относятся также фотоиллюстративные материалы, среди которых встречаются портреты бывших владельцев присланных на выставку вещей. Эти фотографии позволяют представить себе первоначальный облик костюмов и тот порядок, в котором его компоненты сочетались друг с другом в период бытования. Важными визуальными источниками по истории Всероссийской этнографической выставки 1867 г. также служат альбом Н.М. Аласина с черно-белыми фотографиями обстановочных сцен выставки в Московском манеже⁴⁷⁸. Кроме того, в нескольких экземплярах были напечатаны и распространены снимки манекенов в традиционных костюмах, выполненные Т.А. Митрейтером в 1879–1881 гг. уже на экспозиции Московского публичного Румянцевского (Дашковского) музея⁴⁷⁹. Сами же вещи, то есть музейные памятники, как источник раскрывают свой информационный потенциал благодаря их соотнесению с нарративными и фотоиллюстративными документами, культурно-антропологическому и материаловедческому подходам, а также посредством компаративного метода, то есть их сравнения с предметами из других балканских коллекций.

⁴⁷⁷ Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М.: Унив. тип., 1867. 114 с.; *Миллер В.Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея / Сост. В.Ф. Миллер. Вып. 1–4. М.: тип. Е.Г. Потапова, 1887–1895. 4 т.; Путеводитель по отделениям иностранной этнографии: 1. Собрание Румянцевского музея. 2. Собрание Московского публичного музея. М.: Б. и., 1885. 95 с.; Иллюстрированный путеводитель по этнографическому музею: I. Отделение иностранной этнографии. II. Дашковский этнографический музей / Сост. Н.А. Янчук. М.: Б. и., 1911. 109 с. и др.

⁴⁷⁸ Русская этнографическая выставка в Москве 1867 года: фотоальбом. М.: Русская фотография, 1867.

⁴⁷⁹ В ГИМе хранятся черно-белые отпечатки, в РЭМе – раскрашенные акварелью. Эти же снимки встречаются в частных коллекциях.

В научной литературе проблема репрезентации традиционной культуры южных славян на Всероссийской этнографической выставке освещена в общих чертах⁴⁸⁰. Специальных работ на эту тему написано крайне мало, и их слабым местом является недостаточная подкреплённость данными источниками. Так, относительно недавно свет увидела статья сербской и черногорской исследовательницы М.М. Вукотић и А.В. Йовович, затрагивающая проблему соответственно сербского и черногорского наследия выставки⁴⁸¹. Несмотря на без сомнения назревшую необходимость собрать воедино и осветить сотрудничество сербских, черногорских и российских деятелей в насыщенном самыми разными политическими событиями 1867 году, в статье приводится ряд неверифицированных сведений и умозаключений о происхождении и количестве предметов с выставки. В большей степени это касается черногорского наследия, о котором еще не опубликовано специальных работ. Таким образом, возникает потребность обратить более прицельное внимание на музейные памятники по этнографии Черногории.

Черногорское наследие Всероссийской этнографической выставки представлено одним мужским и двумя женскими костюмными комплексами традиционной одежды и несколькими фотографиями, присланными из Цетинье (Рис. 1–3). С некоторыми оговорками к нему также можно отнести мужской и женский традиционные костюмы из Бокоторской области (Рис. 4, 5). Население этой австрийской окраины было смешанным по своему этноконфессиональному составу и называло себя бокельцами, а не черногорцами. Таким образом, важно иметь в виду, что присланные из Черногории костюмы отразили не только этнографические факты, но и политические реалии того времени.

В 1860 г. после смерти черногорского князя Данилы I Петровича Негоша (кн. 1852–1860) овдовевшая княгиня Даринка (1838–1892) содействовала вокняжению его племянника Николы (кн. 1860–1918). Благодаря этому первые годы правления князя Николы она сохраняла свое влияние, а также получала солидную пенсию из российской казны⁴⁸². В 1863 г. при дворе появилась еще одна влиятельная фигура —

⁴⁸⁰ Славяне Европы и народы России. СПб., 2008. 256 с.

⁴⁸¹ *Вукотић-Лазар М.М., Јовић А.В.* Делегације Србије и Црне Горе на Другом свесловенском конгресу и сверуској етнографској изложби у Москви 1867. године // Сборник радова Филозофског факултета у Приштини. 2018. Бр. 48 (1). С. 199–225. <https://doi.org/10.5937/zrffp48-16656>.

⁴⁸² *Ćosović M.* Darinka Petrović, prva žena sa političkim uticajem u Crnoj Gori // Informativni portal Analitika. 14. Februar, 2018. URL: <https://www.portalanalitika.me/clanak/293944—darinka-petrovic-prva-zena-sa-politickim-uticajem-u-crnoj-gori> (дата обращения: 26.04.2022); *Макушев В.В.* Дневник путешествия из Дубровника в Черногорию // Русский вестник. 1866. №3. С. 22.

архимандрит Никифор Дучич (1832–1900), приглашенный князем из Герцеговины. Призыв к содействию Всероссийской этнографической выставке, направленный на черногорский княжеский двор из Москвы, все три высокопоставленные особы восприняли как дело личной чести и нашли возможность откликнуться. Однако уже спустя несколько месяцев после отправки ими в Москву экспонатов, политический климат на Цетинье резко изменился. Вследствие интриг вдова и архимандрит были вынуждены навсегда покинуть Черногорию. Таким образом, присланные ими костюмы запечатлели исторический момент, в котором трое этих деятелей находились у одного политического руля.

В изданной и разосланной Комитетом «Инструкции для собирания предметов для этнографической выставки и русского музея, устраиваемых Обществом Любителей Естествознания», составленной профессором А.П. Богдановым, в частности, говорилось о том, что главное внимание при подборе экспонатуры должно было отводиться «типичным костюмам со всеми принадлежностями местного быта» и сопровождаться «фотографическими портретами с типичных лиц местного населения»⁴⁸³. Этому принципу следовали многие деятели, содействовавшие подготовке к выставке на территории империй. Они приобретали традиционные костюмы у крестьян, то есть старались сохранить акцент на репрезентации народной культуры. В Черногории же сословная стратификация общества носила менее выраженный характер. Князь Никола и княгиня Даринка, по всей видимости, несмотря на свой высокопоставленный статус, ощущали себя органичной частью народной среды, а потому пожертвовали для выставки костюмы из собственного гардероба. Это в некоторой степени расходилось с научными принципами выставки. Княжеские костюмы были сшиты из дорогих фабричных материалов и в большей мере отражали тенденции столичного стиля, чем крестьянскую архаику. В сопроводительных письмах к костюмам высокопоставленные особы не стали указывать информацию том, кому они принадлежали. В инвентарную опись Румянцевского музея эти комплексы были внесены как костюмы «богатого черногорца» и «богатой черногорки»⁴⁸⁴. Присланные на выставку фотографии, на которых, по некоторым предположениям, были изображены члены княжеской фамилии и ее ближайшего окружения, тоже были анонимными и имели подписи «черногорка с Цетинье» или «черногорец с Цетинье».

⁴⁸³ Этнографическая выставка 1867 ... С. 6.

⁴⁸⁴ АРЭМ Ф. 5. Оп. 4. Д. 186. Л. 38, 42. Инвентарь славяно-литовского отдела Румянцевского этнографического музея. Описание М.П. Сперанского (№ 1–396). Сербо-хорваты, болгары.

Мужской костюм из гардероба князя Николы по сути представлял собой униформу, утвержденную Петром II Петровичем Негошем (вл. 1830–1851) в середине XIX в. В комплект, в частности, входила фабричная хлопчатобумажная рубашка сложного покроя с отложным воротником, широкими манжетами и вышитым сбоку вензелем «N1». Народный же костюм середины XIX в. предполагал более грубые и простые домотканые рубахи, а многие черногорцы и вовсе обходились без них⁴⁸⁵. К костюму князя также прилагались изящные полуботинки, в то время как большинство черногорцев носили кожаные опанки. Традиционными элементами княжеского костюма были широкие ориентального типа штаны и характерные для динарской культуры суконные безрукавки. Поверх них обвязывались тканый и кожаный пояса, за которые затыкалось оружие⁴⁸⁶. Оружие носили все черногорские мужчины. К присланному костюму, в частности, прилагалась пара посеребренных пистолетов, называемых «пушке-леденице», и ятаган с сердоликками и с восточной вязью на клинке. Однако в Российский этнографический музей предметы оружия не попали. По всей видимости они были утрачены еще в Доме Пашкова. На время революционных потрясений оружие с выставившихся в нем манекенов было снято и закрыто в подсобном помещении. В 1926 г. оно было обнаружено новыми хозяевами музея, которые не знали о том, что это оружие является частью костюмных комплексов. Они сдали его в Государственный музейный фонд⁴⁸⁷. Оттуда оно предположительно было передано в Государственный исторический музей.

Будничный и праздничный женские костюмы, присланные Даринкой, также отличались от традиционных крестьянских. Ее юбки и рубахи были сшиты из тончайшей хлопчатобумажной ткани, а не из льняного холста. У обоих комплексов отсутствовали передники, что в целом нехарактерно для народного костюма. Безрукавки были выкроены из фабричного сукна, а головными уборами служили покупные шелковые платки. Вместо вязаных носков к костюму прилагались трикотажные чулки, на каждом из которых была вышита первая буква имени хозяйки — «Д». Кроме того, после выставки Даринка забрала обратно некоторые ценные компоненты костюма: металлический пояс, бархатную куртку с золотным шитьем, а также ожерелье и серьги. Таким образом, до наших дней черногорские костюмы с выставки 1867 г. дошли в неполном виде. Они демонстрируют стиль одежды высокопоставленных

⁴⁸⁵ *Медаковић М.* Живот и Обичаји Црногораца. 1860. С. 174.

⁴⁸⁶ Славяне Европы ... С. 19, 248.

⁴⁸⁷ АРЭМ Ф. 5 Оп. 4. Д. 91. Ст. 37. Дело этногалереи 1926 г. Разрешение на передачу учтенных экспонатов историческому музею.

черногорцев, проживавших на Цетинье в 1860-е гг., но не дают объективного представления о традициях черногорских племен, которые на тот момент еще сохраняли локальные особенности предметно-бытового кода населения княжества. Этот факт можно подтвердить цитатой из путевых заметок члена дипмиссии в Рагузе (Дубровнике) В.В. Макушева, посетившего княжество в 1865 г.: «Цетинье не Черногория, Черногорию нужно искать в горах за Цетиньем»⁴⁸⁸.

Еще один донатор, архимандрит Н. Дучич, в одном из своих писем к М.Ф. Раевскому писал, что изначально намеревался представить на выставке традиции своей родины — Герцеговины, но у него получилось достать только бококоторские костюмы. В письменных источниках отсутствуют сведения о том, где и у кого он их приобрел. Из этнографической литературы известно лишь то, что такие костюмы бытовали вдоль всего залива и одним из мест, где их можно было заказать, были мастерские в Которе. Тип этих костюмов сложился в XVI в. и вобрал в себя элементы итальянских, испанских, греческих, турецких традиций, что объясняется торговыми контактами бокельцев. Женский костюм сохранил такой архаический элемент как юбка с пришивным лифом, однако шит был из фабричных тканей: бархата, хлопка, ситца и золотной тесьмы. Суконных элементов в обоих костюмах было мало, что подчеркивало хозяйственную отстраненность бокельцев от горно-скотоводческой традиции черногорских племен.

Быт бокельцев определяло море: водный транспорт, промыслы, торговля. Большинство бокельских мужчин были членами профессиональных союзов. Одним из них было «Братство бокельских моряков» или «Бокельска морнарица» (сербохорв.) в Которе. Оно существовало с XIV в. и было связано с культом Святого Николая, покровителя мореходства, и культом Святого Трифона, покровителя Котора. Братство обороняло залив и участвовало в военных операциях на Адриатике и в Средиземноморье⁴⁸⁹. В XIX в. оно было упразднено как военная организация, но смогло сохранить себя как символ духовно-культурной жизни. Его атрибутами по сей день служат традиционный костюм, танец с элементами ритуальной архаики — коло Святого Трифона, похвальные молитвы в его честь и заповеди. Присланный черногорским архимандритом мужской бококоторский костюм представлял собой униформу «Братства бокельских моряков». Его отличали бархатный жилет с восьмью парами золотных кистей и особая расшитая золотной нитью поясная сумка из того же бархата, предназначавшаяся для ношения оружия. Самого оружия к бокельскому костюму не прилагалось. К нему также не

⁴⁸⁸ Макушев В. В. Дневник... С. 35.

⁴⁸⁹ Čuić V. Bokalji između Boke i Trsta // Naše more. 2006. Br. 53 (1–2). S. 77–88.

было прислано ни фотографий, ни инструкции по монтажу, из-за чего организаторы выставки по ошибке надели сумку на женский манекен. Во всех опубликованных за последние полтора столетия материалах выставки она представлялась как часть женского костюма⁴⁹⁰.

Все пять упомянутых костюмов демонстрировались на выставке в разделе «Черногорцы». Для антуража в Московском манеже был сооружен макет горной тропы, вдоль которой были расставлены манекены (Рис. 6). Из ботанического питомника специально для этой сцены были привезены образцы растений, произрастающих в Черногории. В Указателе, в частности, говорилось, что: «черногорцы — это ответвление сербского племени, а население Которского залива состоит с ним племенной связи и тоже исповедует православие»⁴⁹¹. В то же время в Указателе не сообщалось о том, побережье Которского залива было зоной встречи православия и католичества. Так, по данным австрийской переписи 1857 г. в Которе насчитывалось 7320 католиков и 7797 православных жителей⁴⁹². В переписи не приводилось данных по этнической принадлежности населения, поскольку при попытке собрать эти данные в 1851 г. переписчики столкнулись в том, что население испытывало сложность в самоидентификации, предпочитая локальное самоопределение этническому⁴⁹³. В официальной статистике учет населения этой области по этническому принципу, в том числе с использованием определений «хорваты» и «черногорцы», был проведен лишь в 1948 г.⁴⁹⁴. Эти данные дают основания скептически относиться к попыткам отождествления бокельской и черногорской традиций как этнически однородных.

Так, в 2017 г. Черногория обратилась в ЮНЕСКО с просьбой признать «морнарицу» своим нематериальным культурным наследием. Это вызвало бурный протест в Хорватском саборе. Хорватские общественники и Которская епархия заявили об определяющей роли католиков в создании и сохранении братства, а в хорватских СМИ прозвучали реплики о том, что черногорцы хотят конфисковать у хорватов их

⁴⁹⁰ Славяне Европы ... С. 249.

⁴⁹¹ Указатель ... С. 82.

⁴⁹² Statistische Übersichten über die Bevölkerung und den Viehstand von Österreich nach der Zählung vom 31. October 1857. Kaiserlich-Königlichen Hof und Staatsdruckerei, Wien, 1859. P. 42.

⁴⁹³ *Zupanc I.* Habsburški popis stanovništva 1857. godine // Geografski horizont. 2007. Br. 53 (1–2). S. 7–11.

⁴⁹⁴ *Mak K.* Povijesni pregled promena u etničkoj strukturi stanovništva Boke Kotor-ske // Časopis KSIO. 2018. Br. 1. S. 53. Doi: 10.5281/zenodo.3235288.

многовековую традицию и часть «хорватского кода»⁴⁹⁵. От имени Республики Хорватия в ЮНЕСКО была подана параллельная заявка на признание «морнарицы» хорватским культурным наследием⁴⁹⁶.

Одним из аргументов в споре за культурное наследие стал тот факт, что в 1860 г. православные члены «морнарицы» покинули ее и создали, так называемую Сербскую гарду. Ее униформа отличалась другим фасоном головного убора и верхней куртки, а также вышитыми на оружейной поясной сумке символами сербства (так называемыми «4 С»). Эти обстоятельства напрямую не указывают на то, что в Москву были посланы католические костюмы, но заставляют усомниться и в том, что их носили именно православные бокельцы. Объективно можно утверждать лишь то, что аналогичные присланным на выставку костюмы бытовали у славянского населения побережья Которского залива на территории Австрийской империи и позволяли отличать их от жителей Черногории, Турции и других мест. Ни материалы, ни фасон, ни орнамент не указывают на этноконфессиональную принадлежность их бывших владельцев. Таким образом, речь идет о локально-ареальном культурном историческом феномене, возникшем благодаря вековым межкультурным коммуникациям, который на сегодняшний день не может быть истрактрован как принадлежащий какой-то одной этнической группе.

Феномен Братства бокельских моряков, включая костюм и традиции, был утвержден в списке нематериального культурного наследия Черногории в декабре 2021 г. В принятом документе тема этничности не фигурирует, оговаривается лишь то, что к феномену причастны «все имеющие к нему отношения общины», и к нему не может применяться термин «культурная собственность»⁴⁹⁷. Это далеко не первый случай, когда список ЮНЕСКО становится ареной борьбы за традиции между балканскими странами. С научных позиций, в таких случаях речь идет

⁴⁹⁵ *Vuksanović*. Bokeljska mornarica je neprijeporno kulturno dobro hrvatskog naroda u Crnoj Gori. Radio dux – Radio hrvatske nacionalne manjine 24.11.2021. URL: <http://www.radiodux.me/vijesti/drustvo/vuksanovic-bokeljska-mornarica-je-neprijeporno-kulturno-dobro-hrvatskog-naroda-u>; *Barić M.* Bokeljska mornarica je hrvatska katolička baština – iz priče Dražena Zetića na portalu Biram dobro. 30.01.2022. <https://www.hia.com.hr/iseljenistvo/hrvati-u-svijetu/item/25577-bokeljska-mornarica-je-hrvatska-katolicka-bastina-iz-price-drazena-zetica-na-portalubiram-dobro>; Hrvatska radiotelevizija. 1 na 1: Romano Bolković i Prof. dr. sc. Vanda Babić Galić. 19.01.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lab3umeWerY>

⁴⁹⁶ Decision of the Intergovernmental Committee: 15.COM 8.B.23 <https://ich.unesco.org/en/decisions/15.COM/8.B.23>

⁴⁹⁷ Decision of the Intergovernmental Committee: 16.COM 8.B.25 <https://ich.unesco.org/en/decisions/16.COM/8.B.25>

чаще всего не об этнических маркерах, а о локальных обычаях того или иного культурно-хозяйственного ареала.

Хорватско-черногорский спор вокруг феномена «Братства бокельских моряков» представляет собой наглядный пример того, как кризис новых идентичностей в балканских странах мобилизует культурное наследие и делает полемику об исторической правопреемственности частью международной повестки. Амбициозные попытки присвоения общего наследия отдельными странами свидетельствуют о сохранении в Балканском регионе комплекса нерешенных локальных и глобальных противоречий. В этом аспекте культура памяти, как кодекс защиты смыслов и символов от ангажированных интерпретаций, функционально ориентирована на снижение градуса этих противоречий. Усвоение подобного рода современных импульсов ее проводниками — научными и просветительскими институциями, в том числе музеями, могло бы стать фактором, благоприятствующим эффективному выполнению их миссии по поддержанию диалога культур. В то же время успешному выстраиванию этого диалога наилучшим образом способствовало бы резонирование идеи неделимости общего наследия и невозможности рассмотрения прошлого балканских народов в отрыве от фактора их соседства.

1. Манекен в мужском черногорском костюме.
1879–1881 г. Т.А. Митрейтер.
Из частной коллекции.

2. Манекен в женском праздничном костюме.
1879–1881 г. Т.А. Митрейтер.
Из частной коллекции.

3. Манекен в женском будничном костюме.
1879–1881 г. Т.А. Митрейтер.
Из частной коллекции.

4. Манекен в мужском бокельском костюме.
1879–1881 г. Т.А. Митрейтер.
Из частной коллекции.

5. Манекен в женском бокельском костюме.
1879–1881 г. Т.А. Митрейтер.
Из частной коллекции.

6. Сцена «Черногорцы». Московский манеж, 1867 г.
Н.М. Аласин. Русская этнографическая выставка
в Москве 1867 года: фотоальбом.
М.: Русская фотография, 1867. Л. 27.

Белов Михаил Валерьевич

**ЧЕРНОВАЯ ЗАПИСЬ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО
О ПОЕЗДКЕ В ЧЕРНОГОРИЮ (1841)
В ФОНДЕ РГАЛИ**

Аннотация. Путешествие Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) в славянские земли относится к ряду первых научных экспедиций, подготовивших преподавание и изучение славистики в университетах Российской империи. Поездка по Далмации в июле 1841 г. с посещением Черногории хорошо документирована как письмами П.И. Прейса его товарищу по университету М.С. Куторге, так и рядом корреспонденций и записей самого Срезневского. Однако в фонде Срезневского в Российском государственном архиве литературы и искусства находится черновик еще одного описания этой поездки, который ранее не публиковался. Этот рассказ (или, точнее, набросок, начало рассказа, поскольку текст не закончен) гораздо ближе по тону и стилистике известным письмам Срезневского матери — он также наполнен самоиронией и фиксируемой чуть со стороны сценографией действия. Отрывок содержит ряд новых деталей посещения Цетине.

Ключевые слова. И.И. Срезневский, П.И. Прейс, Черногория, ученые путешествия русских славистов.

Mikhail Belov

**DRAFT ENTRY OF I.I. SREZNEVSKY
ABOUT A TRAVEL TO MONTENEGRO (1841)
IN THE RSALA FUND**

Abstract. The travel of Izmail Ivanovich Sreznevsky (1812–1880) to the Slavic lands is one of the first scientific expeditions that prepared the teaching and study of Slavistics at the universities of the Russian Empire. A trip to Dalmatia in July 1841 with a visit to Montenegro is well documented both by letters from P.I. Preis to his university friend M.S. Kutorga, as well as by correspondence and records of Sreznevsky himself. However, the Sreznevsky fund in the Russian State Archive of Literature and Art has a draft of another

description of this trip, which has not been published before. This short story (or, more precisely, an outline, the beginning of the story, since the text was not finished) is much closer in tone and style to Sreznevsky's well-known letters to his mother — it is also filled with self-irony and the scenography of the action fixed a little from the side. The passage contains a number of new details of the visit to Cetinje.

Keywords. I.I. Sreznevsky, P.I. Preis, Montenegro, scholarly travels of Russian Slavists.

Путешествие Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) в славянские земли относится к ряду первых ученых экспедиций, подготовивших преподавание и изучение славистики в университетах Российской империи⁴⁹⁸. В ходе пребывания за границей в 1839–1842 гг. Срезневский сдружился с другим славистом Петром Ивановичем Прейсом (1810–1846). Тот был отправлен в ученое путешествие от Петербургского университета, а Срезневский — от Харьковского. В марте 1841 г. в Вене, встретившись с реформатором сербского языка Вуком Стефановичем Караджичем и еще двумя русскими путешественниками, отправленными в поездку на деньги Российской академии, Николаем Ивановичем Надеждиным и Дмитрием Максимовичем Княжевичем, они договорились о совместном туре по землям южных славян⁴⁹⁹.

Согласно первоначальному плану, встретившись в Триесте 1 мая того же года, Прейс, Срезневский, Надеждин, Княжевич с Караджичем в качестве гида должны были отправиться в путешествие по Далмации, Черногории, далее — либо в Боснию, либо в Загреб (Аграм) и оттуда в Сербию, Болгарию и на Афон⁵⁰⁰. Прейс прибыл в Триест 5 мая, через три дня сюда доехал Срезневский; Княжевич и Надеждин тем временем находились в Италии и обещали быть на месте 10 мая. Чтобы не терять времени Срезневский предложил Прейсу съездить в Венецию. Однако, когда друзья возвратились в Триест, Надеждин, Княжевич и Караджич уже отбыли в путешествие по Далмации⁵⁰¹. Таким образом, надежды

⁴⁹⁸ Никулина М.В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения // Из истории славяноведения в России: Труды по русской и славянской филологии. Вып. 2. Тарту, 1983. С. 75–94.

⁴⁹⁹ Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.О. Шафарыку, Куршату и др. (1836–1846) // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1891. С. 23. П.И. Прейс — И.И. Срезневскому, 22 марта 1841 г.

⁵⁰⁰ Там же. С. 26–28. П.И. Прейс — М.С. Куторге, 29 марта 1841 г.

⁵⁰¹ Там же. С. 30–31. П.И. Прейс — М.С. Куторге, 19 мая 1841 г.

путешествовать под руководством Караджича не сбылись, и они отправились в путь вдвоем.

Эта поездка по Далмации хорошо документирована как письмами Прейса его товарищу по университету Михаилу Семеновичу Куторге, так и рядом корреспонденций и записей Срезневского. В Черногорию друзья отправились на другой день после прибытия пароходом из Дубровника (Рагузы) в Котор 12 июля 1841 г. Впечатления Прейса, переданные его петербургскому корреспонденту, лаконичны и в основном содержат похвалы митрополиту Петру II Петровичу-Негошу: «В Катаро, если отворотишься от моря, то должен идти в гору и притом в *Черную Гору*. Укрепивши себя сном, мы начали карабкаться на эту Черную Гору. До границы черногорской только тропинки, по которым подниматься в июле месяце задача не маловажная. Очень нелегко идти несколько часов так, что каждый шаг вперед есть шаг выше и притом шаг крутой, если можно так выразиться. С границы черногорских владений до *Цетинья* проведена дорога, но только для всадника или пешехода. Туда и обратно совершил я это путешествие пешком. В Цетинье, столице черногорского владыки, мне понравилось все, кроме башни, увешанной головами турков. Владыка и сам против этого «дикого бесчеловечного обычая», но не хочет приступить к уничтожению его, чтобы «не обидеть своего народа». К сожалению, в Черной Горе мы могли провести не более дня. На другой день владыка должен был ехать в Катаро, и мы с ним. Что сказать о владыке? Приходишь в удивление, слушая его и разговаривая с ним. Человек красоты мужественной, росту исполинского. В одежде он мало отличается от своих подданных; но не носит оружия и не бреет бороды, как лицо духовное. О Черной Горе в свое время более»⁵⁰². Однако в опубликованных позднее тем же Срезневским письмах Прейса иные сведения о визите в Цетине не зафиксированы.

Сам Срезневский заносил свои впечатления в письма, адресованные его матери Елене Ивановне, которые составили своеобразный путевой дневник. На это указала уже М.Ю. Досталь: «Зачастую письма имели характер дневниковых записей, позволяющих день за днем следовать за молодым ученым в его путешествии...»⁵⁰³. Следует только добавить, что Срезневский стремился придать этим записям занимательность и форму литературного текста.

⁵⁰² Там же. С. 32–37. П.И. Прейс – М.С. Куторге, 19 августа 1841 г. Это письмо полностью воспроизводится в кн.: Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб. 2018. С. 334–340.

⁵⁰³ *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 46–47.

Поездка в Цетине описывается здесь в двухдневных записях: «12 июля, Цетинь в Черной горе. Сегодня утром в 5 часов стали мы подниматься на Черную гору. Поднимались часа два, — подъем тяжелый, — с каждым шагом выше по крайней мере на поларшина, и кое-где чуть не карабкаясь. Крепость котарская снизу нам казалась Бог знает как высоко; поднявшись на 6-ю долю высоты, она уже была под ногами, а залив Котарский как озерцо. Далее раскрылась вся бока⁵⁰⁴, а потом и море. И тут нас встретил туман. До границы черногорской тропинка пренесносная. Далее идет порядочная дорожка, стойившая больших трудов. Поднявшись совсем на гору, мы пошли по вершине далее и далее и дошли до деревни Негуши, откуда родом и владыка. Жалкая деревня. Тут мы сварили себе кофе, пили вино, ели колáчи⁵⁰⁵. Далее я сел на мула и поехал в Цетинь. С проходящими черногорцами говорили мы часто. Многие останавливали нас вопросом, кто мы, но, узнавши, что мы русские, были очень дружелюбны. У одного колодца встретили процессию: знамена, образ, евангелие, крест, — священник, одетый как и все черногорцы, только риза накинута сверху. Это очень странно, когда представите, что он в опанках⁵⁰⁶, чулках, коротк[их]⁵⁰⁵ шароварах, куртке и за поясом ганжар (кинжал) и пистолеты. Приближаясь к Цетини, мы увидели башню и на ней на шестах множество турецких голов. Было уже около 4 часов, когда мы подошли к Цетини; епископ⁵⁰⁷ спал, мы пришли к его брату и потом к секретарю. Между тем епископ проснулся, нас позвал, — и можете представить мое новое изумление, когда я увидел епископа Петра Петровича Негуша в таком же черногорском костюме только с бородой. Гигант[ского] роста, красавец, молодой, он говорит по-русски, французски, немецки, итальянски, очень обходителен, умен в разговоре, и с нами очень мил. В главной комнате его бильярд, по стенам ружья, отнятые у турок и портреты — Николая, Наполеона, Георгия Черного и Байрона. Николая тут все чудно любят, называя своим императором. Обедали вместе. Далее кофе и трубки. Спать. Гулять. Вечерний разговор. Опять спать. Все шумит, поет, оканчивает вечернее празднество. Черногорцы — молодцы, и владыку любят, хоть он с ними и не шутит. Цетинь — монастырь, возле него подарева куча (дворец), обведенный стеною, и несколько корчем, а в том числе и гостиница с прекрасною комнатою. Камня много — нигде столько, зелени мало; но не жарко, не душно и свежо.

⁵⁰⁴ То есть весь комплекс заливов, образующих Боку Которскую.

⁵⁰⁵ Печенье.

⁵⁰⁶ Домодельная обувь из кожи.

⁵⁰⁷ Здесь: митрополит.

13 июля, Катаро. Мы просили владыку позволить нам путешествовать по его владениям дня два-три; он, разумеется, был согласен, но сам же и отсоветовал. «Я не говорю уже о том, — сказал он нам, — что вместо хороших ночлегов вы найдете только гостеприимство бедняка, душою любящего русских, но тем не менее слишком бедного; я боюсь за ваше здоровье: пары Болота (Lago di Scutari⁵⁰⁸, куда мы хотели идти) в это время и сильны и вредны». Мы послушались его совета и решили ехать из Черной горы вместе с ним в Катаро, тем более что такое возвращение могло быть для нас любопытнее и полезнее 10 дней одинокого пути. Сегодня рано, часу в 5-м стучат к нам в двери. «Avanti» (= herein = войдите). Входит один из перьяников (гвардейцев), говоря, что господарь просит нас. Мы оделись, пошли в церковь (церковка) к гробу Петра, оттуда к владыке, напились кофе, и на коней. Нам, почитая нас за трусов, дали лошаков (мезга). Петру Ив[ановичу] лошак порвал вчера сюртук, и он пошел пешком. А я сел и ехал половину дороги. От самого выезда начались выстрелы, и продолжались до Катаро, а где ехали мимо церкви начинался звон колоколов. Картина чудесная: колокола звонят, выстрелы гремят и по три, по четыре раза повторяются горами, караван вьется по тропинке и шумит; встречающие доверчиво глядят в лицо владыке и приветствуют его поклоном и поцелуем в свою⁵⁰⁹ руку. И чуден караван: впереди перьяники пешком, далее владыка, австрийский капитан Оремович⁵¹⁰, один из сердарей, брат владыки, два или три из сенаторов, мы, кто на коне, кто на муле, кто пешком, наш проводник, слуги владыки, — странная смесь. Мезга моя отстала, и мы с Петром Ив[ановичем] потеряли караван из виду, не доезжая до Негушей. Как бежит черногорец и говорит, что владыка ждет нас у своего дома (он из этой деревни). Я соскочил и пошел пешком вдвое скорее, нежели ехал. Дом порядочный, но устроен по-мужицки, только больше и чище. В комнате собрались все, подали кофе, потом окорок, баранины, вина. «Sans cérémonie!»⁵¹¹ — сказал владыка нам и усадил около себя. Отца его мы видели в Цетини (почтен[ный] 80 лет[ний] старик); а тут живут его мать и сестра. Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына как на солнце; мы адресовались к ней с приветствием и по-хрис-

⁵⁰⁸ Скадарское озеро.

⁵⁰⁹ Так в тексте.

⁵¹⁰ Вероятно, ошибка: в комиссию по разграничению границы входил адъютант далматинского губернатора, капитан Ф. Орешкович. О миссии А.В. Чевкина по демаркации границы, которой предшествовал длительный конфликт, см.: *Аншаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М. 1998. С. 275–284.

⁵¹¹ Без церемоний (фр.).

тиански обლობызались. Завтрак скоро кончился, и мы [отправились] далее. Я пошел пешком, не отставая от владыки, и говоря с ним, о чем на ум всходило — большею частью по-французски. Так шло до границы. Тут сошли все с коней и мулов и после удалых выстрелов и криков пошли пешком все. Я сошелся с одним из перьяников, побратимился с ним и отдался в его волю, потому что без его помощи, верно, упал бы не один раз. Взошедши на дорогу большую, владыка пересел на другого коня, которого вели до сих пор под уздцы, приказал мне сесть на его первого коня, и таким образом поехали мы к городу. Мы вошли на минуту в его квартиру, поблагодарили и отправились к себе. А теперь спать»⁵¹².

Кроме этих записей (и официальных отчетов в министерство и университет) Срезневский отправлял письма о путешествии в Прагу деятелю национального возрождения В. Ганке, который публиковал их на страницах Журнала Чешского музея⁵¹³. Как сообщает Срезневский в двух письмах о Черногории, адресованных Ганке, он вдохновлялся недавно вышедшими книгами Е.П. Ковалевского и Ц. Штиглица⁵¹⁴, а его целью стало исправление ошибок этих и других авторов. Поэтому данные тексты носят научно-полюемический характер и содержат сведения о географии, топонимике и племенном делении Черногории.

Однако в фонде Срезневского в Российском государственном архиве литературы и искусства находится черновик еще одного описания этой поездки, которое ранее не публиковалось⁵¹⁵. Этот рассказ (или, точнее, набросок, начало рассказа, поскольку текст не закончен) гораздо ближе по тону и стилистике письмам матери — он также наполнен самоиронией и фиксируемой чуть со стороны сценографией действия. Таким образом, публикуемый ниже фрагмент служит дополнением вышеприведенных двухдневных записей. Возможно, у Срезневского была идея вернуться к своим черногорским впечатлениям и сделать еще одну зарисовку, или же это фрагмент какого-то неотправленного письма. Можно также предположить, что вдохновение для литературной стилизации Срезневский черпал из книги Ковалевского, которая сильно повлияла на последующие балканские травелоги.

[л. 2] Медленно мы тащились к Цетини, слишком медленно в сравнении с нетерпением, с которым ждали мы быть в ней. Наша Анђа⁵¹⁶

⁵¹² Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 228–230.

⁵¹³ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Издал В.А. Францев. Варшава, 1905. С. 945–1108 (о Черногории: 1000–1010).

⁵¹⁴ Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841. *Stieglitz Z. Montenegro und die Montenegriner. Stuttgart, 1841.*

⁵¹⁵ РГАЛИ. Ф. 436. И.И. Срезневский. Оп. 1. Ед. хр. 22.

⁵¹⁶ Здесь и далее, вероятно, обыгрывается имя: Анђа может означать ангел, а в сниженном значении — проводник.

хотела бы скорее возвратиться и домой; но П.И. [Прейс], видимо усталый, то и дело что отирал пот с лица, и приговаривая иногда[:] «жар хуже камня»; а моя мазга⁵¹⁷ отставала от тяжкого хода <зачеркнутая строка>⁵¹⁸. «Что это, видите, направо?» Я спрашиваю его, видя на каменном холму невысокую кулу⁵¹⁹ и на ней что-то. «То су турецке главе!»⁵²⁰ Отвечала Анђа. Мы догадались, что это та знаменитая <1 слово зачеркнуто> кула, на которой черногорцы выставляют головы убитых турков⁵²¹. «А много их там?» «Э, доста има! — отвечала Анђа, крутя головой и улыбаясь, — <1 слово нрзб> јучер дошли су шест <1 или 2 слова зачеркнуто>, а које су даль дале, тим и броја нејма»⁵²² <1 или 2 слова зачеркнуто>. Через несколько мгновений раскрылись и монастырские здания, а потом и длинные новые здания, обнесенные стеной. — «Конак господарев»⁵²³. Вот, вот и мы <1 слово зачеркнуто> здесь <?>. Из поля в конак шел кто-то в монашеском платье. Боже мой, не сам ли владыка? — подумали мы. Хоть физиономия и не та, что на портрете, но кто бы стал верить портретам, хоть росту и не того, какого мы представляли себе владыку, но и тут могла быть ошибка. Я соскочил с мазги, и мы подошли к монаху. «А кто сте вы?» — «Мы вот путешественники: путешествуя по Далмации, долгом почли посетить и Черную Гору». «Драго је нам, драго, — [про]должал монах тоненьким голоском: «Нјегову преосвещенству [битти всема драго?]>⁵²⁴. Позвольте ли спросить, с кем имеем честь говорить? — Я архимандрит Цетинского монастыря. Затем расплатились с <1 слово зачеркнуто> Анђой, и принявши от него прощальное «с Богом», мы пошли в конак. Тут встретился с нами брат владыки «Шёр Перо»⁵²⁵, как его все называют, и, сказавши нам, что владыка отдыхает, попросил нас в свои комнаты. В главной между

⁵¹⁷ Мул, лошак (серб.) — гибрид лошади и осла.

⁵¹⁸ Вставка на полях рукописи: «Далеко ли еще, Анђо? — Није баш! Ево ништа <?>! — отвечал Анђа; а между тем, мы шли дальше и дальше, и все еще не было Цетини». Ответ Анджи можно перевести так: «Уже ничего! Совсем не много!»

⁵¹⁹ Башня (серб.).

⁵²⁰ Это турецкие головы (серб.).

⁵²¹ Прим. на полях рукописи: «Всякая торчит на своем очи[не]нном шесте под кулой, видны черные бороды, видны белые короны <?> чалмы».

⁵²² Достаточно имеется, ... вчера прибыло шесть, а тем, что подальше, и счета нет (серб.).

⁵²³ Дом владыки Петра II.

⁵²⁴ Приятно, приятно... Его преосвященство [бывает всем рад?] (серб.). Может быть «будет очень рад»? — «веома рад».

⁵²⁵ Перо Томов Петрович-Негош — старший брат владыки Петра II, председатель сената.

окнами большой стол белый и два простых деревян[ных] стула. Нас попросили сесть и, и подали чубуки. Вошла жена Шёр Пера с дитятею на руках и стала у двери в др[угую] комнату. Потом гонец черногорец из свиты владыки; потом и еще один... Нельзя было не заметить, что весть о нашем приезде расходитя по конаку, и нас приходят осматривать⁵²⁶. Мы вспомнили о <1 слово зачеркнуто> о Милаковиће, секретаре владыки⁵²⁷, спросили о нем⁵²⁸ <2 слова зачеркнуто>. Познакомясь с ним еще в Триесте, мы <часть строки и сл. зачеркнуты> нашли его тем же, каким и прежде <?>, добрый человек хочет держаться, так сказать, политически, но все-таки хоть так. Еще не успели мы пересказать ему маршрут нашего пути к Черн[ой] Горе, как архимандрит вошел, докладывая, что владыка готов нас принять и ожидает.

[л. 2об.] Двери отворились. Мы сделали общий поклон, ища глазом в[ладыку] между лицами, наполнившими комнату, того, кто должен быть чорен, выше всех и ростом, и умом, и образованностию. Отгадать его было не трудно, хотя костюм его, не монашеск[ий], а просто богато украшен[ный] <?>, сначала и озадачил нас⁵²⁹. Владыка встал с софы, подошел к нам и, подав руки, сказал нам: «Здравствуйте, добро сте дошли!»⁵³⁰; а потом повел к софе и усадил перед соб[ой]. «Не удивляйтесь нама! Простите: вы не в Петербурге, а в Черн[ой] Горе⁵³¹. Все от нас далеко; близок только турок <1 или 2 слова зачеркнуты> ганђар⁵³². Ну, расскажите же, как вы <1 слово зачеркнуто> к нам дошли, как вам нравится <?> Чер[ная] Гора. Мне уже говорил Милакович, что ждет вас. <Строка и начало следующей зачеркнуты>⁵³³ Пока шел общий разговор мы могли чередоваться с П.И. [Прейсом] ответами и между тем обозреть, где и в каком обществе мы находимся. Комната, в которой мы

⁵²⁶ Прим. на полях рукописи: «Это не могло как быть совсем пустым <?>; а еще неприятно было сидеть и не знать, о чем говорить».

⁵²⁷ Димитрие Милакович (1804–1858) – секретарь черногорских правителей, филолог и историк.

⁵²⁸ Прим. на полях рукописи: «и очень рады были, когда нам Ш. Перо предложил провести к нему».

⁵²⁹ Прим. на полях рукописи: «Это в само[м] деле человек, которого довольно видеть раз, чтобы не забыть никогда: оч[ень] высок, оч[ень] статен, оч[ень] красив, и в выражен[ии] лиц[а], в осанке есть что-то, что вселя[ет] <?> невольное уважение, что нельзя иначе назвать как благородством».

⁵³⁰ Добро пожаловать (серб.).

⁵³¹ Прим. на полях рукописи: «Извините, если что не так, как бы ожидали, и сожалею с вами».

⁵³² Правильнее: хандар – кинжал (серб.).

⁵³³ Прим. на полях рукописи: «Боже мой, да вы курите? – Эй, Ђоко <?>, чубуки. Или, может быть, цигары? – Чубуки, цигары».

сидели, довольно просторная: посередине бильярд, у стены <зачеркнуто: два?> три стула <сверху вписано 1 слово неразборчиво>, у софы, на котор[ой] мы сидели, был стол, на котор[ом] газеты, а в противоположству столик с водой. Общество держалось свободно: всяк сидит или ходит, как хочет, разговаривают громко, играют в бильярд, смеются. Можно б подумать, это общество[о] друзей, где старшего нет, и где осторожность в речах и поступках была бы <1 слово зачеркнуто> неуместна. Только в одном уголке сидел старик, склонивши голову и медленно куря свой длин[ный] чубук: это отец владыки <несколько слов в крутых скобках зачеркнуты>. Между молодыми, кроме Ш. Пер[о], более других заметны были два лица: <1 слово зачеркнуто> и <1 слово зачеркнуто>: оба образова[нные] <?> мол[о]дые люди⁵³⁴. Над софой я заметил портрет нашего русского царя. «У меня есть другой лучше», — сказал владыка и повел нас в свой кабинет. Он состоит из 2-х неболь[ших] комнат, из котор[ых] <?> в одной бибблии[о]тека и письм[енный] стол, а в другой постель. Чисто <слово исправлено>, красиво, много книг, много портретов знамен[итых] современников <зачеркнуто: людей> и между них <?> лик Николая отличается от других и <1 слово зачеркнуто> доблестной <?> красотой лица, и красотой обдела рамы. Между книгами есть серб[ские], русс[кие], франц[узские], италь[янские] и немец[кие]; в выборе их, сколько могу <несколько слов зачеркнуто> судить по их быстр[ому] <?> пере[с]мотру, виден вкус и современность.

Мы воротились; а слуга доложил, что кушанье на столе. [л. 3] «Вы, Ваше преосв[ященство], еще не успели <?> обедать?» «Эво, сказал мит[рополит], опоздали, как будто знали, что будем иметь дорогих гостей. Пойдемте!» Столовая оч[е]нь мала. Стол прост, но кушанья приготовлены очень чисто. За столом по старин[ному] серб[скому] обычаю <1 слово зачеркнуто> мы должны были выпить <сверху вставлено: как не выпить> добродошлицу⁵³⁵, был и <1 слово зачеркнуто> тост за здоровье государя императора и притом, встав, владык[а] снял <?> с головы капу⁵³⁶.

За столом разговор оживился, сделался владыка откровенным[м], т[аким] о[бразом] за спичем он завел тему их женщ[ин]⁵³⁷.

⁵³⁴ Прим. на полях рукописи зачеркнуто.

⁵³⁵ С приездом (серб.).

⁵³⁶ Шапку (серб.).

⁵³⁷ На этом рукопись обрывается.

Богомолова Дарья Константиновна

СЕРБСКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 гг.

Аннотация. В статье на основе документов дипломатических и военных представителей рассматриваются особенности политических отношений Сербии и Черногории накануне Балканских войн 1912–1913 гг. С начала XX в. сербско-черногорские отношения носили противоречивый характер и определялись двумя полярными тенденциями: с одной стороны, попытками сотрудничать в борьбе за славянские интересы против Османской империи, с другой — традиционным соперничеством правящих династий за лидерство среди сербов. В результате провозглашения в 1910 г. Черногорией королевством была открыта новая страница в истории внешней политики страны и ее отношений с Сербией. С этого момента государство стало активнее бороться за реализацию давней внешнеполитической цели — расширения своей территории за счет приграничных турецких территорий со смешанным славянско-албанским населением. Одним из проявлений этой политики стала поддержка Черногорией в 1910–1912 гг. албанского национального движения и попытка привлечь Сербию к сотрудничеству в этом направлении. В Белграде негативно оценили подобные планы и отказались заключить с Черногорией тайное военное соглашение, что послужило поводом к очередному обострению сербско-черногорских отношений, выразившемся в высылке сербского посланника из Цетинье и кратковременном прекращении дипломатических контактов между странами. Важным аспектом конкуренции между Сербией и Черногорией в этот период явилась также борьба за престиж среди сербского населения турецких территорий. Ярким ее проявлением стал спор по поводу выборов митрополита на освободившуюся в 1911 г. кафедру Рашско-Призренской епархии. Используя различные методы давления, Сербия активно противодействовала утверждению черногорского кандидата — архимандрита Г. Дожича, впоследствии патриарха Сербского, что еще более осложнило сербско-черногорское сотрудничество и замедлило оформление Балканского союза.

Ключевые слова: Сербия, Черногория, Россия, международные отношения, дипломатия.

Daria Bogomolova

SERBIAN-MONTENEGRIN RELATIONS ON THE EVE OF THE BALKAN WARS 1912–1913

Abstract. Based on the documents of diplomatic and military representatives, the article examines the features of political relations between Serbia and Montenegro on the eve of the Balkan wars of 1912–1913. By the beginning of the XX century the relations of these Balkan countries were controversial and determined by two different tendencies – on the one hand, by the attempts to cooperate in the struggle for the final liberation of the Christian nations of the region from centuries of Ottoman dependence, on the other hand, by the traditional rivalry of ruling dynasties for leadership in the Slavic world. As a result of the proclamation of Montenegro in 1910 as a kingdom, a new page was opened in the history of the country's foreign policy and its relations with Serbia. From that moment the country began to struggle more actively for the realization of the long-standing foreign policy goal of expanding its territory at the expense of the Turkish border territories with a mixed Slavic-Albanian population. One of the manifestations of this policy was the support by Montenegro in 1910–1912 of the Albanian national movement and an attempt to attract Serbia to cooperation in this direction. Serbia negatively assessed such plans and refused to conclude a secret military agreement with Montenegro. This was a reason for another aggravation of Serbian-Montenegrin relations, expressed in the expulsion of the Serbian envoy from Cetinje and a short-term termination of diplomatic relations between the countries. An important aspect of the competition between Serbia and Montenegro during this period was also the struggle for prestige among the Serbian population of the Turkish territories. A striking manifestation of it was the dispute over the election of a metropolitan to the vacant chair in 1911 of the Eparchy of Raška and Prizren. Using various methods of pressure, Serbia actively opposed the approval of the Montenegrin candidate – Archimandrite G. Dožić, later Patriarch of Serbia, which further complicated Serbian-Montenegrin cooperation and slowed down the formation of the Balkan League.

Keywords: Serbia, Montenegro, Russia, international relationships, Balkan League, diplomacy.

Летом 1910 г. в истории независимой Черногории была открыта новая страница. В день празднования пятидесятилетнего юбилея своего правления Никола Петрович-Негош торжественно провозгласил Черногорию королевством, а себя — королем. Это был знак нового положения государства в европейской системе международных отношений, заявление о своих политических амбициях, намерение дать понять мировому сообществу, что Черногория — важная сила на Балканском полуострове, с интересами которой необходимо считаться. К этому моменту можно говорить об окончательном формировании собственно черногорской национальной внешнеполитической программы, своего рода «мегали-идеи», оказавшей влияние на международную активность страны накануне и во время Балканских войн. В этом король Никола не отличался от других правителей балканских государств, каждое из которых уже имело свою концепцию устройства будущей «великой страны» (пример — сербское «Начертание» И. Гарашанина) и знало, каким путем этого добиться. Именно «великие идеи» и их пересечение между собой предопределили начало и исход Балканских войн 1912–1913 гг. и стали источником многих трагических поворотов истории Первой мировой войны.

Существенное отличие Черногории состояло в том, что там подобная программа сформировалась достаточно поздно, и определенным рубежом в этом вопросе стал Боснийский кризис 1908–1909 гг., итоги которого серьезно скорректировали масштаб и направление территориальных притязаний. Прежде всего, в Черногории окончательно утвердилось в возросшей силе сербского государства, безоговорочной поддержке, которую оказывает ей Российская империя. Волей-неволей королю Николе пришлось признать тщетность надежд, что именно вокруг его страны сплотится все сербское население еще не освобожденных территорий. Однако потребность его небольшого, географически изолированного горного королевства в расширении территории, интенсификации сельского хозяйства и экономики за счет получения новых пахотных площадей и полноценного выхода к морю стояла очень остро, о чем свидетельствовал постоянный экономический кризис, в котором пребывала Черногория на протяжении периода независимости⁵³⁸. Не менее болезненной проблемой было растущее недовольство подданных и резкое возрастание темпов эмиграции населения в соседнюю Сербию, которая постепенно становилась для черногорцев примером процветающего балканского государства. Все это вынуждало короля Николу прибегать к поиску решения существовавших проблем.

⁵³⁸ Андрияшевич Ж., Растодеф Ш. История Черногории с древнейших времён до 2006 года. С. 137–138.

Идеологической составляющей всей политики черногорского короля постепенно становилась мысль об экспансии, мечты о масштабных территориальных приращениях как в направлении Боснии и Герцеговины и Новопазарского санджака, так и вдоль турецкого побережья Адриатического моря за счет территорий с подавляющим албанским населением⁵³⁹. Последовавшее за австрийской аннексией дарование Боснии и Герцеговине конституции и всевозможных гарантий прав и свобод для населения этой провинции шли вразрез с расчетами черногорской правящей верхушки, ожидавшей поначалу, что австрийцы не сумеют завладеть симпатиями своих новых поданных, которые вместо этого будут видеть в Черногории «будущего освободителя от «швабского ига», как писал российский военный агент Н.М. Потапов⁵⁴⁰.

Сколь ни привлекательны были эти мечты, черногорский правитель хорошо понимал и то, что Босния и Герцеговина являются, прежде всего, предметом интереса Сербии, с которой Черногория в этом направлении конкурировать не могла. В этих условиях для короля Николы теперь оставалось единственное направление для реализации своей «великой идеи» — приграничные турецкие области (как горные — в сторону Косова и Метохии (Плав, Гусинье, Плевля, Рожая), так и побережье (г. Скадар). В качестве основания своих претензий на Скадар Черногория опиралась на историческое право, так как город в далеком прошлом являлся центром средневековой Зеты⁵⁴¹. Удачным орудием достижения этих целей королю Николе виделись албанские племена, давно готовившие восстание против Османской империи. К 1909 г. албанское национальное движение, недовольное политикой младотурок, значительно активизировалось, что привело к первым вооруженным столкновениям с турецкой администрацией⁵⁴².

⁵³⁹ Рапорт Н.М. Потапова В.П. Целебровскому о военно-политических планах Черногории и необходимости увеличения помощи черногорской армии со стороны России. №55. С.-Петербург. 2 (15) января 1904 г.; Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. М.; Подгорица, 2003. Т. I: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Подгорица, 2003. С. 96–97.

⁵⁴⁰ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгроссу о намерении Черногории развязать военный конфликт на Балканах с целью присоединения примыкающих к ней славянских земель, находящихся под властью Турции. №493. Цетинье. 8 (21) апреля 1910 г.; Там же. С. 423–424.

⁵⁴¹ *Ракочевич Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. С. 157.

⁵⁴² *Искендеров П.А.* Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 392.

Тогда же черногорские власти инициировали первые переговоры с вождями нескольких крупных племен Северо-Западной Албании, которые последовательно убеждали в готовности оказать всевозможную поддержку в случае начала полномасштабной борьбы против турецких властей, в первую очередь за счет снабжения оружием⁵⁴³. Одновременно с этим предпринимались попытки вести черногорскую пропаганду на албанских территориях, внушать местному населению мысль о выгодах будущего вхождения в состав Черногории⁵⁴⁴. Весной 1910 г. на территории Косовского вилайета разразились полноценные мятежи и бунты против турецкой администрации, умело подогреваемые черногорским правительством, как среди албанцев, так и среди сербской части населения этих территорий.

На уровне официальной дипломатии черногорско-турецкие отношения продолжали, однако, оставаться достаточно доброжелательными. Не желая раньше срока вступать в открытую конфронтацию с Османской империей, король Никола продолжал внешне миролюбивую и даже покорную политику. Когда в результате жестких действий турецких войск на границе сербское и частично албанское население обратилось в бегство и перешло на территорию Черногории, правитель сразу же согласился по требованию Порты отобрать у беженцев оружие и вернуть его турецкому командованию. Люди же были вынуждены вернуться обратно к своим домам, поскольку ожидаемого заступничества не получили. Н.М. Потапов сообщал в Россию: «Инцидент оставил как среди черногорцев, так и среди искавших у них убежища сербов, самые тягостные воспоминания. <...> Это заметно поколебало среди них престиж княжества, а вместе с тем и поколебало готовность их бороться в случае войны за черногорские интересы»⁵⁴⁵.

Дипломатические контакты между Портой и Черногорией продолжались, а турецкая делегация ожидалась для участия в юбилейных торжествах по случаю пятидесятилетнего правления Николы⁵⁴⁶. Однако

⁵⁴³ Рапорт Н.М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерении Черногории присоединить Северо-Западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения. №495. Цетинье. 25 апреля (8 мая) 1910 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 425.

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгроссу об отправке в пределы Османской империи перешедшего в Черногорию населения Беранского округа и его разоружении. №518. Цетинье. 2 (15) июля 1910 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 447.

⁵⁴⁶ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914 Књига 4, Свеска 2/1. С. 141.

брожения на турецко-черногорской границе и тайные переговоры с албанцами доставляли немало беспокойств европейской дипломатии. С момента обострения конфликта наиболее крупные миссии — французская и итальянская энергично убеждали черногорского короля прекратить поддержку мятежей⁵⁴⁷. Более всего было обеспокоено российское дипломатическое ведомство. В России не одобряли подобной активности, так как экспансионистские устремления Черногории могли нарушить и без того хрупкий мир на Балканах и стать угрозой для территориальной целостности самих славянских стран, привести к войне с Турцией и вмешательству великих держав⁵⁴⁸.

Военный агент Н. М. Потапов убеждал руководство в необходимости принять меры по сдерживанию Черногории, которые, по его мнению, должны были выразиться в форме особого военного соглашения⁵⁴⁹. Как рассуждали в Санкт-Петербурге, огромные усилия, прикладываемые Россией в деле модернизации черногорской армии и солидные субсидии, которые выделяла казна для этой цели, не могли быть потрачены впустую, если Черногории вдруг вздумается развязать приграничный конфликт с Турцией. Помимо этого, в условиях нарастания кризисных явлений в международных отношениях требовалось официально закрепить русско-черногорские союзнические обязательства.

Российско-черногорская конвенция была подписана 2 декабря 1910 г. и имела характер не только военного соглашения, но и союзного договора. В первую очередь, по ней определялись условия оказания военной помощи и дальнейшего субсидирования Черногории. Король обязался по первому призыву русского императора немедленно предоставить в распоряжение России все вооруженные силы страны. Однако ключевым был пункт №7, впоследствии нарушенный Черногорией, по которому ограничивалось право страны на участие в любых боевых действиях без согласия русского императора⁵⁵⁰. Завершающая статья №10 гласила: «В случае, если одна из договаривающихся сторон усмот-

⁵⁴⁷ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании. №502. Цетинье. 6 (19) мая 1910 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 437.

⁵⁴⁸ *Искендеров П.А.* Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.). С. 395.

⁵⁴⁹ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании. № 502. Цетинье. 6 (19) мая 1910 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 437.

⁵⁵⁰ Проект военного соглашения между Россией и Черногорией. 10 (23) августа 1910 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 456–457.

рит явное несоблюдение условий настоящего соглашения и особого акта, приложенного к нему, другой стороной, причем этой последней не будет предоставлено своевременно удовлетворительных по сему поводу объяснений, то первая имеет право отказаться от соглашения во всякое время»⁵⁵¹. Соглашение серьезно связывало руки королю Николе и ограничивало черногорскую внешнюю политику, однако к тому моменту российские политики считали это необходимым⁵⁵². По замыслу, это должно было предостеречь черногорцев от того, чтобы легкомысленно ввязаться в опасный военный конфликт. Как показало время, данные расчеты оказались ошибочными.

Подписание соглашения и юбилейные мероприятия в княжестве ненадолго отвлекли черногорское руководство от албанских дел. Празднование знаменательной даты с размахом прошло в середине августа⁵⁵³. Как и ожидалось, наряду с большим количеством именитых гостей (среди которых были русские великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с супругами Анастасией и Милицей, итальянский король Виктор-Эммануил III с женой Еленой, сербский престолонаследник Александр Карагеоргиевич болгарский король Фердинанд, а также наследник греческого престола принц Константин)⁵⁵⁴, на празднике присутствовали и иностранные дипломатические делегации, в том числе и турецкая. Ее представлял великий визирь Османской империи Хусейн Хильми-паша, который для короля Николы стал едва ли самым важным гостем. Сербский посланник в Цетинье Т. Петкович сообщал: «Она (турецкая делегация — Д.Б.) здесь была предметом особого внимания как со стороны королевского двора, так и во всех политических кругах. Князь очень доволен и восхищен доказательством такого внимания со стороны Турции и охотно выражает свое удовлетворение. <...> Турки также вернулись очарованные теплым приемом и предупредительностью. Отношения Турции и Черногории в последнее время значительно улучшились. Столкновения на границе происходят гораздо реже, а все вопросы решаются на основе большой взаимной дружбы и любезности. Также был достигнут относительный компромисс по вопросу создания смешанной комиссии в тех пограничных областях, где ранее постоянно

⁵⁵¹ Там же.

⁵⁵² *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916. М., 2016. С. 200.

⁵⁵³ *Струнина-Бородина Н.Г.* К вопросу о юбилейных торжествах в Цетине и провозглашении Черногории Королевством в августе 1910 г. (по донесениям российского дипломата С.В. Арсеньева) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2018. №1–2. С. 76.

⁵⁵⁴ Там же.

происходили мятежи»⁵⁵⁵. Российский военный агент Н.М. Потапов в беседах с королем также регулярно получал заявления о том, что всяческая активность Черногории на границе приостановлена. Не последнюю роль в этом сыграло подписанное военное соглашение и прямое вмешательство в ситуацию министра иностранных дел А.П. Извольского с просьбой прекратить провокации⁵⁵⁶. Кроме того, и дальше вооружать албанцев помешали финансовые проблемы, с которыми столкнулась Черногория после масштабных коронационных торжеств августа 1910 г. Обстановка на границе, таким образом, временно стабилизировалась, что позволило Потапову отбыть зимой 1911 г. в длительную командировку в Санкт-Петербург.

Однако терпения короля Николы хватило ненадолго: желание поскорее реализовать свои амбициозные идеи оказалось гораздо сильнее. В марте 1911 г. в Северной и Северо-Западной Албании разразилось новое вооруженное восстание, имевшее гораздо более широкий размах, чем прежде⁵⁵⁷. Первоначально его очаг располагался в г. Скадар, однако позднее мятеж перекинулся на центральные и южные районы Албании. Важным пунктом для повстанцев служил черногорский г. Подгорица. Члены местного Албанского комитета установили тесные связи с правительством страны. В феврале 1911 г. они опубликовали документ под названием «Красная книга», ставший, по словам П.А. Искендерова, первой целостной программой борьбы албанского народа за широкую территориально-административную и экономическую автономию⁵⁵⁸. Наблюдая за ситуацией, Н.М. Потапов поначалу докладывал о корректном поведении Черногории, однако позднее стало ясно, что с местных оружейных складов «для неизвестной цели» регулярно изымаются ружья и патроны. На вопрос военного агента о назначении этого оружия ответа не нашлось ни у короля, ни у военного министра. «Господарь был так ошеломлен этим вопросом и пришел в столь невиданное еще мною смущение, что несколько секунд не мог найти ответа, но затем деланным тоном стал объяснять, что черногорцы из стволов старых ружей делают решетки у церквей, однако я возразил, что полученные Вукотичем (военный министр Черногории — *прим.*) ружья находятся еще на вооружении. Тогда господарь стал уверять, что до меня дошли

⁵⁵⁵ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. 4. Свеска 2/1. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 2015. С. 431–432.

⁵⁵⁶ *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб.: Алетейя, 2013. С. 38.

⁵⁵⁷ *Искендеров П.А.* Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.). С. 395.

⁵⁵⁸ Там же. С. 395–396.

вздорные слухи, которым верить не следует»⁵⁵⁹. Позднее ясно обнаружился воинственный настрой короля. Он заявил военному агенту, что в случае малейшего нарушения черногорской границы он «послушается миролюбивых советов его императорского величества не более, чем таковых же президента Соединенных Штатов»⁵⁶⁰.

Восстание развивалось стремительно, и никакие усилия российской дипломатии помешать этому не могли. Через посредников король убеждал Россию и императора Николая II, что Османская империя решит обязательно напасть на Черногорию, и просил не мешать ему защищать рубежи своего государства от турецкой агрессии. В Европе, в то же время, серьезно сомневались, что Турция действительно решится на такой шаг, который ей, при всех внутривнутриполитических трудностях, был явно не нужен. Гораздо более всех беспокоила именно возросшая активность Черногории, из которой посылалось уже не только оружие и припасы, но, по сведениям сербского посла Т. Петковича, еще и целые отряды⁵⁶¹. «Есть основания предполагать, что его величеству королю Николаю самому хочется войны с Турцией, чтобы «спасти лицо» перед албанцами, которых недалекие советники господаря вместе с ним самим так легкомысленно и неосторожно толкали в неравную борьбу с турками» — характеризовал ситуацию Н.М. Потапов⁵⁶².

Внешнеполитическая активность черногорского правительства была предметом пристального внимания в Сербии. Албанский вопрос стал еще одним камнем преткновения в отношениях двух стран, носивших довольно натянутый характер со времен прихода к власти в 1903 г. Петра Карагеоргиевича — тестя короля Николы. Можно отметить, что в них преобладало не стремление к сотрудничеству с опорой на традиционные исторические связи двух государств и единство на-

⁵⁵⁹ Донесение Н.М. Потапова начальнику Генерального штаба Я.Г. Жилинскому о тайной поддержке королем Николаем албанцев против турок. №603. Цетинье. 26 марта (8 апреля) 1911 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 491.

⁵⁶⁰ Телеграмма Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о необходимости Черногории прекратить помощь албанцам ввиду возможности турецко-черногорского военного конфликта. №604. Цетинье. 27 марта (9 апреля) 1911 г. // Там же. С. 492.

⁵⁶¹ Документ о спольној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књига 4. Свеска 3/2. Београд, 2015. С. 745.

⁵⁶² Рапорт Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о неосновательности уверений короля Николая в близости войны Черногории с Турцией. №646. Цетинье. 3 (16) июня 1911 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 504–505.

рода, а конкуренция в борьбе за внимание России и симпатии славянского населения еще не освобожденных территорий. К 1910 г. дипломатическое сотрудничество между Белградом и Цетинье фактически было прервано. Поводом к этому стало разоблачение двух политических заговоров против короля Николы, в организации которых увидели «сербский след»⁵⁶³. В частности, в организации «колашинской аферы» публично был обвинен М. Спалайкович, занимавший тогда должность генерального секретаря сербского МИД⁵⁶⁴. Сербское правительство, не желая обострять обстановку, никак не отреагировало на подобные обвинения, тем не менее, с того момента в Белграде уже и не пытались найти способ наладить сотрудничество с Черногорией.

Албанское восстание весны 1911 г. стало новым испытанием на прочность отношений между странами. В Сербии были хорошо осведомлены об активной поддержке албанского движения со стороны черногорских властей. Дипломатические документы свидетельствуют, что этот вопрос находился на особом контроле в сербском МИД, а дипломатам на местах было поручено внимательно следить за любой активностью Черногории в этом направлении. Еще зимой 1910 г. Й. Йованович Пижон, служивший тогда в консульстве в Скопье, передавал, что более всего восстание дает о себе знать именно в тех населенных пунктах, которые Черногория считает своими и хочет присоединить, а в самом королевстве издано особое распоряжение, по которому жители приграничных территорий обязаны под страхом сурового наказания размещать в своих домах албанских беженцев⁵⁶⁵.

Некоторое время черногорский король пытался склонить Сербию к заключению тайного соглашения против Турции, осторожно зондируя почву у сербского посла Т. Петковича. В одной из бесед он в привычной манере упрекал страну и правительство Н. Пашича в бездействии по отношению к сербскому населению турецких территорий, призывал приступить к решению этого вопроса как можно скорее, намекая на возможность «разыграть албанскую карту» выгодным для обеих стран способом, пока Турцию сотрясают внутривнутриполитические проблемы. Характерен ответ сербского МИД на донесение Т. Петковича об этом

⁵⁶³ Речь идет о событиях так называемой «бомбовой аферы» и «колашинской аферы», когда недовольные властью представители черногорской молодежи попытались совершить покушение на князя Николу Петровича-Негоша. Подробнее см.: *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916. М., 2016.

⁵⁶⁴ *Ракочевич Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. С. 101.

⁵⁶⁵ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. 4. Свеска 2/2. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 2015. С. 873.

разговоре, где приписана, вероятно, рукой М. Спалайковича, фраза «Гиблое дело»⁵⁶⁶.

В конце февраля 1911 г. король Никола официально обратился к сербскому правительству с предложением заключить союз против Турции и взять руководство албанским восстанием в свои руки⁵⁶⁷. Переговоры продлились до конца весны и закончились безуспешно для Черногории. Официальная позиция сербской стороны состояла в том, что поддержка албанцев и попытки черногорского короля вести с ними сотрудничество наносят вред интересам сербского народа и главной идее борьбы за исторически важные для Сербии территории Косова и Метохии. Само собой, сербские политики не могли поддержать идею об албанской автономии, равно как и высказанное королем Николой предложение заранее поделить территории Новопазарского санджака.

В разгар событий, в мае 1911 г., когда уже было ясно, что Черногория настроена решительно, и намерена в нарушение российско-черногорского соглашения и далее снабжать албанцев оружием и посылать солдат за турецкую границу, в Цетинье срочно выехал уполномоченный посланник сербского МИД М. Гаврилович⁵⁶⁸. Целью его поездки было, выразив официальную позицию Сербии, убедить черногорское руководство прекратить какие бы то ни было действия в этом направлении. Гаврилович докладывал, что настроения внутри страны разнятся⁵⁶⁹. Одни считали, что королю удалось оказать весомую помощь мятежникам, и что это помогло завоевать симпатии всего христианского населения Северо-Западной Албании. В дальнейшем это может послужить королю в качестве потенциала в открытом противостоянии с Турцией. Оппозиционные королю политики и военные полагали, что албанская афера вызвала массовую эмиграцию и беспорядки. Посланник отмечал, что в будущем это сыграет негативную роль и для Сербии, поскольку албанское восстание во многом инспирировано Австрией и будет использовано ей в целях дестабилизации обстановки на полуострове и проведения в жизнь своих экспансионистских замыслов. Помимо этого, Гаврилович сообщал, что у Черногории постепенно заканчиваются деньги, и якобы, тратятся даже русские субсидии⁵⁷⁰. Исходя из этого, писал он, остается лишь надеяться, что в скором времени активность короля Николы в отношении албанского движения утихнет.

⁵⁶⁶ Там же. С. 961.

⁵⁶⁷ *Ракочевић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. С. 158.

⁵⁶⁸ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. 4. Свеска 2/2. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 2015. С. 1023.

⁵⁶⁹ Там же. С. 1055.

⁵⁷⁰ Там же.

В то же время, в беседах с сербским представителем, черногорский правитель, обиженный отказом Сербии заключить тайное соглашение о разделе сфер влияния, не упускал случая подчеркнуть кризис, в котором пребывают сербско-черногорские отношения в данный момент и жаловался ему на тяжесть политического положения Черногории. Король заявлял, что его не интересуют албанские дела и все принимаемые меры являются лишь попыткой защитить свои границы. «Даже если бы мне на золотом подносе преподнесли Албанию, я бы ее не принял», — убеждал он Гавриловича⁵⁷¹. Сербия же, по мнению правителя, не желает поддержать своего брата в тяжкую минуту (при этом поддержка должна была непременно заключаться в высылке денег).

Таким образом, миссия сербского посланника закончилась безрезультатно. Черногория продолжала, по выражению Н.М. Потапова, «бряцанье оружием»⁵⁷². Однако вскоре восстание окончилось безуспешно как для албанских племен, так и для короля Николы. Решив воспользоваться случаем поправить свое финансовое положение, сразу после этих событий правитель разослал всем иностранным миссиям в Цетинье документ, в котором были подсчитаны все убытки, которые Черногория понесла вследствие турецкой агрессии, и буквально потребовал от европейских стран и России возместить ущерб⁵⁷³. Н.М. Потапов, идя на конфликт с руководством, в крайне резких выражениях охарактеризовал опасность подобной политики для российских интересов. По его мнению, эти средства непременно будут использованы позднее для организации новых провокаций и осложнения политической обстановки в регионе⁵⁷⁴.

Стоит отметить, что противоречия в сербско-черногорских отношениях накануне Балканских войн сохранялись не только по вине своенравного и честолюбивого короля Николы. Обвиняя Черногорию в неспособности договориться, в Сербии также порой забывали об общих интересах и необходимости вести согласованные действия в целях борьбы за освобождение славянского населения. Показателен в этом отношении эпизод, связанный с избранием митрополита на освободив-

⁵⁷¹ Там же. С. 1219.

⁵⁷² Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о приказе короля Николая раздать оружие черногорским войникам. 9 (22) мая 1911 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 502.

⁵⁷³ Телеграмма Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о возможном обращении короля Николая к России с просьбой возместить убытки Черногории. №674. Цетинье. 8 (21) августа 1911 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 518–517.

⁵⁷⁴ Там же.

шуюся кафедру Рашско-Призренской епархии, который вышел далеко за рамки церковного вопроса и стал предметом острой политической борьбы между Сербией и Черногорией.

Когда в декабре 1911 г. было объявлено об уходе митрополита Никифора (Перича), встал вопрос о том, кто займет освободившееся место. Это имело первостепенное значение для сербского населения неосвобожденных территорий, а также для Белграда с точки зрения борьбы за свои интересы в этих областях. В Черногории также осознавали значимость борьбы за симпатии христиан, поэтому было решено в противовес выдвинутого Сербией Б. Раденковича (организатора Сербской демократической лиги и впоследствии одного из основателей организации «Черная рука») предложить свою кандидатуру — черногорца по происхождению, молодого и высокообразованного архимандрита Г. Дожича. Поначалу в сербских церковных кругах не имели ничего против возможности такого назначения, а также предлагали в качестве альтернативы отправить Дожича в Скопье, не менее значимый для сербской православной церкви пункт⁵⁷⁵. Вскоре, однако, обсуждения дошли до правительства, где было высказано четкое пожелание не пускать Дожича ни в одну из этих епархий по той причине, что он является черногорцем. Таким образом, для Сербии было критически важно не допустить усиления влияния Черногории среди сербского населения Османской империи, и кроме того, используя политический опыт Б. Раденковича, упрочить свои позиции.

С этой целью в Белграде была инициирована масштабная кампания по дискредитации кандидатуры Дожича. Первоначально, согласно указанию МИД, архимандрита вызвали в сербскую столицу и намеренно там задержали и поместили под полицейский надзор, дав возможность Б. Раденковичу тайно поехать в Хиландарский монастырь, чтобы там специально принять монашеский постриг, и первому успеть прибыть для представления своей кандидатуры в Константинополь⁵⁷⁶. В дальнейшем Г. Дожич был подвергнут жесткой критике в сербском обществе и прессе, против него повсюду распространялись различные неприглядные слухи, под влияние которых попали и русские дипломаты. Так, негативную оценку Дожичу дал в своих мемуарах первый секретарь российской миссии В.Н. Штрандтман. «По сведениям белградских церковных и министерских кругов, этот черногорский уроженец пользовался

⁵⁷⁵ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књига 4. Свеска 4/1. Београд: САНУ, Одељење историјских наука, 2009. С. 303.

⁵⁷⁶ 1) Там же. С. 804, 912, 915. 2) Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књига 4. Свеска 4/2. Београд: САНУ, Одељење историјских наука, 2009. С. 1060.

самой плохой репутацией. <...> Король Николай стремился провести архимандрита Дожича на названную митрополичью кафедру по той простой причине, что он был братом черногорского министра юстиции», — писал дипломат⁵⁷⁷. Резко против архимандрита был настроен и посол в Белграде Н.Г. Гартвиг, стремившийся во всем отстаивать исключительно сербские интересы⁵⁷⁸.

Как отмечает Н. Ракочевич, в Белграде противились назначению Дожича исключительно потому, что он был предложен Черногорией (т.е. лично королем Николой), при том, что кандидат от Сербии был значительно менее образован и не обладал таким опытом в церковных делах, какой имел Г. Дожич⁵⁷⁹.

В этот конфликт интересов вскоре оказалась втянута и Россия. И сербская, и черногорская стороны через дипломатических представителей наперебой пытались заручиться поддержкой своей покровительницы. Стоит сказать, что в Петербурге не одобряли обоих кандидатов — Г. Дожича из-за распространившихся порочащих слухов, Б. Раденковича из-за отсутствия достаточных компетенций, однако склонялись поначалу на сербскую сторону⁵⁸⁰.

При всей значимости проблемы для трехсторонних русско-сербско-черногорских отношений и положения христиан Турции, в МИД не могли активно вмешиваться в этот вопрос, так как российская дипломатия рисковала оказаться в очень деликатном положении. Причина заключалась в том, что в то же самое время посол России в Турции, знаменитый дипломат Н.В. Чарыков, активно продвигал два своих политических проекта: русско-турецкое соглашение по облегчению движения российских военных судов через проливы, а также концепцию Балканской конфедерации во главе с Турцией⁵⁸¹. В этих условиях он не мог позволить себе указывать Порте, как вести внутренние дела, пускай и связанные с жизнью православного населения. И хотя вскоре дипломат был отстранен от должности посла в результате так называемого «демарша», его преемник М.Н. Гирс продолжил ту же политику. Как отме-

⁵⁷⁷ Штрэндтман В.Н. Балканские воспоминания / Василий Штрэндтман; подгот. текста и вступ. ст. А.Л. Шемякина; примечания А.Л. Шемякина, В.Б. Каширина, Р.Р. Субаева. — М.: Книжница, Русский путь, 2014. — Ч. 1. 1908–1913; Ч. 2. 1914–1915. — 504 с., ил. С. 103–104.

⁵⁷⁸ *Ракочевич Н.* Ук. соч. С. 152.

⁵⁷⁹ Там же. С. 148.

⁵⁸⁰ Там же. С. 151.

⁵⁸¹ *Кузьмичева Л.В.* Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрэндтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. №1–2. С. 163–164.

чал в донесении сербский посланник в Константинополе Я. Ненадович, Россия «хочет как-то удовлетворить и его (Дожича — прим. Д.Б.) и нас»⁵⁸².

Таким образом, в Санкт-Петербурге проявили большую ловкость в этом вопросе: не поддержали публично ни одну из предложенных кандидатур, однако и не оказали никакого противодействия Порте, которая два раза подряд утвердила Г. Дожича в качестве нового митрополита несмотря на сильное возмущение сербского правительства.

Подводя итог, отметим, что накануне Балканских войн в сербско-черногорских отношениях продолжали преобладать негативные тенденции. Внешняя политика Черногории и поддержка ей албанского национального движения были негативно восприняты в Сербии, которая считала подобную активность вредоносной для общеславянских интересов. Несмотря на попытки короля Николы привлечь Сербию к сотрудничеству в этом направлении, государствам не удалось прийти к взаимопониманию и согласовать политику. Кроме того, не прекращалась борьба за влияние среди населения Старой Сербии, которая негативно отражалась даже на таких важных проблемах, как церковное урегулирование и положение христиан под османской властью. Сербские правящие круги не были готовы идти на уступки Черногории, и на этом примере еще раз открыто проявили недоверие по отношению к королю Николе. Тем не менее, как показало время, это не повредило готовности Сербии и Черногории совместно выступить в борьбе против Турции в Балканских войнах 1912–1913 гг.

⁵⁸² Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књига 5. Свеска 1. Београд: САНУ, Одељење историјских наука, 1984. С. 980.

Тимофеев Алексей Юрьевич

ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА И ЭПИДЕМИИ ТИФА В СЕРБИИ В 1915 г.

Аннотация. На основе анализа сохранившихся архивных материалов и изданий военного времени в работе делается попытка проанализировать роль СМИ и военной цензуры в формировании общественного мнения во время эпидемии тифа 1915 г. зимой 1914–1915 гг. В то время пресса активно пыталась замалчивать информацию об эпидемии. Лишь весной она стала подробно информировать население о противоэпидемических мероприятиях. В результате катастрофического роста потерь сербские военные врачи уже к лету 1915 г. открыто заявляли, что эпидемию следует «обсуждать совершенно открыто, а не пытаться избежать ее — как, к сожалению, Бюро по работе с прессой поступило вначале в Сербии». Во время эпидемии СМИ часто медлили и явно не справлялись с задачей своевременного информирования общественности о фактах, уже известных врачам. Отсутствовало регулярное и точное обновление сведений о запретах и ограничениях. Журналистов, казалось, намного больше заботило многократно повторенное обвинение в эпидемии австрийцев — хотя современные врачи до сих пор не закрыли дискуссию о возможном автохтонном источнике эпидемии 1914–1915 гг. Информация утаивалась, излишняя осторожность привела к разброду и непродуманности заявлений. Во время эпидемии СМИ медлили и не сумели вовремя информировать общественность об уже известных врачам фактах. Отсутствовало регулярное и точное обновление сведений о запретах и ограничениях. Информация утаивалась, излишняя осторожность привела к беспорядочности и непродуманности заявлений.

Ключевые слова. Сербия в Первой мировой войне, 1915, эпидемия тифа, военная печать.

Aleksey Timofeev

MILITARY PROPAGANDA AND THE TYPHUS EPIDEMIC IN SERBIA IN 1915

Abstract. Analysing the remaining archive materials and wartime press, this work attempts to identify the role of media and military censorship in the shaping of public opinion on then current typhus epidemic of 1914–

1915. At that time, the press actively tried to withhold any information about the epidemic. Only in the spring did it begin to inform the population in detail about anti-epidemic measures. As a result of the catastrophic increase mortality, by the summer of 1915 Serbian military doctors openly declared that the topic should be «discussed quite openly, should never be avoided as, unfortunately, the Press Bureau initially did in Serbia». During the epidemic, the media failed to inform the public in time about the facts already known to doctors. The lack of regular and accurate updates on prohibitions and restrictions was common as well. Journalists seemed to be busy accusing Austrians of starting the epidemic — although the modern discussion about possible autochthonous source of the 1914–1915 epidemic is still valid. Withheld information and excessive caution resulted in disorganization and ill-conceived statements.

Keywords. Serbia in World War I, 1915, typhus epidemic, war press.

Эпидемия, бушевавшая с декабря 1914 г. по май 1915 г. — и достигшая пика заболеваемости в феврале–марте — представляла феномен, привлекавший внимание современников со всего мира⁵⁸³. Около 500–600 тысяч человек в Сербии переболело тифом, от него умерло около 30–35 тысяч военнослужащих и около 100 тысяч мирных жителей. Заболеваемость и смертность были широко распространены и среди врачей. Из 595 человек местных докторов и оказавшихся в то время в Сербии членов иностранных миссий тифом переболело абсолютное большинство. Из них от сыпного тифа погибло 111 человек, от брюшного — 6 человек, и от возвратного — 2 человека⁵⁸⁴. Изначально эпицентром болезни был город Валево и его окрестности, за ним последовали другие места концентрации больных и врачей, госпитали в Нише, Скопье, Крагуевце. С распространением инфекции по линии железных дорог оказались вновь заражены старые очаги болезни на юге, где болезнь свирепствовала ещё во время Балканских войн⁵⁸⁵. Смертность и рост

⁵⁸³ *Шевцова Г.И.* Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917, Београд, Инфинитас, 2010; *Hunter W.* The Serbian Epidemics of Typhus and Relapsing Fever in 1915: Their Origin, Course, and Preventive Measures employed for their Arrest: (An Aetiological and Preventive Study based on Records of British Military Sanitary Mission to Serbia, 1915.). Proceedings of the Royal Society of Medicine, XIII, 1920. С. 75.

⁵⁸⁴ *Микић Д., Недок А., Поповић Б.* Заразне болести у српској војсци и народу 1914. и 1915. године, Београд, 2010, С. 182.

⁵⁸⁵ *Недок А.* Санитетско особље које је изгубило животе током ратних догађаја од 15.07.1914. до 30.09.1915 године, Београд, 2010, С. 369–371.

заболеваемости снизились до терпимых чисел лишь к маю 1915 г.⁵⁸⁶ Безусловно, катастрофа таких масштабов не могла не привлечь внимания исследователей⁵⁸⁷.

Воспоминания об эпидемии сыпного тифа, захлестнувшей Сербию в 1914 и 1915 годах, остаются в современном сознании чем-то вроде воспоминаний о ночном кошмаре — ужасающем, однако утратившем подробные детали. Наглядным примером такого состояния массового сознания является фраза «Кто останется без вакцины, тот останется без хлеба» — якобы времен «сербской эпидемии 1914 года». Фраза активно цитировалась в марте–апреле 2021 года в Сербии информационными порталами⁵⁸⁸ и даже была публично использована членом Кризисного штаба правительства Сербии — на самом же деле выражение восходит к текстам коллаборационистской прессы 1941 года⁵⁸⁹.

Реальная картина эпидемии транслировалась в сербских газетах в 1915 г. с опозданием, что было крайне трагично, так как мировая медицина на тот момент уже обнаружила главных переносчиков сыпного тифа⁵⁹⁰. Считается⁵⁹¹, что и некоторая часть сербских врачей уже была,

⁵⁸⁶ *Живановић Т., Милорадовић Г.* Град Ниш током лета 1915. године. Вишеград, Андрићев институт, 2018, С. 36–47.

⁵⁸⁷ *Hunter W.* The Serbian Epidemics of Typhus and Relapsing Fever in 1915: Their Origin, Course, and Preventive Measures employed for their Arrest: (An Aetiological and Preventive Study based on Records of British Military Sanitary Mission to Serbia, 1915). Proceedings of the Royal Society of Medicine, XIII, 1920; *Антић Д.* Пегави тифус у Крагујевачкој резервној болници 1914–1915. Историји српског војног санитета: наше ратно санитарско искуство. Београд, Штампарија Златибор, 1925; *Дивљановић Д.* Пегави тифус у Србији. Србија у 1915. години. Научни скуп Србија 1915. Године. Београд, Историјски институт, 1986; *Митрашиновић М.* Санитарске прилике и појава епидемије пегавог тифуса у ваљевском крају (1914–1915). Ваљевска болница: 1914–1915: зборник радова. Ваљево, Српско лекарско друштво, 1992; *Чеканец Р., Микић Д., Недок А., Поповић Б.*, Историјски осврт на епидемију пегавца 1914–1915. године у Србији, српски војни санитет 1914–1915. године. Београд, Управа за војно здравство Министарства одбране Републике Србије и Академија медицинских наука Српског лекарског друштва, 2010. С. 226–238; *Чукић Г.* Чему нас учи прошлост пегавог тифуса? Беране, Центар за културу, 2016.

⁵⁸⁸ Blic, В 92, News.

⁵⁸⁹ «Ко се не вакцинише не добија хлеб». Ново време, 12 октобра 1941. №4. С. 1.

⁵⁹⁰ *Nicolle Ch., Comte C., Conseil E.* Transmission expérimentale du typhus exanthématique par le pou du corps. Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences, 1909. С. 149, 486–489.

⁵⁹¹ *Чукић Г.* Век од објављивања прилога Јована Кујачића. Историја медицине, фармације, ветерине и народна здравствена култура. Зборник радова са V научно-стручног скупа, Зајечар, Историјски архив Тимочка крајина, 2013. Т. 4. С. 115.

по крайней мере, частично осведомлена о недавнем открытии⁵⁹². Однако широкое ознакомление профессиональной общественности с тем, какую роль в распространении сыпного тифа играли вши, произошло лишь к концу января⁵⁹³ и было связано с публикацией статьи доктора М. Йованович-Бату́та⁵⁹⁴. Впрочем, даже на тот момент значительная часть сербских врачей все еще сомневалась в его выводах⁵⁹⁵. В условиях войны подавление любой паники и недопущение подпитки вражеской пропаганды долгое время считалось первоочередной задачей, в то время как борьба с болезнями была уже второстепенна, не предполагала широкой огласки и внимания общественности.

Государственный комитет по борьбе с инфекционными заболеваниями был сформирован во второй половине января 1915 г.⁵⁹⁶, однако лишь 9 февраля сербское правительство обратилось к союзникам за медицинской помощью⁵⁹⁷. Упомянутая же статья Бату́та носила скорее научный характер и не содержала предупреждений о разгорающемся бедствии⁵⁹⁸.

В первых числах февраля о масштабах эпидемии и нехватке врачей не знали и журналисты. Склонная к критике властей газета «Политика» взывала к морали новоиспеченных лекарей⁵⁹⁹. Достаточно скоро в некрологах официальных газет появилась и все чаще стала упоминаться в качестве причины смерти — «крайне тяжелая болезнь — сыпной тиф» — в том числе и в некрологах врачей и военнослужащих, что ранее было бы немислимо⁶⁰⁰. Независимые печатные издания «сыпной тиф» стали

⁵⁹² *Кужашић Ј.* Пјегава грозница (пјегави тифус). Библиотека за чување народног здравља. Београд, Државна штампарија, 1914, Т. 7.

⁵⁹³ *Вукшић Љ.* Историјски осврт на престанак пегавца (*Typhus exanthematicus*) 1914–1915. године у Србији. Београд. Архив за историју здравствене културе Србије, 1989.

⁵⁹⁴ *Јовановић-Бату́т М.* Пегави тифус. Како се шири о како се сузбија // Српске новине, 28 јануара 1915. №28. С. 2–4.

⁵⁹⁵ *Чукић Г.* Бату́т, 1915: Просвећени синови, поведите смишљену борбу против пегавог тифуса! *Acta Medica Medianae*, 2018. С. 148.

⁵⁹⁶ *Чукић Г.* Бату́т, 1915: Просвећени синови, поведите смишљену борбу против пегавог тифуса! *Acta Medica Medianae*, 2018. С. 146–147.

⁵⁹⁷ *Hunter W.* The Serbian Epidemics of Typhus and Relapsing Fever in 1915: Their Origin, Course, and Preventive Measures employed for their Arrest: (An Aetiological and Preventive Study based on Records of British Military Sanitary Mission to Serbia, 1915). *Proceedings of the Royal Society of Medicine*. XIII. 1920. С. 34.

⁵⁹⁸ О предохрани од Пегавца // Српске новине. 11 фебруара 1915. С. 2.

⁵⁹⁹ Шта се говори? // Политика. 3 фебруара 1915. С. 1.

⁶⁰⁰ Преминуо је М. Живановић, Преминуо је Д-р М. Ђорић // Српске новине, 8 фебруара 1915. С. 2.

называть причиной смерти с начала февраля⁶⁰¹. Не скрывали затруднительной ситуации с медперсоналом и в военном «Пьемонте», который уже 5 февраля сообщал, что в больницах г. Валево на лечении находятся уже 18 врачей, больных сыпным тифом. В том же издании от 8 февраля говорилось и о смерти некоего валевского терапевта, при этом подчеркивалось, что это уже «одиннадцатая жертва антисанитарии в больницах Валево»⁶⁰². Тогда же стали распространяться вести о смертности среди врачей и в «Политике»⁶⁰³. Так, в коротких заметках на последних страницах газет новости о «нехватке врачей в Сербии»⁶⁰⁴ вскоре стали известны населению.

Наконец, 12 февраля «Военный дневник» опубликовал выступление доктора В. Суботича с консилиума врачей. Журналист официально назвал темой их заседания сыпной тиф, «вопрос как никогда актуальный во времена нынешней опасной инфекции, и интересующий каждого человека, серьезно заботящегося о своем здоровье». Был назван главный виновник распространения болезни — вши, с которыми надлежало бороться с помощью термической дезинфекции одежды⁶⁰⁵. Тем же днем «Пьемонт» опубликовал официальный отчет о смерти от тифа 59 врачей по всей Сербии⁶⁰⁶. «Политика» лишь кратко сообщила, что болезнь достигла Белграда⁶⁰⁷. В том же номере была опубликована статья о смерти от тифа заведующего постоянным военным дринским госпиталем, который стал «еще одной тяжелой жертвой подкошенного медперсонала Сербии»⁶⁰⁸. Тогда же напечатала статью о борьбе с «жесточкой болезнью тиф» и «Стража»⁶⁰⁹.

Очевидно, что совпадения в датах всех этих статей, объявлявших о начале эпидемии через два месяца после ее реального начала, были связаны с целенаправленным решением хоть и с крайней осторожностью все же проинформировать общественность о положении дел. С

⁶⁰¹ Преминуо је др Ђ. Дада // Правда. 02.02.1915. №2; Преминуо је Д-р Д. Митровић // Политика. 2 февраля 1915. С. 2.

⁶⁰² Оболели лекари // Пијемонт. 5. февраля 1915. С. 3; Преминуо је Д-р С. Ђорђевић // Пијемонт, 8. февраля 1915. С. 2.

⁶⁰³ Преминуо је Д-р Д. Марић // Политика. 7 февраля 1915. С. 2; Преминуо је В. Бојовић // Политика. 7 февраля 1915. С. 2; Преминуо је Др. Г. Сајферт // Политика. 7 февраля 1915. С. 2.

⁶⁰⁴ Један вредан лекар // Политика. 3 февраля 1915. С. 2.

⁶⁰⁵ О предохрани од пегавца // Ратни дневник. 12 февраля 1915. С. 2.

⁶⁰⁶ Страшна цифра // Пијемонт. 12 февраля 1915. С. 2.

⁶⁰⁷ Тифус у Београду // Политика. 13 февраля 1915. С. 2.

⁶⁰⁸ Преминуо је др. С. Николајевић // Политика. 13 февраля 1915. С. 2.

⁶⁰⁹ Против тифуса // Стража. 12 февраля 1915. С. 2.

этой целью журналисты «Политики» в статье под названием «В Вене и Берлине», сообщали о материале якобы опубликованном 10 февраля в австрийской «Новой свободной прессе», где подробно описывалось, как сыпной тиф перебрался в столицы Австрии и Германии и вызвал многочисленные смерти среди солдат и врачей. Вымышленный австрийский автор якобы писал, что мерой, необходимой для спасения немецкого народа является неотложная борьба со вшами⁶¹⁰. Разумеется, эта статья не появлялась в «Neue Freie Presse» ни в номере 18128 от 10 февраля, ни ранее⁶¹¹.

Даже создание Комитета по борьбе с инфекцией, который в просторечии переименовали в «Заразный комитет»⁶¹², было покрыто мраком цензуры, который нарушался лишь по беспечности журналистов и редакторов. Современный сербский эпидемиолог Г. Чукич считает, что парламентский и правительственный орган — Государственный комитет по борьбе с инфекцией был сформирован еще «примерно 21 января»⁶¹³. Официальное же заявление о создании Комитета появилось в «Сербской газете» только 10 марта⁶¹⁴. В то же время ранее сербские газеты несколько раз публиковали новости о его деятельности. «Правда» сообщала, что депутаты от всех политических групп создали единый Комитет, который внесет в правительство предложение о принятии необходимых санитарных мер «против той болезни, которая царит сегодня среди наших людей»⁶¹⁵. «Стража»⁶¹⁶ и «Пьемонт»⁶¹⁷ передавали аналогичную информацию. «Пьемонт» даже упоминал точный бюджет Государственного комитета по борьбе с инфекцией и меры, которые предпринимал военный министр с подачи этого комитета⁶¹⁸. Даже официальная «Сербская газета» заявляла о деятельности Комитета до объявления о его создании⁶¹⁹.

⁶¹⁰ У Бечу и Берлину // Политика. 15 февраля 1915. С. 2.

⁶¹¹ Neue Freie Presse. 10 февраля 1915.

⁶¹² Шта се говори? // Политика. 8 апреля 1915. С. 1.

⁶¹³ Чукић Г. Државни одбор за сузбијање заразних болести 1915. године. Историја медицине, фармације, ветерине и народна здравствена култура // Зборник радова са VIII научно-стручног скупа. Зајечар. Историјски архив Тимочка крајина. 2016. Т. 7. С. 29–46.

⁶¹⁴ По одлуци Министарског Савета образован је Државни одбор за сузбијање заразних болести // Српске новине. 10 марта 1915. С. 1.

⁶¹⁵ Предлог о сузбијању заразе // Правда. 4 февраля 1915. С. 2.

⁶¹⁶ Санитарни одбор // Стража. 12 февраля 1915. С. 2.

⁶¹⁷ Санитарни одбор // Пијемонт. 12 февраля 1915. С. 2.

⁶¹⁸ За сузбијање заразе // Пијемонт. 28 февраля 1915. С. 3.

⁶¹⁹ Пегавац (Пегави тифус). Упутства за народ // Српске новине. 27 февраля 1915. С. 3.

О первых индивидуальных мерах по борьбе с «инфекционными заболеваниями» заявил 8 февраля «Пьемонт», обратив внимание граждан на необходимость «избегать рукопожатий и, в особенности, поцелуев»⁶²⁰. Ни ссылки на орган, рекомендовавший такие меры, ни указания причин предосторожностей не последовало. В статье от 12 февраля «Стража» перечислила комплекс рекомендаций по борьбе с эпидемией, с конкретным указанием её причины — тифа. Авторы статьи ни разу не упомянули о существовании трех разных типов тифа и роковой роли вшей в передаче наиболее свирепствовавшего в Сербии сыпного тифа. Рекомендовались лишь общие меры по изоляции больных и умерших. Этот набор рекомендаций не был подписан ни каким-либо государственным органом или врачом — отсутствовало даже имя автора статьи⁶²¹. О первых мерах «против распространения заразы», исходящих от конкретного учреждения, «Пьемонт» сообщил только 17 февраля. Речь шла о запрете Верховного Главнокомандования «частным лицам выезжать в военную зону, чтобы зараза не распространялась»⁶²². «Политика» 19 февраля сообщила, что за два дня до этого в Белграде дошло до наказания домовладельца за антисанитарию при вмешательстве полиции, а распоряжением мэра г. Ниша были отменены кинопоказы, концерты и общественные мероприятия⁶²³. Официальная «Сербская газета»⁶²⁴ и другие издания⁶²⁵ регулярно сообщали о проведении консилиумов по сыпному тифу и другим инфекционным заболеваниям — не сообщая ни выводов, ни путей решения.

Несмотря на молчание «Военного дневника» и «Сербской газеты», государство активно боролось с эпидемией. Поначалу эти меры лишь время от времени упоминались в ежедневных газетах. 22 февраля «Политика» сообщила об отмене пассажирских перевозок по железной

⁶²⁰ Не рукујте се! // Пијемонт. 8 фебруара 1915. С. 2.

⁶²¹ Против Тифуса // Стража. 12 фебруара 1915. С. 2.

⁶²² Због ширења заразе // Пијемонт. 17 фебруара 1915. С. 3.

⁶²³ Дан нечистих // Политика. 19 фебруара 1915. С. 3; Забрањени јавни скупови // Политика. 19 фебруара 1915. С. 3; Изношење ђубрета // Политика, 19 фебруара 1915. С. 3.

⁶²⁴ Лекарски састанак // Српске новине. 12 фебруара 1915. С. 2; Лекарски састанак // Српске новине. 18 фебруара 1915. С. 2; Лекарски састанак // Српске новине. 12 фебруара 1915. С. 2; Лекарски састанак // Српске новине. 11 марта 1915. С. 1; Лекарски састанак // Српске новине. 26 марта 1915. С. 2; Лекарски састанак // Српске новине. 08 априла 1915. С. 1; Лекарски састанак // Српске новине. 18 априла 1915. С. 2.

⁶²⁵ Лекарски састанак // Пијемонт. 7 фебруара 1915. С. 2; Лекарски састанак // Пијемонт. 28 фебруара 1915. С. 3.

дороге с целью дезинфекции вагонов⁶²⁶. Она же передала всем полицейским органам некоторые инструкции по пресечению эпидемии, «чтобы они приложили все усилия и встали на пути распространения болезни»⁶²⁷. В то же время «Пьемонт» объявил о запрете уличной торговли в Белграде «из-за опасности распространения инфекции»⁶²⁸. Сведения о заседании муниципалитета Белграда по поводу «подавлении тифозной заразы» были опубликованы 26 февраля с объявлением ряда нововведений, направленных на поддержание чистоты в частных домах и зданиях — «чтобы болезнь не разрасталась»⁶²⁹.

Только с 24 февраля «Сербская газета» стала официально и последовательно подчеркивать необходимость борьбы со вшами. В остальном, даже та, первая статья о дезинфекции путем прожарки одежды мотивировалась лишь абстрактным утверждением «все врачи считают, что...»⁶³⁰. В такой же форме «Политика» обращалась к авторитету Пастеровского института во Франции⁶³¹. Позднее «Сербская газета» опубликовала рекомендации по борьбе с сыпным тифом в виде специальной листовки — приложения к газете. Максимально доступные читателю «Инструкции для населения по сыпному тифу» впервые были опубликованы 27 февраля и подписаны Государственным комитетом по борьбе с инфекционными заболеваниями (за неделю до официального образования этого органа). В листовках излагались формы распространения сыпного тифа, признаки заболевания, способы лечения и профилактики⁶³². Так задержка с провозглашением официальной борьбы с эпидемией была вызвана не столько отсутствием реальных мер — которые явно предпринимались Государственным комитетом по борьбе с инфекционными заболеваниями, сколько нежеланием пресс-бюро провоцировать панику и заявлять о проблеме вслух. О принятых мерах по запрету посещения больниц с 28 февраля, о прекращении пассажирского железнодорожного движения с 3 по 18 марта (позднее возобновленного) мы знаем только из обрывочной информации⁶³³.

⁶²⁶ Дезинфекција железница // Политика. 22 февраля 1915. С. 3.

⁶²⁷ За сузбијање заразе // Политика. 22 февраля 1915. С. 3.

⁶²⁸ Забрањена продаја // Пијемонт. 22 февраля 1915. С. 2.

⁶²⁹ За сузбијање заразе // Пијемонт. 26 февраля 1915. С. 3.

⁶³⁰ Пећи за дезинфекцију у борби против заразе // Српске новине, 24 февраля 1915. С. 1–2.

⁶³¹ Из Париза, из Пастеровог института // Српске новине. 25 февраля 1915. С. 2.

⁶³² Пегавац (Пегави тифус). Упутства за народ // Српске новине. 27 февраля 1915. С. 3.

⁶³³ За сузбијање заразе // Пијемонт. 28 февраля 1915. С. 3; За сузбијање заразе // Пијемонт. 3 марта 1915. С. 3.

В марте независимые газеты продолжали информировать общественность о научной работе по борьбе с сыпным тифом. Так, была опубликована статья о том, сколько времени требуется разным химическим средствам в разных условиях для уничтожения обыкновенных вшей. Эта большая статья была напечатана на первой полосе, однако знаменательно, что написана она 3 марта, а опубликована лишь 11 марта. В разгар эпидемии такой большой временной промежуток можно объяснить лишь вмешательством военной цензуры, которая долго не могла решиться на передачу прессе информации из военных госпиталей⁶³⁴.

В этих условиях шаги правительства по борьбе с эпидемией в армии не могли стать предметом публичных статей. Тем не менее, в середине марта «Сербская газета» все же опубликовала статью анонимного командира батальона. Судя по всему, автор был военным врачом, который хотел разместить полезную информацию о борьбе со вшами и сыпным тифом в армии⁶³⁵.

Важнейшей противоэпидемической мерой стали развернутые с 17 марта широкая дезинфекция и полный запрет железнодорожного движения. Спустя двенадцать дней после этого решения, 27 марта 1915 г., заболеваемость и смертность в больницах достигли пика⁶³⁶.

Однако об этом решении также не было широко заявлено. Лишь в середине марта «Политика» констатировала, что пассажирское сообщение прекращено с 3 марта⁶³⁷. Читателей должен был утешать тот факт, что якобы и в Англии пассажирское движение в то время также было прервано по причине военных надобностей⁶³⁸. Затянувшееся прекращение работы транспорта объяснялось необходимостью тщательнейшей дезинфекции вагонов⁶³⁹. Лишь 25 марта был официально объявлен приказ Верховного Главнокомандования о полном прекращении железнодорожного движения на срок от 17 марта до 1 апреля. Произошло это в связи с необходимостью предотвратить деятельность недобросовестных командиров небольших воинских частей и даже начальников гос-

⁶³⁴ Опити хемијске дезинсекције // Политика. 11 февраля 1915. С. 1–2.

⁶³⁵ Борба против пегавца. Из писма једног команданта батальона // Српске новине. 16 марта 1915. С. 1–2.

⁶³⁶ Hunter W. The Serbian Epidemics of Typhus and Relapsing Fever in 1915: Their Origin, Course, and Preventive Measures employed for their Arrest: (An Aetiological and Preventive Study based on Records of British Military Sanitary Mission to Serbia, 1915). Proceedings of the Royal Society of Medicine. XIII. 1920. С. 58–59.

⁶³⁷ Обуства саобраћаја // Политика. 13 марта 1915. С. 3.

⁶³⁸ Обуства саобраћаја у Енглеској // Политика. 15 марта 1915. С. 3.

⁶³⁹ Дезинфекција вагона // Политика. 17 марта 1915. С. 2; Дезинфекција вагона // Политика. 19 марта 1915. С. 3.

питалей, старавшихся обойти противоэпидемические меры и позволяющих своим подопечным свободно передвигаться с помощью фиктивных командировочных удостоверений⁶⁴⁰. Об ограничении железнодорожного движения только для курьеров высших военных учреждений «Политика» сообщила еще за два дня до подписания официального приказа⁶⁴¹. Возобновление же пассажирского железнодорожного сообщения прошло далеко не гладко и подверглось критике в «Политике»⁶⁴².

Активные работы по борьбе с болезнью и антисанитарией непрерывно проводились и в марте 1915 года, о чем ежедневные издания сообщали весьма скупо — хотя все же больше, чем в феврале. После решения вопросов гигиены в городах и пригородах настала очередь запущенных сельских и придорожных кабаков и трактиров. Министр внутренних дел поручил это дело местным полицейским органам по всей стране⁶⁴³. В связи с этим решением через пятьдесят дней было закрыто более пятидесяти придорожных заведений⁶⁴⁴. В Белграде в это время ужесточался надзор за кабаками, лотошниками и другими мелкими предприятиями общественного питания, которые закрывались в случае «даже малейшей грязи»⁶⁴⁵. По распоряжению городского суда от 16 марта были и просто подметены городские улицы⁶⁴⁶. Газета «Политика», ориентированная в основном на образованную и интеллигентную публику, публиковала в марте работы сербских врачей о необходимости соблюдения строжайшей гигиены⁶⁴⁷.

О введении законов по борьбе с сыпным тифом впервые было объявлено 27 марта в виде специальной статьи в официальной «Сербской газете». Приказом министра внутренних дел определялись 28 официальных шагов по пресечению инфекционных заболеваний среди населения. В основном это были общегигиенические меры — вывоз мусора, сооружение туалетов, агитация населения мыть руки после справления нужды, проветривание помещений, дезинфекция общественного транспорта и общественных зданий, контроль за поддержанием гигиены в гостиницах, кафе, кабаках и прочих подобных заведениях — а так-

⁶⁴⁰ Начелник штаба Врховне команде... // Српске новине. 25 марта 1915. С. 1.

⁶⁴¹ Железнички саобраћај // Политика. 19 марта 1915. С. 3.

⁶⁴² Саобраћај возова, Колски саобраћај // Политика. 27 марта 1915. С. 2.

⁶⁴³ Једна умесна наредба // Политика. 14 марта 1915. С. 3.

⁶⁴⁴ Затварање механа // Политика. 27 марта 1915. С. 2.

⁶⁴⁵ Због нечистоће // Политика. 15 марта 1915. С. 3.

⁶⁴⁶ Чишћење Београда // Политика. 17 марта 1915. С. 2.

⁶⁴⁷ Станојевић В. Пред летњом zarazом. Улога инсекта у преношењу заразе // Политика. 19 марта 1915. С. 1–2.

же в местах продажи одежды, в парикмахерских и общественных банях. Кафе должны были закрываться на перерыв с 9:00 до 11:00, с 14:00 до 18:00 и с 21:00 до 6:00. Без ограничений не проходили и театральные спектакли, кинопоказы, концерты, собрания, публичные панихиды, многолюдные свадьбы, похороны и любые религиозные обряды. Гражданам рекомендовалось по возможности воздержаться от использования железнодорожного и любого другого транспорта, повременить с приемом гостей, посещением магазинов и любых сторонних учреждений, болеющих знакомых, родственников в армии. Не рекомендовалось и отпускать на улицы детей без присмотра взрослых⁶⁴⁸.

Поскольку происходило все перечисленное уже в период снижения заболеваемости сыпным тифом, внимание врачей было приковано в Сербии в 1915 г. к менее смертоносным, но все же опасным иным видам тифа — возвратному и брюшному. Особенно росло число жертв последнего с наступлением жарких дней в условиях катастрофически низкого уровня гигиены в провинции. Если в борьбе с сыпным тифом особо выделялась английская врачебная миссия, то против брюшного тифа активнее всего работали французы. Брюшной тиф лечился вакцинацией, и только в Ниш вскоре было прислано из Франции 6 тысяч упаковок противотифозной сыворотки⁶⁴⁹. «Сербская газета» 28 марта проинформировала общественность о работе французской миссии, готовившейся к вакцинации сербского населения в районах, подверженных особой опасности. Населению были предоставлены сведения о вакцинации и необходимости повторных процедур 4 раза подряд, предупреждая, что в 10% случаев последствием может быть легкая лихорадка, а у 3–5% вакцинированных возможно «болезнь может развиваться в тяжелой форме». Вероятно, такой точный и честный подход был не слишком привлекателен для традиционно склонного к подозрительности сербского населения⁶⁵⁰. Готовых к процедуре было немного, поэтому было решено привести в жизнь идею об обязательном вакцинировании⁶⁵¹, о чем было объявлено в Белграде 6 апреля⁶⁵². Однако, по словам журналистов, фактически обязательная вакцинация все же не проводилась из-за нехватки лекарства⁶⁵³. Кроме того, значительная часть сербского

⁶⁴⁸ Наредба // Српске новине. 27 марта 1915. С. 1.

⁶⁴⁹ Париз за Србију // Пијемонт. 28 февраля 1915. С. 2.

⁶⁵⁰ Лекарска мисија која је дошла из Француске понела је са собом велику количину вакцине // Српске новине. 28 марта 1915. С. 2.

⁶⁵¹ Наредба за пелцовање // Пијемонт. 31 марта 1915. С. 2; Вакцинациони воз // Политика. 31 марта 1915. С. 2.

⁶⁵² Почетак пелцовња // Политика. 5 апреля 1915. С. 3.

⁶⁵³ Пелцовање у Београду // Политика. 6 апреля 1915. С. 4.

населения считала, что «колоться опасно», и «это совсем не помогает»⁶⁵⁴.

Изменения в отношении к борьбе с эпидемией с конца марта стали отражаться в появлении юмористических и критических текстов о вшах и сыпном тифе. Число некрологов в газетах продолжало расти, государственные меры становились все строже, однако эти первые ростки нового восприятия эпидемии уже свидетельствовали о свершившемся переломе⁶⁵⁵. Началась критика чрезмерной жесткости правительственных указов, направленных на борьбу с болезнью⁶⁵⁶. В Нише безо всякой радости были встречены новости о закрытии проштрафившихся местных кабаков⁶⁵⁷. Совершенно не вызвала энтузиазма новость об ограничении работы кабаков в Белграде⁶⁵⁸. Реакцией на эти события стал эмоциональный анонимный текст: «Указом министра кабаки должны быть открыты только с 11 до 14 и с 18 до 21 часов дня... А теперь, пожалуйста, скажите мне сами, возможно ли это?! Я утверждаю, что совершенно невозможно!»⁶⁵⁹ Журналисты критиковали недостаточные усилия по наведению чистоты, легкомыслие провинциальных жителей, а также осуждали внутренние перепалки органов, отвечающих за борьбу с эпидемией⁶⁶⁰. Возмущало их и решение правительства Черногории с целью предотвращения распространения болезни ввести паспорта здоровья (медицинские справки) для ограничения въезда пассажиров из Сербии⁶⁶¹. Вся эта критика и недовольство шли на фоне постепенно отступающей эпидемии.

Уже 8 апреля «Политика» транслировала крайне негативное отношение к мерам по закрытию кафе. «Сколько страданий пришлось пережить несчастному сербскому народу, чтобы подыграть этому приказу. А теперь становится известно, что приказ не распространяется на питейные заведения, в которых подаются лишь крепкие напитки... Так в интересах пресечения эпидемии крепнет алкоголизм, потому что эти самые крепкие напитки пьются теперь чаще!»⁶⁶² Еще одной лазейкой в ограничительных мерах стали предшественники «закрытых вечеринок пе-

⁶⁵⁴ Пелцовање против тифуса // Политика. 13 мая 1915. С. 1.

⁶⁵⁵ Пегавац. Разговор две беле ваши // Политика. 21 марта 1915. С. 3.

⁶⁵⁶ Шта се говори? // Политика. 1 апреля 1915. С. 1.

⁶⁵⁷ Чишћење Ниша // Политика. 1 апреля 1915. С. 4.

⁶⁵⁸ Затварање јавних локала // Политика. 1 апреля 1915. С. 3.

⁶⁵⁹ Још један пример // Стража. 26 марта 1915. С. 1.

⁶⁶⁰ Шта се говори? // Политика. 12 апреля 1915. С. 2; Шта се говори? // Политика. 15 апреля 1915. С. 2; Шта се говори? // Политика. 12 мая 1915. С. 1.

⁶⁶¹ Здравствени пасоши за Црну Гору // Политика. 1 мая 1915. С. 2.

⁶⁶² Шта се говори? // Политика. 8 апреля 1915. С. 1.

риода локдауна»: «Идешь бывало мимо кабака, занавески заботливо задернуты, двери заперты — улица то и дело оглашается звуком песен, слышен звон стаканов да шелест карт. Но, Бога ради, это всего лишь постоянные посетители, которых хозяин не желает расстраивать в угоду какому-то Государственному совету!»⁶⁶³ С этим явлением боролись денежными штрафами⁶⁶⁴, однако без особого успеха⁶⁶⁵ — в результате даже была запрещена работа «летних площадок» перед ресторанами в часы закрытия кабаков⁶⁶⁶. Алкоголизм как одна из реакций на эпидемию был распространен в обществе, однако редко критиковался в газетах⁶⁶⁷, несмотря то, что пьянство в период эпидемии осуждалось врачами как вредное и опасное суеверие⁶⁶⁸.

Об окончании эпидемии пресса говорила с февраля 1915 г. (т.е. почти с самого начала официального сообщения о появлении эпидемии, вспыхнувшей ещё в декабре 1914 г.) «Политика» впервые сообщила о спаде инфекционных болезней, и, прежде всего тифа, в тексте от 4 февраля 1915 г.⁶⁶⁹ «Пьемонт» впервые сообщил о сокращении заболеваемости 22 февраля⁶⁷⁰. Вслед за ними последовали и другие газеты, слишком рано объявившие о долгожданном окончании эпидемии. Первым реальным признаком перемен стало решение Министерства внутренних дел от 26 апреля о предоставлении локальным властям права по своему усмотрению приступать к открытию магазинов в городах — при условии, что им удастся лично убедиться в том, что состояние здоровья населения это позволяет. Об этом раньше других газет сообщила «Сербская газета»⁶⁷¹. Вскоре об этом стало известно и другим изданиям⁶⁷².

Спустя несколько дней был опубликован репортаж о ситуации в Белграде — без упоминаний тифа, инфекционных заболеваний и ограничительных мер, зато с описанием переполненных таверн⁶⁷³. Как в официальной, так и в независимой прессе присутствовала еще одна

⁶⁶³ Кроз Београд. Белешке једног радозналца // Политика. 10 апреля 1915. С. 1.

⁶⁶⁴ Кажњавање кафеџија // Политика. 14 апреля 1915. С. 2; Кажњени кафеџије // Политика. 17 апреля 1915. С. 2.

⁶⁶⁵ Живот у Београду // Правда. 20 апреля 1915. С. 1.

⁶⁶⁶ Забрањен рад пред кафанама // Политика. 26 апреля 1915. С. 3.

⁶⁶⁷ Регистар. Озбиљна шала // Новости. 9 марта 1915. С. 1.

⁶⁶⁸ Да будемо здрави. За наше храбре војнике. Крагујевац, 1915. №13, С. 14–16.

⁶⁶⁹ Заразне болести // Политика. 8 февраля 1915. С. 1.

⁶⁷⁰ Зараза опада // Пијемонт. 22 февраля 1915. С. 2.

⁶⁷¹ Распис свима окружним начелствима... // Српске новине. 30 апреля 1915. С. 1.

⁶⁷² Отварање јавних локала // Политика. 2 мая 1915. С. 2.

⁶⁷³ У Бомбардованом Београду // Политика. 7 мая 1915. С. 1–2.

деталь, ярко иллюстрировавшая окончание эпидемии — это высказанное в конце мая желание почтить память жертв минувшего бедствия, позаботиться о родственниках (и прежде всего детях) погибших⁶⁷⁴.

Во время эпидемии СМИ часто медлили и явно не справлялись с задачей своевременного информирования общественности о фактах, уже известных врачам. Отсутствовало регулярное и точное обновление сведений о запретах и ограничениях. Журналистов, казалось, намного больше заботило многократно повторенное обвинение в эпидемии австрийцев. Заметим, что даже современные сербские врачи до сих пор не закрыли дискуссию о возможном автохтонном источнике эпидемии 1914–1915 гг.⁶⁷⁵ В декабре 1914 г. — феврале 1915 г. информация о масштабах заболевания утаивалась. Эта излишняя осторожность привела к беспорядочности и непродуманности заявлений в газетах по поводу надвигавшейся эпидемии. Даже сами правила военной цензуры были опубликованы с опозданием⁶⁷⁶. Все эти проблемы зимы 1914–1915 г. были совершенно очевидны современникам⁶⁷⁷. Лишь в конце апреля 1915 г. сербские военные врачи на страницах печати с сожалением подчеркивали, что об эпидемии следовало бы «рассуждать совершенно открыто, а не пытаться ее замолчать — как, к большому сожалению, поначалу поступало Пресс-бюро в Сербии»⁶⁷⁸.

⁶⁷⁴ Ниш, 25 маја // Српске новине. 26 мая 1915. С. 1; Споменик јунацима // Политика. 25 мая 1915. С. 1; Откривање споменика // Правда. 25 мая 1915. С. 2; За породице изгинулих // Стража. 25 мая 1915. С. 1; Фонд изгинулих и умрлих официра // Ратни дневник. 25 мая 1915. С. 4; Фонд лекарске сирочади Српског лекарског друштва // Српске новине. 26 апреля 1915. С. 2.

⁶⁷⁵ Чужић Г. Лазар Генчић, пуковник (1868–1942). Начелник санитета Врховне команде Србије 1912–1916. Аста Medica Medianae, 2009. С. 72.

⁶⁷⁶ Уредба о војној цензури за време рата // Српске новине. 28 мая 1915. С. 1–2.

⁶⁷⁷ Једна бесмислица. Шта све ради наша цензура // Политика. 16 мая 1915. С. 1.

⁶⁷⁸ Епидемија и рат // Правда. 20 апреля 1915. С. 1.

Волокитина Татьяна Викторовна

**РУССКИЙ ДИПЛОМАТ Л.В. УРУСОВ
ОБ УЧАСТИИ БОЛГАРИИ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(Дневники 1914–1917 гг.)***

Аннотация. Статья посвящена источнику личного происхождения — дневникам русского дипломата князя Л.В. Урусова, которые он вел в течение трех лет, в 1914–1917 гг. С 1936 г. дневники хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в «Коллекции документальных материалов из личных архивов чиновников МИД» (фонд 340). Записи объемом около 900 рукописных листов охватывают один из наиболее сложных, переломных периодов российской и мировой истории, связанных с Великой войной и октябрьским переворотом 1917 г. в России, и представляют собой летопись событий, которые автор пытается проанализировать и осмыслить.

Потомок древнего княжеского рода татарского происхождения, корнями уходящего в эпоху Тамерлана, Лев Васильевич Урусов отличался консервативными взглядами, был убежденным монархистом, далеким от демократического и освободительного идеалов. Продолжая традиции семьи, избрал дипломатическую стезю. Революционные времена встретил в должности вице-директора Экономического департамента МИД.

Дневники отражают убежденность автора в «мировой роли» России, обостренное национальное патриотическое чувство автора, причем с явным мессианским привкусом. Князь размышляет об обращенном к миру «новом вещем слове» России, о восхождении на мировом небосклоне «русской зари» и мощном «взмахе русского орла», о наступлении «русско-славянской эры» в истории, и пр. Однако он убежден, что новый «славянский» век «должен... родиться в крови и страдании».

Неоднократно подчеркивая миролюбивый характер предвоенной политики России, Урусов был при этом явным протагонистом активного наступательного внешнеполитического курса. Особенно четко это прослеживается в записях начала войны о судьбе черноморских Проливов. Считая вопрос об их судьбе главным для России, Урусов прогнозировал ухудшение отношений между союзниками, особенно между

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект №20–59–18004.

Россией и Великобританией и выражал убеждение, что «к противодействию Англии нашим видам нужно деятельно готовиться». Записи отражают глубокие размышления автора о восприятии России в мире в целом, без деления на союзников и противников, особо подчеркивается непонимание России и страх перед ее реальной мощью. Одной из главных для князя была тема наказания болгар за «предательство» — выступление на стороне Германии и за творимые бесчинства на территории Сербии. Подчеркивая прагматизм болгар и расчет «братушек» («авось повезет, и мы выиграем»), Урусов с удовлетворением констатирует, что за свое поведение им предстоит «платить».

Представленные в дневниках оценки событий и характеристик акторов в целом отражают устоявшиеся представления российской элиты и, в первую очередь, выходцев из внешнеполитического ведомства. Особенно ценно, что этот источник коррелирует с отмечаемым ныне «антропологическим сдвигом» в исторической науке: позволяя исследовать эпоху через конкретную личность со всеми присущими ей слабостями и противоречиями.

Ключевые слова: Россия, Болгария, Балканы, отношения между союзниками, черноморские Проливы, «предательство» болгар.

Tatiana Volokitina

**RUSSIAN DIPLOMAT L.V. URUSOV
ON BULGARIA'S PARTICIPATION IN WORLD WAR I
(Diaries 1914–1917)**

Abstract. The reader is offered a source of personal origin — the diaries of the Russian diplomat prince L.V. Urusov, which he led for three years, in 1914–1917. Since 1936, the diaries have been kept in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI) in the Collection of Documentary Materials from the Personal Archives of Foreign Ministry Officials (fund 340). Records of about 900 handwritten sheets cover one of the most difficult, critical periods of Russian and world history associated with the Great War and the October Revolution of 1917 in Russia, and represent a chronicle of events that the author is trying to analyze and comprehend.

A descendant of an ancient princely family of Tatar origin, rooted in the era of Tamerlane, Lev Vasilievich Urusov was distinguished by conservative views, was a staunch monarchist, far from democratic and liberation ideals.

Continuing the traditions of the family, he chose the diplomatic path. He met revolutionary times in the position of Vice-Director of the Economic Department of the Ministry of Foreign Affairs.

The diaries reflect the author's conviction in the «world role» of Russia, the author's heightened national patriotic feeling, and with a clear messianic flavor. The prince reflects on the «new word of things» of Russia addressed to the world, on the ascent of the «Russian dawn» in the world sky and the powerful «swing of the Russian eagle», on the onset of the «Russian-Slavic era» in history, etc. However, he is convinced that the new «Slavic» age «should... be born in blood and suffering».

Repeatedly emphasizing the peaceful nature of Russia's pre-war policy, Urusov was at the same time a clear protagonist of an active offensive foreign policy. This is especially clearly seen in the records of the beginning of the war about the fate of the Black Sea Straits. Considering the question of their fate to be the main one for Russia, Urusov predicted the deterioration of relations between the allies, especially between Russia and Great Britain, and expressed the conviction that «we need to actively prepare for England's opposition to our species». The notes reflect the author's deep reflections on the perception of Russia in the world as a whole, without dividing into allies and opponents, the lack of understanding of Russia and the fear of its real power are especially emphasized. One of the main topics for the prince was the topic of punishing the Bulgarians for «betrayal» – speaking on the side of Germany and for committing atrocities on the territory of Serbia. Emphasizing the pragmatism of the Bulgarians and the calculation of the «brothers» («maybe we are lucky and we will win»), Urusov states with satisfaction that they will have to «pay» for their behavior.

The assessments of events and characteristics of the actors presented in the diaries generally reflected the well-established ideas of the Russian elite and, first of all, those who came from the Foreign Ministry. It is especially valuable that this source correlates with the «anthropological shift» now noted in historical science: allowing us to explore the era through a specific personality with all its inherent weaknesses and contradictions.

Keywords. Russia, Bulgaria, Balkans, relations between the allies, the Black Sea Straits, «betrayal» of the Bulgarians.

К 100-летию Русской революции 1917 г. российский МИД опубликовал дневники дипломата князя Льва Владимировича Урусова⁶⁷⁹. Первая запись датирована 23 июля 1914 г. (все записи сделаны по старому сти-

⁶⁷⁹ Дневники Л.В. Урусова. 1914–1917. Тамбов: ООО «Тамбовский полиграфический союз», 2017, 592 стр. с илл.

Фотография князя Л.В. Урусова

лю), т.е. менее чем за неделю до начала Первой мировой войны, а последняя 24 ноября 1917 г. и обрывается на половине фразы. Таким образом, дневники охватывают один из наиболее сложных, переломных периодов российской и мировой истории, связанных с Великой войной и октябрьским переворотом 1917 г. в России. За трехлетний период объем записей достиг значительных размеров — 900 рукописных листов, исписанных убористым четким почерком, почти без помарок и исправлений. Нет в тексте и более поздних вставок, то есть автор не пересматривал и не корректировал свои первоначальные записи задним числом.

Дневники сохраняются в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в «Коллекции документальных материалов из личных архивов чиновников МИД» (фонд 340). Предположительно они были изъяты при обыске на квартире Урусова зимой 1917 г., за которым последовал его кратковременный арест, а затем и отъезд из Петрограда. В марте 1936 г. дневники поступили в архив. Где они находились до того времени, точно не установлено.

Дневники князя Урусова относятся к источникам личного происхождения, дающим возможность глубже постичь «дела давно минувших дней» через их преломление в восприятии конкретного человека, ведущего записи «по горячим следам»⁶⁸⁰. Однако важной их особенностью является почти полное отсутствие упоминаний автором о своей профессиональной и личной жизни. Урусов, скорее, ведет летопись событий и пытается их осмыслить. Откровенный характер записей позволяет предположить, что автор делал их исключительно «для себя», вряд ли доверял постороннему глазу и не помышлял о публикации. Отсюда, вероятно, обилие резких и не всегда лицеприятных оценок конкретных лиц, событий, правительств, народов, тех или иных акторов международных отношений. Очевидное отсутствие самоцензуры придает данному источнику особую ценность.

Исследователям дневники Урусова почти не известны. Небольшая их часть была использована в 2005 г. в кандидатской диссертации А.И. Кузнецова по истории российской дореволюционной дипслужбы⁶⁸¹, а затем — также фрагментарно — в сборнике документов «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны», изданном в связи с её 100-летием⁶⁸². Александр Игоревич Кузнецов в 2012–2016 гг. возглавлял Историко-дипломатический департамент МИД России, стараниями сотрудников которого дневники увидели свет. Он же является автором вступительной статьи «Война и революция глазами русского дипломата», материалы которой использованы в настоящей публикации.

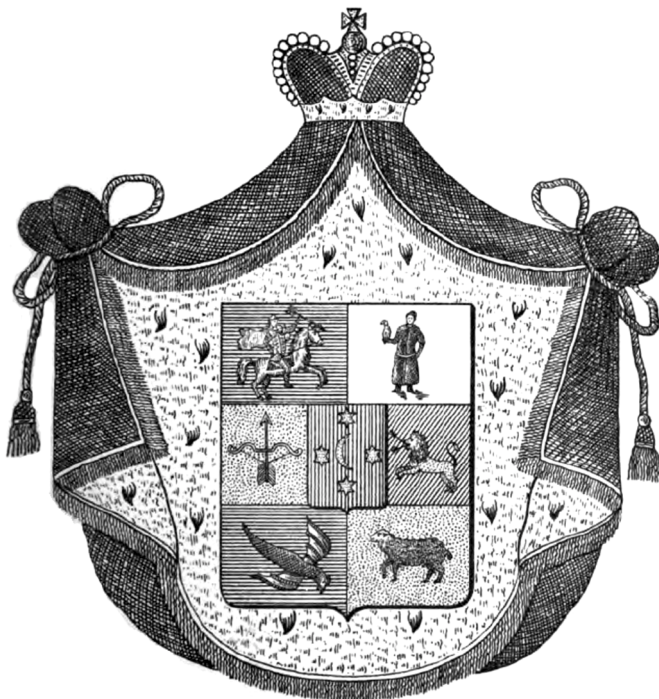
Кто же такой князь Лев Владимирович Урусов и каковы обстоятельства появления его Дневников?

Урусовы — древний княжеский род татарского происхождения, берущий начало в XIV в. Основатель рода — Урус-хан был потомком первого правителя Ногайской Орды Едигея Мангита, одного из военачальников Тамерлана. В середине XVII в. род Урусовых насчитывал всего четырёх братьев, по некоторым сведениям, состоявших с царем Алексеем Михайловичем в родстве в третьем колене. В ценнейшем источнике «О России в царствование Алексея Михайловича» его автор, бывший подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин причислил Урусо-

⁶⁸⁰ Жожикашвили С.В. Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 232–234.

⁶⁸¹ Кузнецов А.И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 2005. Дисс. ... канд. ист. наук. URL: <https://cheloveknauka.com/podgotovka-i-vozpitanie-diplomata-v-rossiyskoj-imperii> (дата обращения 28.01.2022).

⁶⁸² Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сборник документов / Отв. ред. А.И. Кузнецов. Тула: «Акварис», 2014.

ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ УРУСОВЫХЪ

вых к высшей аристократии Русского царства, наиболее приближенной к государю: «роды, которые бывают в боярех, а в окольных не бывают»⁶⁸³. На деление аристократических родов на две категории (степени) и принадлежность Урусовых к первостепенным родам указывает и Г.В. Талина⁶⁸⁴. Впоследствии род измельчал и сильно разветвился: сведения об Урусовых содержатся в родословных книгах Московской, Сибирской, Смоленской, Санкт-Петербургской, Черниговской и Ярославской губерний.

Семья, в которой 31 декабря 1877 г. появился на свет Лев Владимирович, принадлежала к старшей ветви «московских Урусовых». Потомки

⁶⁸³ О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1859. С. 19. URL: hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm (дата обращения 27.01.2022).

⁶⁸⁴ Талина Г.В. Эволюция титульно-наместнической системы во второй половине XVII – начале XVIII века // Исторический журнал: научные исследования. 2012. №2 (8). С. 59.

этой ветви оставили заметный след на военном, административном и судебном поприщах Российской империи.

По окончании в 1898 г. Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, готовившего учеников к службе в государственном аппарате, в том числе и в дипломатической сфере, Лев Урусов избрал карьеру дипломата. К такому решению подталкивала и семейная традиция. Его отец Владимир Павлович, действительный статский советник, камергер, служил в российской миссии в Тегеране и Вене, а дядя Лев Павлович, действительный статский советник, гофмейстер, с 1880 г. последовательно занимал посты посланника в Румынии, Бельгии, Люксембурге, а с 1897 г. — императорского посла в Париже, Риме, Вене.

В МИДе Лев Владимирович Урусов получил чин титулярного советника, с 1809 г. присваиваемый лицам с высшим образованием, но не имевшим ученой степени. Работа во внешнеполитическом ведомстве сулила продвижение по службе, но успехи князя на дипломатическом поприще оказались скромными: Урусов занимал малозначительные посты в русской миссии в Голландии, в 1910–1912 гг. был секретарем миссии в Болгарии (чрезвычайные посланники и полномочные министры России в стране в те годы — Дмитрий Константинович Семеновский-Курилло и Анатолий Васильевич Неклюдов), в 1912 г. получил назначение первым секретарем посольства в Японии. Именно в Стране восходящего солнца Урусов и начал летом 1914 г. вести свой дневник. По возвращении в Петроград в 1916 г. был назначен вице-директором Экономического департамента МИД.

Крушение монархии в феврале 1917 г. вызвало сильное революционное брожение и административную неразбериху среди российского чиновничества. Затронули эти процессы и внешнеполитическое ведомство, хотя, как отмечали современники событий и подтверждают ныне исследователи, из-за «особых условий службы» МИД пострадал в то время в меньшей степени. Объяснение находим в воспоминаниях министра иностранных дел Временного правительства Павла Николаевича Милокова. «Я ценил заведенную машину с точки зрения техники и традиции, — писал Милоков. — Я знал, что в составе служащих есть люди, не разделяющие моих взглядов на очередные вопросы внешней политики, но не боялся их влияния на меня и полагался на их служебную добросовестность. Я собрал всех служащих при вступлении в министерство и указал им на единство нашей цели и на необходимость считаться с духом нового режима»⁶⁸⁵.

⁶⁸⁵ Милоков П.Н. Воспоминания / Под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. URL: http://az.lib.ru/m/miljukow_p_n/text_0050.shtml (дата обращения 27.01.2022).

Служащие МИДа единодушно признали Временное правительство. При этом определяющую роль сыграло их категорическое неприятие перспективы заключения сепаратного мира с Германией (его подписание приравнивалось к государственной измене), а также взятое Временным правительством обязательство сохранить верность союзникам и довести войну до победного конца. Вместе с тем, впервые получив право собственного голоса, служащие министерства на чрезвычайном общем собрании единодушно высказались за создание самостоятельного общества для защиты ведомственных интересов и установления связи с другими союзами служащих. Это решение знаменовало собой «звездный час» князя Урусова: в новом объединении — Обществе служащих он возглавил исполком, ставший «параллельной властью» в министерстве. Вплоть до октября 1917 г. эта структура оказывала существенное влияние на все стороны деятельности МИДа. С приходом же к власти большевиков Урусов на короткое время стал «фактически новым министром иностранных дел». Этот неофициальный «статус» он подтвердил и на встрече с наркомом по иностранным делам Л. Д. Троцким 27 октября 1917 г., объявив ему о единодушном отказе служащих министерства сотрудничать с большевиками. На прямую угрозу Троцкого прибегнуть к «крепостям и тюрьмам» Урусов ответил известной фразой П.А. Столыпина: «Не запугаете!»⁶⁸⁶. (Именно так 6 марта 1907 г. в Государственной думе Столыпин ответил на угрозы оппозиции, выступавшей против предлагавшейся правительством программы реформ).

Ненасильственное сопротивление государственных служащих и интеллигенции большевистской власти вылилось в массовое «саботажное движение», одной из форм которого являлись забастовки. Бастовали и служащие МИД. Вплоть до своего увольнения из министерства в середине ноября 1917 г. по распоряжению Троцкого в забастовке активно участвовал и Урусов, причем как один из её лидеров. В ноябре начались первые аресты. «Роль Урусова в саботажном движении, — писал Г.Н. Михайловский, — была настолько велика, что наказание могло оказаться самым серьезным», но «...первые месяцы Октябрьской революции мало походили на ту страшную картину красного террора, который тогда трудно было предугадать по мягким приёмам советской власти»⁶⁸⁷. Арестованных, как правило, быстро отпускали на свободу. Так, по счастью, случилось и с Урусовым: под арестом он провел лишь сутки. «Эпопея с освобождением Урусова» подробно описана Михайловским,

⁶⁸⁶ Михайловский Г.Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг.: в 2-х частях. Кн. 2. Октябрь 1917 — ноябрь 1920 г. М., 1993. С. 70.

⁶⁸⁷ Там же. С. 58, 70.

но, говоря коротко, оно обошлось его соратникам «по высшей таксе» — в 10 тыс. рублей⁶⁸⁸. Выйдя на свободу, Урусов правильно оценил обстановку и свои возможные перспективы и в конце декабря 1917 г. уехал из Петрограда. И, как оказалось, навсегда. Путь его лежал на Северный Кавказ, в армию Деникина, где князь некоторое время состоял при дипломатической канцелярии генерала, а затем в Крым, в Добровольческую армию Врангеля, с которым князь был близко знаком и общался на «ты». Далее последовал переезд в Париж. Дальнейшая судьба Урусова схожа с судьбами русских эмигрантов первой волны. Он входит в монархические организации, участвует в общественной и культурной жизни эмиграции.

Свой земной путь Лев Владимирович окончил во Франции 6 января 1933 г. в возрасте 56 лет. Похоронен на православном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Его вдова Нина Владимировна Урусова (урожденная фон Ломан) пережила своего супруга на три года. Дочь — княжна Нина Львовна (по мужу Агишева) в 1945 г. уехала в США. Считается, что родственников князя из «московских Урусовых» в России не осталось.

К рассказу о князе Урусове добавим ещё один штрих: в историю он вошел как выдающийся спортсмен и спортивный деятель международного масштаба. Урусов был одним из сильнейших теннисистов своего времени, чемпионом России (1908 г.), его фамилия занесена в почетный список Зала российской теннисной славы в Москве в номинации «Пионеры отечественного тенниса». С 1910 г. и вплоть до кончины Урусов был бессменным членом Международного Олимпийского Комитета, и с его именем связано начало олимпийского движения в нашей стране.

Обращение к дневникам Урусова как к историческому источнику требует внимательного учета не только политических взглядов автора, но и характерных черт его личности. Близкие друзья князя отмечали его впечатлительную, страстную, увлекающуюся натуру, импульсивность в суждениях и поступках, склонность к авантюризму. «Человек талантливый и живой», Урусов выделялся из общей чиновничьей массы, «быстро вспыхивал и горячо увлекался», но «органически не умел никакого серьезного дела довести до конца», убеждая и воодушевляя окружающих, он мог бы «вести за собой массы, но, подобно многим талантливым ораторам Февральской революции, он сам не знал, куда надо идти», «в вожди он не годился»⁶⁸⁹. Эти психологические характеристики вкупе с недостаточными последовательностью в действиях и упорством, безусловно, препятствовали успешной дипломатической и политической карьере Урусова.

⁶⁸⁸ Там же. С. 72.

⁶⁸⁹ Там же. С. 67–69.

Сформировавшись в дворянско-бюрократической среде, князь отличался консервативными взглядами, был далек от демократического и освободительного идеалов. Убежденный монархист, он загорелся было идеей республики, хотя и «аристократической», с доминированием в ней «древних русских боярских родов», но потом охладел к ней. Урусов полностью отрицал роль народа даже в переломные моменты истории, например, в период Гражданской войны. Говорил, в частности, что народные массы не следует брать в расчет, а «просто надо «скинуть со счетов»», народа «в России нет, и он никакой роли в борьбе с большевиками играть не может».⁶⁹⁰ В суждении этом, кстати, Урусов не был одинок: подобные взгляды демонстрировали весьма заметные в Белом движении личности.

Что же побудило князя взяться за перо? Вероятно, прежде всего, та волна патриотического подъема, которая охватила Россию с началом Великой войны. Но еще и понимание исторического масштаба событий, разворачивавшихся у него на глазах. 5 августа 1914 г. он записывает: «Жизнь складывается странно. Живешь-живешь, и все так мелко — и люди, и их дела — и вдруг как бы раздвигается сцена, люди вырастают, дела становятся значительны, и словно видишь, как в книгу жизни продуманно и величаво вписываются исторические страницы»⁶⁹¹.

В дневниках немало записей, отражающих убежденность автора в «мировой роли» России, его обостренное национальное патриотическое чувство автора, причем с явным мессианско-националистическим привкусом. Страницы пестрят метафорами об обращенном к миру «новом вещем слове» России, об объединении всех русских людей под скипетром русского царя, о восхождении на мировом небосклоне «русской зари» и мощном «взмахе русского орла», о наступлении «русско-славянской эры» в истории и пр.⁶⁹²

Оптимизм Урусова — «...у ног России расстилается будущее», и на его пороге «она станет твердой ногой» — произрастает, однако, из убеждения, что новый «славянский» век «должен... родиться в крови и страдании». «Страдания, — записывает князь 18 сентября 1914 г. — наш длительный удел... много потрясений придется пережить, много пропастей будет развертываться под ногами идущих поколений прежде, нежели в России засияет свет истинной культуры, и славянская душа будет говорить внятными языком»⁶⁹³. Проводя жесткую грань между глубинными целями войны («На Западе война идет за прошлое, восстановленные

⁶⁹⁰ Там же. С. 306.

⁶⁹¹ Дневники Л.В. Урусова... С. 34.

⁶⁹² Там же. С. 73, 74, 75, 85.

⁶⁹³ Там же. С. 73–74.

после войны условия жизни не дадут ничего нового, потечет прежняя жизнь», в то время как «Россия воюет за будущее», и оно «вовсе не будет похоже на её прошлое»), Урусов-дипломат логично выводит неизбежное, по его мнению, ухудшение отношений между союзниками, особенно между Россией и Великобританией. «Быть победителями, — записал он 25 августа 1914 г., — это только общее выражение, которое расшифровывается каждым участником сообразно своим видам, и вот тут-то можно опасаться, что виды России и Англии не сойдутся. ...К противодействию Англии нашим видам нужно деятельно готовиться»⁶⁹⁴. А «первым камнем преткновения», «первым ушатом холодной воды» в отношениях между Россией и Англией предстояло стать, по мнению Урусова, ключевому для России вопросу о Проливах⁶⁹⁵. От частных Урусов переходит к глубоким размышлениям о восприятии России в мире в целом, без деления на союзников и противников, особо подчеркивая непонимание России и страх перед ее реальной мощью. «...Нас, Россию, иностранцы боятся, боятся как неизвестности, как страны огромного протяжения, быстро растущего населения, страны, где культ души мирится с культом водки и кнута, где наклонность к азиатской лени и привычкам неожиданно уступает место Льву Толстому, страны неограниченных возможностей, страны, где будущее — и какое — царит более властно, нежели настоящее. Нас не могут, органически не могут понять, и поэтому нас боятся; неожиданные смены слабости и силы пугают европейские точные умы, привыкшие к бездушным логическим построениям. Мы не подходим ни под одну мерку, говорим на разных языках, нас можно любить в отдельности, но следует бояться в общем»⁶⁹⁶. Созвучность рассуждений сегодняшнему дню очевидна.

К такому же выводу об актуальности отраженных в дневниках суждений и оценок подводит читателя и наблюдения Урусова, которые сегодня мы назвали бы «двойными стандартами». В них князь обвиняет Запад. Так, он неоднократно отмечает далекие от гуманности действия кайзеровской армии на захваченных территориях. 11 августа 1914 г. он записывает в дневнике: «Культура! Какое благородное и вместе с тем эфемерное понятие! Теперь что война и душа, так сказать, нараспашку, культуру отбросили, как ненужную ветошь, и люди теперь делают то, что любо зверю, сидящему в них, — homo homini lupus [человек человеку волк]. Воистину так, и даже совесть не страдает — также находится в отпуску. Вот кончится война, вернемся по домам, тогда опять нацепим культурный облик, а теперь — посторонись...»⁶⁹⁷. Урусов

⁶⁹⁴ Там же. С. 53.

⁶⁹⁵ Там же. С. 43, 63.

⁶⁹⁶ Там же. С. 56.

⁶⁹⁷ Там же. С. 37.

подчеркивает спокойствие, с каким «варварство», «вандализм», «зверства» немцев⁶⁹⁸ воспринимает западная дипломатия: ведь рассказы такие ужасы про русских, последовала бы волна возмущения и негодования, усиливаемая суждениями о русских как о «некультурной силе», об их «дикости и варварстве», — замечает он⁶⁹⁹. «Можно и нужно возмущаться таким ярко несправедливым отношениям к некультурному, но мягкому и гуманному русскому народу, — отмечает князь месяцем позднее, в записи от 11 сентября 1914 г., — но всегда нужно учитывать это неблагоприятное нам обстоятельство. Россию нельзя изучить подобно другим странам и нациям — она всегда останется загадкой для наблюдающего ума. Нужно о России думать сердцем и душой, а души-то как орудия чувства нигде, исключая Россию, нет»⁷⁰⁰.

Несомненно, чтение дневников требует критического подхода. Нередко основой записей служили слухи и домыслы, которые зачастую сам автор впоследствии отбрасывал как не подтвердившиеся. Кроме того, Урусов, что естественно, заблуждался в некоторых оценках и прогнозах. Так, длительное время, несмотря на колоссальные масштабы мирового противостояния, он верил в быстротечный характер войны, предрекал ее окончание и в 1914, и в 1915, и в 1916 годах. Объясняя её причины, князь отражал настроения, господствовавшие в российском МИДе: Россия не хотела и не стремилась к войне и была вынуждена принять вызов со стороны Германии и «угнетательницы славян» Австро-Венгрии⁷⁰¹. Неоднократно подчеркивая миролюбивый характер предвоенной политики России, Урусов был при этом явным протагонистом активного наступательного внешнеполитического курса.

Особенно четко это прослеживается в записях начала войны о судьбе Проливов («Малая Азия и Проливы — наши по естественному ходу вещей», «наша историческая государственная цель — Босфор и Дарданеллы», «Константинополь — наш исторический идеал... должен быть русским», «было бы разумнее и экономнее сразу прибрать к рукам Конст[антинополь]» и пр.)⁷⁰². Урусов пишет: «Внешняя политика великой державы может быть лишь случайно и временно пассивной — внутренние болезни, вроде нашей смуты 1905–1907 гг., могут предопределить кризис пассивного отношения к внешним событиям, но положение такое неестественно и совершенно механически стремится переродиться в другой вид — именно в политику активную, что отнюдь не обозначает политику агрессивную». Однако князь допускает, что

⁶⁹⁸ Там же. С. 33, 37, 38, 49, 60, 61, 83, 93, 94 и др.

⁶⁹⁹ Там же. С. 60.

⁷⁰⁰ Там же. С. 66.

⁷⁰¹ Там же. С. 20–21, 22, 26.

⁷⁰² Там же. С. 34, 72.

активная политика «временно и случайно» может преследовать отрицательную цель, но стремиться следует к «гармонии между целью и средством», возможной лишь в случае положительной цели активной политики⁷⁰³.

Значительное место в записях Урусова занимают рассуждения о настоящем и будущем «мелких европейских государств», которые он считает «явной политической аномалией», «анахронизмом», «помехой и даже угрозой существованию великих держав». «Занимающие стратегические позиции в центре Европы, не могущие сами себя защищать, не представляющие с точки зрения полезности большой ценности мелкие европейские державы, политически умершие и не могущие ни при каких условиях воскреснуть к мировой жизни, должны были бы исчезнуть с карты Европы. Ту работу, что они делают теперь, они могли бы делать под другим флагом, а этот флаг мог бы влить в их умерший организм живую политическую кровь». Этот вопрос, пишет Урусов, назрел и должен «стать на очередь» для разрешения⁷⁰⁴. Особо раздражает князя стремление малых стран сохранить нейтралитет, остаться в стороне от «настоящего трясения» — войны, но поучаствовать впоследствии в дележе мирного «пирога»⁷⁰⁵.

Аналогичные чувства Урусов испытывает и при рассмотрении балканских сюжетов, в частности позиции Болгарии и Румынии. Вместе с тем его оценки неоднозначны и отражают намерение объективно определить плюсы и минусы их нейтралитета для России. «Австрофильское прав[ительство] о [Болгарии], — записал он 31 августа 1914 г., — пока соблюдает нейтралитет, и я не очень хорошо вижу, какую пользу могла бы Россия извлечь от выступления Болгарии. Против Австрии её помощь Сербии мало действительна, а претензий болгарских, в случае участия в войне, не оберешься. Кроме того, мало благожелательный нам нейтралитет Фердинанда и его прав[ительств]а тем нам удобен, что предопределяет наше последующее отношение к Болгарии, мы теперь можем быть относительно неё не жестоки, но справедливо холодны и, благодаря такому положению, удобно разрешить турецкий вопрос. Давно пора перестать сентиментальничать на Балканском полуострове и тем более с болгарам. Поля и горы Шипки и Плевны давно заросли травой забвения, и мы теперь видим, с каким успехом болгары освободились от чувства благодарности к России. Единицы как Радко Дмитриев, Диков, Гешов, Займов, Найденов*, в счет не идут — нужно было,

⁷⁰³ Там же. С. 68–69.

⁷⁰⁴ Там же. С. 97, 98.

⁷⁰⁵ Там же.

* Политические, государственные и военные деятели Болгарии — сторонники ориентации на Россию.

чтобы народ потребовал войны за Россию, а если Фердинанд с Радославовым** могут наложить нейтралитет на народ, то где же его душа»⁷⁰⁶. Путь для Болгарии Урусов видит в «единении с Россией [для] осуществления своих вожделений»⁷⁰⁷. «Попад в державные персоны, болгары зазнались», — пишет князь. — Только выступление против Турции «сможет загладить преступное нынешнее поведение братушек»⁷⁰⁸. Рассматривая в сентябре 1914 г. возможность вступления Турции в войну на стороне Центральных держав, Урусов давал свой прогноз на перспективу. Он полагал, что Румыния и Греция присоединятся к Антанте, а в отношении Болгарии и мысли не допускал, чтобы Болгария выступила против России⁷⁰⁹.

История, как известно, распорядилась иначе. Урусов с горечью пишет о «болгарской измене»: вместо выступления против Турции Болгария объявила всеобщую мобилизацию, направленную против Сербии. В ответ «соседи Болгарии оцетинились», и на Балканах сложилась обстановка, напоминавшая Урусову канун Второй Балканской (Межсоюзнической) войны⁷¹⁰.

Россия потребовала от Софии «покончить шашни с Германией», пригрозив разрывом отношений. 20 сентября 1915 г. разочарованный Урусов отметил «холодный гнев России на Болгарию»: «нельзя себе представить, чтобы Болгарии удалось выйти сухой из замутненной ею балканской воды, и если есть хоть признак справедливости на земле, с Болгарией после войны расправятся по-крутому, как ни отходчиво русское сердце, но забыть не только, конечно, естественного предательства Фердинанда, но молчания, а то и двоедушия оппозиции — нельзя»⁷¹¹.

«Австрофильская и сербофобская Болгария» напала 2 октября на Сербию, вступив в войну на стороне Центральных держав. Болгарская «измена» и последующее объявление Россией войны Болгарии (5 октября 1915 г.) не внесли ясность: «В сущности, никто не знает, что делать с Болгарией (конечно, когда мы победим) — ну, прогоним Фердинанда — ну, а дальше что? Неопределенность цели вызывает вялость мысли, и в результате ничего не получается; давайте надеяться, что, когда придет момент, кроме слов и прекраснотушия будут и дела, и суд»⁷¹².

** Радославов Васил — премьер-министр Болгарии в 1913–1918 гг.

⁷⁰⁶ Дневники Л.В. Урусова... С. 59.

⁷⁰⁷ Там же. С. 62.

⁷⁰⁸ Там же. С. 80, 68.

⁷⁰⁹ Там же. С. 67–68.

⁷¹⁰ Там же. С. 182–183.

⁷¹¹ Там же. С. 188.

⁷¹² Там же. С. 64, 199, 200.

В подобном ключе Урусов рассуждал и в начале ноября 1915 г., отмечая, по его словам, «более эгоистичные цели», которые страны Соглашения скрывали на балканском фронте за официальной целью — помочь Сербии. Англичане, подчеркивал Урусов, стремились не допустить собственного постыдного бегства с Галлиполийского полуострова и тем открыть немцам и туркам дорогу на Египет и Индию. Русские желали наказать Болгарию и воспрепятствовать немцам использовать турецкие ресурсы⁷¹³. В связи с этим 1 ноября 1915 г. Урусов указывает на подготовку карательной экспедиции в Болгарию и, в частности, десанта в Варну, для чего в Одессе из лучших войск постепенно формировалась под командованием генерала Щербачёва новая армия. После отказа от этого плана возник замысел «иной политическо-военной комбинации» — прохода русских войск через Румынию⁷¹⁴. О таком варианте Урусов пишет довольно подробно. Согласие Бухареста, означавшее возможный конец румынского нейтралитета, могло, как считал Урусов, изменить весь ход военной кампании на Балканах: договорившись с румынами, русская армия пройдет до Болгарии, и «колесо балканского счастья» резко повернется в сторону России. Выступление Румынии на стороне Антанты, по мнению князя, должно было заставить болгар «призадуматься» и даже выступить против Фердинанда и немецкого режима⁷¹⁵. В записи от 12 ноября 1915 г. Урусов приводит беседу с посланником в Болгарии А.А. Савинским, сообщившим о непопулярности войны в Болгарии, об оценках перспектив страны «трезвыми болгарами» («настал конец Болгарии») и о «признаках полной растерянности» Фердинанда. «...То, что рассказал мне Савинский, меня в этом вовсе не убедило, — записал Урусов. — [Фердинанд] играл роль... Он очень хорошо понимает, что остаться на престоле не сможет, если только не будет полной победы Германии, и вся его династия с корнем должна быть вырвана из Болгарии, но должна быть наказана и Болгария, согласившаяся играть роль в этой гнусной истории предательства...»⁷¹⁶. Вообще, тему наказания болгар за предательство и за творимые бесчинства на территории Сербии Урусов поднимает многократно, превращая её в идею фикс. Он подчеркивает расчет «братушек»: «авось повезет, и мы выиграем». Но не повезло, и теперь следует платить⁷¹⁷. Не согласен он и с характеристикой Фердинанда, данной министром иностранных дел С.Д. Сазоновым. По мнению министра, Фердинанд — умный человек, настоящий царь

⁷¹³ Там же. С. 207.

⁷¹⁴ Там же. С. 210.

⁷¹⁵ Там же. С. 210, 215, 217, 228.

⁷¹⁶ Там же. С. 217.

⁷¹⁷ Там же.

(«très Roi»), бороться с ним трудно из-за высокого ранга. Собеседники сошлись на том, что каков хозяин, таков и слуга («tel maître tel valet»): «болгары — достойный пьедестал для такого проходимца»⁷¹⁸. Вместе с тем Урусов признает (запись от 11 июня 1916 г.), что политика Фердинанда дала хотя бы ряд непрочных военных успехов и удовлетворение тщеславия и мести, и в этом болгарский царь превзошел греческого короля Константина, оставившего Грецию «у разбитого корыта»⁷¹⁹.

Урусов фиксирует сложные общественные настроения в Болгарии, сожительство русофобства (здесь князь не скупится на оскорбительные формулировки — у болгар «ум зашел за разум», «отпетая страна сорвавшихся с цепи рабов») ⁷²⁰, и русофильства (записи от 1 февраля и 11 июня 1916 г.), отмечает проявившееся различие позиций Фердинанда как проводника немецких предначертаний и «народа и войска». «Болгария, — пишет Урусов, — исполнив свои национальные вождедения, перестает быть послушным орудием в руках немцев, даже Радославов бьет отбой». Дипломат прогнозирует: «Болгарское предательство может быть двойным: изменив нам при перемене обстоятельств, они изменят немцам, устроят революцию, повесят Радославова, Момчилова, Тончева (этот удерет) и нескольких стамбуловистов* и с покаянной придут к нам»⁷²¹.

Не менее неллицеприятные замечания делает князь и в адрес румын, отмечая, что Румыния «выступит только тогда, когда определится победитель», забыв в таком случае о своем нейтралитете⁷²². «Румыния вмешается в войну за пять минут до падения занавеса, а до тех пор будет сохранять убежденный нейтралитет, но направленный против Австрии и Болгарии. Против России Румыния выступит только в случае, если мы будем отброшены за Волгу, не раньше», — отметил Урусов 27 мая 1916 г.⁷²³ В собирательном виде его оценки обобщены в хлесткой характеристике «продажная балканская почва»⁷²⁴.

⁷¹⁸ Там же. С. 218.

⁷¹⁹ Там же. С. 291.

⁷²⁰ Там же. С. 290.

* Момчилов Никола — вице-председатель болгарского парламента (Народного собрания); Тончев Димитр — министр финансов; стамбуловисты — члены Народно-либеральной партии, лидер которой Стефан Стамболов в 1887–1994 гг. возглавлял правительство и министерство внутренних дел. Во внешней политике ориентировался на Австро-Венгрию и Германию.

⁷²¹ Дневники Л.В. Урусова... С. 250.

⁷²² Там же. С. 226, 231, 234, 242, 245.

⁷²³ Там же. С. 288.

⁷²⁴ Там же. С. 224.

Последние записи, касающиеся Болгарии, относятся к февралю 1917 г. и посвящены встрече в Христиании (Осло) посланника Болгарии в Германии Димитра Ризова с российским посланником в Норвегии К.Н. Гулькевичем. Визит и речь Ризова, по мнению Урусова, интересны были лишь как симптом. «Ризов уверял [Гулькевича] в своем русофильстве, склонял Россию примириться с Германией и заодно Болгарией и в конце даже пригрозил, что если его совет не будет принят, то Россия должна пенять на себя, так как весной у Германии будут такие собраны силы, что она добьется окончательной победы». «Все свидетельствует, — резюмирует Урусов, — что плохи очень дела Германии и её сателлитов. Посмотрим, когда болгары возьмутся за ум и изменят немцам, но им все равно не выслужиться перед Россией»⁷²⁵.

Собственно болгарские сюжеты в дневнике, хотя и незначительны по объему, но достаточно информативны. Представленные в них оценки отражали в целом устоявшиеся представления российской элиты и, в первую очередь, выходцев из внешнеполитического ведомства.

Размышляя о смысле разворачивавшихся на фронтах и в дипломатическом закулисье событий, Урусов приходит к убеждению, что война станет «фундаментом новой русской истории». Однако для этого, считает он, следует обеспечить, помимо «внешнего спокойствия», определенные культурные условия. «Человеческий разум, — пишет князь, — к настоящему времени уже выработал известный standard политических, умственных и нравственных свобод, при осуществлении коих наименьшая часть деятельной силы людей теряется в непроизводительной жизненной борьбе, наибольшая же часть человеческих сил направлена к производительной, полезной деятельности... И в России надобно установить такой порядок, где человек был бы гражданином с правами, которыми он мог бы пользоваться, с обязанностями, которые он бы исполнял. Чиновник должен уступить человеку, как произвол должен уступить перед правом. Манифест 17 окт [ября]* точно перечислил данные свободы. Настало время вложить душу в эти свободы, и не только дать их, но и исполнять. Ведь к этому же придут — насколько

⁷²⁵ Там же. С. 343.

* Манифест от 17 октября 1905 г., или Высочайший манифест об усовершенствовании государственного управления, был принят в целях прекращения «неслыханной смуты» и восстановления в России «мира и спокойствия». Провозглашал свободу слова, совести, собраний, создания общественных организаций и союзов, неприкосновенность личности, предоставлял гражданам избирательное право независимо от сословного и материального положения. Впервые в российской истории образован законодательный (представительный) орган — Государственная Дума.

разумнее отвечать добровольно, а не по принуждению на рожденные самой жизнью требования»⁷²⁶.

Дневники князя Урусова, передающие чувства и настроения русского патриота, его глубокие переживания за судьбу Родины и мира, актуальны в наше беспокойное время. С автором можно не соглашаться по тем или иным вопросам, но его размышления и оценки, безусловно, заслуживают серьезного исследовательского внимания. Записи особенно ценны, поскольку позволяют исследовать эпоху через конкретную личность со всеми присущими ей особенностями, слабостями и противоречиями и в силу этого коррелируют с отмечаемым ныне «антропологическим сдвигом» в исторической науке.

⁷²⁶ Дневники Л.В. Урусова... С. 75.

III. СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ И ИХ СОСЕДИ НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Мошечков Петр Владимирович

ОБРАЗОВАНИЕ АВТОНОМНОЙ ЧЕШСКО-СЛОВАЦКОЙ АРМИИ ВО ФРАНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена процессу создания на территории Франции в годы Первой мировой войны чешско-словацких воинских формирований. Следует отметить, что на сегодняшний день в чешской и словацкой, а также французской историографиях сформировался пласт научных трудов, посвященных данной тематике. Особое место в них уделяется переговорам, проводившимся по вопросам, связанным с их образованием, руководством ЧСНС с членами правительства страны, военными властями и представителями дипломатических кругов, равно как и обстоятельствам возникновения декрета президента Р. Пуанкаре об организации автономной Чешско-Словацкой армии от 16 декабря 1917 г. Однако при этом в большинстве работ достаточно слабо исследованы проблемы, связанные с использованием парижским центром заграничного сопротивления и французским военным ведомством в процессе формирования чешско-словацких войсковых подразделений опыта, накопленного в данной сфере российскими военными властями. В связи с этим основной акцент был сделан на изучении документов по линии ЧСНС, его Отделения для России и Генерального штаба чешско-словацких войск, отложившихся в фондах военно-исторического архива г. Праги. Кроме того, были использованы и материалы, хранящиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного военно-исторического архива. Проведенное исследование показало, что работа Чешско-Словацкого национального совета, Военного министерства Французской Республики и высшего командования французской армии, направленная на создание чешско-словацких частей на территории страны в ряде аспектов велась по тем же принципам, что и деятельность на данном направлении российских военных властей и чешских и словацких организаций в России.

Ключевые слова. Французская Республика, Министерство иностранных дел, Военное министерство, Чешско-Словацкий национальный совет, Э. Бенеш, М. Жанен, чешско-словацкие войсковые части.

Petr Moshechkov

THE FORMATION OF THE AUTONOMOUS CZECHO-SLOVAK ARMY IN FRANCE

Abstract. The article is devoted to the process of creation of the Czecho-Slovak military units on the territory of France during World War I. It should be stressed that in Czech and Slovak as well as in French historical science a layer of scientific works devoted to this subject had been formed. Aspects connected with the formation of the autonomous Czecho-Slovak army are also touched upon by Russian historians. A special place in them is given to the negotiations held on issues related to their formation, the leadership of the Czecho-Slovak national council with members of the government of the country, military authorities and representatives of diplomatic circles, as well as the circumstances of the emergence of the decree of President R. Poincaré on the organization of an autonomous Czech-Slovak army (16 December 1917). However, in most of these works the problem of using by the Paris foreign resistance center and the French war office of the experience which was accumulated by the Russian military authority during the process of formation of the Czecho-Slovak troops is not fully regarded. In this connection the main emphasis was placed on the study of documents related to the activity of the National council, its Branch for Russia and the General Staff of the Czech-Slovak troops, deposited in the funds of the Archive of Military History of Prague. In addition, materials of the collections of the of the Foreign Policy Archive of the Imperial Russia and the Russian State Military Historical Archive were also used. The study showed that the work of the Czecho-Slovak national council, the Ministry of War of the French Republic and the high command of the French army, aimed at creating the first Czecho-Slovak units in the country, in a number of aspects was carried out according to the same principles as the activities made in this direction by the Russian military authorities and the Czech and Slovak organizations in Russia.

Keywords. The French Republic, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of War, Czecho-Slovak national council, E. Венець, M. Janin, Czecho-Slovak military units.

Первая мировая война стала одним из судьбоносных событий в истории чешского и словацкого народов. Их ведущим общественным и политическим деятелям удалось организовать мощное национально-освободительное движение за границами Чешских земель и Словакии. Его составляющей стала военная акция — создание за рубежом военных

подразделений. Одним из государств, в которых в годы войны были сформированы чешско-словацкие войсковые части, стала Французская Республика.

Следует отметить, что поступление чехов и словаков на службу в армии держав Антанты с целью продемонстрировать лояльность союзникам началось еще задолго до того, как руководство заграничным сопротивлением взял в свои руки образованный в феврале 1916 г. Т.Г. Масариком, Й. Дюрихом, Э. Бенешем и М.Р. Штефаником Чешско-Словацкий национальный совет. Во Франции инициаторами подобной военной акции стали физкультурное общество «Сокол» и социал-демократическое общество «Ровность», объединившие в своих рядах членов чешской колонии в Париже. Их представители приняли участие в мобилизации добровольцев в ряды французского иностранного легиона, происходившей 21–22 августа в Доме Инвалидов, в результате которой на фронт было отправлено около 350 человек⁷²⁷. 23 августа они были направлены в город Байонна, расположенный на границе Франции с Испанией, где 31 августа был сформирован батальон «С» 2-го маршевого полка Иностранного легиона. Его первая рота, полностью состоявшая из чешских добровольцев (около 250 человек)⁷²⁸, получила название «рота “Наздар”» (по приветствию, с которым чешские добровольцы обращались друг к другу). В ноябре 1914 г. вместе с другими частями полка она была зачислена в состав Марокканской дивизии. Ее военнослужащие приняли участие в позиционных боях против германских войск в Шампани, а затем – во второй битве в Артуа (9 мая – 18 июня 1915 г.). В этом сражении рота понесла значительные потери, в результате чего прекратила свое существование. Оставшиеся в живых военнослужащие оказались разбросаны между различными частями иностранного легиона⁷²⁹.

Повествуя о роте «Наздар» следует отметить, что в работах ряда исследователей, среди которых можно назвать статью известного чешского специалиста по истории СССР и советско-чехословацких отношений межвоенного периода Вацлава Вебера, данное воинское подразделение было представлено в качестве специально созданной боевой единицы в рамках французского Иностранного легиона⁷³⁰. Однако дан-

⁷²⁷ *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Praha: Naše zálaha; O. Vaněk, 1938. Kn. 1. S. 59.

⁷²⁸ В официальных документах обозначалась как рота «С₁».

⁷²⁹ *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. S. 142–143; *Pichlík K., Vávra V., Krížek J.* Červnobílá a rudá: vojáci ve válce a revoluci. 1914–1918. Praha: Naše vojsko, 1967. S. 58.

⁷³⁰ *Veber V.* O československých legiích a potřebě tradice // Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9.5.2001 v Praze / Uspoř. V. Veber. Praha: Národní knihovna ČR, 2003. S. 7.

ное утверждение выглядит спорным, поскольку сравнение роты «С₁» с одновременно сформированной в Российской империи Чешской дружиной позволяет выявить между ними принципиальные различия. Последняя являлась вооруженным формированием, с самого начала имеющим особый статус в рамках Русской императорской армии. После вступления русских войск на территорию Австро-Венгрии Дружину предполагалось разбить на отдельные группы и использовать в качестве инициаторов антиавстрийского движения на территории монархии Габсбургов⁷³¹. Что же касается роты «Наздар», то она оставалась всего лишь боевой единицей в составе одного из воинских подразделений французской армии. Более того, создание на территории страны специальных чешско-словацких войсковых единиц, подобных Чешской Дружине, было невозможно как по причине неосведомленности французских чиновников разного уровня во внутриполитической ситуации в Австро-Венгерской монархии, так и из-за отсутствия во Франции пленных военнослужащих австро-венгерской армии ввиду того, что у страны не было общего фронта с Австро-Венгрией⁷³². Трудности с притоком новых чешских добровольцев в ряды Иностранного легиона были связаны и с принятием французскими властями закона, лишившего статуса военнослужащих данного формирования лиц, принятых на военную службу с 1 августа 1914 г. и являвшихся подданными держав, находившихся в состоянии войны с Францией и ее союзниками⁷³³.

Проблема организации чешско-словацкой армии во Франции была вновь поднята руководством Чешско-Словацкого национального совета в начале 1916 г. Согласно замыслам Т.Г. Масарика, данным воинским формированиям предстояло иметь политическое значение. При помощи создания подобных частей и привлечения их к участию в сражениях на Западном и Восточном фронтах предполагалось обратить внимание правительств стран Антанты на проблему решения чешско-словацкого вопроса.

⁷³¹ См., например: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М.: Новалис, 2013. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. / Отв. сост. К.А. Абрамян, А.Р. Ефименко, З.С. Ненашева, Н.С. Тархова. Док. №20. С. 82–83.

⁷³² *Гайкова Д.* «Эти люди идут на казнь»: история роты «Наздар» // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. Материалы IV Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014 года, г. Москва) / Под общ. ред. С.С. Степанова, Г.Д. Шкундина. М.: Издательство МНЭПУ, 2015. С. 556.

⁷³³ Sénat – Séance du jeudi 3 juin // Journal officiel de la République française. 4 juin 1915. P. 261.

Первостепенной задачей деятельности ЧСНС должен был стать поиск людских ресурсов за рубежом ввиду отсутствия во Франции значительного количества чехов и словаков, могущих поступить в качестве добровольцев в чешско-словацкую армию, а также проведение переговоров об условиях создания данных боевых единиц с французскими военными властями. В 1916–1917 гг. Масарику, Бенешу и Штефанику удалось организовать широкомасштабную пропаганду среди пленных соотечественников, находившихся в лагерях в Российской империи, Румынии и Италии, а также представителей чешских и словацких диаспор в США, а также провести переговоры с правительствами этих стран по вопросам о транспортировке во Францию чешско-словацких добровольцев. В результате их деятельности к августу 1918 г. на территории республики оказалось сосредоточено несколько тысяч чехов и словаков. Местом их размещения стал город Коньяк⁷³⁴.

Со второй половины 1916 г. ЧСНС получил возможность искать волонтеров для чешско-словацкого войска среди военнопленных соотечественников непосредственно на территории Франции. К этому моменту на территории страны оказалось сосредоточено около 4000 чехов и словаков, распределенных по различным лагерям. Это были военнослужащие австро-венгерской армии, захваченные в плен частями сербской армии в ходе состоявшихся в октябре – ноябре 1915 г. боевых действий с ведущими наступление на Сербию армиями Центральных держав под общим командованием генерала Августа фон Макензена. Работу с ними Чешско-Словацкий национальный совет вел по тем же принципам, что и в России, Румынии и Италии. В ходе проведенных в 1916–1917 гг. переговоров с представителями военного и внешнеполитического ведомств Третьей республики Э. Бенешу удалось добиться согласия французских властей на предоставление чехам и словакам благоприятствующего режима содержания, который подразумевал их отделение от немецких и венгерских пленных, организацию особого питания и назначение денежных пособий разного рода⁷³⁵.

Параллельно с кампанией по набору добровольцев Чешско-Словацкий национальный совет добивался фиксации политических и юридических принципов, по которым предстояло организовывать чешско-словацкую армию во Франции. Для этого у его лидеров имелись довольно веские причины. Провал наступления войск союзников на Западном

⁷³⁴ Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: Nakladatelství J. Otto, s.d. S. 69.

⁷³⁵ Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Orbis; Čin, 1927. Díl 1. S. 206; Werstadt J. K otázce československých zajatců ve Francii // Naše revoluce. 1929. Roc. 6. C. 1–2. Dok. 4. S. 152.

фронте в апреле — начале мая 1917 г. способствовал возникновению в стране антивоенных настроений. В близких к правительству Третьей республики кругах появились идеи о необходимости проведения немедленных переговоров с Германией и Австро-Венгрией и заключения с ними сепаратных мирных договоров⁷³⁶. Подобные предложения не могли не беспокоить руководство Чешско-Словацкого национального совета, уже заявившего о необходимости создания независимого чешско-словацкого государства и делавшего ставку на победу держав Антанты в войне. Два раунда переговоров, проведенных Бенешем и Штефаником с Военным министерством и Министерством иностранных дел Третьей республики в июне — августе и октябре — ноябре 1917 г. увенчались успехом. 16 декабря 1917 г. президентом Франции Р. Пуанкаре, военным министром Ж. Клемансо и министром иностранных дел С. Пишоном был подписан декрет о создании на территории страны автономной Чешско-Словацкой армии⁷³⁷. Для упорядочения работы по ее организации Чешско-Словацкий национальный совет и французский Генеральный штаб совместно разработали так называемую «Генеральную инструкцию по созданию автономной Чешско-Словацкой армии» (франц. — *Instruction énérale sur la constitution d'une Armée Tchecoslovaque Autonome*), подписанную Ж. Клемансо и Э. Бенешем 7 февраля 1918 г.⁷³⁸

Работа по созданию автономного чешско-словацкого войска была поручена генералу М. Жанену. Приказом французского Генерального штаба от 18 декабря 1917 г. он был назначен главой чешско-французской комиссии по организации войска, а позднее, 28 февраля 1918 г., — главнокомандующим всеми чешско-словацкими вооруженными силами за границей⁷³⁹. Формирование отдельных чешско-словацких воинских частей на территории Французской Республики происходило по мере увеличения контингента добровольцев. 12 января 1918 г. в мэрии г. Коньяк было торжественно провозглашено образование 21-го чешско-словацкого стрелкового полка, а 20 мая 1918 г. в расположенном неподалеку Жарнаке начался процесс формирования еще одного подразделения,

⁷³⁶ Мировые войны XX века. М.: Наука, 2002. Кн. 1. Первая мировая война / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. С. 207, 316; *DejmeK J. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata*. Praha: Karolinum, 2006. Část I: Revolucionář a diplomat (1884–1935). S. 174–176.

⁷³⁷ *Henry Ch., De Méans F. L'Armée Tchecoslovaque*. Nancy: Charles-Lavauzelle & Cie, 1928. P. 83.

⁷³⁸ Paříž, 7. února 1918. Instrukce francouzského ministerstva války a Národní rady o vytvoření autononmní československé armády // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR. F. Masaryk Garrigue Tomáš. Inv. TGM – VÁLKA. Karton V – 302.

⁷³⁹ *Janin M. Moje účast...* S. 66–67.

22-го чешско-словацкого стрелкового полка. Уже после перевода в начале июля на линию фронта они образовали 1-ю чешско-словацкую пехотную бригаду⁷⁴⁰, начальствовать над которой было поручено командующему 21-м полком подполковнику Арману-Шарлю Филиппу⁷⁴¹. Эти события обозначили собой начало зарождения чешско-словацких легионов во Франции.

Исследование хода образования чешско-словацких частей на территории Французской Республики в годы Первой мировой войны и его сравнение с решением вопросов об их организации в 1914–1917 гг. в России показывает, что проводившаяся военным ведомством Третьей республики и высшим командованием французской армии работа по созданию первых двух чешско-словацких полков в ряде аспектов велась по тем же принципам, что и деятельность на данном направлении чешских и словацких организаций в России. В частности, его можно обнаружить в столь важном аспекте, как вопрос о преемственности кадров. Так, в отношении исполняющего должность начальника ГУГШ генерала М.А. Беляева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу о формировании особых чешских войсковых частей от 8 августа 1914 г. назначение российских и французских офицеров в качестве командного состава рассматривалось лишь как временная мера. Согласно этому документу, предусматривалась последующая их замена военными чешского и словацкого происхождения в соответствующем звании⁷⁴². Подобный принцип был принят на вооружение и создателями войска во Франции. М. Жанен указывал в своих мемуарах, что чешско-словацкие добровольцы первоначально получали полномочия, соответствовавшие чину младшего или старшего лейтенанта, и прикреплялись в качестве помощников к служащим в полках французским офицерам. Затем, по мере повышения по служебной лестнице, они должны были постепенно перенимать функции своих французских начальников⁷⁴³. Представляется, что обозначенный выше аспект может служить доказательством того, что в процессе организации чешско-словацких частей во Франции учитывался опыт, накопленный российской стороной на данном направлении.

⁷⁴⁰ Pichlík K., Klípa B., Zabloudivová J. Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha: Mladá fronta, 1996. S. 158, 200.

⁷⁴¹ Československá legie ve Francii. Druhý sborník francouzských legionářů, vydaný v 80. roce života prvního presidenta Československé republiky T.G. Masaryka / Za red. L. Preiningera. Praha: Kruh francouzských legionářů, 1930. S. 39.

⁷⁴² Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. Док. №7. С. 59–60.

⁷⁴³ Janin M. Moje účast... S. 71–72.

Емельянова Елена Николаевна

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1919–1920 г.: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена событиям советско-польской войны 1919–1920 г., геополитическому аспекту этой проблемы. Становление Версальской системы сопровождалось борьбой различных международных сил за сферы влияния. Советско-польская война стала проявлением этого столкновения, выразившегося в противостоянии Польши, действовавшей под покровительством Франции, и Советской России, опирающейся на все леворадикальные силы Европы. На базе архивных документов и последних исследований историков рассматривается борьба различных политических сил в Европе по вопросу советско-польской войны, роль Коминтерна в событиях 1920 г., разногласия по тактическим вопросам в руководящих кругах Польши и большевистской партии, позиция европейской социал-демократии. Значительное внимание уделяется переговорам с лидерами Второго Интернационала о поддержке большевиков в «революционном наступлении». Анализируются противоречия между устремлениями европейских компартий, лидеров ИККИ и национальными интересами Советской России.

Несмотря на интернациональную риторику, большевистское руководство старалось укреплять международное положение страны, используя для этого союз с европейским коммунистическим и лево-социалистическим движением, а также поддержку держав, заинтересованных в трансформации Версальской системы.

Национальные интересы Советской России оказались для большевистского руководства важнее интернациональных задач. Поэтому утопическая идея «мировой революции» и разрушения Версальской системы после военных неудач 1920 г. была скорректирована, уступив место политике мирного сосуществования и стремлению добиться политического признания. Рижский мир 1921 г. стал компромиссом между великими державами и Польшей, с одной стороны, и Советской Россией, с другой. Версальская система утвердилась в более устраивающем российское государство варианте, чем могло бы быть. Несмотря на потерю части территорий, были и положительные итоги: социалистические правительства Белоруссии и Украины ориентировались на Москву. А следовательно, геополитические позиции России укрепились. Большевистское руководство и позднее использовало противоречия между великими державами, балансируя между революционной

и реальной политикой, укрепляя при этом международные позиции Советского государства.

Ключевые слова. советско-польская война 1919–1920 гг.; международные отношения; геополитика; Польша; Россия; Европа; коммунистические, социал-демократические партии; лейбористы; Коминтерн.

Elena Emelyanova

SOVIET-POLISH WAR OF 1919–1920: GEOPOLITICAL ASPECT

Abstract. The article is devoted to the events of the Soviet-Polish war of 1919–1920, the geopolitical aspect of this problem. The formation of the Versailles system was accompanied by the struggle of various international forces for spheres of influence. The Soviet-Polish war became a manifestation of this clash, expressed in the confrontation between Poland, acting under the auspice of France, and Soviet Russia, relying on all the radical left forces of Europe. On the basis of archival documents and recent research by historians, the article considers the struggle of various political forces in Europe on the issue of the Soviet-Polish war, the role of the Comintern in the events of 1920, disagreements on tactical issues in the leading circles of Poland and the Bolshevik Party, and the position of European social democracy. Significant attention is given to negotiations with the leaders of the Second International on supporting the Bolsheviks in the «revolutionary offensive». The author analyses the contradictions between the aspirations of the European Communist Parties, the leaders of the ECCI and the national interests of Soviet Russia.

Despite the international rhetoric, the Bolshevik leadership tried to strengthen the country's international position, using for this an alliance with the European communist and left-socialist movement, as well as the support of the powers interested in transforming the Versailles system.

The national interests of Soviet Russia turned out to be more important for the Bolshevik leadership than international objectives. Therefore, the utopian idea of «world revolution» and the destruction of the Versailles system after the military failures of 1920 was reconsidered, giving way to a policy of peaceful coexistence and the desire to achieve political recognition. The Peace of Riga in 1921 was a compromise between the great powers and Poland on the one hand, and Soviet Russia on the other. The Versailles system was

established in a version that suited the Russian state more than it could have been. Despite the loss of part of the territories, there were also positive results: the socialist governments of Belarus and Ukraine followed Moscow, and consequently, Russia's geopolitical positions have strengthened. The Bolshevik leadership afterwards also used the contradictions between the great powers, balancing between revolutionary and real politics, while strengthening the international positions of the Soviet state.

Keywords. Soviet-Polish war of 1919–1920; international relationships; geopolitics; Poland; Russia; Europe; communist, social democratic parties; labour; Comintern.

Изучение истории международных отношений в переломные эпохи формирования новых мировых систем позволяет лучше понять многие процессы современности. В этом отношении интересна история советско-польской войны 1919–1920 гг. О событиях той эпохи в последнее время написано достаточно много⁷⁴⁴.

Опубликованы новые интересные документы⁷⁴⁵. Однако международный аспект этой проблемы, попытки изменения Версальской сис-

⁷⁴⁴ Восточная Европа после Версаля / Редкол.: И.И. Костюшко (отв. ред.) и др. СПб.: Алетейя, 2007; Зуев М.Н. Советская Россия и Польша, 1918–1920 гг.: советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории. М.: [б.и.], 2006; Лебедева Н.С., Терехова Н.Г. РКП (б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. №5. С. 13–28. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0011088-9>; Матвеев Г.Ф. Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года // Новая и новейшая история. 2021. №3. С. 130–143. <https://doi.org/10.31857/S013038640014696-3>; Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен. Военнослужащие красной армии в плену у поляков в 1919–1921 гг. М.: Родина Медиа, 2011; Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. / Отв. ред. Ю.С. Новопашин; Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики, Междунар. фонд югослав. исслед. и сотрудничества «Слав. Летопись». М.: ИСБ, 1994; Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917–1923. Vol. 3. London: Macmillan, 1953; Rezmer W. Walki o Wilno w styczniu 1919 roku – początek wojny polsko-sowieckiej // Europa Orientalis. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. 2010. №2. S. 55–74 и др.

⁷⁴⁵ Польско-советская война, 1919–1920: в 2 ч. / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики и др.; Ред. И.И. Костюшко. Ч. 2. М.: ИСБ, 1994; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в 4-х т. / Под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017; Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998; Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)

темы, роль Коминтерна в событиях 1920 г., интернациональные задачи РКП(б) и позиция европейской социал-демократии освещены в российской печати недостаточно. В данном докладе автор останавливается именно на этих вопросах.

Исследование основано на использовании архивных документов и последних работ историков. Его методологическую основу составляют принципы объективности, историзма, критического подхода к использованным источникам и всестороннего анализа поставленной проблемы.

Версальская система, сложившаяся после Первой мировой войны, была направлена на исключение Советской России из числа великих держав и ликвидацию большевистской власти. Коммунистическое руководство, на первом этапе придерживаясь утопической идеи мировой революции, само пыталось разрушить «мировой империализм». Эти два противоположных вектора движения глобальных политических сил столкнулись в военном конфликте 1919–1920 г.

Позиция великих держав (создателей Версальской системы) по отношению к Польше была неоднозначной. Франция поддерживала планы по возрождению сильного польского государства. Англия делала ставку на Германию как противовес Франции и ее союзникам, прежде всего Польше. США, в конечном счете, встали на сторону Англии⁷⁴⁶. В целом, Великобритания и Соединенные Штаты были более склонны к переговорам с большевиками, чем Франция.

В самом польском руководстве, как докладывали представители КРПП, по отношению к России сложились две группировки. Первая, во главе с Ю.К. Пилсудским и поддерживаемая социалистами, вынашивала идею создания федерации под эгидой Польши, в которую бы входили Литва, Белоруссия и Украина⁷⁴⁷. Этим республикам предлагалось отказаться от части своих территорий (Виленской области, Восточной Галиции, западной Белоруссии и Волыни) в пользу поляков, а

по вопросу советско-польских отношений, 1923–1944 гг.: сб. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики и др.; [Ред. И.И. Костюшко]. М.: ИСБ, 1997; Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и др.; Редкол.: А.В. Квашонкин и др. (с рос. стороны), А. Verelowitch и др. (с фр. стороны), Е. Cinella и др. (с итал. стороны). М.: РОССПЭН, 1996 и др.

⁷⁴⁶ См. *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект М., 2019. С. 84–85.

⁷⁴⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 18. Д. 31 (а). Л. 34–36.

самим стать буфером между Польшей и Советской Россией⁷⁴⁸. Группировка Пилсудского была против сотрудничества с А.И. Деникиным, так как тот рассчитывал на восстановление Российской империи (правда, при этом за Польшей признавалась самостоятельность).

Другое направление, во главе которого стоял руководитель польского представительства на Парижской конференции Р.С. Дмовский, напротив, ориентировалось, по совету Франции, на военное сотрудничество с Деникиным, надеясь на восстановление «Всея России» и на союз с ней против Германии. Уделяя большое внимание западным границам и присоединению к Польше немецких земель, Дмовский готов был отказаться от Белоруссии, части Литвы, Волыни и даже от части Восточной Галиции. Эта группировка пользовалась полной поддержкой Франции, так как их устремления совпадали. К тому же она имела сильное влияние на польское правительство и на министра иностранных дел И.Я. Падеревского⁷⁴⁹.

За сотрудничество с Советской Россией в Польше выступали только польские коммунисты⁷⁵⁰. Но на международной арене РСФСР поддерживали Литва (в обмен на признание за ней Виленщины), Чехо-Словакия и Германия⁷⁵¹. Из политических движений — лейбористы, левые социал-демократы и правые в Германии, социалисты Франции, Италии и других стран, эсеры, национальное движение в Галиции и Подкарпатской Руси.

В ноябре 1918 г. РСФСР аннулировала Брестский мир и взяла курс на возвращение ранее утраченных территорий под лозунгом «мировой революции». В феврале 1919 г. была провозглашена Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, а в марте 1919 г. в Харькове — Украинская Советская Социалистическая Республика. Но, как считает профессор Г.Ф. Матвеев, в конце 1918 — начале 1919 г. большевистское правительство не имело планов войны с Польшей. «Большевикам в тот момент важнее было утвердить советские режимы в Прибалтике, особенно в Литве, граничившей с Германией, на пролетариат которой они возлагали особые надежды»⁷⁵².

⁷⁴⁸ См. *Матвеев Г.Ф.* Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / Под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д.С. Буневич. М.: Изд. «Кучково поле», 2020. С. 23.

⁷⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 31 (а). Л. 34–36.

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ См. *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе... С. 120–122.

⁷⁵² *Матвеев Г.Ф.* Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы... С. 25.

Польша же стремилась расширить свои границы в основном за счет соседних территорий на востоке. Первый этап советско-польской войны начался в феврале 1919 г., когда произошли столкновения польских и советских войск. В апреле 1919 г. поляки захватили Вильно, столицу Литовско-Белорусской Советской республики, а в августе заняли Минск и достигли Березины⁷⁵³. На Украине под напором Деникина красным тоже пришлось отступить. К ноябрю 1919 г. войска белых контролировали большую часть украинской территории. Однако возрождение Российской империи не устраивало Пилсудского. Осенью 1919 г. он заключил негласное соглашение с большевиками о перемирии. Это позволило Красной Армии разбить Деникина. В конце 1919 — начале 1920 гг. Советская власть на Украине была восстановлена.

Международное положение Советской России зимой 1920 г. было очень неопределенным. С одной стороны, разгром осенью 1919 г. Деникина и обращение русских кооперативов к английскому правительству с предложением об экономическом сотрудничестве способствовали улучшению отношений между Великобританией и РСФСР. В мае 1920 г. произошла встреча между представителем российского правительства Красиным и Ллойд Джорджем на предмет возможного заключения торгового договора⁷⁵⁴.

С другой стороны, Польша, подталкиваемая Францией, готовила новое наступление на восток. Советское правительство предпринимало все возможное, чтобы предотвратить эту агрессию. В конце января 1920 г. Советское руководство предложило Польше установить «границу по линии разграничения войск по рекам Березина, Припять и Горынь. Эта так называемая «линия Ленина» проходила восточнее рижской границы 1921 г. и с лихвой удовлетворяла территориальные аппетиты Польши»⁷⁵⁵.

Но Польша отвергла советскую инициативу, поскольку сама готовилась к войне. Перед вторжением 21 апреля 1920 г. польское правительство заключило военно-политическое соглашение с С.В. Петлюрой (УНР). В апреле 1920 г. польская армия предприняла наступление на Украину и Белоруссию. Начался второй этап советско-польской войны. В мае 1920 г. польские войска были уже в Киеве, но со второй половины месяца Красная армия перешла в контрнаступление. Когда советские войска приближались к границам Польши, польское правительство обратилось к великим державам с просьбой о посредничестве в пере-

⁷⁵³ См. там же. С. 26.

⁷⁵⁴ Carr E. The Bolshevik Revolution... Vol. 3. P. 163.

⁷⁵⁵ Mamseev Г.Ф. Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы... С. 26–27.

говорах с Советской Россией. 5–16 июля 1920 г. состоялась конференция в Спа (Бельгия) (заседание Верховного совета Антанты). На ней было предложено установить «этническую границу», рекомендованную Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. Ллойд Джордж выступил против включения Восточной Галиции в состав Польши. Пилсудский, соглашаясь с решением союзников, вероятно, не думал их исполнять⁷⁵⁶.

11 июля 1920 г. Керзон направил большевистскому правительству ноту, содержащую ультимативное требование остановить наступление. России предлагались границы, по которым за ней оставалась Восточная Галиция, обеспечивающая стратегический путь в Венгрию. «Получая Восточную Галицию, мы имели бы базу против всех современных государств. При таких условиях мы становились бы в соседство с прикарпатской Русью, которая кипит больше, чем Германия, и является прямым коридором в Венгрию, где небольшого толчка достаточно для того, чтобы вспыхнула революция»⁷⁵⁷, — признавал позднее Ленин. Но одновременно Керзон потребовал от советского правительства заключить перемирие не только с Польшей, но и с Врангелем. А это означало аннексию Крыма. К тому же предполагалось, что армии в Восточной Галиции должны были остановиться на линии, которую занимали на момент подписания перемирия. Этот факт, а также признание Лондоном Восточной Галиции за Россией, подтолкнуло советское командование к наступлению на Львов⁷⁵⁸. «Ленин оценил условия Антанты как «сплошное жульничество ради аннексии Крыма» и просил Сталина распорядиться «о бешеном усилении наступления»»⁷⁵⁹.

В советском руководстве и Коминтерне не было единой точки зрения на перспективы советско-польской войны. Л.Д. Троцкий⁷⁶⁰, его заместитель Э.М. Скиянский, Г.В. Чичерин и один из руководителей Польской коммунистической партии Ю. Мархлевский, проводивший переговоры с Польшей от имени советского правительства, были против военного вторжения в Польшу. Троцкий полагал, что у Красной армии не хватит сил, а потому необходимо согласиться на предложение Антанты.

⁷⁵⁶ См. *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе... С. 122, 124.

⁷⁵⁷ «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать». Выступление В.И. Ленина на IX конференции РКП(б) // Исторический архив. 1992. №1. С. 22.

⁷⁵⁸ См. *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе... С. 122, 126–128.

⁷⁵⁹ Там же. С. 124.

⁷⁶⁰ См. *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. М.: Книга, 1990. Т. 2. С. 191–194.

Другие, поддерживаемые В.И. Лениным и И.В. Сталиным, рассчитывали на то, что продвижение Красной армии и вступление ее в Варшаву ускорит свержение Пилсудского и вызовет революционное восстание в польской столице. Этой же точки зрения придерживалось и большинство деятелей КРПП. На запрос Ленина о перспективах польской революции И.С. Уншлихт 15 июля сообщил о том, что «с подходом наших войск» к польским границам в Польше возможен советский переворот, который, в свою очередь, может облегчить переворот в Германии⁷⁶¹. Позднее Ленин говорил, что «...Польша — такой могущественный элемент в этом Версальском мире, что, вырвав этот элемент, мы ломали весь Версальский мир»⁷⁶². Таким образом, победа коммунистической революции в Польше рассматривалась как условие изменения всего мирового порядка.

На состоявшемся 16 июля пленуме ЦК РКП(б) победила точка зрения, ориентированная на революционное наступление. Было решено помочь социализации Польши, что дало бы возможность выйти к границам Германии. Чтобы подчеркнуть, что Красная армия выполняет не завоевательную, а освободительную функцию, пленум заявил о готовности установить границы Польши значительно восточнее линии Керзона⁷⁶³. На тот момент большевики придерживались идеалистических взглядов на то, что все границы на земле временны, и что в ближайшем будущем сформируется единое социалистическое пространство. Эта идея нашла свое отражение в лозунге «Федерации Социалистических республик Европы и Азии как первой ступени к образованию единой Мировой Советской республики»⁷⁶⁴.

С этого момента, как отмечал Ленин на IX конференции РКП(б), советско-польская война приобрела революционный характер. 24 июля 1920 г. И.В. Сталин писал В.И. Ленину по этому поводу: «Теперь, когда мы имеем Коминтерн, побежденную Польшу, и более или менее сносную Красную армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается переделки в пользу Польши для того, чтобы реорганизовать, перевооружить польскую армию, создать кавалерию и потом снова ударить, может быть в союзе с другими государствами, — в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрять революцию в Италии <...> Поэтому на очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос об орга-

⁷⁶¹ Большевицкое руководство... С. 144.

⁷⁶² Исторический архив. 1992. №1. С. 18.

⁷⁶³ Польско-советская война, 1919–1920: в 2 ч. ... Ч. 2. С. 85.

⁷⁶⁴ Емельянова Е.Н. Концепции национально-государственного строительства в решениях II конгресса Коминтерна // Научный диалог. 2017. №4. С. 154. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-4-145-158>.

низации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить). Триста тысяч люмпенов в Германии, если бы они даже в самом деле существовали в природе, конечно, не меняют и не могут менять дело. Короче: нужно сняться с якоря и пуститься в путь, пока империализм не успел еще мало-мальски наладить свою разлаженную телегу, а он может еще наладить ее кое-как на известный период, и сам не перешел в решительное наступление»⁷⁶⁵.

Решение данного вопроса в ЦК РКП(б) совпало с работой II конгресса Коминтерна. Данный форум должен был определить политику международного коммунистического движения в условиях «наступления мировой революции». Левое крыло европейской социал-демократии, имеющее значительное влияние в ведущих странах Европы, поддержало большевиков в советско-польской войне. Эта была попытка усилиями всех левых сил разрушить Версальскую систему и создать новую, социалистическую⁷⁶⁶.

В течение месяца после II конгресса ИККИ обсудил вопросы о взаимодействии с социалистами Англии, США, Германии, Франции и Италии. Одной из главных задач было налаживание контактов с руководством лейбористской партии Великобритании. Попытки установить связь с лидером Независимой лейбористской партии Р. Макдональдом предпринимались еще в марте 1919 г.⁷⁶⁷, когда велись переговоры об объединении Независимой лейбористской партии (ИЛП), Британской социалистической партии (BSP) и Социалистической Рабочей партии (SLP). Но тогда им не удалось договориться. Независимая лейбористская партия вышла из движения за объединение. В августе 1920 г. ИККИ потребовал от только что образованной компартии Великобритании добиваться вхождения в лейбористскую партию, что должно было обеспечить поддержку России одной из влиятельнейших партий Великобритании. В мае 1920 г. в Москву приехала делегация английских рабочих, в состав которой входили представители Независимой лейбористской партии⁷⁶⁸. 26 мая делегация была принята Лениным. Центральной темой разговора был вопрос о помощи рабочего движения Англии Советской России по поводу заключения мирного договора с Антантой и о борьбе против английского правительства. Позднее состоялась официальная встреча английских рабочих с руководством ИККИ. И здесь ставились те же вопросы. В целом эта поездка дала положительный результат. Английские Советы действия, образованные коммунистами и

⁷⁶⁵ Большеви́стское руководство... С. 148.

⁷⁶⁶ См. Емельянова Е.Н. Концепции национально-государственного строительства... С. 153–155.

⁷⁶⁷ См. РГАСПИ. Ф. 490. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁷⁶⁸ Carr E. The Bolshevik Revolution... Vol. 3. P. 184–186.

левыми лейбористами, поддержали РСФСР в самую критическую для нее минуту и не дали отправить на помощь Польше английский флот, пригрозив начать всеобщую забастовку. 10 августа делегация от Центрального Совета действий была принята Ллойд Джорджем⁷⁶⁹, и английское правительство вынуждено было отказаться от своего намерения.

В июне 1920 г. в Москве побывали представители Социалистической партии Франции. 19 июня они были приглашены на заседание ИККИ⁷⁷⁰, где ставился вопрос о присоединении французских социалистов к Коминтерну. Французская социалистическая партия принимала участие в работе II конгресса и, как подтвердилось в дальнейшем, поддержала все его решения.

На конгресс, по приглашению ИККИ, прибыла также делегация Независимой социал-демократической партии Германии⁷⁷¹. 9 августа она приняла участие в заседании ИККИ, на котором обсуждался вопрос об объединении КПГ и НСДПГ, об исключении из последней реформистов и о вхождении ее в III Интернационал. Левые члены НСДПГ, в лице Э. Деймига, заявили о полной солидарности с Коминтерном по теоретическим и практическим вопросам, а правые (В. Дитман и А. Криспин) отмечали, что в целом признают программу Коминтерна, в том числе его ориентацию на вооруженное восстание и диктатуру пролетариата в форме Советов, но против недооценки коммунистами возможности мирного прихода к власти через парламент, а не только через восстание и гражданскую войну⁷⁷². Таким образом, хотя с правыми договориться не удалось, поддержка левых в НСДПГ была обеспечена. На практике это вылилось в формирование со стороны Германии на границах с Польшей немецких коммунистических полков, которые рвались вступить в бой с польскими войсками. Неожиданно наступление Красной Армии было поддержано со стороны крайне правых в Германии. Немцы допускали создание на спорных с Польшей территориях в результате плебисцита «Вольного государства Западной Пруссии», что позволило бы соединить Советскую Россию и Германию. Уполномоченный НКВД В.Л. Копп не отрицал возможности его признания РСФСР и Советским польским правительством, в случае образования последнего⁷⁷³. У немец-

⁷⁶⁹ Ibid. P. 212.

⁷⁷⁰ Ibid. P. 187.

⁷⁷¹ См. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 21. Л. 19. 19 июня 1920 г. ИККИ по радио обратился к рядовым членам НСДПГ через головы своих вождей прислать на II конгресс делегатов от своей партии. Еще раньше 27 мая 1920 г. такое же приглашение получил ЦК НСДПГ.

⁷⁷² См. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 28. Л. 55–58.

⁷⁷³ См. *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе... С. 130, 134.

ких коммунистов на западных границах Германии тоже были обширные планы, которые шли дальше намерений советского руководства. Они собирались создать единый национальный фронт, в состав которого вошли бы все политические силы страны, с целью военного похода на Францию. Это могло бы изменить всю геополитическую ситуацию в Европе. «...В Германии, — говорил В.И. Ленин, — ...наметился блок последовательных и крайних патриотов и коммунистов, признающий сознательный блок с Советской Россией»⁷⁷⁴. И в другом месте: «Когда немецкие левые, договорились до такой нелепости, что не нужно гражданской войны, а, напротив, нужна общенародная война против Франции, — это была неслыханная глупость. Так ставить вопрос, — это граничило с изменой. Без гражданской войны советскую власть в Германии не получишь»⁷⁷⁵. РКП(б) выступила против похода на Францию, заявив, что Советская Россия воюет только против Польши⁷⁷⁶.

Летом 1920 г. ставился вопрос о совместных действиях с итальянскими социалистами. Но в отличие от Франции и Германии большая часть правых в Итальянской Социалистической партии от сотрудничества с коммунистами отказалась. 11 и 25 августа в ИККИ обсуждался вопрос об исключении из ИСП реформистов и об объединении ее с Союзом синдикалистов во главе с А. Бордигой. Было принято решение о вхождении социалистической партии Италии в Коммунистический Интернационал⁷⁷⁷. Если учитывать вышеупомянутое письмо Сталина, то можно со значительной долей уверенности утверждать, что вопрос о социалистическом перевороте в Италии также обсуждался на заседании ИККИ. Советскую Россию и Коминтерн в условиях советско-польской войны поддержали не только левые и центристы из ИСП, но и итальянские профсоюзы, лидеры которых позднее стояли у истоков образования Красного Интернационала профсоюзов.

1920 г. стал наивысшей точкой поддержки РСФСР рабочими организациями Европы. Осенью на съездах Французской социалистической партии и НСДПГ было принято решение об объединении с компартиями Франции и Германии.

16 июля 1920 г., когда Красная армия вела успешное наступление на Польшу, решением пленума ЦК РКП были образованы Белорусский и Южно-Галицийский Революционные комитеты⁷⁷⁸. В июле была восстановлена независимая Белорусская Советская Республика. В этом же ме-

⁷⁷⁴ Исторический архив. 1992. №1. С. 19.

⁷⁷⁵ Там же.

⁷⁷⁶ Там же. С. 18.

⁷⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 28. Л. 55–58.

⁷⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 31.

сяце на территории современной Тернопольской и части Львовской областей была провозглашена Галицийская Советская Социалистическая республика, через которую открывался путь на Венгрию и Германию. 23 июля был образован Временный польский революционный комитет, в состав которого входили Ф.Э. Дзержинский, Ю. Мархлевский и др. Его задачей было установление советской власти на польской территории. Дзержинский сразу же поставил вопрос о формировании польской Красной армии. Но восстание в самой Польше поднять не удалось. В стране господствовали националистические настроения.

Со второй половины августа Красная армия вынуждена была отступить под напором хорошо вооруженной Союзниками польской армии. В сентябре 1920 г. польские войска были уже на территории Белоруссии и Украины.

Развернувшиеся в сентябре 1920 г. революционные события в Италии, когда рабочие во время забастовки захватили промышленные предприятия, а итальянское правительство не решилось применить против них войска, проходили уже на фоне поражения РСФСР в советско-польской войне; хотя у части русского руководства еще было желание собрать силы и начать новое наступление.

На IX конференции ЦК РКП(б) в сентябре 1920 г. В.И. Ленин, убеждая своих товарищей принять резолюцию о заключении мира с Польшей, вместе с тем заявил: «А в общем можно сказать, что международная обстановка совершенно независимо от наших шагов в Польше получила полный размах. Если бы была еще Советская Польша или Советская Венгрия, было бы лучше. Отнюдь не зарекаемся, что завтра не рискнем и за Венгрию. Я уверен, что конференция согласится с нами в этом отношении. Но мы скажем, что мы рискнем таким образом, что с каждым удвоенным шагом будем помнить, где остановиться. Будем рисковать, рассчитывая помочь Италии, хотя, к сожалению, сейчас это практически невозможно»⁷⁷⁹.

Таким образом, не отказываясь от стратегического курса на революционную войну, IX конференция приняла решение о заключении мирного договора с Польшей.

Военные действия между РСФСР и Польшей были прекращены 18 октября 1920 г., а мирный договор, подписанный 21 марта 1921 г., стал компромиссом между воюющими державами. Россия теряла значительную территорию (в том числе Западную Белоруссию, Западную Украину, пришлось пожертвовать Галицийской Советской республикой), однако Польша приобретала гораздо меньше, чем могла получить по предложению СНК РСФСР от 28 января 1920 г. Кроме того, советская

⁷⁷⁹ Исторический архив. 1992. №1. С. 28.

власть была установлена в Белоруссии и на Украине. Правительства этих республик были ориентированы на союз с Москвой. Крым остался российским. Версальская система утвердилась в более устраивающем Россию варианте, чем могло бы быть. К тому же поддержка Советской России международной социал-демократией и рабочим движением в Европе, вероятно, оказали определенное влияние на правительства Англии, Франции, Италии и Германии. Балансируя между революционной и реальной политикой, большевистское руководство выторговало более важную уступку — признание Советской России де-факто уже в 1921 г. Хотя разрушить Версальскую систему не удалось, тезис о необходимости ее ликвидации господствовал в коминтерновской пропаганде еще долго, пока не уступил место новой первостепенной задаче: борьбе с фашизмом.

Большевистское руководство в конечном счете всегда подчиняло интернациональные задачи национальным интересам России. Коминтерн играл роль «мягкой силы» для укрепления международных позиций страны. Как только великие державы приняли СССР в Лигу Наций, деятельность этой организации была существенно ограничена, а позднее и совсем прекращена.

Костяшов Юрий Владимирович

РЕПОЛОНИЗАЦИЯ ВАРМИИ И МАЗУРИИ (ПОЛЬША) ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Предпринимается попытка рассмотреть процесс «реполонизации», т.е. возвращения исконно национального облика польскоговорящим жителям южной части бывшей германской провинции Восточная Пруссия, переданной в 1945 г. Польше по решению Потсдамской конференции (территория современного Варминьско-Мазурского воеводства). Целью статьи является исследование характера интеграционных процессов в первые послевоенные годы и оценка результатов реполонизации на основании документальных материалов, мемуаров, прессы и с привлечением исследований польских историков. В статье изучаются такие аспекты интеграции вновь присоединенных земель и бывших граждан Германии, как создание и становление национальных органов власти, выселение немцев, верификация автохтонного польскоязычного населения, заселение Вармии и Мазурии, этнокультурная политика и проблема региональной идентичности. Делается вывод о том, что адаптация польскоязычных автохтонов к новым условиям проходила с немалыми трудностями. Вармякам и мазурам пришлось столкнуться с несправедливостью и даже враждебностью со стороны как новых польских властей, так и переселенцев из центральных и южных воеводств страны, а также репатриантов из СССР. Их затронула кампания по «ополячиванию» немецких имен, под запретом оказался «мазурский диалект», им не удалось утвердиться в качестве самостоятельной общественной силы и отстоять свою самобытность. С началом строительства социализма во властных структурах возобладало мнение, что этнокультурные и региональные различия являются тормозом в развитии страны и должны быть в короткие сроки нивелированы. Следствием такого подхода стал выезд большинства польскоязычных автохтонов из Ольштынского воеводства в Германию и их разрыв с польской нацией.

Ключевые слова: история Польши, Восточная Пруссия, Вармия, Мазурия, реполонизация.

Yuri Kostyashov

REPOLONIZATION OF WARMIA AND MASURIA (POLAND) AFTER WORLD WAR II

Abstract. The author examines the process of «repolonization», i.e., the return of the original national image to the Polish-speaking inhabitants of the southern part of the former German province of East Prussia, transferred to Poland in 1945 by the decision of the Potsdam Conference (the territory of the modern Warmian-Masurian Voivodeship). The purpose of the article is to study the nature of integration processes in the first post-war years and evaluate the results of repolonization on the basis of documentary materials, memoirs, the press, and with the involvement of research by Polish historians. The article studies such aspects of the integration of the newly annexed lands and former citizens of Germany as the creation of national authorities, the deportation of Germans, the verification of the autochthonous Polish-speaking population, the settlement of Warmia and Masuria, ethnocultural policy and the problem of regional identity. It is concluded that the adaptation of the Polish-speaking autochthons to the new conditions took place with considerable difficulties. Warmiaks and Masurians had to face injustice and even hostility from both the new Polish authorities and migrants from the country's central and southern voivodships, as well as repatriates from the USSR. They were affected by the campaign of «polonization» of German names, the «Masurian dialect» was banned, they failed to establish themselves as an independent social force and defend their identity. After the construction of socialism began, the authorities decided that ethno-cultural and regional differences were a brake on the development of the country and should be leveled out in a short time. The consequence of this approach was the departure of the majority of Polish-speaking autochthons from the Olsztyn Voivodeship to Germany and their break with the Polish nation.

Keywords. history of Poland, East Prussia, Warmia, Masuria, repolonization.

«Реполонизацией» исторических областей Вармии и Мазурии обычно называют процесс вхождения и интеграции южной части бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия в состав Польши после Второй мировой войны. Так он был назван из-за того, что значительная часть ее населения имела польские этнические корни, хотя и была сильно германизирована. В настоящей статье предпринимается попытка

на основании документальных материалов, мемуаров, прессы и с привлечением исследований польских историков охарактеризовать процесс реполонизации Вармии и Мазурии и местного польскоязычного населения в первые послевоенные годы и оценить его результаты.

Польские претензии на Восточную Пруссию впервые отчетливо обозначились во время работы Парижской мирной конференции, в ходе которой глава польской делегации Р. Дмовский потребовал раздела провинции между Польшей и Литвой⁷⁸⁰. Этот проект не нашел понимания у держав Антанты. Как оказалось, его не поддерживали и жители Восточной Пруссии, так как на состоявшемся под эгидой Антанты в 1920 г. плебисците в Вармии и Мазурии и немцы, и польскоговорящие мазуры проголосовали за то, чтобы остаться в составе германского государства⁷⁸¹.

Вновь этот вопрос был поставлен в повестку дня в годы Второй мировой войны. Польское правительство в эмиграции не раз выступало с заявлениями о своих претензиях включить территорию Восточной Пруссии в состав польского государства⁷⁸². Эти настроения соответствовали и планам польской левицы, представленной Польской рабочей партией и Союзом польских патриотов⁷⁸³. Судьба Восточной Пруссии обсуждалась на всех конференциях ведущих держав Антигитлеровской коалиции, пока, наконец, в окончательной редакции Протокола Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 г. было выражено согласие трех великих держав на переход Восточной Пруссии под юрисдикцию СССР и Польши и определена линия разграничения между ними с оговоркой, что «точная граница подлежит исследованию экспертов». При этом было также указано, что решение о передаче территории Восточной Пруссии «под управление» СССР и Польши действительно «впредь до окончания решения территориальных вопросов при мирном урегулировании»⁷⁸⁴. К Польше отходили земли южнее железнодорожной

⁷⁸⁰ *Kulak T.* Między Niemcami a Rosją – poglądy Romana Dmowskiego w sprawie polskich ziem zachodnich // *Twórcy polskiej myśli zachodniej* / Red. W. Wrzeński. Olsztyn, 1996. S. 71–72.

⁷⁸¹ *Plebiscyty na Warmii, Mazurach i Powiślu w 1920 roku* / Red. P. Stawecki, W. Wrzeński. Olsztyn, 1986. S. 293.

⁷⁸² *Korc E.* Zmiany administracyjno-terytorialne na obszarze byłych Prus Wschodnich ze szczególnym uwzględnieniem terenu województwa olsztyńskiego // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1997. №1. S. 11.

⁷⁸³ *Wrzeński W.* Prusy Wschodnie w polskiej myśli politycznej 1864–1945. Olsztyn, 1994. S. 430.

⁷⁸⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав – СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 438–440.

линии Кёнигсберг – Инстербург – Гумбиннен площадью 26 189 км², что составляло 70,8% всей довоенной территории провинции⁷⁸⁵. 16 августа 1945 г. в Москве был заключен соответствующий договор о государственной границе между двумя странами⁷⁸⁶. Бывшие восточнопрусские земли получили название «Мазурского округа» с центром в Ольштыне (быв. Алленштайне). В мае следующего года округ был переименован в Ольштынское воеводство, которое включало исторические области Вармии и Мазурия⁷⁸⁷.

В соответствии с соглашением между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) от 26 июля 1944 г. советские комендантуры должны были передать управление польской администрации сразу после окончания военных действий⁷⁸⁸. В Ольштыне это произошло 23 мая 1945 г., когда комендант города А. Шумский передал власть уполномоченному польского правительства Я. Правину. Затем последним были назначены старосты городов и повятов, создан административный аппарат и путем кооптации сформированы органы местного самоуправления — рады народовы (первые выборы здесь состоялись только в 1954 г.)⁷⁸⁹.

Первым шагом к реполонизации вновь присоединенных земель стала депортация местного населения в Германию. По данным властей, в июле 1945 г. на территории Вармии и Мазурии находилось около 200 тыс. подданных Третьего рейха, т.е. около 20% из 936,5 тыс. человек, проживавших здесь до войны⁷⁹⁰. Сначала их выезд производился по решению польской администрации в индивидуальном порядке, а массовая депортация немцев началась в середине августа 1946 г., когда в Советскую зону оккупации Германии из Ольштына еженедельно стали

⁷⁸⁵ *Korc E.* Zmiany administracyjno-terytorialne... S. 15.

⁷⁸⁶ *Golon M.* Problem polsko-radzieckiej granicy w byłych Prusach Wschodnich w latach 1945–1958 // *Baltijos regiono istorija ir kultūra: Lietuva ir Lenkija: politinė istorija, politologija, filologija* / Ed. R. Sliužinskas. Klaipėda, 2008. S. 76–78.

⁷⁸⁷ *Kraft C.* Pierwsze lata w województwie olsztyńskim po II wojnie światowej. Trudne początki nowego społeczeństwa // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1999. №4. S. 533.

⁷⁸⁸ *Wojnowski E.* Warmia i Mazury w latach 1945–1947. Kształtowanie się stosunków politycznych. Olsztyn, 1968. S. 40.

⁷⁸⁹ *Sokołowski F.* Z badań nad administracją Okręgu Mazurskiego 1945–1946 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1974. №3. S. 296–298, 305–306.

⁷⁹⁰ *Belzyt L.* Badania liczebności polskiej ludności rodzimej dawnych Prus Wschodnich po 1945 roku // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1984. №3. S. 279; *Żyromski S.* Przesiedlenie ludności niemieckiej z województwa olsztyńskiego poza granice Polski w latach 1945–1950 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1969. №3. S. 395–396.

отправляться эшелоны с 1,5–2 тыс. немцев в каждом, причем, в первую очередь выселению подлежали нетрудоспособные граждане. Массовая депортация продолжалась до конца 1948 г., в последующие два года Ольштынское воеводство покинули оставшиеся этнические немцы по мере прибытия профессиональных польских кадров. Всего с момента окончания военных действий до конца 1950 г. с этой территории в Германию было переселено около 112 тыс. немцев⁷⁹¹.

В Вармии и Мазурии при выселении местного населения в Германию изначально предполагалось делать исключения для польскоговорящих коренных жителей, отделяя их от «чистых» немцев. До войны в Восточной Пруссии проживало около 16% населения с польскими этническими корнями, которые использовали в качестве родного польский язык или же были двуязычными. Оно состояло из вармяков-католиков – жителей Вармии (нем. Эрmland), и мазуров – жителей Мазурского Поозерья, исповадавших протестантизм и использовавших в качестве средства общения в кругу семьи германизированный «мазурский» диалект польского языка. Обе группы были настроены довольно консервативно, их позиция часто определяется как «национальный индифферентизм»⁷⁹².

Поляки-автохтоны должны были пройти процесс верификации, т.е. подтверждения своего польского происхождения, в специальных комиссиях при местных органах власти. Согласно декрету Министерства Воссоединенных земель, признание принадлежности к польской нации и последующее получение польского гражданства наступали после подачи заявления и принесения присяги на верность Польше⁷⁹³. Подписание «деклараций верности» осуществлялось достаточно медленно, поэтому власти прибегли к использованию административного давления, в чем проявился взятый с 1949 г. курс на устранение любых элементов «регионализма», который воспринимался в качестве сепаратистской угрозы. Такая политика негативно отразилась на судьбе ряда польских деятелей культуры из числа «автохтонов», которые подвергались пре-

⁷⁹¹ *Żyromski S.* Przesiedlenie ludności... S. 397–398, 400, 412; *Kostrzewa A.* Wsiedlenie Niemców z powiatu giżyckiego w latach 1945–1948 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 2007. №1. S. 43–46, 48.

⁷⁹² *Baryła T.* Pierwsze badania socjologiczne nad problemem polskiej ludności rodziwej na Warmii i Mazurach w świetle memoriału z lipca 1949 roku // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 1983. №4. S. 469.

⁷⁹³ *Chłosta J.* Przeszłość Warmii i Mazur na łamach naukowych czasopism regionalnych powstałych po 1989 roku // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 2007. №3. S. 450; *Kraft C.* Pierwsze lata w województwie olsztyńskim... S. 545.

следованиям и арестам по надуманным предлогам⁷⁹⁴. В последующие годы мазуры и вармяки старались использовать любые возможности для эмиграции в ФРГ, особенно интенсивно в период польской оттепели 1956–1959 гг., когда из Ольштынского воеводства выехало более 36 тыс. чел. Этот процесс продолжился и в последующие годы в рамках акции по воссоединению семей⁷⁹⁵.

В рамках реполонизации Восточной Пруссии параллельно выселению немцев происходило заселение обезлюдившей территории. Контингент новоселов включал три основные группы. Во-первых, сюда направлялся поток переселенцев из «старых» польских областей, прежде всего из Варшавского и других и центральных воеводств страны. Вторым источником пополнения населения стали поляки из «восточных кресов», т.е. из украинских и белорусских областей бывшей Речи Посполитой, вошедших по итогам войны в состав Советского Союза. Население Вармии и Мазурии увеличилось также за счет проведенной в 1947 г. административной акции «Висла» по переселению сюда непольского населения из юго-восточных воеводств. Принудительному переселению в Ольштынское воеводство подверглись украинские и смешанные семьи (около 55 тыс. чел.), которые обвинялись в поддержке националистов из УПА-ОУН⁷⁹⁶. Наконец, среди новоселов было несколько тысяч так называемых «реэмигрантов», т.е. поляков, оказавшихся до и в годы войны в Германии и других странах Европы и вернувшихся на историческую родину.

Согласно переписи 1950 г. в Ольштынском воеводстве проживали 610 тыс. чел., в их составе доминировали три группы: переселенцы из Варшавского воеводства (25%), репатрианты из СССР (23%), поляки-автохтоны (19%). Остальная треть жителей были выходцами из других (помимо Варшавского) воеводств, включая украинцев. Среди город-

⁷⁹⁴ Dzi rozpoczyna się rozprawa o bezprawne wysyłanie Polaków za Odrę // *Życie Olsztyńskie*. 1949. 16 marca. S. 3; *Jasiński G.* «Grupa autochtonów o profaszystowskim nastawieniu, zostanie pozbawiona kierowniczego czynnika...» // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2010. №4. S. 435–436.

⁷⁹⁵ *Belzyt L.* Badania liczebności polskiej ludności... S. 284–285; *Sakson A.* Liczebność ludności rodzimej na Mazurach // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1987. №3–4. S. 488.

⁷⁹⁶ *Chłosta J.* Przeszłość Warmii i Mazur... S. 451; *Mucha J., Wilamowski B.* Osadnictwo wiejskie w województwie olsztyńskim po roku 1945 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1961. №2. S. 196, 201; *Hałagida I.* Członkowie ukraińskiego podziemia na Warmii i Mazurach po 1947 roku (zarys zagadnienia) // *Echa Przeszłości*. 2004. №5. S. 224, 230.

ского населения преобладали репатрианты из СССР (39%), «варшавяне» (27%) и автохтоны (13%)⁷⁹⁷. Население Вармии и Мазурии сформировалось из представителей разных воеводств и стран, имевших различный культурно-цивилизационный опыт, исповедовавших разную веру, а иногда и говоривших на разных языках. Многие из них оказались в бывшей Восточной Пруссии вынужденно или случайно, у большинства долгое время сохранялось чувство временности пребывания на этих землях⁷⁹⁸.

В мае 1946 г. издававшаяся в Ольштыне газета «Ведомости Мазурске» опубликовала редакционную статью «Проблема реполонизации», в которой говорилось, что вследствие германизации восточнопруссские поляки «отличаются от живущих в остальной Польше иным образом жизни», но они «имеют право вернуться в польскую общность», для чего потребуется «процесс реполонизации», т.е. возвращения им их исконно польского облика⁷⁹⁹. В прессе подчеркивалось, что наличие этнических корней не является единственным маркером принадлежности к польской нации. Так, члены НСДАП объявлялись национальными предателями, о чем свидетельствует еще одна газетная статья с характерным заголовком: «Кто отказался от своих польских корней, тот заслуживает смертной казни»⁸⁰⁰.

Проблеме реполонизации новые власти придавали большое значение. При их поддержке в Ольштыне был создан Мазурский институт, в который набрали представителей местной польско-мазурской интеллигенции, ученых для проведения просветительской и пропагандистской работы как среди автохтонов, так и вновь прибывших переселенцев. Сотрудники института проводили выставки, читали лекции, организовывали «народные университеты», публиковали в прессе сотни статей и заметок, рассказывающих о прошлом Вармии и Мазурии, их вековых связях с Польшей и традициях борьбы мазуров и вармяков за

⁷⁹⁷ *Żyromski S.* Procesy demograficzne w trzydziestoleciu Warmii i Mazur // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1975. №1. S. 22; *Żyromski S.* Procesy ludnościowe na Warmii i Mazurach w latach 1945–1949 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1985. №3–4. S. 366, 368.

⁷⁹⁸ Ср.: *Paulowski J.* Demografia Warmii i Mazur: stan i potrzeby badawcze // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2010. №4. S. 511; *Tomkiewicz R.* Pogranicze po 1945 roku – nowa rzeczywistość, stare problemy // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2006. №4. S. 544, 547–548.

⁷⁹⁹ *Zagadnienie repolonizacji* // *Wiadomości Mazurskie*. 1946. 7 maja. S. 4.

⁸⁰⁰ *Kto wyparł się polskości zasłużył na karę śmierci* // *Wiadomości Mazurskie*. 1946. 24 lipca. S. 4.

свою польскость⁸⁰¹. «Ведомости Мазурске» буквально с первых номеров стали публиковать материалы, которые показывали давние связи Вармии и Мазурии с Польшей⁸⁰².

Адаптация автохтонов к новым условиям проходила с немалыми трудностями, связанными с тем, что «вместо идеализированной Польши, о которой они мечтали», восточнопрусским полякам пришлось иметь дело с «понаехавшими в Вармию мародерами и плохо подготовленными польскими чиновниками», а, стало быть, и столкнуться «со многими случаями несправедливого и даже враждебного отношения»⁸⁰³. Среди перегибов курса на реполонизацию можно отнести запрет говорить на «мазурском диалекте» в общественных местах и кампанию по «ополячиванию» мазурских имен⁸⁰⁴. Газета «Ведомости Мазурске» писала, что для польских детей не подходят такие имена, как Гельмут, Клаус, Ирмгарт: «Неужели эти дети должны расти в свободной Польше, отягощенные на всю жизнь пятном немецких имен? Нужно найти юридическую норму, чтобы стереть этот последний след неметчины и переделать германские имена на польские у тысяч вармяков и мазуров»⁸⁰⁵.

Различные подходы к проблеме реполонизации и непростых взаимоотношений местных жителей с переселенцами в полной мере проявились на состоявшемся в Ольштыне в октябре 1946 г. «Конгрессе представителей варминьско-мазурской народности». Представители автохтонов хотели отстоять свои права не только на собственность, но и на свою региональную самобытность. Эта позиция встретила про-

⁸⁰¹ *Poznajmy ducha tej Ziemi. Społeczeństwo winno zainteresować się pracami Instytutu Mazurskiego // Wiadomości Mazurskie. 1946. 10 stycznia. S. 3; Upowszechniamy wiedzę o Warmii i Mazurach: Otwarcie kursu mazuroznawstwa w Olsztynie // Wiadomości Mazurskie. 1946. 21 lutego. S. 3; Lewandowska I. Instytut Mazurski w relacji jego współpracy – Hieronima Skorupskiego // Echa Przeszłości. 2006. №7. S. 137–138.*

⁸⁰² *Ne wstydzę się, że to polskie. Mazury kolebka języka polskiego w nauce // Wiadomości Mazurskie. 1946. 20 stycznia. S. 4; Prusy Książęce kolebka piśmiennictwa polskiego // Wiadomości Mazurskie. 1946. 21 lutego. S. 3; Warmia i Mazury zawsze polskie // Wiadomości Mazurskie. 1946. 2 stycznia. S. 2.*

⁸⁰³ *Baryła T. Pierwsze badania socjologiczne... S. 473–474.*

⁸⁰⁴ *Geldon K. Wysiedlać czy repolonizować? Dylematy polskiej polityki wobec Warmiaków i Mazurów po 1945 roku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2002. №3. S. 475.*

⁸⁰⁵ *Przywrócić Polakom – polskie imiona. Jak Niemcy germanizowali imiona autochtonów // Wiadomości Mazurskie. 1947. 2 marca. S. 5; Zatrzeć przykry ślad niemieczyny // Wiadomości Mazurskie. 1947. 16 lutego. S. 5.*

тивоедействие со стороны воеводских властей, что было ясно провозглашено на закрытии форума: «Это последний конгресс вармяков и мазуров, потому что сегодня они стали полноправными поляками!»⁸⁰⁶

Стремление автохтонов выступить в качестве хоть и лояльной новой власти, но самостоятельной общественной силы не нашло понимания и в Варшаве. После 1948 г. там возобладало мнение, что в ходе строительства социализма «попутно» будут нивелированы и этно-культурные различия автохтонов и новопоселенцев. Сначала был распущен созданный еще в июне 1945 г. при воеводской администрации «комитет автохтонов» из представителей местного польскоговорящего населения⁸⁰⁷. В конце 1940-х годов политика реполонизации как система мер, направленных на интеграцию вармяков и мазуров в составе польской нации, была, по сути дела, прекращена. Как справедливо заметила К. Гелдон, «местные польские жители в XIX в. преследовались немцами за то, что не хотели быстро германизироваться. После войны им во второй раз была нанесена тяжкая обида поляками за то, что они не хотели быстро реполонизироваться»⁸⁰⁸. Последствием этого поворота стал выезд многих автохтонов в Германию и их окончательный разрыв с польской нацией.

⁸⁰⁶ Kongres Warmian i Mazurów wykazał jedność narodu polskiego na tej ziemi // *Wiadomości Mazurskie*. 1946. 30 października. S. 3.

⁸⁰⁷ *Kraft C. Pierwsze lata w województwie olsztyńskim...* S. 548.

⁸⁰⁸ *Geldon K. Wysiedlać czy repolonizować...* S. 476–477.

Пулятина Ирина Сергеевна

**ЭВОЛЮЦИЯ БОЛГАРСКОГО
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
И ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ В РАБОТЕ
М. ТОДОРОВОЙ «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР
СОЦИАЛИСТОВ НА ОКРАИНАХ ЕВРОПЫ:
ВООБРАЖАЯ УТОПИЮ 1870–1920-е гг.»**

Аннотация. В публикации на основе последней монографии болгаро-американского историка М. Тодоровой представлен анализ развития болгарского социал-демократического движения с момента раскола Болгарской рабочей социал-демократической партии на тесных и широких социалистов в 1903 г. до начала Первой мировой войны. Рассмотрен один из наиболее спорных и идеологизированных в национальной и отечественной историографии вопрос о том, западноевропейское или русское влияние можно считать решающим при идейном формировании болгарских социалистов. Особое внимание уделено месту болгарских социал-демократов во Втором Интернационале и их последовательно пацифистской позиции в годы Первой мировой войны. Представлена также точка зрения болгарских социалистов (в основном тесных) на создание Балканской федерации как наиболее предпочтительного варианта решения македонского вопроса.

Ключевые слова: болгарская социал-демократия; II Интернационал; БРСДП (т.с.); марксизм; утопический социализм.

Irina Putyatina

**THE EVOLUTION OF THE BULGARIAN
SOCIAL DEMOCRATIC MOVEMENT
AND THE SECOND INTERNATIONAL
IN THE WORK OF M. TODOROVA
«THE LOST WORLD OF SOCIALISTS AT EUROPE'S
MARGINS: IMAGINING UTOPIA, 1870–1920s»**

Abstract. Based on the latest monograph by the Bulgarian-American historian M. Todorova, this publication presents an analysis of the development of the Bulgarian social democratic movement from the split of the Bulgarian Workers' Social Democratic Party into narrow and broad socialists in 1903 until the outbreak of the First World War. One of the most controversial and ideologized in national and domestic historiography is the question of whether Western European or Russian influence can be considered decisive in the ideological formation of Bulgarian socialists. Particular attention is paid to the place of the Bulgarian Social Democrats in the Second International and their consistently pacifist position during the First World War. The point of view of the Bulgarian socialists (mostly narrow ones) on the creation of the Balkan Federation as the most preferable option for resolving the Macedonian question is also presented.

Keywords. Bulgarian social democracy; II International; BRS DP; Marxism; utopian socialism; Narrow Socialists.

Мария Тодорова (род. 1949) — болгаро-американский историк, дочь болгарского историка, академика Николая Тодорова Тодорова (1921–2003), начала карьеру в Софийском университете, затем переехала в США и в настоящее время является профессором Иллинойского университета. Широкую известность приобрела как автор монографии «Воображая Балканы»⁸⁰⁹ и ряда других работ американского периода. В своей новой книге «Затерянный мир социалистов на окраинах Европы: воображая утопию 1870–1920-е гг.»⁸¹⁰ она обращается к истории социа-

⁸⁰⁹ *Todorova M.* *Imagining the Balkans*, N.Y., Oxford, 1997.

⁸¹⁰ *Todorova M.* *The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870–1920s*. London, N.Y., 2020.

листического движения в Болгарии. Тодорова подробно останавливается на деятельности II Интернационала и роли в нем болгарских социалистов.

Данная работа представляет особый интерес для исследователя, поскольку давно назрела необходимость изучения социал-демократического движения с нейтральных позиций. Монография состоит из введения, трех объемных частей, разделенных на восемь глав, заключения и обширнейшего списка использованных источников и литературы. При работе над исследованием автор использовала мультидисциплинарный подход. Книга написана на стыке философии, истории и социологии. Во введении с философских позиций Тодорова рассуждает о понятии утопического социализма и приходит к выводу, что марксизм можно также отнести к этой категории, поскольку утопизм как таковой — это стремление к идеалу: идеальному политическому и социальному устройству общества. Во второй части, используя просопографический и биографический метод, автор создает коллективный портрет болгарского социал-демократа рассматриваемого периода, а затем в третьей части проводит читателя через галерею некоторых частных биографий социалистов.

В первой части она, как историк, захватывающе рассказывает о становлении болгарской социал-демократии, касается спорного и многократно дискутируемого в национальной и отечественной⁸¹¹ историографии вопроса о русском или западноевропейском определяющем влиянии на идейное формирование болгарских социалистов; анализирует место и роль последних в международном социалистическом движении, их позицию по национальному вопросу и по вопросу войны и мира. Именно первая часть работы по кругу охватываемых тем представляет наибольший интерес.

⁸¹¹ В отечественной историографии традиционно подчеркивается значимость русского влияния на идейное формирование болгарских социал-демократов. См. напр.: *Шнитман А.* К вопросу о влиянии русского революционного движения 1885–1903 годов на революционное движение в Болгарии // Вопросы истории. М. 1949. №1 (55); *Поглубко К.А.* Очерки истории болгаро-русских революционных связей (60–70-е годы XIX века). Кишинев, 1972; *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973; *Гросул В.Я.* Х.Г. Раковский и социал-демократическое движение в России (конец XIX — начало XX вв.) // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории / Отв. ред. А.В. Семенова. М., 2007; *Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014.

Болгарская социал-демократия рассматриваемого периода была оформлена сначала в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (далее — БРСДП), которая, как и РСДРП, просуществовала недолго — до 1903 г., когда раскололась на две части: партию тесных и партию широких социалистов — БРСДП (т.с.) и БРСДП (ш.с.) соответственно. Лидером тесных социалистов был Димитр Благоев (1856–1924), а широких Янко Саказов (1860–1941). Совпадение года раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков и БРСДП на тесных и широких социалистов неизбежно порождает аналогии между ними в исследовательской среде. Тем не менее, Тодорова подчеркивает, что внутрипартийные дискуссии, приведшие к указанному расколу в случае с РСДРП и БРСДП были совершенно разными.

Кроме того, автор отмечает мифологизацию истории вопроса о влиянии русских социалистов на идейное становление социалистов болгарских. В частности, Тодорова указывает на Л.Д. Троцкого как автора этого мифа и приходит к выводу, что западные историки восприняли его позицию некритически, тем самым распространив его точку зрения на всю западную историографию. Автор знакомит читателя с ситуацией, в которой произошло рождение этого мифа.

Так, Л.Д. Троцкий был направлен в Болгарию как делегат II Интернационала, чтобы убедить болгарских социал-демократов отказаться от разделения БРСДП на тесных и широких социалистов. В 1910 г. он принял участие в состоявшемся по инициативе БРСДП (т.с.) конгрессе социалистов из славянских стран в Софии, проведенном в противовес Славянскому панславистскому съезду под эгидой России, прошедшему летом того же года в Софии. Предполагалось, что в случае успеха своей миссии Троцкий сможет более эффективно пропагандировать идею объединения среди российской социал-демократии.

Поездка Троцкого не принесла плодов, и в порыве, как считает Тодорова, разочарования, по возвращении из Софии он написал несколько статей, посвященных болгарской социал-демократии, в которых называл болгарских социалистов — учениками русских. В частности он писал: «Нельзя не отметить, что болгарская партия всегда находилась под влиянием русской. О силе этого последнего влияния мы, русские, не имеем даже отдаленного представления. Не только 50-летний Благоев, который учился в русском университете и в 1885 году был арестован в Петербурге за организацию рабочих кружков и участие в создании газеты «Рабочий», не только 45-летний Кирков, который окончил гимназию в Николаеве и уже в это время вращался в кружках «Народной Воли», но и все молодое поколение болгарской социал-демократической интеллигенции насквозь «русифицировано», а вместе с интеллигенцией — и передовые слои пролетариата [...] Болгарские ра-

бочие поют русские революционные песни, в болгарских политических статьях встречается на каждом шагу наша партийная фразеология»⁸¹².

Эти заявления Троцкого заставили лидера тесных социалистов Благоева выступить с опровержением в прессе. В свою очередь он писал, что болгарская социалистическая партия развивалась в основном под немецким, а не под русским влиянием, как хотел доказать в своих статьях Троцкий⁸¹³.

Тодорова неоднократно возвращается к вопросу о русском влиянии на идейное формирование болгарских социалистов на протяжении всей монографии. Так во второй части работы, посвященной просопографии болгарской социал-демократии, апеллируя к данным о местах получения высшего образования болгарскими социалистами из разных политических поколений, она убедительно развенчивает миф о русском ученичестве. Хотя, что касается Д. Благоева, то он как раз входит в число тех немногих, кто был полностью сформирован в России, где он получил не только среднее, но и высшее образование. Показательно, что Тодорова не отрицает русское влияние как таковое, она только против того, чтобы считать его определяющим для идейного становления социалистов, вступивших в пору политической зрелости до Балканских войн. И наоборот указывает, что именно русское влияние было решающим для формирования болгарских социалистов межвоенного периода.

Вопрос о русском и/или западноевропейском определяющем влиянии на становление болгарского социализма настолько идеологизирован в советской и болгарской историографии, что до сих пор остается дискуссионным и, несомненно, нуждается в переосмыслении.

Второй важный вопрос, поднимаемый Тодоровой в первой части монографии, касается точки зрения болгарских социалистов на способы достижения своих политических целей. Автор указывает, что тесные социалисты Д. Благоева четко придерживались основной заповеди II Интернационала, согласно которой, прежде чем прийти к пролетарской революции, необходимо пройти стадию завершенной буржуазной революции. С их точки зрения пропуск данной стадии был невозможен.

По ее мнению в своем стремлении к достижению социализма обе болгарские социалистические партии — тесных и широких социалистов — придерживались революционной идеологии. Тодорова подчеркивает, что под революцией ими понималось фундаментальное изменение социального порядка, однако совершенно необязательно оно должно

⁸¹² *Троцкий Л.Д., Кабакчиев Х.* Очерки политической Болгарии. Государственное издательство, М.; Петроград, 1923. С. 18.

⁸¹³ Там же. С. 36.

было произойти насильственным путем. С их точки зрения революция могла произойти и мирным, парламентским путем. В качестве доказательства автор приводит мнение одного из лидеров тесных социалистов Георгия Киркова (1867–1919), который в статье «Рабочий класс и революция», опубликованной 2 октября 1898 г. в №4 «Рабочей газеты» («Работнически вестник»), определял революцию следующим образом: «Обычно под революцией понимается взрыв насилия и разнообразные зверства. Так полагают наши буржуазные писатели. Они проводят аналогии, вспоминая кровавые буржуазные революции прошлого в Германии, Франции, Австрии [...]. Но они ошибаются, потому что существует огромная разница между буржуазной и рабочей революциями, так как у рабочего класса есть экономические рычаги воздействия. Он может действовать посредством забастовок»⁸¹⁴. В другой статье в газете «Рабочий» («Работник») указывалось, что социал-демократическая партия не ставит своей целью скорейший приход к власти любой ценой, а собирается работать легальными методами, развивая сознательность рабочего класса. Данную точку зрения разделяли и широкие, и тесные социалисты, что не помешало широким социалистам после прихода к власти в 1921 г. обвинить тесных социалистов в большевизме, который, по их мнению, носит ориентальный характер и подходит только отсталым обществам и полудиким племенам Азии⁸¹⁵.

Таким образом, Тодорова убедительно доказывает, что обе ветви болгарской социал-демократии считали себя марксистскими революционными партиями в том смысле, в каком это определил в своей статье Кирков. Разница была только в том, что именно они понимали под легальной политической борьбой.

Во второй главе первой части — «Националисты метрополий и провинциальные космополиты» — М. Тодорова поднимает важные вопросы отношения к национальному вопросу и войне болгарских социалистов и видных представителей II Интернационала.

Европейские социалисты (немцы, австрийцы, англичане) не поддерживали стремление к национальной независимости в своих славянских товарищах (поляках, чехах, болгарях, сербах)⁸¹⁶. Что касается позиции К. Маркса и Ф. Энгельса, то известно, что они вслед за Гегелем разделяли народы на исторические и неисторические. Балканских славян основоположники марксизма считали неисторическими, реакционными и контрреволюционными народами и идею помощи славянам в борьбе за национальную независимость поддерживали только в том

⁸¹⁴ Цит. по: *Todorova M. The Lost World. P. 45–46.*

⁸¹⁵ *Ibid. P. 47.*

⁸¹⁶ *Ibid. P. 48.*

случае, если эти славяне выступали против России. Россию же Маркс и Энгельс ненавидели за ее участие в подавлении Венгерской революции в 1848 г. Хотя современные исследователи склонны полагать, что Маркс и Энгельс относились к России диалектически, занимая позицию революционного пораженчества, критически относились к царизму, а не к самой России и русским⁸¹⁷. Русское революционное движение 1870-х гг. настолько заинтересовало самого К. Маркса, что он начал изучать русский язык и, несмотря на доминировавший во II Интернационале тезис о том, что в авангарде социалистического движения должны идти индустриально развитые страны, склонялся к мысли о возможности разных путей перехода к социализму, в том числе и через крестьянскую общину⁸¹⁸.

Несмотря на то, что воодушевленный критической и враждебной позицией болгарских социалистов по отношению к славянофильской политике России Энгельс начинает понемногу менять свое мнение относительно реакционности южных славян к началу 1890-х гг., в 1882 г. он писал Э. Бернштейну, что «для болгар и для нас будет определено лучше, если они останутся под властью турок до европейской революции»⁸¹⁹.

Тодорова отмечает, что в целом, болгарские социалисты были прекрасно осведомлены о пренебрежительном отношении к южным славянам со стороны Маркса, Энгельса и других ведущих деятелей европейской социал-демократии, но при этом продолжали оставаться убежденными марксистами. Исключением среди всеобщих русофобских и антиславянских настроений среди западной социал-демократии был К. Кауцкий, который, имея чешские корни, вполне понимал славян.

В 1903 г. болгарские и сербские социал-демократы призвали Интернационал обратить внимание на македонский вопрос, выступить с резолюцией по нему и высказаться за автономию Македонии и Армении в рамках Османской империи. Однако, что показательно, их предложение было поддержано только испанскими и чешскими коллегами. Только после подавления турецкими властями Илинденского восстания в августе 1903 г. Международное социалистическое бюро выступило с краткой резолюцией о необходимости полной автономии Македонии. По мнению Тодоровой, наиболее емко общую позицию западноевропейской социал-демократии по балканскому вопросу выразил лидер Социал-демократической партии Австрии В. Адлер, который заявил: «Недопо-

⁸¹⁷ Рахманов А.Б. Так были ли Маркс и Энгельс русофобами? // Россия и современный мир. 2005. №4 (49). С. 154.

⁸¹⁸ Там же. С. 160–161.

⁸¹⁹ Цит. по: *Todorova M.* The Lost World. P. 52.

нимание между болгарскими и западными социалистами происходит из-за того, что первые никак не могут понять, что вторые признают за македонцами право на независимость, но для них гораздо важнее интересы пролетариата, представителями интересов которого они являются. А если вмешаются великие державы и разразится война, то рабочие будут первыми, кто отправится на фронт, что нанесет серьезный удар по европейскому социалистическому движению в целом»⁸²⁰.

После Младотурецкой революции в Османской империи в 1908 г. и восстановления конституции 1876 г. вопрос о македонской автономии потерял свою актуальность, и болгарские социал-демократы вернулись к разработке различных проектов Балканской федерации, включающих территории Османской империи.

Так, например, БРСДП (т.с.) и ее лидер Благоев считали, что в будущее Балканское государство должны войти только европейские территории Османской империи. С другой стороны, некоторые члены БРСДП (ш.с.) включали в будущую Балканскую федерацию даже территории Малой Азии.

В 1908 г. К. Каутский по просьбе БРСДП (т.с.) написал предисловие к переводу на болгарский язык своей работы «Республика и социализм во Франции», в котором высказал точку зрения на решение балканского вопроса близкую тесным социалистам. Так, он считал, что единственный способ объединить всех болгар в одном государстве без ссоры с соседями (сербями, греками и турками) — это объединение всех балканских народов в единое федеративное государство, а не просто присоединение Македонии к Болгарии. Главное препятствие к осуществлению идеи балканской федерации с его точки зрения — это местные монархические режимы. Каутский убеждал славян, что защита принципа интернационализма гораздо важнее национальных интересов.

Тодорова отмечает, что в рамках II Интернационала принцип интернационализма оставался декларативным. За все время своего существования Интернационалом не было выработано никакой общей теории по национальному вопросу. Им серьезно интересовались только австромарксисты (О. Бауэр), которые предлагали создать федерацию на основе национально-культурной автономии. Предполагалось, что объединение представителей той или иной национальности в нацию будет происходить независимо от территории проживания по типу объединения в рамках той или иной конфессии. Также они предлагали сохранить Австро-Венгерскую империю как экономический регион и дать ее народам возможность культурного самоопределения без территориальной независимости⁸²¹.

⁸²⁰ Ibid. P. 56.

⁸²¹ Ibid. P. 58.

На первой Балканской социал-демократической конференции в январе 1910 г. в Белграде была создана Балканская революционная социал-демократическая федерация, которая объединила революционные социал-демократические партии, стоявшие на интернационалистских позициях и поддерживавшие идею создания Балканской федерации.

Тодорова приводит выдержки из выступления на конференции в Белграде Благоева, смысл которых противоречит утвердившейся в отечественной историографии точке зрения на то, что позиция тесных социалистов по вопросу о Балканской федерации имела ярко выраженный классовый подход⁸²².

Согласно Тодоровой Благоев полагал, что социалистам следует выступать за усиление и развитие капитализма, поскольку только развитой капитализм может гарантировать независимость балканских стран и повышение сознательности рабочего класса. Он считал, что балканская буржуазия под давлением рабочего класса неизбежно пойдет по пути федерации. Таким образом, Балканская федерация изначально будет не социалистическим государством, а буржуазным, так как условия для социалистической революции еще не созрели⁸²³. Принимая идею Балканской федерации, тесные социалисты утверждали, что поддержка идеи македонской автономии приведет к обострению внутрибалканских противоречий и, в конечном счете, к войне. Они старались не касаться вопроса о македонской автономии, потому что считалось, что автономия неизбежно повлечет за собой вхождение Македонии в состав Болгарии по образцу Восточной Румелии в 1885 г. Поэтому они разделяли идею самоуправления в рамках более крупного территориального образования, в состав которого войдет и сама Турция.

Западноевропейские социалисты и II Интернационал поддерживали младотурецкий режим, несмотря на его возрастающую националистическую направленность и антисоциалистическую политику, так как считали его стабильность гарантией территориальной целостности Турции, а ее в свою очередь гарантией мира на Балканах. Нельзя не согласиться с Тодоровой в том, что статус кво, к поддержанию которого так стремились западные социалисты, обрекал Балканы на статичность

⁸²² Лобанова М.В. Балканские социал-демократические конференции 1909 и 1911 годов и вопрос об объединении левых сил в Болгарии // Славяноведение. 2002. №3. С. 3–4; Тортника (Лобанова) М.В. Концепция «османизма» в политических оценках болгарской социал-демократии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Белгород. 2013. №1 (144), Вып. 25. С. 64.

⁸²³ Todorova M. The Lost World. P. 60.

далекую от того, чтобы быть гарантией мира и наоборот служившую постоянным источником напряженности в регионе⁸²⁴.

В период Балканских войн сербские социал-демократы и БРСДП (т.с.) на конгрессе II Интернационала в Базеле в ноябре 1912 г. осудили войну и выступили с призывом к созданию федерации демократических балканских республик. Они предрекли также, что война против Турции с целью раздела ее балканских владений неизбежно приведет в будущем к межсоюзнической войне⁸²⁵.

С момента образования вопрос войны был одним из наиболее важных и обсуждаемых во II Интернационале, и первая антивоенная резолюция была принята им еще в 1889 г. на Парижском конгрессе. Тот факт, что в 1914 г. организация отказалась от классовой борьбы и перешла на позиции классового мира ради защиты отечества, многими социалистами был воспринят как поражение. Однако корни этого поражения с самого начала крылись в образцовой и самой многочисленной в Европе Социал-демократической партии Германии (далее – СДПГ). После впечатляющей победы на выборах в рейхстаг в 1912 г. СДПГ не собиралась уступать свою популярность кому бы то ни было. Кроме того, не следует упускать из виду, что золотой век социализма совпал с триумфальным шествием национализма по Европе.

С началом Первой мировой войны правым крылом СДПГ было предпринято ряд попыток перетянуть на сторону Германии и ее союзников руководство социал-демократических партий некоторых нейтральных стран. С этой целью 10 января 1915 г. в Софию прибыл Александр Львович Парвус (он же Израиль Лазаревич Гельфанд).

Симпатии болгарских социал-демократов распределились следующим образом: широкие социалисты тяготели к Антанте, в то время как тесные строго придерживались позиции нейтралитета⁸²⁶.

Миссия Парвуса потерпела неудачу также, как и стремление пользовавшегося большим авторитетом у болгарских социалистов Г.В. Плеханова перетянуть их на сторону Антанты.

Еще в октябре 1914 г. Благоев опубликовал ответ на просьбу Плеханова о поддержке. В аргументации последнего болгарам следовало поддерживать Антанту потому, что поражение России повредит развитию демократии во Франции, Бельгии и Великобритании и ослабит русское революционное движение, усилив немецкий империализм; и наоборот –

⁸²⁴ Ibid. P.65.

⁸²⁵ Бирман М.А. В.И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны // Советское славяноведение. 1965. №2. С. 6.

⁸²⁶ Todorova M. The Lost World. P. 68.

победа России благополучно скажется на развитии капитализма в России, а, следовательно, и на развитии рабочего класса и революционного движения. Благоев же в своем ответе отметил, что история учит нас совершенно обратному: революция 1905 г. в России и Парижская коммуна 1871 г. во Франции случились именно после военных поражений — Русско-японской и Франко-прусской войн соответственно.

Данная позиция Благоева, как и его известная ненависть к царистской России, давали немецкому агенту Парвусу надежду на успех его миссии. По приезде в Софию он выступил со своими призывами перед обширным собранием тесных социалистов, однако ответом ему было гробовое молчание⁸²⁷. Через несколько дней после выступления Парвуса Благоев опубликовал статью «Плеханов и Парвус», в которой обвинил обоих в патриотизме и шовинизме, а также заявил свою приверженность левому крылу немецкой социал-демократии во главе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург и Ф. Мерингом, оставшемуся верным антивоенным позициям⁸²⁸.

В феврале 1915 г. тесные социалисты вместе с сербскими и румынскими коллегами провели конференцию в Софии, призвав свои правительства выступить посредниками ради прекращения конфликта.

А в марте 1915 г. секретарь БРСДП (т.с.) Г. Кирков обратился с письмом к секретарю Международного социалистического бюро II Интернационала К. Юйсману, в котором протестовал против поддержки, оказываемой французскими и немецкими социалистами их воюющим правительствам, а Интернационал обвинил в пассивности.

В июле 1915 г. в Бухаресте состоялась Вторая Балканская социалистическая конференция, на которой БРСДП (т.с.) (широкие не участвовали) при поддержке греческих, румынских и сербских коллег выступила с манифестом, в котором осудила империалистическую войну и снова призвала к федерации как единственно возможному безопасному для свободы и единства балканских наций государственному объединению. В ответ на это широкие социалисты направили в Международное социалистическое бюро письмо, в котором отреклись от тесных, обвинив последних в анархизме и осудили их за солидарность с вышеупомянутой группой Р. Люксембург, К. Либкнехта и Ф. Меринга⁸²⁹.

После того, как 1 октября 1915 г. Болгария все-таки вступила в Первую мировую войну на стороне Тройственного союза, БРСДП (т.с.) на

⁸²⁷ Бурман М.А. В.И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны // Советское славяноведение. 1965. №2. С. 9.

⁸²⁸ Todorova M. The Lost World. P. 69.

⁸²⁹ Ibidem.

голосовании в парламенте не поддержала предоставление военных кредитов правительству. Несмотря на то, что широкие от голосования воздержались, впоследствии они приняли ряд важных министерских портфелей и участвовали в разработке планов экономической мобилизации страны. Хотя их лидер Я. Саказов позднее высказывал сомнения в верности решения широких поддержать войну, он оказался в изоляции в собственной партии.

Таким образом, тесные социалисты наряду с сербскими и итальянскими социал-демократами и левым крылом IV Государственной Думы, состоявшим из меньшевиков и трудовиков, вошли в число тех, кто последовательно выступал против империалистической войны, и кто не изменил свою позицию даже после вступления в нее своих стран.

Тодорова выступает с убедительной критикой принятого в историографии квази-экономического объяснения причин такого последовательного пацифизма и интернационализма среди социал-демократических партий именно отсталых аграрных стран. Предполагалось, что эти страны были недостаточно вовлечены в массовую индустриальную войну в связи со сложностями мобилизации сельского, неграмотного и политически пассивного населения. Исследовательница приводит и объяснение В.И. Ленина, который в очерке «Империализм, как высшая стадия капитализма» заявлял, что империализм, создавая так называемую рабочую аристократию в экономически развитых странах Запада, создал и причину для патриотизма среди местных социалистов⁸³⁰.

Какими бы ни были попытки объяснений, приходится констатировать факт, что оставшиеся в годы Первой мировой войны на интернационалистских позициях социалистические партии происходили в основном из Восточной Европы. Восточноевропейские социалисты, как и их западные коллеги, были продуктами своей среды. В то время как западные социалисты представляли молодые и сильные национальные государства и колониальные империи, восточноевропейские функционировали в многонациональной среде Османской, Габсбургской и Российской империй, находившихся в заключительных фазах своего развития, поэтому им приходилось на практике подтверждать свою приверженность интернационалистской риторике.

С образованием в 1917 г. Независимой социал-демократической партии Германии во главе с Г. Гаазе и К. Каутским в немецком социал-демократическом движении произошел тот же самый раскол, что у болгарских и у русских социалистов десятилетием раньше⁸³¹, который,

⁸³⁰ Ibid. P.70.

⁸³¹ Имеется в виду раскол РСДРП на большевиков и меньшевиков и раскол БРСДП на тесных и широких социалистов, о котором речь шла выше. — И.П.

следовательно, был оправдан и обусловлен логикой развития партии. Таким образом, Тодорова подчеркивает прогрессивность болгарской социал-демократии и указывает, что образцовая немецкая партия оказалась колоссом на глиняных ногах. В то же время Интернационал, несколькими годами ранее всячески призывавший тесных и широких социалистов отбросить разногласия и объединиться, совершенно дискредитировал себя своей пассивностью⁸³².

Таким образом, нельзя не согласиться с Тодоровой в том, что несмотря на то, что накануне и в годы Первой мировой войны патриотизм и национализм возобладали во II Интернационале, и голоса болгар, сербов и итальянцев не могли оказать решающего значения, они все равно были важны. Называя Интернационал перекрестком различных мировоззрений, она сравнивает его с полифоническим музыкальным произведением, где каждый голос важен и создает уникальное сочетание, хоть и не меняет, а только оттеняет основную тему⁸³³.

⁸³² *Todorova M.* The Lost World. P. 72.

⁸³³ *Ibid.* P. 78.

Новосельцев Борис Сергеевич

ЮГОСЛАВИЯ КАК ЛИМИНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В 1950–1960-е гг. Югославия, в условиях перманентно возникавших конфликтов с Советским Союзом, не просто складывавшегося сотрудничества с западными странами и проведения политики неприсоединения, превратилась в специфическое политическое пространство, «серую зону» в Европе, не относящуюся в полной мере ни к Глобальному Востоку, ни к Западу, но, по задумке руководства страны, тяготеющую к Глобальному Югу. Такое ее промежуточное положение рассмотрено в статье в парадигме концепции лиминальности (от лат. *limen* – порог), что позволяет описать политическое пространство и внешнеполитический курс Югославии как систему в процессе изменения ее важнейших идентификационных свойств: социалистическую страну, переставшую быть частью советского блока; европейское государство, оказавшееся во главе движения стран «третьего мира». Лиминальность позиции Югославии давала ее дипломатам возможность эффективно лавировать между разными сторонами холодной войны, выстраивать диалог со всеми партнерами с позиции «своих», развивая сотрудничество с ними одновременно и претендуя на роль посредника. Таким образом, Югославия пыталась добиться такой роли и политического влияния в мире, которые были несопоставимы с ее размерами, уровнем экономического развития или военным потенциалом.

Ключевые слова. Югославия, внешняя политика, холодная война, лиминальность, неприсоединение.

Boris Novoseltsev

YUGOSLAVIA AS A LIMINAL POLITICAL SPACE IN INTERNATIONAL RELATIONS DURING THE COLD WAR

Abstract. In the 1950s and 1960s., in the permanent conflicts with the Soviet Union, difficult cooperation with Western countries and the policy of non-alignment, Yugoslavia turned into a specific political area, a «gray zone» in Europe, not fully related to either the East or the Global West, but, according to the country's leadership, gravitating to the Global South. Such an intermediate position is considered in the article in the paradigm of the concept of liminality (from latin *limen*— threshold), which makes it possible to describe the political space and foreign policy of Yugoslavia as a system in the process of changing its most important identification features: a socialist country that has ceased to be part of the Soviet bloc; a European state that tried to become the head of the movement of «third world» countries. The liminality of Yugoslavia's position gave its diplomats the opportunity to effectively maneuver between different sides of the Cold War, to build a dialogue with all partners from the position of «their owns», developing cooperation with them and claiming to be a mediator between the sides. Thus, Yugoslavia was trying to achieve a role and political influence in the world that was not comparable to its size, level of economic development or military potential.

Keywords. Yugoslavia, foreign policy, Cold War, liminality, non-alignment.

События конца 1940–1950-х гг.: советско-югославский конфликт; военная, экономическая и финансовая помощь, которую оказывали югославам страны Запада во главе с США; нормализация отношений с Москвой, не означавшая при этом возвращения ФНРЮ в советский лагерь — превратили Югославию в специфическое политическое пространство, «серую зону» в разделенной холодной войной Европе. В таких условиях югославское руководство проводило политику равноудаленности от сверхдержав, что должно было обеспечить возможность торговли, экономического и научного сотрудничества с ними одновременно.

Позицию, в которой оказался Белград между Востоком и Западом представляется уместным назвать *лиминальной* (от лат. *limen* — порог).

Это понятие было введено антропологами, исследователями традиционных обществ Арнольдом ван Геннепом, автором книги «Обряды перехода» (1909 г.)⁸³⁴, и Виктором Тернером («Ритуальный процесс: структура и антиструктура [1969 г.]»⁸³⁵. Однако, в дальнейшем оно получило широкое распространение и теперь трактуется филологами, социологами, философами, урбанистами и т.д. расширительно, как некое пороговое, переходное состояние или пространство.

В политической науке и международных отношениях понятие лиминальности используется как одна из новых парадигм познания⁸³⁶. В противовес диалектической концепции «скачков», она не строится на дихотомии и борьбе противоположностей, отталкивается от идеи открытости процессов к возможным изменениям, а не их предзаданности⁸³⁷.

Для приверженцев этой концепции, начиная с А. ван Геннепа, важнейшим понятием является переход — «состояние между», когда исследуемый объект не относится ни к одному из миров, реальностей, состояний или идентичностей, занимая положение вне нормативной структуры. Вслед за ним В. Тернер выделил три основные фазы обряда перехода⁸³⁸, которым можно попытаться найти соответствие в событиях послевоенной истории Югославии.

После конфликта 1948 г. и до середины 1950-х гг. ФНРЮ находилась в *фазе разделения*. Для нее характерно «открепление [...] от занимаемого ранее места в социальной структуре или от определенных культурных обстоятельств»⁸³⁹. В случае Югославии в этот период были разорваны отношения с социалистическим лагерем, страна принимала помощь и развивала сотрудничество с Западом. Ее руководство, закладывая основы своего нового независимого курса, отталкивалось от критического восприятия советского опыта строительства социализма: осуждался гегемонизм Москвы⁸⁴⁰ и бюрократический этатизм⁸⁴¹ во внутренней политике СССР. Так югославские теоретики (Милован Джилас, Эдвард

⁸³⁴ На русском см. *Геннеп А. ван*. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М., 1999.

⁸³⁵ На русском см. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983. С. 102–264.

⁸³⁶ См. *Taylor G.* The New Political Sociology. Power, Ideology and Identity in an Age of Complexity. New York, 2010; *Сморгунов Л.В.* Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Полис. Политические исследования. 2012. №5. С. 159–169.

⁸³⁷ Там же. С. 160.

⁸³⁸ *Тэрнер В.* Символ и ритуал. С. 168–169.

⁸³⁹ Там же. С. 168.

⁸⁴⁰ См., напр.: Борба комуниста Југославија за социјалистичку демократију VI kongres СКЈ (Савеза комуниста Југославије). Београд, 1952. С. 167.

⁸⁴¹ *Тилас М.* Савремене теме. Београд, 1950. С. 18–20.

Кардель, Борис Кидрич) пытались объяснить причины нападков Москвы и обосновать свою правоту в конфликте⁸⁴². При этом они не отказывались от коммунистических убеждений, но их отказ от старой институциональной матрицы, в рамках которой социалистическая Югославия мыслилась страной советского блока, сателлитом, использующим советский опыт общественного и государственного развития, и попытка нащупать свой собственный, альтернативный путь, впоследствии известный как югославский самоуправленческий социализм, несомненно была «откреплением» от советского лагеря.

После нормализации отношений с СССР (1954–1955 гг.) наступила вторая, *лиминальная или пороговая фаза*, продолжавшаяся, по нашему мнению, вплоть до конца 1960-х — начала 1970-х гг. Ключевой характеристикой этого этапа перехода считается амбивалентность объекта исследования. В случае Югославии, ее можно увидеть и в политической модели развития страны: усиление режима личной власти Йосипа Броза Тито при одновременных, пусть и демагогических, заявлениях об укреплении и развитии принципов социалистической демократии и рабочего самоуправления⁸⁴³. И в попытках сочетания командно-административных и рыночных подходов в экономике⁸⁴⁴. И, разумеется, во внешней политике. Н.С. Хрущев упрекал югославских руководителей в том, что они «сидят на двух стульях»⁸⁴⁵, намекая на их попытки занимать равновесное положение между великих держав. Сам Тито в 1959 г. в ответ на вопрос журналиста, к какой стране сейчас ближе Югославия — к СССР или США, — с усмешкой ответил: «Географически мы ближе к СССР»⁸⁴⁶.

Такое положение Белграда — вне нормативной структуры — угрожало разрушением заведенного порядка вещей. То есть подрывом основ биполярности послевоенного мира. В реальности такое представляется сомнительным, но, возможно, влиянием подобных архетипических проявлений можно попробовать объяснить время от времени возникавшее неприятие и раздражение со стороны представителей США и СССР в отношении политического курса Югославии и в целом идей неприсоединения⁸⁴⁷.

⁸⁴² Подробнее см. Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров М., 2011. С. 595–614.

⁸⁴³ См., напр.: Program Saveza Komunista Jugoslavije. Usvojena na 7 Kongresu SKJ (22–26 aprila 1958). Sarajevo, 1982.

⁸⁴⁴ См. Шахин Ю.В. Югославия на пути модернизации 1947–1961 гг. М., 2008.

⁸⁴⁵ Правда. 28 января 1959.

⁸⁴⁶ Матонин Е. Иосип Броз Тито. М., 2012. С. 309.

⁸⁴⁷ О периодических охлаждениях отношений Югославии и сверхдержав в 1960-е гг. см. Едемский А.Б. Эволюция антисоветских оценок руководства Юго-

Третью, *восстановительную фазу* перехода Югославии в новое состояние можно датировать концом 1960-х — началом 1970-х гг. Эта фаза характеризуется стабилизацией состояния и встраиванием объекта исследования в общую структуру. Представляется, что в это время внутреннего и внешней политика страны приобрела свою завершённую форму. Во внутренней политике следует отметить победу Тито в борьбе за единство СКЮ, одержанную над «хорватскими националистами» (в 1971 г.), «сербскими либералами» и «словенскими технократами» (в 1972 г.)⁸⁴⁸, а также принятие новой Конституции Югославии в 1974 г. Во внешней политике интервенция стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. и появление так называемой доктрины «ограниченного суверенитета» заставили югославское руководство проявить большую последовательность в курсе на равноудаленность от сверхдержав. Происходило улучшение отношений с Китаем, развивалось сотрудничество с западноевропейскими странами по вопросам безопасности и торговли. Важнейшими событиями стали поездка американского президента Ричарда Никсона в Югославию (30 сентября — 2 октября 1970 г.) и ответный визит Йосипа Броза Тито в США (27 октября — 2 ноября 1971 г.), в ходе которого стороны подписали так называемую «Вашингтонскую декларацию», закрепившую основные принципы югославо-американского сотрудничества⁸⁴⁹.

Любопытно, что концепция лиминальности активно используется и в постколониальных исследованиях⁸⁵⁰. В этом смысле лиминальным пространством на рубеже 1950–1960-х гг. оказались все недавно добившиеся независимости страны Азии и Африки. Бывшие колонии сохраняли исторические и культурные связи с метрополиями, зависели от сотрудничества с ними в области торговли, экономического и научно-технологического развития. Стремление национальных элит стран

славии: от критики «Сталинской бюрократической деспотии» к «Секретному докладу» Н. Хрущева (1950–1956 гг.) // Славяноведение. 2005. №3; *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015; *Стьепалин А.С.* СССР — Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. №3; *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. Beograd. 2012; *Tripković Đ.* Jugoslavija — SSSR. 1956–1971. Beograd, 2012.

⁸⁴⁸ Подробнее см.: *Пивовафенко А.А.* Хорватия: история политика, идеология. Конец XX — начало XXI века. М., 2017. С. 52–54; *Руднева И.В.* Хорватское национальное движение: конец 1960-х — начало 1970-х гг. М., 2014; Югославия в XX веке. С. 52–54.

⁸⁴⁹ Подробнее см.: *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971. S. 321–336.

⁸⁵⁰ *Bhabha H.* The Location of Culture. London, New York, 1994.

«третьего мира» добиться политического суверенитета и независимости толкали их по пути эмансипации от европейских государств и сопротивления тем тенденциям, которые они квалифицировали как проявления неокolonизма. Политика неприсоединения привлекала их возможностью совместно противостоять давлению сверхдержав, развивать между собой экономическое сотрудничество и, с помощью скоординированных акций в ООН и других международных организациях, говорить от имени «большой части человечества» и пытаться коллективно влиять на политические процессы в мире.

В середине – второй половине 1950-х гг. Югославия, оказавшаяся в лиминальном положении в Европе, попыталась занять подобную позицию также по отношению к Глобальному Югу⁸⁵¹. Для того чтобы эффективнее лавировать между США и СССР, югославские руководители обратились к идеям неприсоединения – ориентации на сотрудничество с недавно добившимися независимости странами Азии и Африки в качестве третьей точки опоры в своей внешнеполитической доктрине. Югославия, позиционировавшая себя как государство солидарное с колониальным опытом, играла важную роль в изменении пространственных и политических контуров сопротивления колониальных стран⁸⁵². Сообразно своим интересам она периодически мимикрировала под развивающуюся, практически колониальную страну. В книге Э. Карделя «Исторические корни неприсоединения»⁸⁵³, проводилась мысль о том, что существует ряд общих черт в процессах, происходивших в Югославии в годы народно-освободительной борьбы, и тех явлениях, которые наблюдались в афро-азиатских странах в ходе их освобождения от колониальной зависимости. То есть, по этой логике, 1948 г. был для Югославии временем освобождения от советской зависимости⁸⁵⁴. Югославские политики и дипломаты в описываемый период вообще активно использовали лиминальность внешнеполитической позиции страны, пытаясь выстраивать отношения со всеми партнерами с позиции условно «своих». С американцами они говорили как представители европейской страны, оказывающей сопротивление Москве; с СССР – как социалистическое государство; со странами «третьего мира» – как развивающаяся демократия.

⁸⁵¹ *Stubbs P.* Socialist Yugoslavia and the Antinomies of the Non-Aligned Movement // Europe Solidaire Sans Frontières. 17 June, 2019. URL: <http://www.europe-solidaire.org/spip.php?article49341>. Дата последнего обращения. 01.08.2021.

⁸⁵² *Ibidem.*

⁸⁵³ *Kardelj E.* Istorijski koreni nesvrstavanja. Beograd, 1975.

⁸⁵⁴ *Аникеев А. С.* Современная сербская историография о становлении югославской политики неприсоединения // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2019. №4. С. 9.

Такие перемены во внешнеполитическом курсе страны в югославской публицистической и научной литературе, начиная с 1980-х гг., нередко назывались «бегством из Европы». Как правило, это определение использовалось для того, чтобы подчеркнуть сожаление в связи с ошибочной политикой, отдававшей приоритет сотрудничеству со странами «третьего мира» в ущерб укреплению отношений с развитыми западно-европейскими государствами. С другой стороны, целесообразность этого курса югославские руководители видели не только в политическом, но и в экономическом аспекте. Уже в 1950-е гг. значительный долг ФНРЮ западным странам не мог быть полностью оплачен за счет экспорта югославской продукции⁸⁵⁵. Поэтому происходила утечка денег и рос государственный долг. Взаиморасчеты со партнерами в Азии и Африке предполагалось развивать на основе бартерного обмена, сохраняя при этом валютные резервы и не увеличивая задолженности. Одновременно за счет этого предполагалось удовлетворить потребности в импорте необходимых сырьевых товаров. Также существовали опасения, что Югославия может стать чем-то вроде сырьевого придатка западных стран, или СССР. Подобные мысли в 1960-е гг. разделяло, например, и руководство Румынии, протестуя против создания общих плановых органов СЭВ и интернациональной специализации труда в рамках этой организации⁸⁵⁶. Экономическая ситуация, сложившаяся в некоторых современных странах Центральной и Юго-Восточной Европы, ставших членами Евросоюза, свидетельствует, что эти страхи не были беспочвенными. К тому же торговля с Азией и Африкой представляла югославам заманчивую возможность экспортировать не сырье, а товары высокой степени переработки, с высокой добавленной стоимостью. А поиск новых рынков сбыта и экспортный рост были главной мантрой для югославского рыночного социализма⁸⁵⁷.

Ответ на вопрос, чего же было больше в югославском «бегстве из Европы» — политических или экономических причин, пожалуй, дал сам Тито. 7 марта 1955 г. на заседании Союзной народной скупщины он подчеркнул: «Наша внешняя торговля должна иметь больше политического и дипломатического смысла»⁸⁵⁸. Выступление национального

⁸⁵⁵ *Bogetić D.* «Jugoslovensko bekstvo iz Evrope» – nove ekonomske prioritete nesvrstane Jugoslavije sredinom 50-ih godina // *Istorija XX veka.* 2012. №1. S. 163–178. S. 163.

⁸⁵⁶ *Покивайлова Т.А.* От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: Сборник статей. М., 2013. С. 203.

⁸⁵⁷ *Stubbs P.* Socialist Yugoslavia and the Antinomies of the Non-Aligned Movement.

⁸⁵⁸ *Tito J. B.* Govori i članci. Knj. X. Zagerb, 1959. S. 128.

лидера было программным. Оно задало новое направление работы югославской внешней торговли и дипломатии. Желая угодить высокому начальству, чиновники начали гонку, направленную на установление связей с африканскими и азиатскими странами. Разумеется, это частенько принимало абсурдные или гротескные формы. Например, идея заменить пшеницу, в которой остро нуждалась Югославия, рисом из Бирмы и делать из него хлеб⁸⁵⁹, перекликается с увлечением советского руководства посадками кукурузы, имевшим место примерно в то же самое время.

Реальность не совпадала с мечтами югославских руководителей. Для торговли со странами «третьего мира» с самого начала был характерен дисбаланс: экспорт Югославии в несколько раз превышал импорт. Причем партнеры настаивали на том, чтобы расчеты производились не в долларах, а в местной валюте или даже в клиринг. Ярким примером здесь является позиция Индии. Возникал резонный вопрос: а что можно приобрести на местную валюту или в обмен на экспортируемую продукцию? Большого разнообразия товаров развивающиеся афро-азиатские страны предложить не могли. Вот и приходилось покупать у союзников по неприсоединению хлопок, рис или чай. В итоге самой логичной стратегией оказалось сокращение объемов экспорта товаров, которые можно было бы продать в другие страны за доллары⁸⁶⁰. Однако «бегство из Европы» продолжалось еще долго, несмотря на расхождение ожиданий и реальности. Политические резоны оказались важнее экономической целесообразности.

На саммите внеблоковых стран в Лусаке (1970 г.), в подготовке которого именно Югославия и лично Тито сыграли решающую роль, окончательно оформились основные институты Движения неприсоединения⁸⁶¹. Сам этот термин утвердился в международном употреблении именно в это время: в 1950 — начале 1960-х гг. чаще использовались понятия «внеблоковая политика», «позитивный нейтралитет» или «нейтрализм»⁸⁶². Вплоть до конца 1980-х гг. членство в нем Югославии — было основой, пускай отчасти и декларативно, всей ее внешней политики⁸⁶³. Все это говорит о встраивании Югославии в систему международ-

⁸⁵⁹ См. *Bogetić D.* «Jugoslovensko bekstvo iz Evrope». S. 165.

⁸⁶⁰ *Ibidem.*

⁸⁶¹ *Bogetić D.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u svetlu vojne intervencije u Čehoslovačkoj 1968. godine // 1968 — četrdeset godina posle. Beograd, 2008. S. 154–155.

⁸⁶² *Чавошки J.* Други Београд или други Бандунг? Југославија и борба за превласт унутар Трећег света. 1962–1965 // Токови историје. 2021. №2. С. 87–88.

⁸⁶³ *Mates L.* Nesvrstnost, teorija i savremena praksa. Beograd, 1970; *Idem.* Međunarodni odnose socijalističke Jugoslavije. Beograd, 1976; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Treća knjiga. Socijalistička Jugoslavija 1945–1988. Beograd, 1988.

ных отношений, закреплении и постепенном принятии другими сторонами ее изменившегося статуса — социалистической страны вне советского блока, которая, будучи европейским государством, является лидером неприсоединившихся стран, в основной массе своей относящихся к Глобальному Мировому Югу. Таким образом неприсоединение стало способом утверждения субъектности в международных отношениях, не только недавно получивших независимость бывших колоний, но и Югославии.

Аникеев Анатолий Семенович

**ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА
И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ».
БЕЛГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
НЕПРИСОЕДИНИВШИХСЯ СТРАН 1961 г.***

Аннотация. Конец 1950-х годов был обозначен в советской внешней политике активизацией участия в ней Н.С. Хрущева, с его непрофессионализмом в этой сфере, эмоциональным и непредсказуемым подходом к оценке ситуации и принятию решений, в ряде случаев неадекватных. Германская проблема стала одним из примеров этого обстоятельства. Государственные отношения СССР с Югославией в тот период складывались достаточно успешно, югославское руководство поддерживало многие внешнеполитические инициативы Кремля, что он и решил использовать. Белградская конференция неприсоединившихся стран была выбрана Москвой в качестве платформы для поддержки афроазиатскими странами советского плана по реализации германской проблемы.

Ключевые слова. Германская проблема, Движение неприсоединения, Н.С. Хрущев, И. Броз-Тито, Белградская конференция.

Anatoly Anikeev

**THE GERMAN PROBLEM AND SOVIET POLICY
IN THE «THIRD WORLD».
BELGRADE CONFERENCE
OF NON-ALIGNED COUNTRIES 1961**

Abstract. The end of the 1950s was marked in Soviet foreign policy by the increased participation of N.S. Khrushchev in it, with his lack of professionalism in this area, his emotional and unpredictable approach to assessing the situation and making decisions, in some cases inadequate. The German problem was one example of this circumstance. State relations between the USSR and Yugoslavia at that time developed quite successfully, the Yugoslav leadership supported many of the Kremlin's foreign policy initiatives, which

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект №20–59–18004.

Kremlin decided to use. The Belgrade Conference of the Non-Aligned Countries was chosen by Moscow as a platform for the Afro-Asian countries to support the Soviet plan for the implementation of the German problem.

Keywords. German problem, Non-Aligned Movement, N.S. Khrushchev, I. Broz-Tito, Belgrade conference.

Советская внешняя политика на рубеже 1950–1960-х гг. приобретала, несмотря на попытки снижения напряженности с западным блоком и появление перспективы достижения договоренностей по проблеме разоружения, все более заметный импульсивный, непрогнозируемый, конфронтационный характер, обусловленный субъективным фактором, активным включением в ее планирование и проведение главы государства Н.С. Хрущева. Одной из причин, обусловивших появление этой тенденции стали успехи советской науки и промышленности в разработке и внедрении новой ракетной техники межконтинентального диапазона, а также появление сверхмощного термоядерного оружия. СССР постепенно приближался в этих областях к паритету с США и этот факт, как видно из документов того времени, заставлял советского лидера переходить в своей дипломатии ко все более радикальной постановке требований в переговорном процессе с Западом.

Одной из сложных проблем на европейском континенте, требующей всестороннего обсуждения и последующего консенсусного решения, оставался германский вопрос. Как отмечал отечественный исследователь А.М. Филитов, в этот период немалую роль сыграло сосредоточение всех функций по принятию политических решений в СССР в руках одного человека, не имевшего ни опыта, ни потенций, необходимых для успешной дипломатической деятельности, особенно в такой деликатной и сложной сфере, как германский вопрос⁸⁶⁴.

⁸⁶⁴ Филитов А.М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 250. В другой своей работе автор указывал, что Хрущев не запрашивал мнения экспертов и не прислушивался к нему, даже когда таковое высказывалось. Он сам планировал и сам решал, руководствуясь собственными представлениями и замыслами, которыми он предпочитал не делиться с кем-либо. После прихода в МИД в февраля 1957 г. А. Громько и «последовавшим вскоре разгромом «антипартийной группы» исчезли последние преграды на пути хрущевского субъективизма, который порой граничил с опасным авантюризмом». — А.М. Филитов. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009. С. 239–243. Легендарный А.И. Микоян отмечал в своих мемуарах, что Хрущева отличало удивительное непонимание всего комплекса вопросов о Берлине. — Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 604–605.

Москва пыталась реализовать «германский план», опираясь дополнительно и на свои ресурсы, политическое и экономическое влияние в третьем мире. К концу 1950-х годов СССР в поисках резерва социализма сумел установить дипломатические отношения с рядом стран Азии и Африки, освободившимися от колониальной зависимости, Индией, Индонезией, Бирмой, странами Ближнего Востока и Африки, Египтом, Сирией, Ираком и рядом африканских государств. Неожиданным конкурентом Кремля в процессе завоевания влияния в этих странах оказалась Югославия, которая вскоре после конфликта 1948 года вышла на международную арену как европейский субъект движения неприсоединившихся стран третьего мира, выступающих против разделения мира на два враждующих между собой военно-политических блока. Белград, в противовес преимущественной ориентации этих стран на нейтралитет, сделал акцент на формуле активного мирного сосуществования, предприняв попытки объединить вокруг своей концепции ряд афро-азиатских стран, рассчитывая сформировать некую буферную политическую платформу между двумя блоками, способную оказывать влияние на конфронтационный курс ведущих мировых держав. Тито и его соратники также видели в своем выборе возможность показать Москве, руководство которой после нормализации отношений с Белградом настойчиво стремилось к возвращению «югославских товарищей» в социалистический лагерь, что в новых условиях Югославия, разделяя некоторые советские представления о мировом порядке, уже никогда, однако, не станет послушным объектом и частью советских внешнеполитических планов.

Югославское руководство еще в период конфликта с Москвой в 1948–1953 гг. стало устанавливать контакты с афро-азиатским миром главным образом в стенах ООН, выступая с совместными инициативами по снижению международной напряженности, поддерживая их антиколониальную борьбу. Существенные коррективы во внешней политике Югославии были связаны с началом летом 1950-го г. войны в Корее, когда Белград спроецировал эти события на ситуацию в отношениях с Москвой и советским блоком. Тито и его окружение, ощущая в этих условиях угрозу безопасности страны, попытались выработать некую внешнеполитическую стратегию, которая позволила бы вывести Югославию за рамки конфликта между двумя блоками⁸⁶⁵. У этой стратегии было несколько измерений: во-первых, она позволяла избежать возвращения в лагерь стран «народной демократии» с его почти полным подчинением внутренней и внешней политики интересам Кремля, во-вто-

⁸⁶⁵ Архив Југославије. Fond 507. Sednice Politbiro CK SKJ od 28. 06. 1950. III/49. L. 50–52.

рых, устанавливая новые отношения со странами третьего мира, Югославия укрепляла и расширяла уже существующие экономические отношения с ними, что было важно для страны, промышленная продукция которой по ряду параметров не выдерживала конкуренции с западными товарами, поставляемыми в эти страны⁸⁶⁶. Этот последний аргумент позволял югославскому руководству дополнительно обосновывать свой выбор перед югославским обществом, в первую очередь, имея в виду управленческую элиту. Существовал и еще один аспект этого плана. Белград рассчитывал поддержать в этих странах возникавший интерес к социализму, считая, что югославский опыт построения нового общества мог бы быть для них более привлекательным, чем советский или китайский, как более мягкий и адаптивный в практическом плане. Возможно, что этот мессианский замысел — нести социализм в третий мир, обладал также и определенным внутренним ресурсом, мобилизующим общественное мнение.

Белград начал активное продвижение своей новой стратегии в 1954 г., когда Тито получил приглашение посетить Индию. Характерно, что югославы действовали в этот период параллельно с рядом афро-азиатских стран, в частности Индией, Индонезией, Цейлоном, Пакистаном, Бирмой, Египтом, которые в начале 1955 г. организовали и провели конференцию нейтралистских стран в Бандунге, сумев привлечь более 20 стран. Трехмесячное путешествие Тито на легендарной яхте «Галеб» в Юго-восточную Азию и Северную Африку в конце 1954 г., начале 1955 г. во время которого он посетил Индию, Бирму и Египет позволило ему уже на следующий год организовать встречу с Дж. Неру и Г. Насером в Югославии, предложив им свою повестку организации нейтралистских стран под лозунгом «активного мирного сосуществования». Итогом встречи стало подписание в июле 1956 г. так называемой Брионской декларации. Этот документ оценивался исследователями как первое свидетельство начавшегося процесса формирования движения непротивоположения. Как представляется, Тито пытался в проведении своей политики в третьем мире опираться и на окружающую его личность харизматического лидера небольшой балканской страны, сумевшего отстоять ее независимость сначала во Второй мировой войне 1941–1945 гг., а затем в противостоянии со Сталиным, жестоким руководителем тоталитарной державы.

Визит в Индию и Бирму показал Тито, что объединение этих стран на основе настойчиво предлагаемой им концепции «активного мирного сосуществования», а не «пассивного нейтралитета» имеет перспективу. Переговоры в Индии были тщательно подготовлены югославской дип-

⁸⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. П. 192. Д. 4. Л. 39-40.

ломатией, учитывавшей как традиции пацифизма в индийской политике, так и пять принципов мирного сосуществования («Панча шила»), сформулированных на переговорах Индии с КНР по проблеме Тибета в 1954 г. Эти принципы, в частично трансформированном виде, легли в основу будущей концепции движения неприсоединения. Но предстоял ещё долгий путь собирания сторонников этой идеи как в Азии, так и в Африке, всестороннего её обсуждения, а затем и подготовки форума, на котором были приняты решения о создании своего рода коалиции стран, разделяющих основные положения движения.

Политика Югославии по сплочению афро-азиатских стран под лозунгом активного нейтралитета, подразумевающая не только критику колониализма, но и программное обоснование необходимости проведения новой внешнеполитической линии, противостоящей блоковому разделению мира, доминированию сверхдержав, получила ускорение во второй половине 50-х годов. Тито продолжил свою стратегию многомесячных посещений стран Африки и Азии и переговоров с их руководством, разъясняя им свою концепцию, пытаясь договориться о проведении большой конференции неприсоединившихся государств. В 1958–1959 гг. он с этой целью посетил Индонезию, Бирму, Индию, Эфиопию, Судан и ОАР. Уже в ходе переговоров с лидерами этих стран обозначилась перспектива организации такой конференции, как предлагал Тито в Белграде. В беседах с руководителями этих стран Тито пытался также выяснить их отношение к германской проблеме в советском изложении, не всегда, правда, получая положительный ответ. Появление этой темы в переговорной повестке Тито, можно объяснить тем, что советское руководство постаралось к этому времени обсудить ее с Белградом, рассчитывая, что югославы смогут убедить страны третьего мира в необходимости принятия и поддержки советского плана по Германии. Дж. Неру негативно оценил советский ультиматум по этой проблеме, а также высказался против безусловной югославской поддержки этой московской инициативы⁸⁶⁷. Не поддержал Тито в его попытках пропаганды и поддержки советской позиции по Берлину и премьер-министр Цейлона Соломон Бандаранаике во время их встречи в Коломбо. Он заявил югославскому лидеру, что ультиматум СССР западным державам чреват серьезным и опасным кризисом. Бандаранаике был авторитетной политической фигурой, главным организатором Бандунгской конференции. Взгляды обоих политиков на роль афро-азиатских стран в мировой политике были очень близкими, что позволяло Тито надеяться, что союз с Бандаранаике позволит создать

⁸⁶⁷ *Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije... S. 320–323.* Речь идет об ультиматуме СССР 1958 г.

надежное ядро движения, в котором Цейлону будет отведено одно из центральных мест. В свою очередь, Бандаранаике в беседе с Тито говорил о необходимости создания в сложившихся условиях некоего интегрального механизма, в котором Югославия, по его мнению, как крупная «внеблоковая страна в Европе» найдет свое место⁸⁶⁸.

Тито, почти единолично реализовывавший в тот период югославскую внешнеполитическую стратегию, получив ее одобрение на проведенных встречах, попытался организовать совместное выступление ряда афро-азиатских стран в ООН на внеочередной сессии Генассамблеи осенью 1960 г. с целью призвать СССР и США продолжить конференции по Берлинскому вопросу, которые проходили в два этапа весной-летом 1959 г., но завершились безрезультатно⁸⁶⁹. Югославская сторона аргументировала свою позицию возросшим международным напряжением из-за усилившейся конфронтации СССР и США. Однако инициатива так называемой пятерки — Индии, ОАР, Югославии, Индонезии и Ганы — стран, которые подготовили резолюцию, призывавшую две ядерные державы возобновить переговоры не получила поддержки Генассамблеи. Президент США Д. Эйзенхауэр в письме инициаторам резолюции сообщил, что такая встреча с Хрущёвым сейчас лишена смысла, поскольку «советская сторона ведет себя высокомерно и нетерпимо»⁸⁷⁰. Состоялось несколько встреч Тито с Хрущёвым, который отнесся с вниманием к словам югославского лидера о желательности в целях уменьшения международной напряженности примириться с американцами, но, как отмечалось, воспринял сказанное скорее равнодушно, подчеркнув, что время для этого ещё не настало⁸⁷¹.

Общение Тито в ООН осенью 1960 г. с широким кругом представителей афро-азиатских стран, многие из которых поддержали его идеи о необходимости консолидации третьего мира в борьбе за разрядку напряженности, убедили его в том, что продолжение прямых контактов позволит институционально оформить внеблоковое объединение. Он сообщил об этом на заседании правительства 13 октября 1960 г., после возвращения из Нью Йорка и уже в феврале 1961 г. вновь отправился в многомесячное турне по странам Западной и Северной Африки. За три месяца он посетил Гану, Того, Либерию, Гвинею, Мали, Марокко, Тунис и ОАР. В состоявшихся беседах он пытался убедить национальных лидеров, что противостояние двух блоков блокирует работу ООН, сни-

⁸⁶⁸ *Bogetić D. Ibid. ... S. 324–325.*

⁸⁶⁹ *Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2022. С. 225–227.*

⁸⁷⁰ *Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije... S. 346–347.*

⁸⁷¹ *Ibid. S. 348.*

жает её эффективность, в то время как задача стран третьего мира состоит в активизации своего участия в обсуждении всех мировых проблем. Параллельно Тито решал и свою основную задачу — создания в какой-либо форме института неприсоединившихся стран.

Предлагаемая Тито идея созыва конференции внеблоковых стран ещё до XVI сессии ООН, намеченной на осень 1961 г., преследовала главную цель — обсудить работу этой международной организации и внести в неё коррективы, добиваясь трансформации биполярной структуры мирового порядка. Этот замысел, считал Тито, должен был найти отклик у лидеров афро-азиатских стран. Однако отношение последних к югославской концепции «активного сосуществования» было неоднозначным. Многие получившие независимость страны сохраняли тесные экономические, а иногда и политические связи с бывшими метрополиями, и призывы к консолидации в противостоянии блоковой политике встречали прохладный прием.

Последней страной, которую Тито посетил в ходе своей поездки, вновь была ОАР. Исходя из итогов турне, Тито и Насер обсудили детали проведения предстоящей конференции, список вероятных участников. Эти вопросы решено было обсудить на предварительном совещании руководителей двадцати одной внеблоковой страны в Каире.

Совещание в египетской столице прошло с 5 по 12 июня 1961 г. Среди приглашенных были представители Индии, Индонезии, Бирмы, Алжира, ОАР, Югославии, стран, которые позднее составили ядро движения неприсоединения. Предстояло согласовать позиции по международным проблемам, выработав своего рода «минимум», и обсудить организационно-технические вопросы предстоящей конференции. Были обсуждены и приняты единые критерии для приглашаемых на конференцию участников: проведение независимой политики, поддержка движений за национальное освобождение, отсутствие на своей территории иностранных военных баз, неучастие в военных союзах, а в случае членства страны в каком-либо региональном военном союзе ее отказ от участия в возможных конфликтах великих держав.

Летом 1961 г. развернулась интенсивная работа по подготовке конференции. Тито провел встречи на Бриони с лидерами Индонезии, Ганы, Мали, Сенегала. Не менее важным было информировать о повестке предстоящей конференции и руководителей двух сверхдержав, не терявших надежд «правильно» ориентировать в собственных интересах страны третьего мира и привлечь их к реализации своих внешнеполитических инициатив. К рекомендациям и пожеланиям Москвы и Вашингтона югославы относились с большим вниманием. В середине июля в Москве находился министр иностранных дел Югославии К. Попович, а 30 июля Тито встретился с заместителем госсекретаря США

Ч. Боулсом. Накануне открытия конференции Тито беседовал с советским послом А. Епишевым, который попросил обратиться к участникам с призывом срочно обсудить германскую проблему. Был затронут вопрос о возобновлении СССР ядерных испытаний, о чём Хрущёв ранее сообщил югославскому послу Л. Мойсову. Епишев подчеркнул, что выступление Тито с поддержкой предстоящей советской акции и в целом политики СССР имело бы, с учетом его авторитета, большое значение⁸⁷².

Несмотря на ведущую роль югославского руководства в подготовке конференции, активную деятельность в отношении планируемого «большого собрания нейтралов» развило советское посольство во главе с послом А.А. Епишевым. Задачей посольского аппарата было не только отслеживать позиции всех участников предстоящей конференции, но и пытаться «дирижировать» в меру сил, «предлагая», а иногда просто навязывая дипломатам афро-азиатских стран и югославам советскую точку зрения в международных делах. Первостепенное значение для советской стороны имела германская проблема, ставшая в тот период ключевой в отношениях СССР с США и их союзниками. Москва рассчитывала на то, что участники конференции воспримут советскую позицию и будут способствовать её продвижению в своих странах и на международной арене.

Значение для Москвы германской проблемы объясняет намерение Епишева довести советскую позицию до иностранных дипломатов, аккредитованных в Белграде. Так, 5 августа индийский посол в ФНРЮ Ю. Косла выслушал подробное разъяснение советских планов от Епишева, который, помимо прочего, несколько раз повторил: «...Мы не собираемся воевать и не хотим войны, но если западные страны предпримут агрессию против ГДР, то мы окажем ей свою полную поддержку».

Эти ставшие традиционными, в значительной степени пропагандистские установки Кремля, звучали на фоне серьезного обострения обстановки в Европе и мире, вызванного еще одним ультиматумом западным державам о немедленном решении вопроса о Западном Берлине. 17 апреля 1961 г. Хрущёв объявил, что СССР ещё до конца года заключит мирный договор с ГДР и передаст ей всю полноту власти над восточной частью Берлина. В развитие этого заявления Политический Консультативный Комитет ОВД 5 августа 1961 г. призвал ГДР принять меры против «подрывной деятельности» Западного Берлина, и уже 13 августа восточногерманские власти приступили к возведению Берлинской стены. Незадолго до открытия Белградской конференции, 7 августа

⁸⁷² Югославија – СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководилица Југославије и СССР. 1946–1964. Београд. 2014. Т. I. С. 417–418.

Хрущёв в беседе с послом Югославии Мойсовым говорил, что СССР силен и, несмотря на угрозы Запада обязательно подпишет до конца года мирный договор с ГДР, если западные державы откажутся сделать это⁸⁷³.

Остроту германской проблемы отмечали и югославы. Тито, выступая 7 июля 1961 г. в Титово Ужице, сравнил современное положение с довоенным по многим параметрам. Наибольшее напряжение в мире, по его словам, вызывали «германский вопрос и проблема статуса Западного Берлина»⁸⁷⁴.

Германская проблема оказалась камнем преткновения и для организаторов конференции неприсоединившихся стран. Одна из главных её участниц — ОАР резко выступила против предложения обсуждать германскую проблему считая, что это вызовет серьезные разногласия среди делегаций и не будет способствовать успешному проведению форума.

Германская проблема обсуждалась и во время беседы Епишева с послом Марокко Б. Уаззани 9 августа. Марокканца интересовало отношение Москвы к (не)включению германской проблемы в повестку дня конференции, поскольку, как заявил посол, делегация его страны, а возможно и другие, будут действовать на форуме с учетом советской позиции. Стремясь выяснить готовность афро-азиатских делегаций поддерживать советские предложения, Епишев нанес ответный визит Уаззани в конце августа, за три дня до начала конференции. Советский посол хотел знать предполагаемую реакцию марокканской делегации на возможное выступление Неру и его интерпретацию инициатив Москвы по германской проблеме. Уаззани ещё раз подтвердил готовность делегации поддержать советскую позицию, если Москву устроит вариант, предложенный на конференции Неру. Епишев сообщил, что из югославской прессы ему известна позиция индийского лидера о необходимости признания двух германских государств⁸⁷⁵. В целом советская сторона получила очередное подтверждение, что афро-азиатские страны, оказавшиеся в той или иной степени в орбите советского влияния и получавшие от СССР финансовую и экономическую помощь, были готовы идти навстречу советам и просьбам Москвы, соглашаться на их включение в контекст собственной внешней политики.

Намерение поднять авторитет своей страны и её лидера отразилось и в выраженной послом Индонезии Асмауном солидарности с советской позицией по Германии. В беседе с Епишевым 23 августа он подчеркнул

⁸⁷³ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. П. 193. Д. 10. Л. 12.

⁸⁷⁴ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. П. 192. Д. 5. Л. 36.

⁸⁷⁵ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 42. П. 192. Д. 5. Л. 44–46.

необходимость «незамедлительного решения [германской проблемы], поскольку она представляет постоянный источник угрозы для мира». Асмаун не удержался и от противопоставления действий Запада и СССР, причем, в агрессивной тональности: если, по его словам, Запад лишь «размахивает саблей», не выдвигая своих контрпредложений, то «Советский Союз... может так размахнуть саблей, что в результате его удара будет уничтожена не только Германия».⁸⁷⁶

Известная доля истины в суждениях посла имелась: советское руководство приурочило к открытию конференции возобновление ядерных испытаний, о чем накануне сообщило в специальном правительственном Заявлении, указав точную дату начала испытаний — 1 сентября.

В день открытия Белградской конференции 1 сентября 1961 г. Епишев, «по поручению Центра», встретился с главой кубинской делегации президентом Кубы О. Дортикосом и вручил ему «Послание тов. Н.С. Хрущёва по германскому вопросу». Президент отреагировал на документ как на обязательный к исполнению, заявив, что кубинская делегация будет исходить из «факта наличия двух германских государств и будет настаивать на... решении [германского вопроса] мирным путем».

Дортикос также сообщил о готовности поддержать возможное предложение конференции о вынесении «германского и берлинского вопросов» на рассмотрение ООН.

4 сентября с Епишевым вновь встретился О. Дортикос. Речь шла о завершающем этапе работы над резолюцией конференции. По информации кубинца, были согласованы все пункты, кроме германской проблемы. Как сообщал Дортикос, по этому вопросу позиции делегаций расходились: часть из них «особенно настаивает», чтобы в редакции этого положения было указано, что доступ к Западному Берлину будет осуществляться беспрепятственно. Дортикос поинтересовался возможным отношением советского правительства к такой постановке вопроса. Епишев ответил, что «доступ к Западному Берлину не должен нарушать суверенитета ГДР, которой после подписания мирного договора будут переданы все права, связанные с вопросом о подступах к Западному Берлину».⁸⁷⁷ Кубинский президент, исходя из обмена мнениями в редакционном комитете, пришел к заключению, что максимум, который возможен на конференции по германскому вопросу, — это «заявление о необходимости признания факта существования двух немецких государств на территории Германии». В то же время ряд делегаций настаивает на включении в резолюцию также пункта, признающего «право Запада на свободные подступы к Западному Берлину». Епишев

⁸⁷⁶ Там же. Л. 59.

⁸⁷⁷ Там же. Л. 90.

записал в своем дневнике, что Дортикос заверил его в том, что «кубинская делегация будет всеми силами *противиться* включению последнего положения в резолюцию конференции»⁸⁷⁸.

Послание Хрущёва по германскому вопросу было вручено Епишевым и главе афганской делегации премьер-министру М. Дауду. На вопрос Дауда, как Москва видит обсуждение проблемы и заключение по ней в резолюции конференции, Епишев вновь, как и раньше, повторил: было бы желательно, чтобы форум нейтральных стран высказался за немедленное решение германского вопроса путем заключения мирного договора с двумя германскими государствами. Дауд высказал сомнение в возможности принятия подобной резолюции, сообщив, что конференция, скорее всего, ограничится призывом к СССР и США немедленно начать переговоры по этой проблеме. Касаясь опасений Дауда, что конференция не будет единодушна в этом вопросе, Епишев рекомендовал ему «переговорить» с Сукарно, Неру, другими главами делегаций и разъяснить им суть советских предложений, что могло бы сыграть положительную роль. Расставаясь, он напомнил Дауду, что афганское правительство может рассчитывать на дружбу и понимание советского правительства⁸⁷⁹.

После закрытия конференции, Епишев, в три часа ночи, как указано в его дневнике, встретился для краткой беседы с Дортикосом, сообщившим о некоторых итогах конференции, в частности о трактовке в заключительном документе германской проблемы. В дневниковой записи советский посол, наряду с положительными моментами, а именно предложением о необходимости признания двух германских государств, отметил и «целый ряд прозападных, отрицательных моментов, в том числе требование беспрепятственных подступов к Западному Берлину, признание права немецкого народа на самоопределение, необходимость объединения Германии, ввиду чего прийти к единодушному мнению не удалось». «В результате конференция ограничилась принятием расплывчатой формулировки, признающей, что германская проблема не является региональной и что необходимо избегать угрозы силой или её применения при решении этого вопроса»⁸⁸⁰. Этот пассаж в документе, очевидно важный с точки зрения руководства МИД СССР, был подчеркнут зеленым карандашом. Дортикос пытался оправдаться за невыполненное поручение, ссылаясь на позицию Неру, который, по его словам, по всем вопросам фактически саботировал решения конференции. Он выступил против внесения германской проблемы в резолю-

⁸⁷⁸ Там же. Л. 91.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 92.

⁸⁸⁰ Там же. Л. 101.

цию, в то время как кубинская делегация до последнего пыталась этого добиться, но «сопротивление было слишком большим, и она была вынуждена отступить». Епишев одобрил принципиальную позицию кубинской делегации, поздравил Дортикоса «с той большой работой, которую он проделал на конференции, и сообщил, что его приезд в Москву ожидается 11 сентября»⁸⁸¹.

Советская сторона проявила особую активность, пытаясь мобилизовать для решения своих задач, прежде всего германской проблемы, большинство афро-азиатских стран, находящихся в известной политико-экономической зависимости от Кремля. Послание Хрущёва было вручено и лидеру конголезской делегации А. Гизенге, президенту Конго (Леопольдвиль) с 31 марта 1961 г., не признанному международным сообществом. Его полномочия оспаривались Ж. Касаубу.

Последняя беседа с президентом Дортикосом состоялась 6 сентября. Кубинец, выступавший в роли специального информатора советского посла, повторил свои оценки позиций разных делегаций на конференции. Он сообщил, что на закрытом заседании глав делегаций большинство участников выступили против признания двух Германий, несмотря на поддержку этого плана в ходе конференции со стороны Кубы, Индонезии, Югославии и Ганы. На заседании Неру выступил против включения положения о признании в резолюцию, а затем Тито, сославшись на то, что мнение Неру совпадает с мнением большинства, поддержал его.

7 сентября Епишев на встрече с послами Болгарии, Польши и Чехословакии обменялся впечатлениями о прошедшей конференции. Ему пришлось возразить болгарскому послу Г. Атанасову, возложившему на югославов вину за слабую формулировку резолюции по германской проблеме. Епишев не согласился с такой оценкой, поскольку, по его мнению, главным виновником был Неру, в то время как позиция Югославии и Кубы по германской проблеме была «самой четкой и самой близкой к нашей». Он подчеркнул, что позиция югославов изменилась в самый последний момент и преследовала цель не допустить срыва конференции. Посол Польши А. Малецкий поддержал Епишева, указав, что Неру намеревался превратить конференцию из антиколониальной и антиимпериалистической в пацифистскую, антивоенную, стремясь перевести её в плоскость общих рассуждений по вопросу о войне и мире, в то время как Тито был последовательным в отстаивании германского вопроса. Польский посол процитировал одного американского журналиста, сообщившего, что речь Тито на приеме в американском посольстве вызвала раздражение Кеннана, причем особенно воз-

⁸⁸¹ Там же. Л. 102.

мутил американца тот факт, что Тито умолчал о правах Запада на подступы к Западному Берлину. Посол ЧССР О. Швестка отметил, что «т.н. внеблоковая политика, политика пацифистского нейтрализма не является прочной базой для объединения нейтральных стран», и это ясно показала конференция. Коснувшись заявления Сукарно о возможном созыве 2-й Бандунгской конференции, Швестка поинтересовался мнением на этот счет Епишева. Советский посол отнесся к заявлению индонезийского президента с большим доверием, подчеркнув, что «конференция обязательно будет созвана, но не для принятия каких-то новых резолюций, а для того, чтобы показать, что центр нейтрализма находится в Азии, а не в Белграде»⁸⁸². Озвучил ли Епишев позицию Кремля, не желавшего видеть Тито в неестественной для него, как могли считать в Москве, роли лидера афро-азиатского неприсоединения, остается не вполне ясным, хотя по отдельным скептическим и ироничным советским оценкам югославской внешней политики того периода такое отношение могло иметь место.

Документы свидетельствуют, что советская сторона настойчиво пыталась использовать конференцию афро-азиатских стран для продвижения своих взглядов по германской проблеме. В советских верхах, вопреки заявлениям о миролюбивой внешней политике, рассматривали перспективы использования силового фактора. 26 сентября Епишев в беседе с послом Швеции С. Баклундом, коснувшись зашедшей в тупик германской проблемы, вину за это целиком возложил на Запад. Он отметил, что в ответ на советские предложения западные державы «стали бряцать оружием, угрожая применить силу, в случае если мы подпишем мирный договор (с ГДР. — А.А.). Если Запад, как отметил посол, попытается применить силу, «то агрессорам будет дан сокрушительный отпор». На замечание Баклунда, что в современной войне Советский Союз пострадает не меньше, чем США, и что для СССР эта война будет означать катастрофу, Епишев ответил Баклунду, что в Москве другое мнение на этот счет. «Мы не считаем, что термоядерная война может явиться для СССР катастрофой. Советский Союз располагает в настоящее время таким оружием, которое даст возможность уничтожить агрессию в её зародыше. Термоядерная война явится катастрофой не для СССР, а для тех, кто попытается развязать её»⁸⁸³. Уверенность Епишева в победе «советского оружия» можно, видимо, объяснить реальными результатами атомной гонки. Слухи о разработке в Советском Союзе мощного термоядерного оружия не были тайной. Совсем скоро, в октябре 1961 г., СССР произведет на Новой Земле испытание термоядерной

⁸⁸² АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 42. Д. 5. П. 192. Л. 113.

⁸⁸³ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 42. Д. 5. П. 192. Л. 125.

бомбы мощностью 56,6 мегатонны в тротиловом эквиваленте. Кремль, скорее всего, был уверен, что это поможет реализовать советский план решения германской проблемы.

Баклунд прокомментировал готовность СССР и стран советского блока, в случае отказа Запада, признать ГДР до конца года в одностороннем порядке, заметив, что «идея неплохая, но они (западные державы. — А.А.) не могут верить Ульбрихту, который возьмет в свои руки контроль над подступами к Западному Берлину». Епишев в ответ попытался заверить посла в том, что статус будет подкреплён надёжными международными гарантиями⁸⁸⁴.

Советская дипломатия к концу сентября 1961 г. завершила попытки выполнить полученное из «центра» задание — включить в повестку Белградской конференции советские предложения по германской проблеме и ряду других вопросов. Активным сторонником и защитником советской политики на конференции выступал Тито. Он поддерживал необходимость скорейшего возобновления переговоров СССР и США по Берлину, в то время как большинство участников считали, что конфликты между двумя блоками не должны становиться предметом обсуждения на конференции.

Белградская конференция состоялась в период серьезного обострения отношений между СССР и США, вызванного ультимативными требованиями советской стороны к Западу срочно приступить к решению германского вопроса на условиях Кремля. Посольство СССР в Белграде стало одним из центров, которому было поручено внести в повестку первой конференции неприсоединившихся стран основные вопросы текущей советской политики в расчете на её широкую международную репрезентацию и воздействие на США и их союзников. Посол Епишев предпринимал значительные усилия для выполнения поставленной задачи в соответствии с кремлевским сценарием, что, однако, имело ограниченный эффект: положительный отклик был получен, главным образом, от руководителей стран, связанных каким-то образом с СССР. Однако кремлевский расчет на широкую поддержку политики СССР всего афро-азиатского блока не оправдался.

⁸⁸⁴ Там же.

Колосков Евгений Андреевич

**«РАССАДНИКИ ИРРЕДЕНТИЗМА»:
АЛБАНСКИЕ ИНСТИТУТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ В ПОСЛЕВОЕННОМ КОСОВО
(1944–1991 гг.)**

Аннотация. Формирование институтов исторической памяти албанцев на территории Югославии в послевоенный период прошло несколько стадий и являлось отражением сложного и противоречивого процесса, связанного, как с внутривнутриполитической борьбой в стране, с подозрением относящейся к неславянскому населению, в целом, и к албанцам, в особенности, так и с происходившими на Балканах изменениями, связанными с международными процессами — в первую очередь — с Холодной войной и ее отражением в регионе. Процесс создания институтов, на исходе югославской истории заклеянных в качестве «рассадников ирредентизма и национализма», был не линейен, сложен и противоречив, имел своих сторонников и противников. Очевидно, что контрагенты Косовской войны памяти, весьма по-разному, широко используют практику умолчания, оценивают события послевоенного периода в Автономном крае Косово (и Метохия). Взаимные претензии сторон также рассмотрены и проанализированы нами. В рамках нашего исследования мы постараемся проследить историю формирования институций исторической памяти албанцев в Крае, оценить их опыт практической деятельности, взаимодействия с республиканскими, краевыми и федеральными властями, уровень их сотрудничества с Тираной и оценить их вклад в формирование и развитие различных политических течений среди албанцев СФРЮ 1980–1990-х гг. На наш взгляд, понимание процессов, происходящих на обломках Югославии и, в особенности, в Косово, в период 1990–2000-е гг. не может быть в полной мере достигнуто без рассмотрения албанского исторического дискурса, сформированного в рамках югославской федерации.

Ключевые слова. Косово, Югославия, Сербия, политика памяти, албанцы, образование.

Evgenii Koloskov

**«HOTBEDS OF IRREDENTISM»:
ALBANIAN INSTITUTIONS
OF HISTORICAL POLICY
IN POST-WWII KOSOVO (1944–1991)**

Abstract: The formation of institutions of the historical memory of the Albanians in the territory of Yugoslavia in the post-war period went through several stages and was a reflection of a complex and contradictory process because the internal political struggle in the country, with suspicion of the non-Slavic population in general, and of the Albanians in particular, so and with the changes taking place in the Balkans related to international processes – the Cold War. The process of creating institutions, branded as «hotbeds of irredentism and nationalism» at the end of Yugoslav history, was not linear, complex and contradictory, and had its supporters and opponents. It is obvious that the counterparties of the Kosovo war of memory, in a very different way, widely use the practice of default, assess the events of the post-WWII period in the province. Mutual claims of the parties are also considered and analyzed by us. As part of our study, we will try to trace the history of the formation of institutions of historical memory of Albanians in the Autonomous Province of Kosovo (and Metohija). In our opinion, the understanding of the processes taking place on the ruins of Yugoslavia and, in particular, in Kosovo, in the period 1990-2000s. cannot be fully achieved without considering the Albanian historical discourse formed within the framework of the Yugoslav federation.

Keywords. Kosovo, Yugoslavia, Serbia, Memory policy, Albanians, education.

Создание и развитие институтов исторической политики в послевоенном Косово в целом являлось весьма непростой задачей для формирующейся югославской федерации: декларируемая борьба с сербским шовинизмом, вкупе с непонятным будущим в решении албанского вопроса в рамках всего региона, ставили противоречивые задачи в проведении официальной политики памяти в Крае. В рамках нашего исследования, мы постараемся продемонстрировать трансформацию албанских институтов исторической политики в послевоенном Косово с наибольшим вниманием к последнему десятилетию существования

СФРЮ. Под институтами исторической политики мы будем понимать организации, чьей целью является, согласно уставу или иному нормативному документу, получение, хранение и трансляция научных знаний об историческом прошлом Края, а именно академические структуры Косово, связанные с наукой и высшим образованием. Под «албанскостью» институтов, объявленных впоследствии югославской властью «рассадниками албанского ирредентизма и национализма», мы будем понимать консенсусность идентификации соответствующих учреждений со стороны обоих контрагентов: по этой причине мы отказались от рассмотрения связанных с исламом институций.

Особое положение Косово после войны заключалось не только в бедственном положении экономики Края — это было скорее повсеместным явлением в рамках формирующейся Федерации, — а в значении данной историко-географической области для двух основных контрагентов — сербов и албанцев, — на фоне не вполне понятной внешне-политической ситуации второй половины 1940-х гг. и отсутствием кадров необходимых для дальнейшего развития региона. Тем не менее, научно-исследовательская работа по изучению истории Косово началась уже в январе 1946 года, когда была создана Секция языка, фольклора и истории при ЦК Коммунистической партии Сербии⁸⁸⁵.

Конец 1940-х — начало 1950-х гг. Югославия встречает в качестве изгоя соцлагеря под постоянным давлением пропагандистской компании Информбюро. В этот период создается первая академическая организация для проведения политики памяти в Крае — Институт албанонологии. Он просуществовал не долго: созданный 1 июня 1953 г. он уже 25 декабря 1955 г. оказывается закрыт⁸⁸⁶. На первом этапе функционирования в институте работало лишь 4 постоянных сотрудника и его значимость на фоне достаточно массового процесса организации школьного образования на албанском языке и создания национальных музеев (созданный в 1946 г., в период 1956–1959 гг. расширяется Музей Косово, в том числе за счет албанского этнического элемента — дома Эмина Джику) и представляется несколько переоцененной в албаноязычной и англоязычной литературе⁸⁸⁷. Очевидно существовала проб-

⁸⁸⁵ Historiku. Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës. URL: <http://www.ashak.org/?cid=1,3> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸⁸⁶ Historiku. Instituti Albanologjik – Prishtinë. URL: <http://institutialbanologjik.org/index.php/2020/12/29/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸⁸⁷ Kosovo: A Monigraphic Survey / Ed. by R. Ismajli, M. Kraja. Prishtina: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës. 2013. F. 352. *Lafe E. Standardi gjuhesor – Rruga e parë e Kombit. Gazeta Dita. October 20. 2015.* URL: <http://www.gazetadita.al/standardi-gjuhesor-rruga-e-pare-e-kombit/> (дата обращения: 25.05.2022).

лема нехватки кадров в рамках поставленных государством задач (среди сотрудников института был, например, антикоммунист Селман Риза, проведший в югославской тюрьме 1948–1951 гг.), что впрочем не умаляет жесткости закрытия учреждения и изъятия архива и библиотеки организации⁸⁸⁸. Причины закрытия института объяснены на сайте Косовской академии наук цитатой Д. Мугоши, героя Югославии, секретаря областного комитета КПС в Косово и Метохии в 1956–1965 гг.: «Мы создали этот институт во время напряженности с [пропагандистской компанией] Информбюро, среди прочего, чтобы противостоять их [албанской] пропаганде, тогда как сегодня он уже не нужен как таковой, потому что мы можем получить всё что нам нужно, в сферах, которые Институт изучает, прямо из Албании, когда захотим»⁸⁸⁹.

В 1956 г. была сформирована Комиссия по истории, которая работала до 31 декабря 1966 г. Комиссия сосредоточила свою работу на изучении рабочего движения и Национально-освободительной войны (1941–1945)⁸⁹⁰. В 1958 г. были созданы Высшая административная и Высшая педагогическая школы в Приштине для подготовки местных кадров. Первоначально институции высшего образования Косово организовывались в рамках Белградского университета, но в последствии, по мере развития полномочий автономного края и увеличения числа академических кадров, приведших к созданию в 1969 г. Приштинского университета, ситуация начала меняться⁸⁹¹. В 1960 г. был открыт филиал Философского факультета Белградского университета. В следующем году к нему добавился Юридическо-экономический факультет⁸⁹². Образование в них велось на сербо-хорватском языке⁸⁹³. В 1962 г. на Философ-

Historiku. Instituti Albanologjik — Prishtinë. URL: <http://institutialbanologjik.org/index.php/2020/12/29/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸⁸⁸ Ibidem.

⁸⁸⁹ Historiku. Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës. URL: <http://www.ashak.org/?cid=1,3> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸⁹⁰ Historiku i Institutit e Historisë «Ali Hadri» Prishtinë. Instituti i Historisë «Ali Hadri» Prishtinë. URL: <https://ih-rks.org/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸⁹¹ *Dragidella L. Kosovo // The Education Systems of Europe. The Education Systems of Europe / Ed. by W. Horner, H. Dobert, L.R. Reuter, B. Kopp. Springer Cham: Springer International Publishing Switzerland, 2015. P. 425. https://doi.org/10.1007/978-3-319-07473-3*

⁸⁹² Историјат. Универзитет у Приштини са привременим седиштем у Косовској Митровици. URL: <https://pr.ac.rs/univerzitet/o-univerzitetu/istorijat/> (дата обращения: 25.05.2022). Historiku i Fakultetit. Unicersiteti i Prishtinës. Fakultet Filosofik. URL: <https://filozofiku.uni-pr.edu/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸⁹³ *Kosovo: A Monigraphic Survey / Ed. by R. Ismajli, M. Kraja. Prishtina: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës, 2013. F. 352.*

ском факультете начинает работать кафедра албанского языка, чьи сотрудники и выпускники станут важными фигурами в албанской филологии и лингвистике, а также популяризаторами университетского преподавания на албанском языке. С началом формирования Приштинского университета, окончательно завершено в 1969 г., уже в период МАСПОКа, начинается формирование новых институций и возрождение Института албанографии. Новым явлением в общественной жизни Косово, в рамках внутренней трансформации Югославии середины 1960-х гг., стало требование преподавания в высшей школе на албанском языке.

1967 стал знаковым годом. В этом году была организована работа Института истории (после 1978 г. Институт истории Косово) с отделами рабочего движения, национально-освободительного движения и социалистического строительства, древней истории Косово и отделом архивов и документации. В том же году был воссоздан Институт албанографии, впоследствии оказавший значимое влияние на реализацию политики памяти в Крае⁸⁹⁴. В первое десятилетие своего существования Институт албанографии функционировал лишь в слегка увеличенном, по сравнению с прошлым опытом, составе — в штате было лишь пять сотрудников, и только в 1977 г. институт был переведен в новое, построенное специально, для него здание, а штат сотрудников был значительно расширен⁸⁹⁵. Одновременно на фоне улучшения югославо-албанских отношений началась практика академического обмена между высшими учебными заведениями Албании и Приштинским университетом, столь критикуемая в современной сербской научной и публицистической литературе⁸⁹⁶.

С началом 1970-х гг., параллельно с дискуссией о новой конституции, начинается обсуждение необходимости создания косовской Академии. В 1974 г. решением Скупщины учреждается Комиссия по созданию Академии Наук и искусств Косово. Первым руководителем, учрежденной 20 декабря 1975 г. Академии (первоначально называлась «Ассоциация наук и искусств Косово»), становится Э. Мекули, лингвист, поэт, председатель Союза писателей Косово⁸⁹⁷. Вначале Академия должна была развивать свою деятельность в сотрудничестве с растущим университе-

⁸⁹⁴ Historiku. Instituti Albanologjik – Prishtinë. URL: <http://institutialbanologjik.org/index.php/2020/12/29/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸⁹⁵ Ibidem.

⁸⁹⁶ См. например: *Батакович Д.Т.* Косово и Метохия: история и идеология / Пер. с серб. Д. Кокотович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 182–186.

⁸⁹⁷ Historiku. Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës. URL: <http://www.ashak.org/?cid=1,3> (дата обращения: 25.05.2022).

том, в рамках которого функционировали институты и научно-исследовательские центры на философском и других факультетах. Позднее внимание было также переключено на независимые институты и от Университета, и от Академии — Институт албанографии, Институт истории и другие. Академия должна была формировать свою деятельность как высшее учреждение науки и искусства и играть важную роль в рамках государственной организации Косово в составе Югославии⁸⁹⁸. В составе Академии было три секции: социальных наук, естественных наук и секция лингвистики, литературы и искусства.

После волнений 1981 г. научно-педагогические институты Косово были объявлены рассадниками албанского «национализма и ирредентизма», подверглись чисткам и более пристальному надзору. В частности своего поста лишился директор Института истории Косово Али Хадри (первый получивший научную степень в Приштинском университете в 1970 г.)⁸⁹⁹. Кроме того было прервано научное сотрудничество с Албанией и оказались не завершенными многие совместные научные проекты, такие как «Атлас албанских диалектов и идиом», «Энциклопедия албанских писателей» и др.⁹⁰⁰ Одновременно сербские авторы обвиняют косовские власти в вытеснении сербских преподавателей из Приштинского университета на фоне продолжающейся политики «гомогенизации края»⁹⁰¹. В 1985 г. Ассамблея Академии приняла решение о создании Архива Академии и институтов археологии и этнографии. Архив был создан, а институт археологии и этнографии не удалось создать из-за политического давления, тенденций к разделению Академии по этническому признаку во второй половине 1980-х г. и по бюджетным причинам на фоне ухудшающегося положения югославской экономики⁹⁰².

Дальнейшая история взаимодействия властей и институций, формирующих национальную память в Крае, напрямую связана с дезинтеграционными процессами Югославской федерации. С одной стороны, явно прослеживалась активность отдельных акторов, направленная на

⁸⁹⁸ Ibidem.

⁸⁹⁹ Historiku I Institutit e Historisë «Ali Hadri» Prishtinë. Instituti i Historisë «Ali Hadri» Prishtinë. URL: <https://ih-rks.org/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁹⁰⁰ Historiku. Instituti Albanologjik — Prishtinë. URL: <http://institutialbanologjik.org/index.php/2020/12/29/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁹⁰¹ Батакович Д. Т. Косово и Метохия: история и идеология / Пер. с серб. Д. Кокотович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 187–188.

⁹⁰² Historiku. Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës. URL: <http://www.ashak.org/?cid=1,3> (дата обращения: 25.05.2022).

сглаживание углов противоречий албанской и сербской общин Края, с другой — все более очевидно было стремление переформатирования исторического нарратива для использования его в обосновании современных притязаний обоих контрагентов. Все это происходило на фоне общего ухудшения экономической ситуации в стране. Отметим два характерных примера: создания «Календаря юбилейных основных исторических событий и [годовщин дней рождения] выдающихся личностей народов и народностей Косово на 1986–2000 гг.», где явно прослеживается стремление максимально полно и равномерно представить все национальные общины Края и ключевые исторические события⁹⁰³, а также активизацию полемики вокруг происхождения албанцев в конце 1970-х — начале 1980-х гг., где очевидны были стремления удревить свое пребывание в крае со стороны албанцев и подвергнуть этот фактор сомнению с сербской стороны. Важно отметить, что первая половина 1980-х гг. одинаково отрицательно оценивается обоими контрагентами, хотя, разумеется, жертвами и албанцы, и сербы Косово представляют себя.

На рубеже 1980–1990-х гг. Косово стала неотъемлемой частью переформирующегося сербского национального мифа периода восхождения С. Милошевича к власти. В данный период произошел окончательный распад общего поля памяти: были закрыты или преобразованы краевые академические центры, а новые институты начали работать над созданием гомогенного сербского или, напротив, албанского нарратива истории Косово. Рубежом можно считать последний съезд Союза историков Югославии в 1987 г., по иронии судьбы прошедшего как раз в Косово. Так в том же 1987 г. Секция общественных наук Академии наук и искусств Косово издала монографический труд И. Руговы⁹⁰⁴, а уже в следующем 1988 г. сборник трудов конференции «Жизнь и творчество В. Караджича» был опубликован только на сербо-хорватском языке, вместо запланированной публикации на двух языках⁹⁰⁵.

В ходе последующих политических изменений 1989 г. Ассамблея Академии выступила сначала с Конституционной декларацией, а затем с заявлениями в пользу защиты прав автономного Края, вплоть до орга-

⁹⁰³ AiK. Fondi Arkivor Komiteti krahinor I LK të Kosovës — Komisioni për historin e LK të Kosovës. Kalendar godišnjica istaknutih istorijskih događaja i ličnosti Kosova (1987–2000). Priština, 1986.

⁹⁰⁴ Rugova I. Refuzimi estetik. Prishtinë: Rilindja, 1987.

⁹⁰⁵ Tubimi shkencor Jeta dhe Vepra e Vuk Karaxhiqit: me rastin e 200 vjetorit të lindjes, Mbajtur më 28 tetor 1987 = Naučni skup Život i delo Vuka Karadžića: povodom 200. godišnjice rođenja, održan 28. oktobra 1987. Priština: ANUK, Odeljenje jezičkih i književnih nauka i umetnosti, 1988. 151 s.

низации референдума за независимость, организации и составление основных документов для провозглашения независимости Косово⁹⁰⁶. Помимо прямых политических действий члены Академии организовали ряд международных мероприятий, направленных на привлечение внимания к проблеме: конференции «Албанцы и Европа» в Приштине и «Албанский вопрос» (вместе с Албанской академией наук) в Тиране (опубликованной Институтом истории), два симпозиума посвященных преступлениям сербов в Косово, конференции по статусу Косово и Стратегии экономического развития Косово, а также серию встреч и конференций локального уровня⁹⁰⁷.

26 июня 1990 г. сербские власти закрыли Скупщину Косово, сославшись на особые обстоятельства, а 5 июля распустили ее решением Скупщины Сербии, переключив на Белград контроль над Краем. Было прекращено вещание на албанском языке⁹⁰⁸. С августа 1990 г. в Косово начинается функционировать система параллельного среднего образования. В 1990 г. лишился своего поста ректор Приштинского университета Э. Статовчи. В 1993 г. он был арестован. Новый ректор Р. Попович в 1993 г. так отзывался о деятельности университета до 1990 г.: «Наша первая задача заключалась в устранении ненависти ко всему, что является сербским, которая накапливалась десятилетиями [...]. Эта фабрика зла, созданная с основным намерением уничтожить Сербию и любое упоминание о ней... сейчас уничтожена благодаря скоординированным действиям правительства и сотрудников Университета [...]. Наш университет имеет своей конечной целью возрождение сербской идеи в Косово и Метохии»⁹⁰⁹.

В университете была внедрена новая политика приема студентов: теоретически предусматривающая соотношение один к одному между двумя языковыми группами, то есть по 1580 студентов очной формы

⁹⁰⁶ Historiku. Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës. URL: <http://www.ashak.org/?cid=1,3> (дата обращения: 25.05.2022).

⁹⁰⁷ Ibidem.

⁹⁰⁸ Ramet S.P. The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918–2005. Indiana University Press, 2006. P. 350–360.

⁹⁰⁹ Situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia: 5th periodic report on the situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia / Submitted by Tadeusz Mazowiecki, Special Rapporteur of the Commission on Human Rights, pursuant to paragraph 32 of Commission resolution 1993/7 of 23 February 1993 / UN. Commission on Human Rights. Special Rapporteur on the Situation of Human Rights in Bosnia and Herzegovina, the Republic of Croatia and the Federal Republic of Yugoslavia, 1993. P. 38. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/176946> (дата обращения: 25.05.2022).

обучения в каждой, начиная с начала 1991–1992 учебного года. Однако на практике албанские студенты бойкотировали обучение, в результате чего, число албанских студентов сократилось с 27 000 до нуля. Оставшиеся албаноязычные сотрудники продолжали работать, однако после полугода лет бойкота, со стороны албанской общины Края, в университете образовался избыток часов преподавания на албанском, и они были в основном уволены. Тем, кто остался, предложили часы преподавания на сербском языке, однако из-за угроз и давления со стороны собственной общины они как правило переходили в систему «параллельного образования»⁹¹⁰, где был создан «параллельный» Приштинский университет.

Таким образом, контрагенты совместно закрыли доступ к образованию на албанском языке: у государства не было сотрудников, говорящих по-албански, чтобы обучать учащихся, и не было учащихся, говорящих по-албански, желающих получать образование по программам, утвержденным в Белграде. Всего же, по оценке Организации экономического сотрудничества и развития, к 1998 г. в системе параллельного образования находилось 266 400 учащихся младшей, 58 700 — средней школы и 16 000 студентов «университета»⁹¹¹.

В условиях начала распада Федерации югославские власти прекращают финансирование Института албанологии, который теперь финансируется за счет зарубежного финансирования вплоть до 1994 г., когда полиция захватывает его здание⁹¹². В 1992 г. решением Скупщины закрывается Институт истории Косово⁹¹³. В обоих случаях албанские институты продолжили свою деятельность в частных домах в рамках функционирующей системы параллельного государства.

В 1992 г. Скупщина Сербии на основании Закона о Сербской академии наук и искусств объявила Академию наук и искусств Косово закрытой и распорядилась изъять ее собственность. Члены Академии наук и искусств Косово проигнорировали это решение и, следуя письменному

⁹¹⁰ *Kostovicova D.* Kosovo: the politics of identity and space. London, New York: Routledge, 2002. P. 44.

⁹¹¹ *Reviews of National Policies for Education: South Eastern Europe 2003. Volume 1: Albania, Bosnia-Herzegovina, Bulgaria, Croatia, Kosovo.* P. 322. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/reviews-of-national-policies-for-education-south-eastern-europe-2003_9789264100725-en#page1 (дата обращения: 25.05.2022).

⁹¹² *Historiku. Instituti Albanologjik – Prishtinë.* URL: <http://institutialbanologjik.org/index.php/2020/12/29/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁹¹³ *Historiku I Institutit të Historisë «Ali Hadri» Prishtinë. Instituti i Historisë «Ali Hadri» Prishtinë.* URL: <https://ih-rks.org/historiku/> (дата обращения: 25.05.2022).

заявлению, продолжили свою работу. В 1994 г. сербская полиция ворвалась в здание Академии, выслала академиков и уничтожила Архив и библиотеку, вынудив Академию продолжать свою деятельность в доме, который ей безвозмездно предоставил профессор университета Х. Сила в Приштине⁹¹⁴.

Резюмируя, можно с уверенностью констатировать, что албанские институты исторической политики в послевоенном Косово сыграли важную роль в развитии идеологии сопротивления позднеюгославской государственности и режиму Милошевича, чем, впрочем, не отличались от аналогичных институтов исторической политики других субъектов Федерации. Метания белградских властей в вопросе албанского образования и науки в более ранние периоды скорее сыграли роль старой обиды, пестуемой определенными кругами академического сообщества Косово, но вряд ли действительно влиятельного фактора в посттитовском Косово, как это зачастую преподносят сербоязычные авторы.

⁹¹⁴ Historiku. Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës. URL: <http://www.ashak.org/?cid=1,3> (дата обращения: 25.05.2022).

Пилько Надежда Сергеевна

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ СЛОВЕНИИ НАКАНУНЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Аннотация. В конце 1980-х гг. Социалистическая республика Словения переживала период становления новой демократической идеологии. Новые веяния, идеи и стремления захватывают передовые слои интеллигенции, которая начинает активно включаться в процессы, происходящие в стране. Критике подвергаются складывавшиеся на протяжении четырех десятилетий принципы югославского федерализма. Новое звучание приобретают укрепившиеся в 1970-е гг. идеи децентрализации и конфедерализма, носители которых все громче и громче заявляли о необходимости комплексного реформирования государственного устройства.

Процесс идеологической трансформации затрагивал и словенских коммунистов, главную роль в котором играет лидер Союза коммунистов Словении (СКС) Милан Кучан. В это же время происходит раскол в СКС. Старые партийцы выступают резко против обновления партии. Знаковым событием становится XI конгресс СКС, который прошел под лозунгом «Европа сейчас!».

В это время начинают формироваться различные движения, которые впоследствии оформились в политические партии, принявшие участие в первых многопартийных выборах в Республике. На авансцену выходят молодые политики, которые сыграли важную роль в обретении Словенией независимости и ставшие впоследствии словенской политической элитой, главной задачей которой была интеграция в Европейский союз. Ключевыми партиями стали Словенский крестьянский союз (лидер Иван Оман), Словенский демократический союз (лидер Димитрий Рупел), а также Социал-демократический союз Словении (председатель Йоже Пучник), Словенские христианские демократы (Лойзе Петерле), объединившиеся в оппозиционную коалицию ДЕМОС, сыгравшую решающую роль в борьбе за словенскую независимость.

Ключевые слова. Словения, Югославия, идеология, многопартийная система, выборы, независимость.

Nadezhda Pilko

THE ALIGNMENT OF POLITICAL FORCES IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF SLOVENIA ON THE EVE OF THE DECLARATION OF INDEPENDENCE

Abstract. In the late 1980s. Socialist Republic of Slovenia was going through a period of formation of a new democratic ideology. New trends, ideas and aspirations captured the advanced layers of the intelligentsia, which began actively engage to the processes were taking place in the country. The principles of Yugoslav federalism that had been developing for four decades were being criticized. The ideas of decentralization and confederalism, strengthened in the 1970s, were gaining a new sound, the bearers of which were louder and louder declaring the need for a comprehensive reform of the state structure. The process of ideological transformation also affected Slovenian Communists, in this process the main role is played by the leader of the League of Communists of Slovenia Milan Kučan. At the same time, there was a split in the League of Communists of Slovenia. The old party members strongly opposed the renewal of the party.

A landmark event was the XI Congress of the League of Communists of Slovenia, which was held under the slogan «Europe now!». At this time, various movements began to form, which later took shape into political parties that took part in the first multiparty elections in the Republic. Young politicians, who later played an important role in Slovenia's independence became the Slovenian political elite, whose main task was integration into the European Union, come to the forefront.

Keywords. Slovenia, Yugoslavia, ideology, multiparty system, elections, independence.

Республика Словения всегда имела свое мнение и позицию относительно того, каким она хочет видеть свое будущее в СФРЮ. Часто это видение шло вразрез с централистской политикой Тито. Приходилось отступать, но идеи оставались и будоражили умы молодежи, тех, кто был призван сменить старое поколение коммунистов с их устаревшими взглядами и закостеневшей идеологией, сопротивлявшихся всему новому и прогрессивному. После смерти Тито, идеолога и творца второй Югославии, политическая система начинает сбивать. Все громче и чаще

слышится критика складывавшихся на протяжении четырех десятилетий принципов югославского федерализма. Новое звучание приобретают укрепившиеся в 1970-е гг. идеи децентрализации и конфедерализма, носители которых заявляли о необходимости комплексного реформирования государственного устройства. В Социалистической республике Словения в это время появляются молодые политические деятели, которые стремились идти дальше и видели будущее Словении в новом свете. Среди них были Лойзе Петерле, Янез Янша, Димитрий Рупел, Игор Бавчар, Елко Качин, Райко Пирнат и др. Их объединяла критика однопартийной системы в лице Союза коммунистов Словении (СКС) и стремление к демократизации общества.

Однако более или менее открыто обсуждение создания многопартийной системы началось только в конце 1980-х гг. Первым начал двигаться в этом направлении и говорить о партийном плюрализме Крестьянский союз. Следует отметить, что пока речь не шла о партии, а только о профессиональном объединении. Вскоре представители словенской интеллектуальной элиты также сочли, что настало время для начала активной борьбы за свои свободы. Они создали «Общество словенских культурных деятелей», которое возглавил Димитрий Рупел. Однако Рупел и его коллеги понимали, что это не совсем удачное название для политической формации. Поэтому на первых порах они выбрали название «Словенский демократический союз разума» (*Slovenska demokratska zveza razuma*). Подобная формулировка была пока необходима, чтобы не привлекать лишнего внимания властей, якобы речь шла не о политическом объединении, а об организации деятелей культуры. В дальнейшем слово «разум» было просто вычеркнуто из названия⁹¹⁵. Но пока Демократический союз разума преподносился как движение, объединившее деятелей культуры, считавших необходимым создание многопартийной системы. «Если бы мы сказали, что мы — партия, то тогда отогнали бы от себя всех осторожных и напуганных людей; когда мы сказали, что мы — движение, мы кое-кого даже привлекли к себе и никого не потеряли»⁹¹⁶, — писал Рупел в своих воспоминаниях.

Союз коммунистов Словении не оставался в стороне от происходящего. Так в январе 1989 г. Милан Кучан — лидер словенских коммунистов, на заседании президиума Центрального Комитета СКС отметил, что «Союз коммунистов должен создать свою программу или политическую платформу, которая была бы привлекательной для людей; нужно модернизировать ее содержание, вид и методы работы»⁹¹⁷.

⁹¹⁵ *Rupel D.* Srečanja in razhajanja. Ljubljana: Nova revija, 2001. S.26.

⁹¹⁶ *Ibid.* S. 27.

⁹¹⁷ *Čepič Z.* Preoblikovanje slovenskega političnega prostora // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. Knj. 2. S. 1194.

Однако внутри СКС было не все так спокойно. Не все были готовы принять новые веяния. Старые члены КПС, такие как, например, Франце Попит, который до 1988 г. занимал пост председателя президиума ЦК СКС. В августе 1989 г. в своем письме руководству СКС он написал, что выходит из ЦК, поскольку не готов нести ответственность за последствия бездумного обновления СКС.

Первой партией Словении стал Словенский крестьянский союз (*Slovenska kmečka zveza*). Учредительный съезд состоялся 12 мая 1988 г. в зале отеля Унион в Любляне. Его лидером был Иван Оман, простой крестьянин из села Зминца возле г. Шкофья Лока, он не имел никаких диссидентских взглядов, однако был активным членом общества, стремившемся своими действиями улучшить положение крестьянства в стране⁹¹⁸. Может показаться странным, но он был единственным в то время политиком, который имел определенную социально-экономическую программу⁹¹⁹. Спустя три дня был образован Союз словенской крестьянской молодежи. Его возглавил Марьян Подобник. По взглядам и программе он почти не отличался от Крестьянского союза.

В начале 1989 г. возникла первая оппозиционная партия — Словенский демократический союз (*Slovenska demokratična zveza*). Ее лидером стал Д. Рупел, отмечавший, что реальная политическая деятельность началась тогда, когда он и его коллеги начали подготавливать учредительный съезд Словенского демократического союза⁹²⁰. По его словам, события развивались настолько молниеносно, что он не осознавал их судьбоносности и опасности. Съезд состоялся 11 января 1989 г. в Доме Цанкара (Цанкарьевом доме)⁹²¹. Рупел так описывал съезд: «его начало было поистине величественным. Здравлицу⁹²² пел Академический певческий хор под управлением Йоже Фюрста. Зал трепетал от воодушевления и напряжения. Это было самое мощное собрание после «суда над четырьмя». Зал был заполнен до последнего уголка»⁹²³. В своей

⁹¹⁸ Čepič Z. Preoblikovanje slovenskega političnega prostora... S. 1196–1197.

⁹¹⁹ Granda S. SLS med izročilom in sodobnostjo, med načeli in dnevno politiko // Časopis za zgodovino in narodopisje. 2001. №3–4. S. 353.

⁹²⁰ Živeti hočemo v suvereni državi slovenskega naroda. 15. obletnica izvolitve demossove vlade. Celovec: Mohorjeva družba, 2005. S. 263.

⁹²¹ Цанкарьев дом (Cankarjev dom) или Дом Цанкара один из крупнейших культурных словенских центров, где проводятся концерты и другие крупные мероприятия. Внутри расположено пять больших залов, которые носят имена известных словенских писателей. Архитектор Эдо Равникар.

⁹²² Будущий гимн Республики Словения. Стихи поэта Франце Прешерна (1800–1849). Музыка гимна написал Станко Премрл (1880–1965).

⁹²³ Rupel D. Srečanja in razhajanja... S. 31.

речи Рупел отметил, что стране «необходима жесткая оппозиция. Партия, которая контролирует саму себя — это что-то из серии приключений барона Мюнхгаузена». Кроме того, он заявил, что у словенской политики нет своей национальной программы, поэтому ее стоит создать. «Нужно продолжать то, что начала «Нова ревия» в своем 57 номере»⁹²⁴. Резко и по-новому прозвучали его слова о послевоенной истории Словении. Сделано это было в угоду словенской эмигрантской послевоенной диаспоры в США, с которой у Рупела были тесные связи и поддержкой которой он пользовался. В частности, он сказал: «некоторые имена на надгробьях стерты или нечитаемы. Мы редко посещали эти места и иногда нам путь преграждала колючая проволока. Я говорю еще о неосмысленной части истории Народно-освободительной борьбы (НОБ) и временах создания старой и новой Югославии. Говоря об этом, я подразумеваю Доломитское заявление, судилища послевоенного времени, истребление домобранцев [...] раны на словенском теле, которые появились из-за политической словенской послевоенной эмиграции. Думаю, что наш Союз может стать именно тем, что возродит известные, но очерненные в свое время предложения установить памятник всем жертвам войны, жертвам фашизма и сталинизма»⁹²⁵.

В начале 1989 г. обострились отношения с Сербией. 28 февраля произошло значимое событие, которое по всей Югославии стало известно как «Цанкарьев дом». Связано оно было с событиями в Косово, где более 1 тыс. шахтеров объявили голодовку с целью добиться возврата утерянных автономных прав. Для обсуждения сложившейся ситуации в доме Цанкара в Любляне 28 февраля 1989 г. впервые вместе собрались старые и новые представители политики. На собрании свое несогласие с действиями в отношении косовских албанцев выразили как члены Союза коммунистов Словении, так и члены Союза социалистической молодежи, поддержав бастующих в Косово. В то же время было решено не предоставлять права сербам и черногорцам провести так называемый «митинг правды» в Любляне, на котором они хотели рассказать о ситуации в крае⁹²⁶. В своем выступлении Рупел отметил, что «словенцы из собственной истории знают, что такое централизм и нарушение национальных прав. Поэтому они понимают своих сограждан из Косова как в общечеловеческом, так и политическом отношении. «Мы решительно должны пресечь политику тщеславия, полицейского и военного давления, тайных военных приказов, насилия и жертвоприношения;

⁹²⁴ Ibid. S. 33.

⁹²⁵ Ibid. S. 34.

⁹²⁶ Кириллина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб., 2011. С. 416.

политику убийств и самоубийств. Первый шаг к этому — новая конституция. Для наших представителей в Белграде предоставляется возможность пройти своего рода экзамен: пусть потребуют, чтобы каждый народ написал конституцию сам, и албанцы в том числе!»⁹²⁷. Подобная позиция недвусмысленно свидетельствовала о стремлении к независимости. Решение о запрете митинга в Любляне привело к бойкоту словенских товаров в Сербии. Иван Оман, председатель Словенского крестьянского союза, в одном из своих интервью отмечал, что собрание в Цанкарьевом доме, связанное с албанцами, «означало для нас *de facto* легализацию организованной оппозиции. Нам стало ясно, что мы можем свободно действовать»⁹²⁸. Считается, что именно после заседания в Доме Цанкара СКС признал политическую оппозицию и поддержал плюрализм.

Белград отреагировал на это собрание весьма болезненно, обвинив албанцев и словенцев в разрушении Югославии. Словения продемонстрировала нежелание участвовать на стороне Белграда в конфликтной ситуации в крае, объяснив это тем, что средства, затрачивавшиеся на его урегулирование, поступали не из бюджета Сербии, а из общегосударственного, который состоял из средств всех республик, и, следовательно, напрямую затрагивал интересы Словении, которая все активнее выражала желание интегрироваться с Западной Европой, а не тратить деньги на урегулирование внутренних проблем Сербии. Позиция Словении недвусмысленно свидетельствовала о стремлении к независимости, и это не могло не беспокоить Белград, пытавшийся сохранить целостность государства.

В феврале 1989 г. окончательно оформился Социал-демократический союз Словении (*Socialdemokratska zveza Slovenije*). Его председателем был избран Франц Томшич, затем его сменил известный югославский диссидент Йоже Пучник. В основе программы лежала идея европейской демократии и социального государства. Руководство партии стремилось дистанцироваться от понятия социализм и от марксистской идеологии. Своей целью оно провозгласило создание суверенного государства, многопартийной парламентской системы, правового государства, эффективной экономической системы, новой модели социального государства, а также защиту прав человека и природы. В целом это был набор стандартных для того времени стремлений, не предлагавших, однако, конкретных мер и действий для строительства нового государства.

⁹²⁷ *Rupel D. Srečanja in razhajanja... S. 37.*

⁹²⁸ URL: <https://siol.net/novice/slovenija/ivan-oman-o-razpadu-demosaslo-je-zahisticni-antiklerikalizem-418883> (дата обращения: 02.02.2022).

В марте 1989 г. было образовано Словенское христианско-социальное движение (Slovensko krščansko-socialno gibanje). Учредительное собрание состоялось 10 марта 1989 г. в Словенской матице. Первым председателем движения стал Петер Ковачич-Першин. Внутри движения шли споры, стоит ли его преобразовывать в партию. Стремление преобразовать движение в партию поддерживал Лойзе Петерле, редактор журнала «День третий»⁹²⁹. В начале ноября 1989 г. движение получило название Словенские христианские демократы (Slovenski krščanski demokrati). Председателем стал Петерле. В начале 1990 г. был принят так называемый статут, в котором определялась деятельность партии по всей Словении и среди словенцев за рубежом. В январе в Доме Цанкара христианские демократы провели свой первый конгресс, на котором дополнили и расширили свою программу, которая была довольно своеобразной. Исправление исторических ошибок, право на правду, открытое упоминание всех мертвых и реабилитация ошибочно осужденных, устранение идеологических препон, которые разделяли людей в Словении — все это было основными положениями программы. Особое внимание уделялось семье и материнству. Также предусматривалось обновление общественной жизни в духе демократии, изменение законодательства, деполитизация армии и полный суверенитет словенского государства. В экономике идеалом провозглашалось строительство рыночной экономики с различными видами собственности и привлечение иностранного капитала.

В начале июля 1989 г. возникло движение с экологической программой, в октябре оно получило название Зеленые Словении (Zeleni Slovenije), председателем стал Душан Плут. Они позиционировали себя как общественное и политическое движение, которое объединяет тех, кому не безразлична экология и защита окружающей среды. Их лозунгом было «Мысли глобально, действуй локально»⁹³⁰.

Восьмого мая 1989 г. Словенские оппозиционные круги собрались на Конгресном тргу (Площадь Конгресса) и выступили с так называемой «Майской декларацией» В ней говорилось, что открытая враждебность, которую в настоящее время испытывают словенцы в Югославии. Убеждает [...] в наступлении переломного момента в истории и обязывает [...] в ясной форме высказывать свою позицию [...]. Мы хотим жить в суверенном государстве словенского народа [...]. Будучи суверенным государством, мы будем самостоятельно решать вопросы о связях с югославскими и другими народами в рамках обновленной Европы»⁹³¹. Де-

⁹²⁹ Čepič Z. Preoblikovanje slovenskega političnega prostora... S. 1199.

⁹³⁰ Ibid. S. 1199.

⁹³¹ Майская декларация // Словения. Путь к независимости. Сб. документов. Отв. ред. Гуськова Е.Ю. М., 2001. С. 106.

кларацию подписали Общество словенских писателей (Društvo slovenskih pisateljev), Словенский демократический союз, Словенский крестьянский союз, Словенское христианско-социальное движение, Социал-демократический союз Словении.

Возможность проведения первых демократических и свободных выборов в Словении стала реальной благодаря принятию поправок к конституции в конце сентября 1989 г.

Уже 27 ноября 1989 г. оппозиционные организации подписали соглашение об образовании оппозиционной коалиции, получившей название «Демократическая оппозиция Словении» (Demokratska opozicija Slovenije), сокращенно ДЕМОС (DEMOS). В нее вошли шесть партий: Словенский демократический союз, Социал-демократический союз Словении, Словенские христианские демократы, Словенский крестьянский союз, Словенская торговая партия (Slovenska obrtniška stranka), Зеленые Словении. Подписание соглашения о создании оппозиционной коалиции состоялось в доме председателя Словенского крестьянского союза Ивана Омана. Однако следует отметить, что Крестьянский союз и Зеленые не сразу вошли в коалицию, это произошло несколько позднее, Крестьянский союз хотел первоначально самостоятельно выступать на выборах. В итоге председателем стал Йоже Пучник, его заместителями Д. Рупел и Л. Петерле. По словам Рупела, когда в ДЕМОС пришли крестьяне и зеленые, он понял, что победа на выборах будет за ним.

Коммунистическая партия не оставалась в стороне, переживая трансформацию. В конце декабря 1989 г. был создан внеочередной партийный конгресс под лозунгом «Европа сейчас! За европейский уровень жизни» (Evropa zdaj. Za evropsku kakovost življenja). Этот конгресс отличался от предыдущих тем, что во время церемонии открытия не был исполнен Интернационал, не был поднят и традиционный красный флаг, вместо него было использовано знамя голубого цвета с желтой пятиконечной звездой.

Свое выступление на конгрессе Кучан начал со слов: «Союз коммунистов Словении приходит на свой XI конгресс как единая коммунистическая партия власти, которая без давления демонстраций и гнева своих сограждан сделала выбор в пользу партийного плюрализма и провозгласила демократические выборы»⁹³². Кучан отметил, что это шаг к демократизации и на предстоящих выборах Коммунистическая партия может проиграть. В ходе конгресса было предложено переименовать коммунистическую партию в Социалистическую партию Словении или в Союз демократических левых.

⁹³² Delo. 23.12.1989.

В своем выступлении, которое быстро разлетелось на цитаты, Кучан отметил, что те, кто видел «в нас контрреволюцию, тем самым показал, что ему не по нраву реформы, демократия, правовое государство, защита прав человека, социальная безопасность и стабильность. Вместо всего этого они хотят вовлечь нас в бюрократическую контрреволюцию с чрезвычайно сложным отношением к правам человека и демократии». Он отметил, что страна находится на грани гражданской войны. А с «блокадой Словении, Югославия, очевидно, уже не сможет быть тем, чем она была [...]». Наш лозунг «Европа сейчас», может быть конкретизирован и дополнен: «Европа сейчас или никогда». Программа «Европа сейчас» содержала в себе 17 разделов в которых было изложено видение Союзом коммунистов Словении экономического и политического будущего словенского народа. Особо пояснялось, что лозунг «Европа сегодня» не означает стремление Словении войти в состав Европы, а означает лишь желание жить и работать в соответствии с европейскими стандартами. Союз Коммунистов Словении выступал теперь как партия общественного обновления, которая остается левой политической организацией, альтернативой в виде демократического социализма»⁹³³. Через два месяца партия обрела название: Партия демократического обновления (Stranka demokratične prenove). Конгресс принял решение программу «Европа сейчас» считать предвыборной программой партии.

Подобные действия Кучана, по всей вероятности, были направлены на опережение потенциальных соперников в борьбе за лидерство. Имея реальную власть в руках, он представил Коммунистическую партию в качестве авангарда демократизации, это позволило перетянуть на свою сторону тех, кто скептически относился к коммунистам, но не был уверен в положительном исходе демократических реформ. Кроме того, Кучан был известен в Словении как политик, не идущий на поводу Белграда и имеющий свой взгляд на будущее Словении. Своим переходом на другую сторону, он снискал себе еще больше симпатий.

Так была начата борьба за власть, в которой остальные партии не смотря на то, что вступили в борьбу значительно раньше, априори играли вторую скрипку и имели значительно меньший ресурс в отличие от коммунистической партии (это касалось всего: помещений, оргтехники, финансирования поездок, доступа к средствам массовой информации).

Оппозиция стремилась к созданию избирательной системы, которая позволила бы осуществить в Республике идею парламентской демократии. Закон о новой системе выборов был принят 27 декабря 1989 г. Но

⁹³³ Evropa zdaj. Ljubljana, 1989. S. 4.

вая избирательная система предусматривала проведение непосредственных тайных выборов по комбинированной избирательной системе. Выборы в общественно-политическое собрание проходили по так называемой пропорциональной системе. Простым большинством голосов избирались кандидаты в два оставшихся собрания республиканской скупщины⁹³⁴.

На собрании ДЕМОС-а 17 января 1990 г. была принята Декларация о словенской независимости, которую обнародовали в 95 номере журнала «Нова ревия». Рупел отмечает, что если в 57 номере они выступали в качестве заговорщиков от представителей культуры, то в 95 номере они превратились в настоящих политиков, выпуск 95 номера явился событием, которое заявило о создании равноправно борющейся оппозиции, готовившейся возглавить государство⁹³⁵. Однако, главная проблема, с которой столкнулся ДЕМОС было то, что внутри не было единства. Большинство сходилось в целях, но расходилось в видении пути их достижения. Политическое образование многих было весьма посредственным, а некоторые были недавними ярыми приверженцами прежнего режима⁹³⁶.

В 1990 г. по всей Югославии прошли первые демократические выборы. Первые многопартийные выборы в Словении состоялись 8 апреля 1990 г. В выборах приняли участие 1 241 000 избирателей. Коалиция ДЕМОС набрала 55% голосов и 126 из 240 мест в скупщине, получив право сформировать правительство. На первом заседании скупщины ее председатель Ф. Бучар отметил, что с победой демократических сил на демократических выборах в Словении закончилась гражданская война, которая продолжалась полстолетия, и что Словения стала нормальной демократической страной. Переход из одного общественно-политического лагеря в другой был сделан мирно, законным образом, и это был самый спокойный переход во всей Центральной Европе⁹³⁷.

После введения демократической системы, Словения должна была решить три первоочередные задачи: принять и начать использовать новое демократическое законодательство, ввести либеральную экономику и достигнуть национального суверенитета, оформленного в виде независимого государства.

⁹³⁴ *Курфина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении... С. 417.

⁹³⁵ *Rupel D.* Srečanja in razhajanja... S. 49.

⁹³⁶ *Granda S.* Stopanje na poti v slovensko samostojnost // Živeti hočemo v suvereni državi slovenskega naroda. Celovec: Mohorjeva založba, 2005. S. 41.

⁹³⁷ *Brazovšek M., Haček M.* Politični sistem Republike Slovenije. Ljubljana: Fakulteta za družbene zadeve. 2012. S. 43.

В мае 1990 г. состоялась встреча Й. Пучника, Тине Хрибара (одного из авторов 57 номера журнала «Нова ревия» и активного деятеля демократического движения), Петера Ямбрека (юрист, один из главных авторов текста новой словенской конституции и рьяный сторонник плебисцита о независимости) у Бучара близ о. Бохинь. Ямбрек отмечает, что эта встреча и взаимное доверие были решающими, несмотря на изменившееся положение каждого из участников встречи. Там же было принято решение о дате проведения плебисцита — 23 декабря. День был выбран не случайно. Это был канун Рождества, многие словенцы возвращались домой из заграницы, где они работали, а следовательно, могли принять участие в референдуме⁹³⁸. 28 мая состоялась встреча с М. Кучаном. Было решено принять новую конституцию на отдельном заседании Скупщины в конце июня 1990 г. Так же обсуждались вопросы, которые будут вынесены на референдум о конституции. Было два варианта: провести референдум по вопросу «Хотите ли вы, чтобы Словения стала независимым и международно-признанным государством», конституция в этом случае принималась бы автоматически или сначала провести референдум по конституции. В своих воспоминаниях Ямбрек пишет, что окончательное решение о плебисците до самого последнего момента оставалось непредсказуемым и главным камнем преткновения между теми, кто хотел, чтобы Словения стала независимым государством и теми, кто хотел видеть ее независимой частью югославской конфедерации или «асимметричной федерации». Первых поддерживали приверженцы ДЕМОС-а, вторых — представители консервативных кругов, в основном это были старые партийцы⁹³⁹.

Становление словенской многопартийной системы прошло довольно органично. Партии формировались на базе различных движений и получали свои названия традиционно принятым политическим направлениям: здесь были и демократы, и либералы, и христианские социалисты. Однако главным недостатком всех словенских политических движений того времени (оформившихся в скором времени в партии), являлось то, что ни у одного из них не было четкого видения экономического развития Республики в случае обретения независимости. За демагогией о свободе, демократии, правах человека и защите природы, скрывалась растерянность и непонимание того, как построить новое государство, как получить международное признание, и как выстроить экономику страны, стремившейся к рыночным отношениям.

⁹³⁸ *Jamberk P. Ustanovitev Slovenije. Ljubljana: Nova univerza. 2017. S. 289.*

⁹³⁹ *Ibid. S. 290.*

Смирнова Полина Евгеньевна

АГЕНТСТВО ТИКА КАК ПРОВОДНИК ПОЛИТИКИ НЕООСМАНИЗМА В ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ

Аннотация. Турецкая Республика в настоящее время проводит много-векторную политику, опираясь на негласную внешнеполитическую идеологию неосоциализма. Тоска Турции по некогда бывшему величию Османской империи заставила страну начать предпринимать активные шаги на пути укрепления своего влияния в соседних регионах. Одним из приоритетных направлений ее внешнеполитической деятельности является регион Западных Балкан. В рамках взаимодействия со странами региона особое внимание уделяется политике «мягкой» силы, которая базируется на культурном, образовательном, научном сотрудничестве. Двусторонние и многосторонние отношения в этих областях позволяют Турции создать фундамент, на котором в дальнейшем происходит углубление экономического и политического сотрудничества. Проводником политики неосоциализма в регионе Западных Балкан выступает Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Окончание Холодной войны и распад Югославии стимулировали усиление политики «мягкой силы» Турции посредством деятельности данного Агентства, которое реализовывает огромное количество проектов в странах данного региона. Выработанные стратегии и механизмы для продвижения образования, науки и культуры, экономического сотрудничества позволяют делать это довольно эффективно, способствуя укреплению имиджа Турции в регионе. При поддержке Турецкого агентства по сотрудничеству и координации за последние 30 лет было реализовано огромное количество проектов в Боснии и Герцеговине, Сербии, Косово, Республике Северной Македонии. Однако не смотря на достигнутые положительные результаты сотрудничества в рамках организации и огромной финансовой помощи, предоставляемой Турцией странам Западных Балкан, Турецкой Республике еще предстоит выработать подходящую стратегию для решения сохраняющихся узлов противоречий. Значимости региона для Турции не вызывает сомнений, однако серьезные опасения у руководства стран основываются на попытках Турции укрепить свое культурное влияние в регионе для оказания в дальнейшем политического влияния и продвижению исключительно своих интересов.

Ключевые слова. Политика неосманизма, Турция, Западные Балканы, мягкая сила Турции, Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию.

Polina Smirnova

TURKISH COOPERATION AND COORDINATION AGENCY AS A PART OF TURKEY'S NEO-OTTOMANISM POLICY IN THE WESTERN BALKANS

Abstract. Nowadays Turkey's foreign policy is based on the unspoken ideology of neo-Ottomanism. Turkey's yearning for the former power of the Ottoman Empire forced the country to make active steps towards strengthening its influence in the neighbour regions. One of the priority directions of its foreign policy is the Western Balkans region. Within the interaction with the countries of the region, special attention is paid to the policy of «soft» power, which is based on cultural, educational, scientific cooperation. Bilateral and multilateral relations in these areas allow Turkey to create a foundation on which further deepening of economic and political cooperation takes place. The Turkish Cooperation and Coordination Agency is the conductor of the neo-Ottoman policy in the Western Balkans. The end of the Cold War and the collapse of Yugoslavia stimulated the strengthening of Turkey's soft power policy through this Agency. The developed mechanisms for the promotion of education, science and culture, economic cooperation make it possible to do this quite effectively, contributing to the strengthening of Turkey's power in the region. With the support of the Turkish Agency for Cooperation and Coordination over the past 30 years, a huge number of projects have been implemented in Bosnia and Herzegovina, Serbia, Kosovo, and the Republic of North Macedonia. However, despite the positive results of cooperation and the huge financial assistance provided by Turkey to the countries of the Western Balkans, the Republic of Turkey still has to develop a suitable strategy to resolve the remaining knots of contradictions. The significance of the region for Turkey is beyond doubt, however, the serious concerns are based on Turkey's attempts to strengthen its cultural influence in the region in order to make even stronger political influence and promote its own interests.

Keywords. Neo-Ottomanism policy, Turkey, Western Balkans, Turkish soft power, Turkish Cooperation and Coordination Agency.

Турецкая Республика является одним из региональных лидеров, государством с богатой историей и культурой и огромным экономическим потенциалом. Османская империя, просуществовавшая более 600 лет и на руинах которой была образована Турецкая республика, не могла не наложить свой отпечаток на последующую историю страны. Уникальное геостратегическое положение страны, располагающейся одновременно в Европе и Азии и являющейся своеобразным мостом между Востоком и Западом, открывает возможности для Турции комбинировать как исламские, так и европейские культуры и ценности.

Турция всегда проводила активную внешнюю политику, однако можно проследить, что в последние годы идет процесс трансформации ее внешнеполитической идеологии. Особенно хорошо это стало заметно после прихода в 2002 г. к власти Партии справедливости и развития. Все больше Турецкая Республика стремится к возвращению себе некогда бывшего величия, а потому идет процесс диверсификации внешней политики страны, где особое внимание уделяется регионам, ранее входившим в состав Османской империи. Одним из приоритетных направлений в этой связи выступает регион Западных Балкан.

Политика неоосманизма, проводимая Турцией сегодня, представляет собой внешнеполитическую стратегию, целями которой являются создание надтурецкой идентичности, возвращение себе османского наследия и, безусловно, усиление Турции как регионального лидера. Как и любая идеология, неоосманизм стремится к расширению. А значит он выходит за рамки национального государства на региональный уровень. И Турция активно наращивает свое влияние в государствах Балканского полуострова.

Само понятие неоосманизма по-разному трактуется научным сообществом, но можно проследить, что всегда под этим термином подразумевается идеологический фактор. История неоосманизма уходит еще во времена Османской империи. А само понятие «османы» тесно связано с образованием тайной организации «Общества новых османов» в середине XIX века, которые ставили целью сформировать единое сообщество османских граждан. Новые османы хотели уравнивать в правах всех подданных страны⁹⁴⁰. Изначально созданная для демократизации

⁹⁴⁰ Кудряшова И.В., Матюхин В.В. Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. 2013. С. 117–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-natsionalnye-interesy-i-imperskost/viewer> (дата обращения: 14.03.2022).

и утверждения конституционных принципов, организация привела к совершенно обратному эффекту и положила начало «закабалению» народов, особенно в регионе Балкан. В то же время руководство старалось проявлять толерантность, например, религиозную. «Имея в своем составе миллионы христиан на Балканах, Порта была вынуждена, заботясь об их лояльности, разрабатывать соответствующие технологии власти и поддерживать местные религиозные, таможенные, налоговые и другие институты»⁹⁴¹.

Позднее в начале XX века Мустафа Кемаль Ататюрк выдвинул новый подход в политике страны. С момента образования Республики и почти до окончания Холодной войны так или иначе поддерживались принципы и идеи кемализма, включавшие в себя национализм, республиканизм, народность, лаицизм, этатизм и революционность. Отчетливо прослеживался курс на вестернизацию страны. Однако начиная с 1980-х годов и особенно после 1991 г. начинает вновь просматриваться консервативная тенденция. Некоторые прошлые идеи подвергаются серьезной критике, а осознание того, что помимо Запада существуют другие перспективные направления, заставляет Турцию проводить многовекторную политику с учетом большего числа региональных и мировых игроков.

Внешняя политика Турции всегда ассоциировалась с тремя идеологиями — пантюркизмом, панисламизмом и неоосманизмом. Панисламизм предполагал объединение территорий, основывающееся на религиозном признаке — исламе. Пантюркизм ставил задачу консолидировать тюркские земли. Но обе эти идеи отошли на второй план, когда появилась идеология неоосманизма. Неоосманизм — приверженность османскому прошлому. Особый интерес вызывает именно данное понятие, так как оно тесно переплетено с задачами и амбициями Турецкой республики на современном этапе. Неофициальная доктрина неоосманизма базируется на четырех принципах: крови, почвы, языка и османского мышления⁹⁴².

Понятие неоосманизм было впервые использовано Дэвидом Бэргардом в 1985 г. в книге «Turkey and the West». Но его популярность особенно возросла после появления книги А. Давутоглу «Стратегическая глубина»⁹⁴³. В ней он проводит историко-культурный анализ страны. Согласно концепции предлагаемой А. Давутоглу, Турция должна пересмотреть свою роль на международной арене и превратиться в важного

⁹⁴¹ Там же. С. 117–136.

⁹⁴² *Аватков В.А.* Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. №3. С. 71–78. [Электронный ресурс]. URL: <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/> (дата обращения 1.03.2022).

⁹⁴³ *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul. 2010.

субъекта международных отношений. Этому способствует ее географическое положение, так как она располагается на стыке регионов, соединяет Запад и Восток, Север и Юг. Согласно концепции А. Давутоглу, Турция — центральная сила и мощная региональная держава, которая имеет все ресурсы и амбиции, чтобы иметь даже не только региональное, но и мировое значение. Турция несет большую ответственность, так как обеспечивает безопасность не только в пределах своих государственных границ, но и за их пределами. Исходя из этого Турция не должна являться зависимым государством, а должна проводить самостоятельную многовекторную политику.

Именно А. Давутоглу, занимавший пост министра иностранных дел Турции с 2009 по 2014 годы, а затем пост премьер-министра с 2014 по 2016 годы, считается идеологом неоосманизма, хотя сам он не любит употреблять данное понятие, так как его определение может быть неверно истолковано.

Изначально политика неоосманизма воспринималась как вопрос безопасности страны. Но как верно заметил профессор Дарко Танаскович, самоидентификация Турции в принципе невозможна без учета Балкан. Поэтому в данном случае это не столько вопрос безопасности, сколько политика по сохранению самой сути государства⁹⁴⁴.

Особый интерес к Балканам Турция начала проявлять после окончания Холодной войны, когда запустился процесс распада Югославии. Балканы, будучи «пороховой бочкой Европы», имеют важное географическое положение, однако в то же время обладают высоким конфликтно-генным потенциалом. Являясь мостом в Европу, регион не получает достаточного количества инвестиций, имеет ряд социально-экономических проблем, а инфраструктура региона развита слабо. В совокупности с политическими проблемами и низкими темпами экономического роста, это создало предпосылки для образования вакуума в регионе, который поспешила заполнить Турецкая республика⁹⁴⁵.

Важно отметить, что в отношениях с Балканами Турция не пошла по пути Европейского союза, который использовал экономику как плацдарм для укрепления отношений и создания своей идентичности. Турция сделала ставку на культурную составляющую, которая в свою оче-

⁹⁴⁴ *Tanaskovich D.* Turkey and the Balkans: Old traditions, new Aspirations // Israel journal foreign affairs, 6:2.012. С. 53.

⁹⁴⁵ *Колот Б.* Изменение балканской политики Турции в период правления Партии Справедливости и Развития: Эффект А. Давутоглу // Исторический журнал: научные исследования. 2021. №2. С. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.2.34817. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34817 (дата обращения 10.03.2022).

редь способствует развитию экономических отношений и в итоге укреплению и политического влияния Турции в регионе. Культурные связи для Турции являются приоритетными в данном направлении. По словам И. Калына, «невозможно понять искусство, культурную, религиозную и политическую жизнь осман, не признавая колоссального вклада литераторов, ученых и политиков балканского происхождения»⁹⁴⁶.

На официальном сайте Министерства иностранных дел Турецкой республики отмечается, что Балканы сегодня — это приоритетное направление внешней политики. Целью Турции в регионе является ускорение развития сотрудничества и создание «зон общих интересов» среди стран региона. Отмечается, что Турция сама является балканской страной, что в очередной раз подчеркивает прочность географических и исторических связей с регионом⁹⁴⁷.

Политику неоосманизма Турецкая республика реализует посредством «мягкой силы», которая подразумевает не принуждение, а добровольное сотрудничество, основанное на симпатии и привлекательности⁹⁴⁸. Для Турции «мягкая сила» — это прежде всего возможность сконцентрировать все имеющиеся ресурсы в культурной и экономической областях для продвижения своих интересов за рубежом, особенно в регионе Западных Балкан. Руководство страны рассматривает проводимую политику исключительно как позитивные движения на пути укрепления связей с регионом. Несмотря на то, что культурное сотрудничество значительно укрепляет роль Турции в странах региона, для самой Турецкой республики это не является политикой, которая формирует зависимость Балкан от Турции⁹⁴⁹.

«Мягкая сила» всегда приводит к быстрым и ощутимым результатам, создает прочную базу для дальнейшего развития двусторонних и многосторонних отношений по другим направлениям. Так же использование данной политики позволяет избежать «камней преткновения», слож-

⁹⁴⁶ Daily Sabah Newspaper (2018), «What does Turkey want in the Balkans?» URL: <https://www.dailysabah.com/columns/ibrahim-kalin/2018/06/02/what-does-turkey-want-in-thebalkans> (дата обращения: 20.03.2022).

⁹⁴⁷ Relations with the Balkan Region // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs: offic. website. URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-with-the-balkan-region.en.mfa> (дата обращения 17.03.2022).

⁹⁴⁸ Nye J. *Soft Power: the means to success in world politics*. NY, 2004. 192 p.

⁹⁴⁹ Шамарина О.А. Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001–2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 494–498. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-494-498>.

ных и неразрешенных политических вопросов, способствует укреплению доверия.

Желание Турции быть региональным центром уходит корнями в далекое прошлое, во времена Османской империи, ведь страна привыкла управлять, считать себя той мощной силой, с которой считались другие европейские государства. Поэтому после распада Османской империи сразу появились идеи о реанимации державы, но после 1923 г. это стало на время невозможным из-за провозглашенного Ататюрком принципа «Мир в Турции, мир во всем мире»⁹⁵⁰. Экспансионистские настроения временно поутихли, хотя самой идее не был положен конец.

Образовавшийся после краха биполярной системы и распада Югославии вакуум в регионе оживил желание Турции взять под свой «контроль» данные территории. Турция выработала новый подход в своей внешней политике, который, как уже было отмечено, опирался не на принуждение, а на «мягкую силу». Основу «мягкой силы» в Турции составляют три кита: культура, образование и экономика. Причем важно отметить именно такую последовательность с учетом приоритетности каждого направления. Культурная сфера всегда была главным акцентом, образование вторым по значимости, а уже на базе этих двух сфер развивались и укреплялись отношения в экономической сфере.

Для реализации данного внешнеполитического курса в 1992 г. при турецком Министерстве иностранных дел было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА). Целью создания данной структуры была непосредственная координация на государственном уровне всех деятельности для объединения тюркских стран и общин. Однако Агентство реализует свои проекты не только в тюркских странах. Сегодня это важный институт, который занимается целым рядом проектов и мероприятий в таких отраслях как наука и культура, образование, торговля и экономика. Агентство стало инструментом реализации внешней политики Турции уже во многих странах мира. Если до 1995 г. оно осуществляло свою деятельность преимущественно в экономической, социальной отраслях, то сейчас акцент делается на культуре и научно-образовательном сотрудничестве. Агентство реализует свои проекты в 150 странах, имеет 62 офиса по координации программ в 60 странах. И число этих стран растет из года в год. В 1995 г. был открыт офис в Боснии и Герцеговине, в 2004 г. в Косово, в 2005 г. в Македонии, в 2010 г. в Сербии, а в 2016 г. в Хорватии. За 20 лет существования орга-

⁹⁵⁰ Дружиловский С.В. Турция: Привычка управлять [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 13.12.2005. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5965 (дата обращения 16.03.2022).

низации было реализовано более 30 тысяч различных проектов⁹⁵¹. По сути данная структура представляет собой особый механизм сотрудничества между государственным и частным секторами, различными организациями и университетами. На официальном сайте организации отмечается, что Турция является страной, предоставляющей больше всего гуманитарной помощи в мире⁹⁵².

В отчете о деятельности организации за 2021 г. можно отметить, что балканский регион занимает вторую строку в списке приоритетов после регионов Среднего Востока и Кавказа, которые разделяют первую позицию⁹⁵³.

В 1990-х годах после создания организации ее бюджет был невелик, соответственно и возможности страны были ограничены. Средств было мало ввиду имеющихся экономических проблем в Турции, а также отсутствия должного контроля за денежными средствами. Однако после прихода к власти Партии справедливости и развития в Турции начались политические и экономические преобразования, ускорилось экономическое развитие, а бюджет организации вырос в разы. Это можно проследить по отчетам Агентства о помощи в целях развития. В таком отчете за 2020 г. также отмечается, что почти 20% бюджета организации уходит на страны Балкан и Восточной Европы, а сами результаты деятельности впечатляют. Среди стран, получивших наибольшую поддержку со стороны Турции можно найти Албанию, которая располагается на второй строчке, Боснию и Герцеговину (на девятой строчке), Республику Северная Македония (на тринадцатой строчке) и Косово (на четырнадцатой строчке)⁹⁵⁴.

Согласно стратегическому плану Агентства на 2022 г. в регионе Балкан и Восточной Европы планируется увеличение числа проектов, способствующих развитию сотрудничества с 241 в 2021 г. до 350 к 2023 г. Ожидается, что к 2023 г. так же возрастет число построенных историчес-

⁹⁵¹ Турецкое агентство ТІКА: 30 лет успешных достижений. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/турецкое-агентство-tika-30-лет-успешных-достижений/2485859> (дата обращения 1.03.2022).

⁹⁵² Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Официальный сайт. URL: <https://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (дата обращения 1.03.2022).

⁹⁵³ Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Официальный сайт. URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/FAAL%20YET%20RAPORU%202021/T%20KA%202021%20C%20dare%20Faaliyet%20Raporu.pdf> (дата обращения 1.03.2022).

⁹⁵⁴ Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Официальный сайт. URL: www.tika.gov.tr/upload/sayfa/Pictures/Turkiye%20Kalk%20B1nma%20Yard%20B1mlar%202020_tr.pdf (дата обращения 1.03.2022).

ких и культурных архитектурных проектов до 50⁹⁵⁵. При этом за годы существования организация уже реализовала более 650 проектов в Косово, около 1000 в Боснии и Герцеговине и более 900 в Республике Северная Македония. Причем, что примечательно, больше половины из них за последние годы, что говорит о процессе интенсификации взаимодействия в рамках данной структуры.

Многосторонние проекты, реализуемые Турецким Агентством по сотрудничеству и координации, являются фундаментом проведения политики «мягкой силы», однако в тесной связи с Агентством работают еще два фонда, без которых невозможно говорить о проводимой политике: фонд Юнуса Эмре и фонд Маариф.

Фонд имени Юнуса Эмре — это проводник «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе Турции. Президент Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию также является членом правления Фонда Юнуса Эмре⁹⁵⁶. Фонд был создан в 2007 г., а назван в честь турецкого литератора Юнуса Эмре. Фонд занимается продвижением языка, культуры, искусства Турции. Центры турецкой культуры проводят многочисленные мероприятия, которые щедро финансируются, что способствует укреплению имиджа и привлекательности Турции за рубежом. Такие культурные центры существуют в том числе и на Балканах: именно там с 2009 по 2011 годы были открыты первые центры в Сараево, Тиране, Скопье, Приштине, Призрене.

В рамках Фонда при поддержке Агентства идет активное продвижение турецкого языка, открываются учебные курсы по тюркологии, финансируются различные проекты в сотрудничестве с университетами стран Западных Балкан, выделяется значительное финансирование на стипендии. Огромное количество жителей стран Западных Балкан проходят обучение на предоставляемых курсах. В Косово в кантонах с преобладающим мусульманским населением турецкий язык составляет конкуренцию даже английскому языку. А в Сараево, где был открыт первый культурный центр Фонда за рубежом, количество студентов уже превысило 5 тысяч человек⁹⁵⁷.

⁹⁵⁵ The official site of Turkish Cooperation and Coordination Agency (2019), «TİKA. Stratejik plan 2019–2023». URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/T%C4%B0KA%202022%20Y%C4%B1%C4%B1%20Performans%20Program%C4%B1.pdf> (дата обращения 1.03.2022).

⁹⁵⁶ Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. №2 (22). С. 116–122.

⁹⁵⁷ The official site of Yunus Emre Institute (2019), «Saraybosna Yunus Emre Enstitüsü 10'uncu Yilini Kutluyor». URL: <https://www.yeei.org.tr/tr/haber/saraybosna-yunus-emre-enstitusu10uncu-yilini-kutluyor> (дата обращения: 21.02.2020).

Несмотря на заявленные цели по развитию культурного сотрудничества, деятельность Фонда часто подвергается критике, так как Турция использует данные центры для продвижения политики неоосманизма через турецкую культуру и язык. Кроме того, среди тех, кто проходит обучение, появляется так называемое «протурецкое лобби», которое впоследствии позитивно воспринимает деятельность Турции в регионе. Таким образом созданный Фонд и подведомственные ему Центры турецкой культуры — это важный механизм лоббирования интересов страны, который активно поддерживается государством и тесно связан с Агентством ТІКА.

В 2016 г. был создан Фонд Маариф, который также является проводником политики неоосманизма Турции. Он был образован после попытки государственного переворота в Турции, когда все образовательные учреждения Ф. Полена были переданы новой структуре. Фонд Маариф занимается политикой «мягкой силы» в области образования: предоставление образовательных услуг за рубежом, вопрос стипендий, открытие учебных заведений, научные разработки. «По данным за январь 2020 г. у Фонда имеется 6 учебных заведений в Албании, 4 — в Боснии и Герцеговине, 8 — в Косово, 5 — в Северной Македонии. Школы доступны всем гражданам этих стран, но наибольший интерес они вызывают у турецких и мусульманских меньшинств»⁹⁵⁸. По данным на 2022 г. в Албании открыто уже 8 заведений, в Боснии и Герцеговине — 9⁹⁵⁹.

Таким образом, Турция создала в регионе Западных Балкан целую сеть организаций, которая занимается непосредственно культурной и образовательной деятельностью и которая включает в себя Агентство ТІКА, Фонд Юнуса Эмре и Фонд Маариф. Они создают прочный плацдарм для продвижения интересов Турции за рубежом и укрепления связей с государствами региона.

В рамках религиозной дипломатии было создано управление по делам религии (Диянет), которое занимается финансированием мечетей и публикацией исламской литературы на языках региона. Диянет работает и над продвижением учебной литературы в регионе. Что примечательно, Балканские страны готовы принимать помощь со стороны Турции, если она не связана тесно с политическими противоречиями⁹⁶⁰.

⁹⁵⁸ Свистунова И.А. Балканская политика Турции: роль этно-конфессиональных меньшинств // Современная Европа. 2020. №4. С. 69.

⁹⁵⁹ The official site of Turkish Maarif Foundation (2020), «Dünyada Türkiye Maarif Vakfı». URL: <https://turkiyemaarif.org/page/553-dunyada-maarif-16> (дата обращения: 27.02.2020).

⁹⁶⁰ Свистунова И.А. Балканская политика. С. 68.

Вышеперечисленные институты успешно функционируют, создавая привлекательный имидж Турции за рубежом. Огромное количество проектов было реализовано под эгидой Агентства ТІКА в различных областях. Турция старается поддерживать тесные связи со всеми странами Западных Балкан вне зависимости от религиозного фактора. Это позволяет оказывать большее влияние на регион, продвигая там свои интересы.

В Северной Македонии, Турецкое агентство по координации и развитию реализовало более 900 проектов в сфере образования, здравоохранения, инфраструктуры и так далее. Агентство ТІКА взяло на себя обязательства по реконструкции мемориального дома отца Ататюрка Али Ризы Эфенди в Северной Македонии.

Представительство ТІКА в Белграде, которое было открыто 26 октября 2009 г., за годы существования проработало огромное количество проектов, из которых больше трети приходится на улучшение инфраструктуры.

«ТІКА также реализует в Сербии проекты, целью которых является защита общего культурного наследия. В частности, проводятся реставрационные работы в крепости Рам, возраст которой составляет почти тысячу лет. Она была построена в 1438 г. во времена правления султана Баязида II»⁹⁶¹.

Также в Сербии был создан Балканский институт тюркологических исследований. Главной задачей Института является изучение общего прошлого и будущего Балканских государств, а также правильная подача исламского наследия. Раз в год в одной из стран проходит Международный Балканский конгресс, механизм, запущенный по инициативе турецкой стороны.

«Турция создала два международных университета в Боснии и Герцеговине, в Сараево и его пригороде – Илидже, университеты в Тиране и Скопье, технический университет в Приштине»⁹⁶².

Регулярно открываются новые культурные центры, научно-аналитические организации. Большое внимание уделяется науке, медицине, благотворительности, образованию.

В Черногории ТІКА профинансировало строительство медресе недалеко от Подгорицы, которое стало первой мусульманской религиозной школой в стране после 1918 г.⁹⁶³

⁹⁶¹ Турция по линии ТІКА реализовала в Сербии 233 проекта. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/общество/турция-по-линии-tika-реализовала-в-сербии-233-проекта-/930754> (дата обращения: 27.02.2020).

⁹⁶² Глазова А.В. Политика Турции на Западных Балканах // Проблемы национальной стратегии. 2013. №2 (17). С. 30.

⁹⁶³ Там же.

В Боснии и Герцеговине Агентство восстановило историческое медресе XVIII века визиря Османской империи Ибрагима Паши. Медресе находится в городе Травник, откуда родом были многие османские чиновники. Два минарета были разрушены в 1918 г. и Агентство провело работы по их восстановлению в первоначальном виде.

Особое внимание организация уделяет реставрации и возведению мечетей. Преимущественно речь идет об османских постройках в регионе Балкан. В 2010 г. было принято решение о финансировании памятников османской архитектуры на территории республики Северной Македонии, Боснии и Герцеговины, Косово, пострадавших во время боевых действий в 1990-х годов.

«В тесном взаимодействии с органами местного самоуправления в мусульманской части Боснии турецкие архитекторы с 2007 г. работают над восстановлением построенного в XVI в. моста через реку Дрина близ Вышеграда (на эти цели Министерство культуры Турции выделило 7 млн евро). Ранее турецкое правительство выделило средства и на восстановление моста в г. Мостар, внесённого в список ЮНЕСКО»⁹⁶⁴.

Таким образом, Турция в полной мере реализует свою политику в отношении Балкан в соответствии со стратегией неоосманизма. Культурная экспансия, имеющая приоритет перед экономическим и политическим сотрудничеством, позволяет Турции превратить приоритетное геополитическое пространство в зону своего влияния и при необходимости оказывать давление. Проводником «мягкой силы» Турции является Турецкое агентство по сотрудничеству и координации, действующее во всех странах Западных Балкан. Агентство не только позволяет укреплять имидж Турции за рубежом и усиливать влияние в регионе, оно также вносит свой вклад в сохранение культурного наследия стран, где реализует свои инициативы.

Для самой Турции это безусловно является вопросом преемственности и идентичности, поэтому можно говорить о том, что подобного рода сотрудничество больше отражает интересы самой Турции, нежели ее партнеров. Помимо опасений руководства стран из-за возможного политического давления Турции на регион, вопросы вызывают действия Турции и у христианского населения, так как активная культурная политика с опорой на религиозные ценности может составлять угрозу формирования «исламского коридора» на Балканах. Такие действия могут восприниматься как угроза стабильности и безопасности в регионе.

Однако амбиции Турции достаточно велики. Еще в 2009 г. во время своего визита в Сараево А. Давутоглу сказал, что османская эпоха на Балканах была временем процветания и это время надо вернуть. И Турция планомерно идет на пути к реализации своих целей.

⁹⁶⁴ Там же. С. 30.

ОТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ
«КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ
И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА В.Г. КАРАСЕВА»

25 февраля 2022 г. на историческом факультете МГУ состоялась международная научная онлайн-конференция — научные чтения «Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева», организованная кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ и Институтом славяноведения РАН.

Виктор Георгиевич Карасев (2.02.1922–10.11.1991) — заслуженный деятель науки, профессор, доктор исторических наук, известный историк-славист, с 1973 по 1991 гг. — заведующий кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Конференция прошла в дистанционном формате, что обеспечило широкий доступ участников и слушателей. Доклады представили преподаватели и аспиранты исторического факультета МГУ, ученые из Института славяноведения РАН, сотрудники университетов, ведущих научно-исследовательских институтов и музеев Иваново, Калининграда, Самары, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Тюмени и Республики Сербия. Всего в конференции приняли участие 45 человек.

На Открытии научных чтений к участникам с приветствиями обратились заведующий кафедрой истории южных и западных славян, исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.и.н. Г.Ф. Матвеев, директор Института славяноведения РАН, д.и.н. К.В. Никифоров и первый заместитель генерального директора информационного агентства «Интерфакс», к.и.н. В.К. Терехов. Выступающие поделились своими воспоминаниями о В.Г. Карасеве, отметили его вклад в университетское славяноведение и организацию славистических форумов.

На пленарном заседании было заслушано 5 докладов: Известная сербская исследовательница доктор Латинка Перович в докладе «Мои личные и профессиональные воспоминания о Викторе Георгиевиче Карасеве» дала высокую оценку трудам профессора Карасева, посвященным русско-сербским связям и отношениям в XIX в., а также охарактеризовала становление и развитие научной школы ученого. Руководитель

отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра РАН, профессор, д.и.н. Ю.П. Аншаков и в.н.с. Институт славяноведения РАН, д.и.н. В.И. Косик рассказали о той значительной роли, которую сыграли консультации с В.Г. Карасевым в их научных изысканиях, а доц. Московского государственного университета геодезии и картографии, к.и.н. Е.А. Карасева свой доклад «Карасёвское «Подворье» в Москве» посвятила истории югославянских контактов В.Г. Карасева и формированию научной библиотеки ученого. Сотрудничеству и научным контактам В.Г. Карасева с его югославским коллегой посвятила свой доклад «Исследователи русско-сербских связей Виктор Георгиевич Карасев и Витомир Вулетич: 30 лет сотрудничества и дружбы» доц. кафедры истории южных и западных славян, к.и.н. Л.В. Кузьмичева.

Работа конференции продолжилась в трех тематических секциях.

В первой секции «Мир ученых-славистов. Источники и историография» (руководители: З.С. Ненашева, О.А. Дубовик) было заслушано 13 докладов.

Проблемам становления славяноведения в СССР в 1960–1980-х гг. были посвящены 6 докладов: доц. кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, к.и.н. З.С. Ненашева посвятила свой доклад «Кафедра славян начала 1960-х: “Принципиальные или вынужденные шестидесятники”?» ответу на вопрос, кем же были слависты 1960–1970-х гг. по духу и убеждениям, и как на этих интеллектуалах, неординарных личностях, высочайших профессионалах и просто замечательных людях сказалось время. Марней Л.П. с.н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. в докладе «Неизвестные страницы истории славяноведения в России: планы реорганизации Института славяноведения АН СССР во второй половине 1960-х гг.» сообщила как в 1968 г. главный редактор журнала «Советское славяноведение» И.И. Костюшко направил письма секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву и в Отделение истории АН СССР о состоянии научно-исследовательской работы в Институте славяноведения АН СССР и предложение о создании на его основе Института истории европейских социалистических стран. Профессор Ивановского государственного университета, д.и.н. Д.И. Польшванный в докладе «Учителя и ученики. Научные поколения кафедры истории южных и западных славян МГУ в 1970-е гг.» констатировал, что это был период расцвета кафедры истории южных и западных славян во многом благодаря сочетанию опыта старшего поколения профессуры, прочной институционализации кафедры, активной научной деятельности «среднего поколения» и развития аспирантуры, лучшие выпускники которой пополнили кафедру. В докладах доц. кафедры истории южных и западных славян, истори-

ческого факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н. В.С. Путятина «Иван Драгович Очак: судьба на фоне эпохи» и в.н.с., к.и.н. Дома русского зарубежья К.В. Сак «Даже если я стану доктором наук...»: кафедра на фоне обсуждения докторской диссертации Л.П. Лаптевой» представлены ранее неизвестные факты из научных биографий сотрудников кафедры истории южных и западных славян МГУ. Зав. отделом истории славянских народов Центральной Европы в новое время Института славяноведения РАН, д.и.н. Б.В. Носов в докладе «Польские историки — специалисты по истории XVIII в. — гости кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ» исследовал характер научных связей российских и польских ученых, когда гостями Московского университета были выдающиеся польские ученые и показал, что важную роль со стороны кафедры в совместной работе с польскими коллегами, в установлении не только деловых, но и теплых дружеских отношений сыграли профессор Г.Ф. Матвеев и Х.Х. Хайретдинов.

Источниковедческая часть работы первой секции была представлена докладами: доц. кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н. И.Е. Ивановой «Времена Омер-паши в историческом романе И. Андрича «Омер-паша Латас», ведущего научного сотрудника Российского этнографического музея, к.и.н. А.А. Михайловой «Славянское наследие Всероссийской этнографической выставки 1867 г.: исторический контекст и современность (на примере памятников этнографии Черногории)», зав. кафедрой новой и новейшей истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, д.и.н. М.В. Белова «Черновая запись И.И. Срезневского о поездке в Черногорию (1841 г.) в фонде РГАЛИ» и зав. отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН, д.и.н. Т.В. Волокитиной «Русский дипломат Л.В. Урусов об участии Болгарии в Первой мировой войне. Дневники 1914–1917 гг.».

В историографическом разделе секции были представлены три доклада: с.н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. М.М. Фролова в докладе «Развенчивая мифы историографии... Русские, болгары и румыны при овладении Раховым (9 ноября 1877 г.)» доказала, что Рахов не был взят с боя, что румынские войска вошли в город только после того, как его оставил турецкий гарнизон, а взаимоотношения болгар с русскими не были однозначно позитивными. В докладе старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН, к.и.н. К.А. Кочегарова «Польские историки на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. (по материалам архива профессора А. Гейштора)» констатировал, что XIII Международный конгресс исторических наук стал

примером обоюдного плодотворного сотрудничества историков СССР и ПНР настолько, насколько это было возможно в идеологических и политических условиях существовавшей социалистической системы и продолжавшейся Холодной войны. А.А. Силкин к.и.н., с.н.с. Института славяноведения РАН в докладе «Мирослав Йованович о «реставрационных идеях» в современной сербской историографии» обратился к анализу творчества известного сербского ученого, который исследовал несколько «реставрационных идей» — от «святосавской», предполагающей «прямую связь и преемственность между «славной» средневековой сербской историей и самовосприятием современных сербов», до четнической «равногорской», подразумевающей разрыв с социалистическим прошлым и возвращение к буржуазно-монархическим ценностям.

Во второй секции «Южные и западные славяне в новое время» (руководители: Л.В. Кузьмичёва, Л.Ю. Пахомова) были заслушаны и обсуждены 11 докладов, посвященных актуальным проблемам изучения новой истории западных и южных славян.

Истории западных славян в секции были посвящены два доклада: Аспирантка Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Н.Р. Белова в докладе «Образ ада в сочинениях чешских иезуитов побелогорской эпохи» представила всестороннюю характеристику изученных ею источников. Цели, которые преследовали авторы исследуемых ею сочинений, рассматривались в связи с насильственной рекатолизацией Чешских земель после битвы у Белой горы 1620 г. Научный сотрудник Института славяноведения РАН, к.и.н. О.С. Каштанова в докладе «Проблемы развития высшего образования в Царстве Польском в 1815–1830 гг. Варшавский университет» подробно охарактеризовала источники финансирования, профессорско-преподавательский состав и направления деятельности Варшавского университета в период до восстания 1830 г.

Истории южных славян в секции были посвящены 9 докладов: с.н.с. Института славяноведения, к.и.н. К.В. Мельчакова в докладе «“Народное образование — святое дело”. Как герцеговинец Пичета оказался в России» на основе открытых ею архивных источников реконструировала обстоятельства приезда в Россию и обучения в духовной семинарии и академии Йована Пичеты, отца Владимира Пичеты — основателя кафедры истории южных и западных славян. Профессор Белградского университета (Сербия) др. Сузана Раич в докладе «Серборусские отношения накануне майского переворота и после него (1902–1903 гг.) проанализировала основные направления в историографии изучения обстоятельств прихода к власти в 1903 г. Петра Карагеоргиевича и отношения к этому событию российских властей». Ст. научный

сотрудник Институт славяноведения, к.и.н. РАН Л.Ю. Пахомова в докладе «Славянская» тема в деятельности Г.С. Веселитского (1880-е гг.) представила неизвестные ранее материалы о деятельности Г.С. Веселитского — корреспондента «Нового времени» в Австро-Венгрии, и «Московских ведомостей» в Берлине. В деятельности Веселитского значительное место занимала «славянская» тема. Доц. кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н. Хлебникова В.Б. в докладе «Русские предприниматели и Черногорское княжество-королевство в начале XX в.: попытки наладить торговое и промышленное сотрудничество» проанализировала усилия российских промышленников и предпринимателей выйти на черногорский рынок. Ст. научный сотрудник Института славяноведения РАН, к.и.н. Кирилина Л.А. в докладе «Словенские либералы в первой половине 1880-х гг. Эластики и радикалы» провела сопоставление программ и активной деятельности двух главных направлений в словенской политической жизни. Профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, д.и.н. Я.В. Вишняков в докладе «Сербия начала XX века. Выбор пути: между Веной и Петербургом» охарактеризовал основные историографические проблемы в изучении становления нового курса Сербского государства после прихода к власти Петра Карагеоргиевича. Автор подчеркнул, что процесс вхождения в современное европейское общество зависит не только от темпов изменения экономики, политики, быта, культуры, но и от их сбалансированности, умения руководителей государства своевременно вносить коррективы как во внутреннюю, так и во внешнюю политику. Ст. научный сотрудник Института славяноведения РАН Ю.В. Лобачёва в докладе «“На службе у народа и отечества”. Общественно-патриотическая деятельность сербских женщин в последней четверти XIX — начале XX в.» рассказала о создании и функционировании женских общественных организаций в Сербии, остановившись на особенностях включения женщин в общественную и политическую жизнь независимого сербского государства. Анализу основных направлений в модернизации сербской столицы посвящён доклад соискателя кафедры истории южных и западных МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.О. Сорожкиной «Модернизационные процессы на Балканах на примере сербской столицы (1878–1914 гг.)». В 1878 г. Сербия окончательно стала независимым государством, что рождало необходимость модернизации традиционных элементов действительности. Белград как столица государства первым испытывал на себе попытки всестороннего реформирования. Мл. научный сотрудник Институт славяноведения РАН Л.К. Новосельцева в докладе «Апостолы сербства»: стили лидерства в национальном движении сербов монархии Габсбургов во

второй половине XIX в.» представила новаторскую и оригинальную схему-модель классификации политических лидеров австрийских сербов. В докладе представлена эволюция стилей лидерства в условиях борьбы за преобразование сербской церковно-школьной автономии в национально-политическую.

В третьей секции «Славянские народы и их соседи в новейшее время» (руководители: Г.Ф. Матвеев, Д.В. Родин) 12 представленных докладов были посвящены становлению и функционированию славянских государств в XX — начале XXI в. Обсуждались проблемы международных связей славянских государств, их взаимоотношения с соседними странами. Особое внимание уделялось идеологическим конструкциям в политической жизни стран социалистического «лагеря».

П.В. Мошечков, н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. в докладе «Образование автономной Чешско-Словацкой армии во Франции (1916–1918 гг.)» основной акцент сделал на изучении документов Чешско-Словацкого национального совета в Париже, его Отделения для России и Генерального штаба чешско-словацких войск, отложившихся в фондах Военно-исторического архива г. Праги. и материалов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, а также опубликованные в первом томе сборника «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920)». Ст. научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, к.и.н. Е.Н. Емельянова в докладе «Советско-польская война 1920 г.: неудавшаяся попытка разрушения Версальской системы» на базе архивных документов и последних исследований российских историков рассмотрела борьбу различных политических сил в Европе по вопросу советско-польской войны, роль Коминтерна в событиях 1920 г., разногласия по тактическим вопросам в руководящих кругах Польши и большевистской партии, позицию европейской социал-демократии. Научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории, исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н. Д.В. Родин в докладе «Лига наций и Петричский инцидент 1925 г.» пришел к выводу, что пограничный конфликт между греческими и болгарскими войсками у города Петрич стал одним из наиболее острых проявлений «македонского вопроса» в межвоенный период. Профессор Философского факультета Белградского университета др. А.Ю. Тимофеев, научный советник Института новейшей истории Сербии (Республика Сербия) представил доклад «Деятельность Роллана Аббиа в Белграде в 1933–1937 гг. по организации агентурной сети НКВД в Королевстве Югославии». На основании новых источников рассмотрена деятельность ресторатора, разведчика и ликвидатора в столице Королевства Югославии: открытие ресторана высокой

кухни «Маленький Париж» для дипломатов, используемого как центр получения информации, контакты с Земгором, внедрение в среду эмигрантов. Начальник отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов Российского государственного архива новейшей истории Т.А. Джалилов в докладе «Пражская весна» и судьба экономической реформы в Чехословакии и Венгрии» пришел к выводу, что начало «нормализации» в ЧССР четко обозначило ту границу в развитии политической демократизации социалистического общества, выйти за которую советское руководство не могло позволить. Однако это вовсе не означало, что в Москве отказывались видеть накопившиеся проблемы в экономиках стран народной демократии и блокировали любые попытки системного подхода к их разрешению. А.Б. Едемский с.н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. представил доклад «Динамика исследования и перспективы дальнейшего изучения советско-югославского конфликта конца 1940-х — начала 1950-х гг.: узловые и спорные проблемы, «белые пятна», новые источники и подходы». Автор остановился на лакунах в современной историографии проблемы. К настоящему времени остаются недостаточно изученными предыстория конфликта, отсутствует его бесспорная четкая общепринятая периодизация; по-прежнему сохраняется акцент на начальные его стадии и недостаточное освещение событий после так называемой второй резолюции Коминформа по «югославскому вопросу». Б.С. Новосельцев с.н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. в докладе «Югославия как лиминальное политическое пространство в международных отношениях в период холодной войны» отметил, что в 1950–1960-е гг. Югославия, в условиях периодических конфликтов с Советским Союзом, не просто складывавшегося сотрудничества с западными странами и проведения политики неприсоединения, превратилась в специфическое политическое пространство, «серую зону» в Европе, не относящуюся в полной мере ни к Глобальному Востоку, ни к Западу, но, по задумке руководства страны, тяготеющую к Глобальному Югу. А.С. Аникеев с.н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. в докладе «Внешняя политика Югославии в 1950–1960-е гг. в работах сербских историков» проанализировал труды сербских историков конца XX — начала XXI века Д. Богитича, М. Милкича, Л. Димича, А. Животича, Д. Трипковича, в работах которых на новых архивных материалах внешняя политика СФРЮ рассматривается в контексте становления и развития политики неприсоединения. Доц. кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, к.и.н. Е.А. Колосков в докладе «Рассадники ирредентизма»: албанские институты исторической политики в послевоенной Македонии и Косово (1944–1991 гг.)» отметил, что формирование инсти-

тутов исторической памяти албанцев на территории Югославии в послевоенный период прошло несколько стадий и являлось отражением сложного и противоречивого процесса связанного, как с внутриполитической борьбой в стране, с подозрением относящимся к неславянскому населению, в целом, и к албанцам, в особенности, так и с происходившими на Балканах изменениями, связанными с международными процессами, — в первую очередь, — с холодной войной и ее отражением в регионе. Доц. Антропошколы Тюменского государственного университета Ph. D. in Sociology М.Ю. Ломоносов, в докладе междисциплинарного характера «Тоска по Отчизне или одержимость политической жизнью? Диаспоральные этно-исторические мифы и распространение национализма в Албании (в XIX — первой половине XX в.)» опираясь на опубликованные биографии, мемуары и произведения десятков эмигрантов, архивные свидетельства и методы сравнительно-исторической социологии показал, что в XIX — начале XX вв. диаспоры и общины экспатриантов служили важными каналами распространения «культурного артефакта» (модели) национального сообщества и государства в полупериферийные и периферийные страны мир-системы. Доклад с.н.с. Института славяноведения РАН, к.и.н. Н.С. Пилько «Расстановка политических сил в Социалистической Республике Словения накануне провозглашения независимости» посвящен формированию политических партий в Словении накануне провозглашения независимости. Особое внимание уделено XI конгрессу СКС, который прошел под лозунгом «Европа сейчас!». Прослеживается процесс создания первой словенской коалиции ДЕМОС. В докладе аспирантки кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России П.Е. Смирновой «Агентство ТИКА как проводник политики неоосманизма в Западных Балканах» освещается деятельность Турецкого агентства по сотрудничеству и координации в регионе Западных Балкан в рамках концепции неоосманизма. Делается вывод о значимости региона и перспективах дальнейшего развития сотрудничества посредством деятельности Агентства.

При подведении итогов конференции был отмечен высокий научный уровень докладов, демонстрирующих не только введение в научный оборот новых источников, но и новые методологические подходы к изучению истории южных и западных славян.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникеев Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, dav_bowie@rambler.ru.

Аншаков Юрий Петрович — доктор исторических наук, профессор, руководитель отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 443001, Россия, Самарская область, г. Самара, Студенческий пер., 3а, yuri.anshkov@mail.ru.

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 310, below_mihail@imomi.unn.ru, ORCID ID: 0000-0002-4395-028X.

Белова Наталья Руслановна — аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, thenatusik@yandex.ru.

Богомолова Дарья Константиновна — аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, bogomolova.dasha@gmail.com.

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, tanyaslav@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-4239-017X.

Волостнова Наталья Владимировна — в 1967–2017 гг. работала в МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1973–1983 гг. — ученый секретарь Исторического факультета, с 1983 г. научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян.

Горина Людмила Васильевна — доктор исторических наук, профессор.

Емельянова Елена Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, 119333, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 3, e.n.emelyanova@mail.ru.

Иванова Ирина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП–1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13–14, iva53@inbox.ru.

Карасева Елена Александровна — кандидат исторических наук, г. Москва.

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, kirilina.ljuba@ Rambler.ru, ORCID 0000-0001-5272-8077.

Колосков Евгений Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, Санкт-Петербург, 191060, ул. Смольного 1/3, eakoloskov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8123-2924.

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, kosikvictor@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9947-6126.

Костяшов Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта, 236041, Россия, Калининградская обл., Калининград, ул. Александра Невского, 14, ikostyashov@kantiana.ru, ORCID: 0000-0002-9732-0187.

Кузьмичева Людмила Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП–1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, kuzmiceva3@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7671-6492.

Марней Людмила Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32А, mlss@bk.ru, ORCID: 0000-0001-6770-959X.

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП–1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, gformatveev@yandex.ru.

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991,

Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, kmelchakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6011-5841.

Михайлова Алена Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ведущей категории ФГБУК Российского этнографического музея, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1, alena-muzej@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7457-2309.

Мошечков Петр Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, pmoshechkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0036-2306.

Ненашева Зоя Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, bonner2@yandex.ru.

Новосельцев Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, bnovoseltsev@yandex.ru ORCID 0000-0002-4271-9780.

Носкова Альбина Федоровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, noskova.albina@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9629-5648.

Пахомова Лидия Юрьевна – кандидат исторических наук, независимый исследователь, lydia.pakhomova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4050-3425.

Перович Латинка – доктор исторических наук (Республика Сербия).

Пилько Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32 а, nbg2005@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1600-8563.

Польвянный Дмитрий Игоревич – доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, Россия. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, dipol53@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3680-5508.

Путятин Владимир Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломо-

носова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, putatin@mail.ru.

Путятина Ирина Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, 119333, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 3, antze1984@mail.ru.

Раич Сузана — доктор исторических наук, профессор Отделения истории философского факультета Университета Белграда (Сербия), srajic@f.bg.ac.rs.

Смирнова Полина Евгеньевна — аспирант кафедры всемирной и отечественной истории факультета международных отношений, преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76, psbery@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9444-1058.

Сорожкина Юлия Олеговна — соискатель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, yulyasorozhkina@gmail.com.

Тимофеев Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Отделения истории философского факультета Университета Белграда (Сербия), научный советник Института новейшей истории (Белград, Сербия), al.timofev@gmail.com, Чика-Льубина 18–20, Београд 11000.

Хлебникова Варвара Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13–14, istfilos@gmail.com.

THE AUTHORS

Anatoly Anikeev – Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospekt, 32A, Moscow 119334, Russian Federation, dav_bowie@rambler.ru.

Yurii Anshakov – Grand Ph. D. in History, Professor, Head of the Department of History and Archaeology, Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Samara region, Samara, Studenchesky lane, 32 a.

Mikhail Belov – Grand Ph. D. in History, Associate Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History, N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod, 603005, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanov St., 2, lecture-hall 310, belov_mihail@imomi.unn.ru, ORCID ID: 0000-0002-4395-028X.

Natalia Belova – Postgraduate student, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 27, Bldg. 4, Lomonosov Avenue, Moscow, 119991, Russia, thenatusik@yandex.ru.

Daria Bogomolova – Postgraduate student, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 27, Bldg. 4, Lomonosov Avenue, Moscow, 119991, Russia, bogomolova.dasha@gmail.com.

Tatiana Volokitina – Grand Ph. D. in History, Chief Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia, tanyaslav@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-4239-017X.

Natalia Volostnova – from 1967 to 2017 worked at Lomonosov Moscow State University. From 1973 to 1983. – as a Scientific Secretary of the Faculty of History, from 1983 as a Researcher at the Department of History of Southern and Western Slavs.

Lyudmila Gorina – Grand Ph.D. in History, Professor.

Irina Ivanova – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Department of Slavic Languages and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory, 1, pp. 13-14, iva53@inbox.ru.

Elena Karaseva – Ph. D. in History, Moscow.

Liubov Kirilina – Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 32 a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia, kirilina.ljuba@rambler.ru, ORCID 0000-0001-5272-8077.

Evgenii Koloskov – Ph. D. in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, Russia, 191060, Smolny St. 1/3, eakoloskov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8123-2924.

Viktor Kosik – Grand Ph.D in History, Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 32 a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia, kosikviktor@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9947-6126.

Yury Kostyashov – Grand Ph. D. in History, Professor at the Institute of Education and Humanities, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Kaliningrad oblast, 14, Aleksandr Nevskogo str. ikostyashov@kantiana.ru, ORCID: 0000-0002-9732-0187.

Lyudmila Kuzmicheva – Ph. D. in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow, GSP-1, 27, Lomonosovsky Prospekt, Bldg. 4, kuzmicheva3@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7671-6492.

Lyudmila Marney – Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 32 a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia, mlss@bk.ru, ORCID: 0000-0001-6770-959X.

Gennadiy Matveev – Grand Ph. D. in History, Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Bldg. 4, gformatveev@yandex.ru.

Ksenia Melchakova – Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospekt, 32 a, Moscow, 119334, Russian Federation, kmelchakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6011-5841.

Alena Mikhaylova – Ph. D. in History, Leading researcher, Russian Museum of Ethnography, 191186, Russia, St. Petersburg, Engineering St. 4/1, alena-muzej@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7457-2309.

Petr Moshechkov – Ph. D. in History, Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospekt, 32 a, Moscow, 119334, Russian Federation, pmoshechkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0036-2306.

Zoya Nenasheva – Ph. D. in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow, GSP-1, 27, Lomonosovsky Prospekt, Bldg. 4, bonner2@yandex.ru.

Boris Novoseltsev – Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospekt, 32 a, Moscow,

119334, Russian Federation, bnovoseltsev@yandex.ru ORCID 0000-0002-4271-9780.

Albina Noskova – Grand Ph. D. in History, Chief Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky Prospect, 32 a, Moscow, 119334, Russian Federation, noskova.albina@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9629-5648.

Lidia Pakhomova – Ph. D. in History, Researcher, lydia.pakhomova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4050-3425.

Latinka Perović – Grand Ph. D. in History, Republic of Serbia.

Nadezhda Pilko – Ph. D. in History, Senior Researcher, Institute of Slavic studies, Russian Academy of Sciences, Russia, 119991, Moscow, Leninsky prospekt, 32 a, nbg2005@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1600-8563.

Dmitry Polyvyanny – Grand Ph. D. in History, Professor, Head of Scientific and Educational Centre for Integration of Science and Education, Ivanovo State University, Russia, 153025, Ivanovo, Ermaka St., 39, dipol53@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3680-5508.

Vladimir Putyatin – Ph. D. in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow, GSP-1, 27, Lomonosovsky Prospekt, Bldg. 4, putatin@mail.ru.

Irina Putyatina – Ph. D. in History, Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 119333, Russia, Moscow, Dmitrii Ulyanov St., 3, antze1984@mail.ru.

Suzana Rajić – Grand Ph. D. in History, Professor at the Department of History, Faculty of Philosophy, University of Belgrade (Serbia), srajic@f.bg.ac.rs.

Polina Smirnova – Postgraduate student of the Department of World and National History, Faculty of International Relations, Lecturer, Department of Near and Middle East Languages, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Russia, Moscow, Vernadsky prospect, 76, psbery@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9444-1058.

Yulia Sorozhkina – Candidate, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 27, Bldg. 4, Lomonosov Avenue, Moscow, 119991, Russia, yulyasorozhkina@gmail.com.

Aleksey Timofeev – Grand Ph. D. in History, Professor at the Department of History, Faculty of Philosophy, University of Belgrade (Serbia), Research Ad-

visor at the Institute for Contemporary History (Belgrade, Serbia), al.timofev@gmail.com, Čika Ljubina, 18–20, Belgrade, 11000.

Varvara Khlebnikova – Ph. D., Associate Professor, Department of Regional Studies, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Moscow State University, istfilos@gmail.com.

Научное издание

Труды исторического факультета МГУ, вып. 233

Серия II: Исторические исследования, 161

Историки-слависты МГУ: Книга 15

Ключевые проблемы истории
южных и западных славян в новое и новейшее время
(к 100-летию профессора В.Г. Карасева)

Отв. редакторы:

Г.Ф. Матвеев, О.А. Дубовик, Л.В. Кузьмичева

Электронная вёрстка:

А.Ю. Степаненко

Формат 60×90/16. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Объём 26 печ. л. Уч.-изд.л. 20,93. Тираж 500 экз.

Отпечатано: 141221, Московская обл.,
Пушкинский р-н., Черкизово,
ул. Зеленской, д. 5/1